ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

Виленская Публичная
Библіотека и Музей Края

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

Высочайше Педагогическ
Библіотека

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ.

1833.

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.
ТОМЪ IV.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ II ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Г. 1238 – 1247.

Бодрость Ярослава. Свойства Георгія. Освобожденіе Смоленска. Междоусобія. Батый опустошаетъ южную Россію. Красота Кіева. Великодушіе гражданъ. Осада и взятіе Кіева. Состояніе Россіи. Причина успѣховъ Батыевыхъ. Свойства и оружіе Моголовъ. Происшествія въ западной Россіи. Спесь Венгерскаго Короля. Слава Александра Невскаго. Россія въ подданствѣ Моголовъ. Кончина и свойства Ярослава. Убіеніе Михаила. Даніилъ чествимый въ Ордѣ. Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ. Политика Даніилова. Даніилъ Король Галицкій.

Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами. Въ такихъ обстоятельствахъ Государь чувствительный могъ бы возненавидѣть власть; но сей Князь хотѣлъ славиться дѣятельностію ума и твердостію души, а не мягкосердечіемъ. Онъ смотрѣлъ на повсемѣстное опустошеніе не для того, чтобы проливать слезы, но Бодрость Ярослава.

чтобы лучшими и скорѣйшими средствами загладить слѣды онаго. Надлежало собрать людей разсѣянныхъ, воздвигнуть города и села изъ пепла — однимъ словомъ, совершенно обновить Государство. Еще на дорогахъ, на улицахъ, въ обгорѣлыхъ церквахъ и домахъ лежало безчисленное множество мертвыхъ тѣлъ: Ярославъ велѣлъ немедленно погребать ихъ, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живыхъ предметы; ободрялъ народъ, ревностно занимался дѣлами гражданскими, и пріобрѣталъ любовь общую правосудіемъ. Возстановивъ тишину и благоустройство, Великій Князь отдалъ Суздаль брату Святославу, а Стародубъ Іоанну. Народъ, по счастливому обыкновенію человѣческаго сердца, забылъ свое горе; радовался новому спокойствію и порядку; благодарилъ Небо за спасеніе еще многихъ Князей своихъ[1]; не зналъ, что Россія уже лишилась главнаго сокровища государственнаго: независимости — и слезами искренняго умиленія оросилъ гробъ Георгіевъ, перевезенный изъ Роспова въ Владиміръ[2]. Георгій въ безразсудной надменности

Г. 1239. Свойства Георгія.

допустилъ Татаръ до столицы, не взявъ никакихъ мѣръ для защиты Государства; но онъ имѣлъ добродѣтели своего времени: любилъ украшать церкви, питалъ бѣдныхъ, дарилъ Монаховъ — и граждане благословили его память.

Ко славѣ Государя попечительнаго о бла-

гъ народномъ Великій Князь присоединилъ и славу счастливаго воинскаго подвига. Липовцы, обрадованные бѣдствіемъ Россіи, завладѣли большею частію Смоленской области: Ярославъ, разбивъ ихъ, плѣнилъ Князя Липовскаго, освободилъ Смоленскъ и посадилъ на тамошнемъ престолѣ Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившаго прежде въ Новѣгородѣ[3].

Освобожденіе Смоленска.

Между тѣмъ Князья южной Россіи, не имѣвъ участія въ бѣдствіяхъ сѣверной, издали смотрѣли на оныя равнодушно, и думали единственно о выгодахъ своего особеннаго властолюбія. Какъ скоро Ярославъ выѣхалъ изъ Кіева, Михаилъ Черниговскій занялъ сію столицу, оставивъ въ Галичѣ сына, Ростислава, который, нарушивъ миръ, овладѣлъ Даніиловымъ Перемышлемъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Даніилъ воспользовался отсутствіемъ Ростислава, ходившаго со всѣми Боярами на Литву; нечаянно обступилъ Галичъ; подъѣхалъ къ стѣнамъ, и видя на нихъ множество стоящаго народа, сказалъ: «Граждане! доколѣ вамъ терпѣть «державу Князей иноплеменныхъ? не я ли «вашъ Государь законный, нѣкогда вами любимый?» Всѣ отвѣтствовали единодушнымъ восклицаніемъ: «ты, ты нашъ отецъ, «Богомъ данный! иди: мы твои!» Воевода Ростислава и Галицкій Епископъ Арѳемій хотѣли удержать народъ, но не могли, и должны были встрѣтить Даніила, скры-

Междоусобія.

вая внутреннюю досаду подъ личиною приворнаго веселія. Никогда въ семъ городѣ, славномъ мятежами, измѣнами, злодѣйствами, не являлось зрѣлища сполъ умилительнаго: граждане, по выраженію Лѣтописца, *стремились* къ Даніилу *какъ пчелы къ матк*ѣ, *или какъ жаждущіе къ источнику водному*, поздравляя другъ друга съ Княземъ любимымъ. Даніилъ принесъ благодарность Всевышнему въ Соборной церкви Богоматери, поставилъ свою хоругвь на Нѣмецкихъ воротахъ, и восхищенный знаками народнаго усердія, говорилъ, что никто уже не отниметъ у него Галича. Свѣдавъ о происшедшемъ, Роспиславъ бѣжалъ въ Венгрію, будучи женихомъ Королевны, Белиной дочери; а Бояре Галицкіе упали къ ногамъ Даніиловымъ. Рѣдкое милосердіе сего Князя не испощилось ихъ злодѣяніями; онъ сказалъ только: «исправшесь!» и надѣялся великодушіемъ обезоружить мятежниковъ. Въ самомъ дѣлѣ они усмирились; но тишина, возстановленная Даніиломъ въ сихъ упомленныхъ междоусобіями странахъ, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходилъ изъ Россіи единственно для того, чтобы овладѣть землею Половцевъ. Знаменитѣйшій изъ ихъ Хановъ, Котянъ, тесть храбраго Мстислава Галицкаго, былъ еще живъ, и мужественно противился Татарамъ; наконецъ, разбитый въ степяхъ Астраханскихъ, искалъ убѣжища въ Венгріи, гдѣ

Король, принявъ его въ подданство съ 40,000 единоплеменниковъ, далъ имъ земли для селенія[4]. Покоривъ окрестности Дона и Волги, полны Батыевы вторично явились на границахъ Россіи; завоевали Мордовскую землю, Муромъ и Гороховецъ, принадлежавшій Владимірскому храму Богоматери. Тогда жители Великаго Княженія снова обезпамятѣли отъ ужаса; оставляя домы свои, бѣгали изъ мѣста въ мѣсто, и не знали, гдѣ найти безопасность. Но Батый шелъ громить южные предѣлы нашего отечества. Взявъ Переяславль, Татары опустошили его совершенно. Церковь Св. Михаила, великолѣпно украшенная серебромъ и золотомъ, заслужила ихъ особенное вниманіе: они сравняли ее съ землею, убивъ Епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Черниговъ, славный мужествомъ гражданъ во времена нашихъ междоусобій. Сіи добрые Россіяне не измѣнили своей прежней славѣ и дали отпоръ сильный. Князь Мстиславъ Глѣбовичь, двоюродный братъ Михаиловъ, предводительствовалъ ими. Бились отчаянно въ полѣ и на стѣнахъ. Граждане съ высокаго вала разили непріятелей огромными камнями. Одержавъ наконецъ побѣду, долго сомнительную, Татары сожгли Черниговъ, по хотѣли отдыха, и черезъ Глуховъ отступивъ къ Дону, дали свободу плѣненному ими Епископу Порфирію. Симъ знакомъ отлич-

Батый опустошаетъ южную Россію.

наго милосердія они хотѣли, кажется, обезоружить наше Духовенство, ревностно возбуждавшее народъ къ сопротивленію. — Князь Мстиславъ Глѣбовичь спасъ жизнь свою и бѣжалъ въ Венгрію".

Уже Батый давно слышалъ о нашей древней столицѣ Днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ людей торговыхъ. Она славилась не только въ Византійской Имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ: ибо Арабскіе Историки и Географы говоряпъ объ ней въ своихъ твореніяхъ[6]. Внукъ Чингисхана, именемъ Мангу, былъ посланъ осмотрѣть Кіевъ: увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра, и, по словамъ Лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ онаго. Живописное положеніе города на крутомъ берегу величественной рѣки, блестящія главы многихъ храмовъ, въ густой зелени садовъ, — высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми врапами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художествомъ Византійскимъ въ счастливые дни Великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился итти за Днѣпръ: сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ), и хотѣлъ лестію склонить жителей столицы къ подданству. Битва на Калкѣ, на Сити, — пепелъ Рязани, Владиміра, Чернигова и столь многихъ иныхъ городовъ, сви-

Г. 1240.

Красота Кіева.

дѣпельствовали грознуго силу Моголовъ: дальнѣйшее упорство казалось безполезнымъ; но честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка. Кіевляне все еще съ гордостію именовали себя старшими и благороднѣйшими сынами Россіи: имъ ли было смиренно преклонить выю и пребовать цѣпей, когда другіе Россіяне, гнушаясь уничиженіемъ, охотно гибли въ битвахъ? Кіевляне умертвили Пословъ Мангу-Хана и кровію ихъ запечатлѣли свой обѣтъ не принимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе Князя: Михаилъ Всеволодовичь, предвидя месть Тапаръ, бѣжалъ въ Венгрію, въ слѣдъ за сыномъ своимъ[7]. Внукъ Давида Смоленскаго, Ростиславъ Мстиславичь, хотѣлъ овладѣть престоломъ Кіевскимъ; но знаменитый Даніилъ Галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ Моголовъ: видѣлъ, что храбрость малочисленныхъ войскъ не одолѣетъ столь великой силы, и рѣшился, подобно Михаилу, ѣхать къ Королю Венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ сихъ жестокихъ варваровъ. Надлежало оставить въ столицѣ Вождя искуснаго и мужественнаго: Князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ оную Боярину Димитрію.

Великодушіе гражданъ.

Осада и взятіе Кіева.

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ споронъ облегла Кіевъ. Скрыпъ безчисленныхъ телегъ, ревъ вельблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію Лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ[8]. — Димитрій бодрствовалъ и распоряжалъ хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ Татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми Воеводами Могольскими; что знатнѣйшіе изъ нихъ суть Гаюкъ (сынъ Великаго Хана), Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы), Орду, Каданъ, Судай-Багадуръ, побѣдитель Ніучей Китайскихъ, и Бастырь, завоеватель Казанской Болгаріи и Княженія Суздальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ Ляпскимъ, къ коимъ примыкали дебри: тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и Кіевляне спали грудью пропшвъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: «стрѣлы омрачили «воздухъ; копья трещали и ломались;» мертвыхъ, издыхающихъ попирали ногами. Долго остервененіе не уступало силѣ; но Татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины Россійскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной, и ночью укрѣ-

пивъ оную тѣномъ, снова ждали непріятеля; а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спаспи города! однакожь не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить люпаго Батыя о поцадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ опечествомъ и Вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы запруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ Моголы отдыхали на развалинахъ стѣны: упромъ возобновили оное, и сломили бренную ограду Россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ Св. Владиміра, и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары доспигли храма Богоматери, но усплали путь своими трупами; схватили мужествепнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ Воеводѣ Россійскому: «дарую тебѣ жизнь!» Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для опечества.

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гра-

жданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія, нѣкогда знаменитая столица, *мать градовъ Россійскихъ*, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины[9] въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для Россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ коспи Св. Владиміра? Башый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ Князей. Оспался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая.... Первое великолѣпное зданіе Греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный, былъ сокрушенъ до основанія: послѣ, изъ развалинъ онаго, воздвигли новый, и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго[10]. — Лавра Печерская имѣла туже участь. Благочестивые Иноки и граждане, усердные къ святынѣ сего мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его: Моголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища, и снявъ *златокованный* крестъ съ главы храма, разлсмали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими[11]. Если вѣришь Лѣтописцамъ XVII вѣка, что первобытное строеніе Лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же по-

вѣспвуюпъ, чпо нѣкоторые Иноки Печерскіе укрылись опъ меча Бапыева и жили въ лѣсахъ; чпо среди развалинъ монасныря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ, куда сіи пуспынники собирались иногда оппправлять службу Божесппвенную, извѣщаемые о шомъ унылымъ и пропяжнымъ звономъ колокола.

Бапый — узнавъ, чпо Князья южной Россіи находятся въ Венгріи — пошелъ въ область Галицкую и Владимірскую; осадилъ ѓородъ Ладыжинъ[12], и не умѣвъ двѣнадцапью орудіями разбипь крѣпкихъ спѣнъ его, обѣщалъ помиловапь жипелей, если они сдадупся. Несчасппные ему повѣрили, и ни одинъ изъ нихъ не оспался живъ: ибо Тапары не знали правилъ чеспи, и всегда, обманывая непріяпелей, смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ, гдѣ господспвовалъ другъ Михаиловъ, Изяславъ Владиміровичь, внукъ Игоревъ, Тапары опсспупили съ неудачею опъ Кременца, Данилова города; но взяли Владиміръ, Галичь и множесппво иныхъ городовъ. Великодушный Воевода Кіевскій, Димипрій, находился съ Бапыемъ, и сокрушаясь о бѣдспвіяхъ Россіи, предспавлялъ ему, чпо время оспавипь сію землю, уже опуспошенную, и воевапь богапое Государспво Венгерское; чпо Король Бела еспь непріяпель опасный и гоповипъ рапь многочисленную; чпо надобно предупредипь его, или онъ всѣми силами ударипъ на Моголовъ. Бапый, уваживъ

совѣтъ Димитріевъ, вышелъ изъ нашего отечества, чтобы злодѣйствовать въ Венгріи: такимъ образомъ сей доспойный Воевода Россійскій и въ самомъ плѣнѣ своемъ умѣлъ оказать послѣднюю, важную услугу несчастнымъ согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣнная народная независимость погибли для нихъ на долгое время: по крайней мѣрѣ они могли возвратиться изъ лѣсовъ на пепелище испребленныхъ жителъствъ; могли предать землѣ кости милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновленныхъ ихъ общимъ усердіемъ, молиться Всевышнему съ умиленіемъ. Вѣра поржествуетъ въ бѣдствіяхъ, и смягчаетъ оныя.

Состояніе Россіи.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа, прибавляютъ: «Батый какъ люотый звѣрь по-
«жиралъ цѣлыя области, терзая когтями
«остатки. Храбрѣйшіе Князья Россійскіе
«пали въ битвахъ; другіе скитались въ зе-
«мляхъ чуждыхъ; искали заступниковъ ме-
«жду иновѣрными и не находили; славились
«прежде богатствомъ, и всего лишились.
«Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ гла-
«зами растоптанныхъ конями Татарскими,

«а дѣвы о своей невинности: сколь многія «изъ нихъ, желая спасти оную, бросались «на острый ножъ или въ глубокія рѣки! «Жены Боярскія, не знавшія трудовъ, все- «гда украшенныя златыми монистами и оде- «ждою шелковою[13], всегда окруженныя тол- «пою слугъ, сдѣлались рабами варваровъ, «носили воду для ихъ женъ, мололи жерно- «вомъ, и бѣлыя руки свои опаляли надъ «очагомъ, готовя пищу невѣрнымъ... Жи- «вые завидовали спокойствію мертвыхъ.» Однимъ словомъ, Россія испытала тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою Имперіею отъ временъ Ѳеодосія Великаго до седьмаго вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области[14]. Варвары дѣйствуютъ по однимъ правиламъ, и разнствуютъ между собою только въ силѣ.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успѣховъ. Напрасно новые Историки говорятъ о превосходствѣ Моголовъ въ ратномъ дѣлѣ[15]: древніе Россіяне, въ теченіе многихъ вѣковъ воюя или съ иноплеменниками или съ единоземцами, не уступали какъ въ мужествѣ, такъ и въ искусствѣ употреблять людей, ни одному изъ тогдашнихъ Европейскихъ народовъ. Но дружины Князей и городà не хотѣли соединиться, дѣйствовали особенно, и весьма естественнымъ образомъ не могли устоять противъ полумилліона Батыева[16]: ибо сей завоева-

Причина успѣховъ Батыевыхъ.

тель безпрестанно умножалъ рапь свою, присоединяя къ ней побѣжденныхъ. Еще Европа не вѣдала искусства огнестрѣльнаго, и неравенство въ числѣ воиновъ было тѣмъ рѣшительнѣе. Батый предводительствовалъ цѣлымъ вооруженнымъ народомъ: въ Россіи жители сельскіе совсѣмъ не участвовали въ войнѣ, ибо плодами ихъ мирнаго трудолюбія питалось Государство и казна обогащалась. Земледѣльцы, не имѣя оружія, гибли отъ мечей Татарскихъ какъ беззащитныя жертвы: малочисленные же ратники наши могли искать въ битвахъ одной славы и смерти, а не побѣды. Впрочемъ Моголы славились и храбростію, вселенною въ нихъ умомъ Чингисхана и сороколѣтними побѣдами[17]. Не получая никакого жалованья, любили войну для добычи; перевозили на волахъ свои кибитки и семейства, женъ, дѣтей, и вездѣ находили отечество, гдѣ могло пастися ихъ стадо[18]. Въ свободное отъ человѣкоубійства время занимались звѣриною ловлею: видя же непріятеля, безчисленныя толпы сихъ варваровъ какъ волны спремились одна за другою, чтобы со всѣхъ сторонъ окружить его, и пускали тучу стрѣлъ, но удалялись отъ ручной схватки, жалѣя своихъ людей, и спараясь убивать враговъ издали. Ханы и главные начальники не вступали въ бой: стоя назади, разными маяками давали повелѣнія, и не стыдились иногда общаго бѣгства; но

Свойство и оружіе Моголовъ.

смертію наказывали того, кто бѣжалъ одинъ и ранѣе другихъ. Стрѣлы Моголовъ были весьма остры и велики, сабли длинныя, копья съ крюками, щиты ивовые или сплетенные изъ прутьевъ[19].

Въ то время, какъ сіи губители свирѣпствовали въ южной Россіи, ея Князья находились въ Польшѣ. Король Венгерскій, видя Михаила изгнанникомъ, не хотѣлъ выдать дочери за его сына, и велѣлъ имъ удалиться. Даніилъ, гоповый тогда ѣхать къ Белѣ IV, имѣлъ случай оказать свое великодушіе: убѣдилъ Великаго Князя, Ярослава, освободить жену Михаилову, еще до нашествія Батыева плѣненную имъ въ Каменцѣ; возвратилъ ее супругу, и забывъ вражду, обѣщалъ навсегда уступить ему Кіевъ, если благость Всевышняго избавитъ Россію отъ иноплеменниковъ; а Роспиславу отдалъ Луцкъ. Чтобы въ общей опасности дѣйствовать согласнѣе съ Белою, Даніилъ, прибывъ въ Венгрію, изъявилъ намѣреніе вступить съ нимъ въ свойство, и сына своего, юнаго Льва, женить на дочери Королевской; но спесивый Бела отвергнулъ сіе предложеніе, думая, что Батый не дерзнетъ идти за Карпатскія горы, и что несчастіе Россійскихъ Княженій есть счастіе для Венгріи: мысль ума слабаго, внушаемая обыкновенно взаимною завистію Державъ сосѣдственныхъ! Предсказавъ Королю гибельное слѣдствіе такой системы, Даніи-

Происшествія въ западной Россіи.

Спесь Короля Венгерскаго.

илъ спѣшилъ защитить свое Княженіе, но поздно: толпы бѣглецовъ извѣстили его о жалостной судьбѣ Кіева и другихъ нашихъ городовъ знаменитыхъ. Уже Татары стояли на границѣ. Даніилъ, окруженный малочисленною дружиною, искалъ убѣжища въ землѣ Конрадовой: тамъ нашелъ онъ супругу, дѣтей и брата, которые едва могли спастися отъ меча варваровъ; вмѣстѣ съ ними оплакалъ бѣдствіе отечества, и слыша о приближеніи Моголовъ, удалился въ Мазовію, гдѣ Болеславъ, сынъ Конрадовъ, далъ ему на время Вышегородъ, и гдѣ Даніилъ съ Васильком̀ъ оставались до самаго того времени, какъ Батый вышелъ изъ юго-западной Россіи. Получивъ сію утѣшительную вѣсть, они возвратились въ отечество; не могли отъ смрада въѣхать ни въ Брестъ, ни въ Владиміръ, наполненный трупами, и рѣшились жить въ Холмѣ, основанномъ Даніиломъ близъ древняго Червена, и, къ счастію, уцѣлѣвшемъ отъ Могольскаго разоренія. Сей городокъ, населенный отчасти Нѣмцами, Ляхами и многими ремесленниками, среди пепла и развалинъ всей окрестной страны казался тогда очаровательнымъ, имѣя веселые сады, насажденные рукою его основателя, новыя зданія и церкви, имъ украшенныя (въ особенности церковь Св. Іоанна, поставленную на четырехъ, искусно изваянныхъ головахъ человѣческихъ, съ мѣднымъ помостомъ и съ

Римскими спеклами въ окнахъ). Какъ бы слѣдуя указанію Неба, сполъ чудесно защищившаго сіе пріятное мѣспо, Даніилъ назвалъ Холмъ своимъ любимымъ городомъ, и подобно Ярославу, Суздальскому Великому Князю, неупомимо спарался воскресишь жизнь и дѣяпельноспь въ областяхъ юго-западной Россіи. Ему надлежало не полько вызвапь людей изъ лѣсовъ и пещеръ, гдѣ они скрывались, но и сражапься съ буйноспію легкомысленныхъ Бояръ, которые думали, чпо внукъ Чингисхановъ опуспошилъ наше Государспво для ихъ пользы, и чпо имъ наспало время царспвовапь. Воевода Дрогичинскій не впуспилъ Князя въ сей городъ, а Бояре Галицкіе хопя и называли Даніила своимъ Государемъ, однакожь самовольно повелѣвали областями, явно надъ нимъ смѣялись, присвоили себѣ доходы опъ соли Коломенской, упопребляемые обыкновенно на жалованье пакъ называемымъ Княжескимъ *Оружникамъ*, и пайно сносились съ Михаиловымъ сыномъ, Роспиславомъ. Долго бѣгавъ опъ Тапаръ изъ земли въ землю, Михаилъ, ограбленный Нѣмцами близъ Сирадіи, возвращился въ Кіевъ, и жилъ на оспровѣ пропивъ развалинъ сей древней сполицы, послав сына въ Черниговъ. Онъ уже не помнилъ благодѣяній шурина, и спарался ему злодѣйспвовапь. Роспиславъ хопѣлъ овладѣпь Бакопою въ Понизьѣ; былъ опраженъ Даніиловымъ Печашникомъ, но

Віцебскі Педагагічны
Інстытут імя С. М. Кірава

занялъ Галичь и Перемышль. Сполъ мало Князья Россійскіе научились благоразумію въ несчастіяхъ, съ безсмысленнымъ власполюбіемъ споря между собою о бѣдныхъ осшапкахъ Государсшва расперзаннаго! Не смошря на измѣны Бояръ и двухъ Епископовъ, Галицкаго и Перемышльскаго, друзей Михаилова сына; не смопря на изнуреніе своего Княжесшва и малочисленносшь войска, большею часшію испребленнаго Тапарами, Даніилъ смирилъ мяшежниковъ и непріяшелей; изгналъ Роспислава изъ Галича и плѣнилъ его союзниковъ, Князей Болоховскихъ, прежде облагошворенныхъ имъ и Васильком. Досшойно замѣчанія, чшо сіи Князья умѣли спасши ихъ землю опъ хищносши Башыевой, обязавшись сѣять для Тапаръ пшеницу и просо. — Въ по же время оскорбленный Поляками Даніилъ осаждалъ и взялъ бы Люблинъ, если бы жишели не испросили у него мира. Возспановивъ свою Державу, онъ ждалъ съ бсзпокойсшвомъ, куда обрашишся ужасная гроза Башыева. Еще нѣкопорые опряды Моголовъ не выходили изъ Россіи, довершая завоеваніе воспочныхъ Удѣловъ Черниговскихъ, и Князь Мспиславъ, попомокъ Свяпослава Ольговича Сѣверскаго, былъ умерщвленъ Тапарами[20].

Слава Александра Невскаго.

Одинъ Новгородъ осшался цѣлъ и невредимъ, благословляя милосшь Небесную и счасшіе своего юпаго Князя, Александра Ярославича, одареннаго необыкновеннымъ раз-

умомъ, мужествомъ, красотою величественною и крѣпкими мышцами Самсона. Народъ смотрѣлъ на него съ любовію и почтеніемъ; пріятный голосъ сего Князя *гремѣлъ какъ труба* на Вѣчахъ[21]. Во дни общихъ бѣдствій Россіи возникла слава Александрова. Достигнувъ лѣтъ юноши, онъ женился на дочери Полоцкаго Князя Брячислава, и празднуя свадьбу, готовился къ дѣламъ ратнымъ; велѣлъ укрѣпить берега Шелони, чтобы защитить Новогородскую область отъ внезапныхъ нападеній Чуди, и старался окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что миръ въ сіи времена общихъ разбоевъ не могъ быть продолжителенъ.

Ливонскіе Рыцари, Финны и Шведы были непріятелями Новагорода. Первые сдѣлались тогда гораздо сильнѣе и для Россіянъ опаснѣе: ибо лишася Магистра своего, Вольквина, и лучшихъ сподвижниковъ въ несчастной битвѣ съ Литвою, присоединились къ славному Нѣмецкому Ордену Св. Маріи. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ достопамятномъ братствѣ. Когда Государи Европейскіе, подвигнутые и славолюбіемъ и благочестіемъ, вели кровопролитныя войны въ Палестинѣ и въ Египтѣ; когда усердіе вѣрныхъ Святыя мѣста ежегодно влекло полны людей изъ Европы въ Іерусалимъ: многіе Нѣмецкіе Витязи, находясь въ семъ городѣ, составили между собою братское об-

щество, съ намѣреніемъ покровительство-
вапь памъ своихъ единоземцевъ, бѣдныхъ
и недужныхъ, служипь имъ деньгами и ме-
чемъ, — наконецъ быпь защипниками всѣхъ
богомольцевъ и неупомимыми врагами Са-
рациновъ. Сіе общесшво, въ 1191 году у-
швержденное Папскою Буллою, назвалося Ор-
деномъ Св. Маріи Іерусалимской, и Рыцари
его ознаменовали бѣлыя свои мантіи чер-
нымъ крестомъ, давъ торжесшвенный обѣтъ
цѣломудрія и повиновенія начальникамъ. Ве-
ликій Магисшръ говорилъ всякому новому
сочлену: «Если вспупаешь къ намъ въ об-
«щесшво съ надеждою весши жизнь покой-
«ную и пріяшную, по удалися, несчасш-
«ный! ибо мы шребуемъ, чшобы шы оп-
«рекся опъ всѣхъ мірскихъ удовольсшвій,
«опъ родсшвенниковъ, друзей и собсшвен-
«ной воли: чшожь въ замѣну обѣщаемъ пе-
«бѣ? хлѣбъ, воду и смиренную одежду. Но
«когда придушъ для насъ времена лучшія,
«шогда Орденъ сдѣлаешъ шебя учасшникомъ
«всѣхъ своихъ выгодъ.» Сіи лучшія времена
наспали: Орденъ Св. Маріи, переселясь въ
Европу, былъ уже сшоль знаменишъ, чшо
Великій Магисшръ его, Германъ Зальца,
могъ судишь Папу, Гонорія III, съ Импера-
шоромъ Фридерикомъ II[22]; завоевалъ Прус-
сію — ревносшно обращая ея жишелей въ
Хрисшіансшво, т. е. огнемъ и мечемъ —
принялъ Ливонскихъ Рыцарей подъ свою за-
щишу, далъ имъ Магисшра, одежду, правила

Ордена Нѣмецкаго, и наконецъ слово, что ни Липовцы, ни Датчане, ни Россіяне уже не будутъ для нихъ опасны.

Въ сіе время былъ Магистромъ Ливонскимъ нѣкто Андрей Вельвенъ, мужъ опытный и добрый сподвижникъ Германа Зальцы[23]. Желая, можетъ быть, прекратить взаимныя неудовольствія Ливонскихъ Рыцарей и Новогородцевъ, онъ имѣлъ свиданіе съ юнымъ Александромъ: удивился его красотѣ, разуму, благородству, и возвратясь въ Ригу, говорилъ, по словамъ нашего Лѣтописца: «я «прошелъ многія страны, знаю свѣтъ, людей «и Государей, но видѣлъ и слушалъ Алексан- «дра Новогородскаго съ изумленіемъ.» Сей юный Князь скоро имѣлъ случай важнымъ подвигомъ возвеличить свою добрую славу.

Король Шведскій, досадуя на Россіянъ за частыя опустошенія Финляндіи, послалъ зятя своего, Биргера, на ладіяхъ въ Неву къ устью Ижеры, съ великимъ числомъ Шведовъ, Норвежцевъ, Финновъ[24]. Сей Вождь опытный, доволѣ счастливый, думалъ завоевать Ладогу, самый Новгородъ, и велѣлъ надменно сказать Александру: «ра- «боборствуй со мною, если смѣешь; я «стою уже въ землѣ твоей.» Александръ не изъявилъ ни страха, ни гордости Поламъ Шведскимъ, но спѣшилъ собрать войско; молился съ усердіемъ въ Софійской церкви, принялъ благословеніе Архіепископа Спиридона, опершись на прагъ слезы умиленія

сердечнаго, и вышедши къ своей малочисленной дружинѣ, съ веселымъ лицемъ сказалъ: «насъ не много, а врагъ силенъ; но «Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ «вашимъ Княземъ!» Онъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ Ярослава, отца своего; самые Новогородскіе воины не успѣли всѣ собраться подъ знамена: Александръ выступилъ въ поле, и 15 Іюля приближился къ берегамъ Невы, гдѣ стояли Шведы. Тамъ вспрѣпилъ его знатный Ижерянинъ, Пелгуй, начальникъ приморской спражи, съ извѣстіемъ о силѣ и движеніяхъ непріятеля. Здѣсь современный Лѣтописецъ разсказываетъ чудо. Ижеряне, подданные Новогородцевъ, большею частію жили еще въ идолопоклонствѣ; но Пелгуй былъ Христіанинъ, и весьма усердный. Ожидая Александра, онъ провелъ ночь на берегу Финскаго залива во бдѣніи и молитвѣ. Мракъ исчезъ, и солнце озарило необозримую поверхность тихаго моря; вдругъ раздался шумъ: Пелгуй содрогнулся, и видитъ на морѣ легкую ладію, гребцевъ *одѣянныхъ мглою* и двухъ лучезарныхъ Витязей въ ризахъ червленныхъ. Сіи витязи совершенно походили на Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба, какъ они изображались на иконахъ, и Пелгуй слышалъ голосъ старшаго изъ нихъ: «помо«жемъ родственнику нашему Александру!» По крайней мѣрѣ такъ онъ сказывалъ Князю о своемъ видѣніи и предзнаменованіи

сполъ счастливомъ[25]; но Александръ запретилъ ему говорить о томъ, и какъ молнія устремился на Шведовъ. Внезапность, быстрота удара привела ихъ въ замѣшательство. Князь и дружина оказали рѣдкое мужество. Александръ собственнымъ копіемъ *возложилъ печать на лице* Биргера. Витязь Россійскій, Гавріилъ Олексичь, гналъ Принца, его сына, до самой ладіи; упалъ съ конемъ въ воду, вышелъ невредимъ и бодро сразился съ Воеводою Шведскимъ. Новогородецъ, Сбыславъ Якуновичь, съ однимъ попоромъ вломился въ средину непріятелей; другой, именемъ Миша, съ опрядомъ пѣхоты испребилъ шнеки ихъ или суда. Княжескій Ловчій, Яковъ Полочанинъ, предводительствуя горстію смѣлыхъ, ударилъ на цѣлый полкъ, и заслужилъ отмѣнное благоволеніе Александра, который вездѣ былъ самъ и все видѣлъ. Рапмиръ, вѣрный слуга Князя, не уступалъ никому въ храбрости: бился пѣшій, ослабѣлъ отъ ранъ и палъ мертвый, къ общему сожалѣнію нашихъ. Еще споялъ златоверхій шаперъ Биргеровъ: Отрокъ Александровъ, Савва, подсѣкъ его сполпъ; шаперъ упалъ, и Россіяне возгласили побѣду. Темная ночь спасла остатки Шведовъ. Они не хотѣли ждать утра: нагрузили двѣ шнеки пѣлами чиновниковъ, зарыли прочихъ въ яму, и спѣшили удалиться. Главный Воевода ихъ, Спиридонъ, и Епископъ, по разсказамъ плѣн-

никовъ, находились въ числѣ убитыхъ. Уронъ съ нашей стороны былъ едва замѣтенъ, и сія достопамятная битва, обрадовавъ тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозваніе *Невскаго*. Обстоятельства ея пѣмъ для насъ любопытнѣе, чѣо Лѣтописецъ, служа сему Князю, слышалъ ихъ отъ него самого и другихъ очевидцевъ.

Рыцари Ливонскіе не помогали Шведамъ, однакожь спарались вредить Новугороду. Ярославъ, сынъ Владиміра Псковскаго, въ 1233 году[26] сосланный въ область Суздальскую, получилъ свободу, жилъ тогда у Нѣмцевъ въ Эстоніи и питалъ ихъ ненависть къ Россіянамъ. Во Псковѣ были также нѣкоторые измѣнники — чиновникъ Твердило и другіе — склонявшіе Рыцарей овладѣть симъ городомъ. Обнадеженные ими въ вѣрномъ успѣхѣ, Нѣмцы собрали войско въ Оденпе, Дерптѣ, Феллинѣ[27], и съ Княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ взяли Изборскъ. Псковитяне сразились съ ними; но претерпѣвъ великій уронъ, и желая спасти городъ, зажженный непріятелемъ, должны были согласиться на миръ постыдный. Рыцари хотѣли аманатовъ: знатнѣйшіе люди представили имъ своихъ дѣтей, и гнусный измѣнникъ, Твердило, началъ господствовать во Псковѣ, дѣляся властію съ Нѣмцами, грабя села Новогородскія. Многіе добрые Псковитяне ушли съ семействами къ Але-

ксандру и пребовали его защиты. Къ несчастію, сей Князь имѣлъ тогда распрю съ Новогородцами: досадуя на ихъ неблагодарность, онъ уѣхалъ къ отцу въ Переславль Залѣсскій, съ матерію, супругою и всѣмъ Дворомъ[28].

Между тѣмъ Нѣмцы вступили въ область Новогородскую, обложили данію Вожанъ и построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорьѣ, чтобы утвердить свое господство въ нынѣшнемъ Ораніенбаумскомъ Уѣздѣ; взяли на границахъ Эстоніи Россійскій городокъ Тесовъ, и грабили нашихъ купцевъ верстъ за 30 до Новагорода, гдѣ чиновники дремали или тратили время въ личныхъ ссорахъ. Народъ, видя бѣду, требовалъ себѣ защитника, опъ Ярослава Всеволодовича, и призналъ вторага сына его, Андрея, своимъ Княземъ; но зло не миновалось. Литва, Нѣмцы, Чудь опустошали берега Луги, уводили скотъ, лошадей, и земледѣльцы не могли обрабатывать полей. Надлежало прибѣгнуть къ Герою Невскому: Архіепископъ со многими Боярами отправился къ Александру, убѣждалъ, молилъ Князя, и склонилъ его забыть вину Новагорода.

Александръ прибылъ, и все перемѣнилось. Немедленно собралось войско: Новогородцы, Ладожане, Корела, Ижерцы, весело шли подъ его знаменами къ Финскому заливу; взяли Копорье и плѣнили многихъ Нѣмцевъ. Г. 1241.

Александръ освободилъ нѣкоторыхъ; но Вожане и Чудскіе измѣнники, служившіе непріятелю, въ спрахъ другимъ были повѣшены[29].

Г. 1242. Знаменитая отчизна Святой Ольги также скоро избавилась отъ власти предателя, Твердила, и чужеземцевъ. Александръ завоевалъ Псковъ, возвратилъ ему независимость, и прислалъ въ Новгородъ скованныхъ Нѣмцевъ и Чудь. Летописецъ Ливонскій сказываетъ, что 70 мужественныхъ Рыцарей положили тамъ свои головы, и что Князь Новогородскій, плѣнивъ 6 чиновниковъ, велѣлъ умертвить ихъ[30]. Побѣдитель вошелъ въ Ливонію, и когда воины наши разсѣялись для собранія съѣстныхъ припасовъ, непріятель разбилъ малочисленный передовый отрядъ Новогородскій. Тутъ Александръ оказалъ искусство благоразумнаго Военачальника: зная силу Нѣмцевъ, отступилъ назадъ, искалъ выгоднаго мѣста и спалъ на Чудскомъ озерѣ. Еще зима продолжалась тогда въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, и войско могло безопасно дѣйствовать на твердомъ льду. Нѣмцы острою колонною врѣзались въ наши ряды; но мужественный Князь, ударивъ на непріятелей съ боку, замѣшалъ ихъ; сломилъ, истреблялъ Нѣмцевъ и гналъ Чудь до самаго темнаго вечера. 400 Рыцарей пали отъ нашихъ мечей; пятьдесятъ были взяты въ плѣнъ, и въ томъ числѣ одинъ, который въ надменно-

Апрѣля 5.

спи своей хопѣлъ плѣнить самого Александра; шѣла Чуди лежали на семи верспахъ. Изумленный симъ бѣдспвіемъ, Магиспръ Ордена съ препепомъ ожидалъ Александра подъ спѣнами Риги, и спѣшилъ опправить Посольспво въ Данію, моля Короля спаспи Рижскую Богомаперь опъ *невѣрныхъ*, жеспокихъ Россіянъ; но храбрый Князь, довольный ужасомъ Нѣмцевъ, вложилъ мечь въ ножны и возвратился въ городъ Псковъ. Нѣмецкіе плѣнники, попупивъ глаза въ землю, шли въ своей рыцарской одеждѣ за нашими всадниками[31]. Духовенспво вспрѣшило Героя со кресшами и съ пѣснями священными, славя Бога и Александра; народъ спремился къ нему полпами, именуя его опщемъ и спасипелемъ. Счаспливый дѣломъ своимъ и радоспію общею, сей добрый Князь пролилъ слезы, и съ чувспвипельноспію сказалъ гражданамъ: «О Псковипя-«не! если забудепе Александра; если самые «опдаленные попомки мои не найдупъ у «васъ вѣрнаго приспанища въ злополучіи: «по вы будепе примѣромъ неблагодарно-«спи!» — Новогородцы радовались не менѣе Псковипянъ, и скоро Послы Ордена заключили съ ними миръ, размѣнялись плѣнными, и возвратили Псковскихъ аманашовъ, опказавшись не полько опъ Луги и Водской обласпи, но усшупивъ Александру и знапную часпь Лепгалліи[32].

Г. 1243-1245. Въ сіе время Липовцы разбили Ярослава *Владимировича*, копорый, оспавивъ Нѣмцевъ, съ изволенія Александрова начальспвовалъ въ Торжкѣ[33]. Соединясь съ Тверскою дружиною, Ярославъ гнался за хищниками до Торопца, гдѣ опи счипали себя уже въ безопасноспи, овладѣвъ крѣпоспію; но Герой Невскій приспѣлъ, взялъ городъ, испребилъ ихъ всѣхъ, однихъ на спѣнахъ, другихъ въ бѣгспвѣ, и въ помъ числѣ 8 Князьковъ Липовскихъ. Совершивъ подвигъ, Александръ оппуспилъ войско, ѣхалъ съ малочисленною дружиною и вдругъ увидѣлъ себя окруженнаго новыми полпами непріятелей: ударилъ неуспрашимо, разсѣялъ оныя, благополучно возвращился въ Новгородъ. — Однимъ словомъ, Александръ, въ нѣсколько дней, семь разъ побѣдилъ Липовцевъ; воины его, ругаясь надъ ними, привязывали плѣнниковъ къ хвоспамъ конскимъ.

Сіи часпные успѣхи не могли премѣнипь общей судьбы Россіянъ, уже данниковъ Тапарскихъ. Бапый, завоевавъ многія обласпи Польскія, Венгрію, Кроацію, Сервію, Дунайскую Болгарію, Молдавію, Валахію, и приведши въ ужасъ Европу, вдругъ, къ общему удивленію, осповилъ бурное спремленіе Могоповъ и возвращился къ берегамъ Волги. Тамъ, именуясь Ханомъ, упвердилъ онъ свое владычеспво надъ Россіею, землею Половецкою, Тавридою, спранами Кавказскими и всѣми опъ усппья Дона до рѣки

Россія въ подданспвѣ Мо-

Дунай[34]. Никто не дерзалъ ему противиться: народы, Государи спаралисъ смягчить его смиренными Посольствами и дарами. Батый звалъ къ себѣ Великаго Князя. Ослушаніе казалось Ярославу неблагоразуміемъ въ погдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изнуренной, безлюдной, полной развалинъ и гробовъ: презирая собственную личную опасность, Великій Князь отправился со многими Боярами въ станъ Батыевъ, а сына своего, юнаго Константина, послалъ въ Тартарію къ Великому Хану Окпаю, который въ сіе время, празднуя блестящія завоеванія Моголовъ въ Китаѣ и въ Европѣ, угощалъ всѣхъ startйшинъ народа. Никогда, по сказанію Историка Тартарскаго, міръ не видалъ праздника столь роскошнаго, ибо число гостей было несмѣтно. — Батый принялъ Ярослава съ уваженіемъ и назвалъ Главою всѣхъ Князей Россійскихъ[35], отдавъ ему Кіевъ (откуда Михаилъ уѣхалъ въ Черниговъ). Такъ Государи наши торжественно отреклись отъ правъ народа независимаго и склонили выю подъ иго варваровъ. Поступокъ Ярослава служилъ примѣромъ для Удѣльныхъ Князей Суздальскихъ: Владиміръ Константиновичь, юный Борисъ Василькович, Василій Всеволодовичь (внукъ Константиновъ) также *били челомъ* надменному Батыю, чтобы мирно господствовать въ областяхъ своихъ. голов.

Сынъ Ярославовъ чрезъ два года возвра-

пился изъ Китайской Тапаріи; а Великій Князь, впорично принужденный ѣхать въ Орду со всѣми родспвенниками, долженъ былъ самъ опправиться къ берегамъ Амура, гдѣ Моголы, по смерпи Окпая, занималисъ избраніемъ новаго Великаго Хана. Ярославъ проспился навѣки съ любезнымъ опечесптвомъ: сквозь спепи и пуспыни доспигнувъ до Ханскаго спана, онъ въ числѣ многихъ иныхъ данниковъ смирялся предъ
Г. 1246. прономъ Окпаева наслѣдника, оправдалъ себя въ какихъ-по доносахъ, сдѣланныхъ на него Хану однимъ Россійскимъ Вельможею, и получивъ милоспивое дозволеніе ѣхать обратно, кончилъ жизнь на пупи[56]. Такимъ
Сентября 30. образомъ сей Князь несчасптный, бывъ свидѣпелемъ и жертвою народнаго уничиженія
Кончина и свойспва Ярослава. Россіи, не имѣлъ и послѣдняго упѣшенія сомкнупь глаза въ нѣдрахъ свяпаго опечеспва! Вѣрные Бояре привезли его пѣло въ сполицу Владимірскую. Говорили, чпо онъ былъ оправленъ; чпо мапь новаго Хана Гаюка, какъ бы въ знакъ особеннаго благоволенія, предложивъ Ярославу пищу изъ собспвенныхъ рукъ, дала ему ядъ, копорый въ седьмый день прекрапилъ его жизнь, и ясно обнаружился пяпнами на пѣлѣ умершаго. Но Моголы, сильные мечемъ, не имѣли нужды дѣйспвовапь ядомъ, орудіемъ злодѣевъ слабыхъ. Могъ ли Князь Владимірской обласпи казапься спрашнымъ Монар-

ху, повелѣвавшему народами опъ Амура до успья Дунайскаго?

Ярославъ, въ юноспи жеспокій и непримиримый опъ чесполюбія, украшался и важными доспоинспвами, какъ мы видѣли: благоразуміемъ дѣяпельнымъ и бодроспію въ государспвенныхъ несчаспіяхъ, бывъ возобновипелемъ разрушеннаго Великаго Княженія; гибкоспію и превосходспвомъ ума своего снискалъ почпеніе варваровъ, Баппыя и Гаюка, но не заслужилъ *ревностной* похвалы нашихъ Лѣпописцевъ, ибо не раздавалъ имѣнія церквамъ и Монахамъ, оплича-ясь, можепъ быпь, Вѣрою просвѣщенною, а не суесвяпспвомъ. — Супруга его, именемъ Ѳеодосія, оспавленная имъ въ Новѣгородѣ, скончалась памъ въ 1244 году; за малое время до смерпи посприглась въ Георгіевскомъ монаспырѣ и была схоронена въ ономъ подлѣ ея сына, Ѳеодора[37].

Россія, огорченная смерпію Ярослава, почпи въ по же время свѣдала ужасныя обспояпельспва кончины Михаиловой[38]. Узнавъ, чпо сынъ его, Роспиславъ, приняпъ весьма дружелюбно въ Венгріи, и чпо Бела IV, въ исполненіе прежняго обязапельспва, наконецъ выдалъ за него дочь свою, Михаилъ впорично поѣхалъ пуда совѣповапься съ Королемъ о средспвахъ избавипь себя опъ ига Тапарскаго; но Бела изъявилъ къ нему споль мало уваженія, и самъ Роспиславъ пакъ холодно вспрѣпилъ опца, чпо сей

Убіеніе Михаила.

Князь съ величайшимъ неудовольспвіемъ возвратился въ Черниговъ, гдѣ сановники Ханскіе переписывали погда бѣдный оспапокъ народа и налагали на всѣхъ людей дань поголовную, опъ земледѣльца до Боярина[39]. Они велѣли Михаилу ѣхапь въ Орду. Надлежало покорипься необходимоспи. Принявъ опъ духовника благословеніе и запасные Свяпые Дары, — ободренный, упѣшенный его Христіанскими наспавленіями, онъ съ Вельможею Ѳеодоромъ и съ юнымъ внукомъ, Борисомъ Васильковичемъ Росповскимъ, прибылъ въ спанъ къ Моголамъ, и хопѣлъ уже вспупипь въ шаперъ Батыевъ; но волхвы или жрецы сихъ язычниковъ, блюспипели древнихъ суевѣрныхъ обрядовъ, пребовали, чпобы онъ шелъ сквозь разложенный передъ спавкою священный огнь, и поклонился ихъ кумирамъ. «Нѣпъ!» сказалъ Михаилъ: «я могу поклонипься Царю вашему, «ибо Небо вручило ему судьбу Государспвъ «земныхъ; но Христіанинъ не служипъ ни «огню, ни глухимъ идоламъ.» Услышавъ о помъ, свирѣпый Батый объявилъ ему чрезъ своего Вельможу, именемъ Эльдега[40], чпо должно повиноваться или умерепь. «Да бу-«депъ!» оппвѣщспвовалъ Князь; вынувъ Запасные Дары, вмѣспѣ съ любимцемъ своимъ, Ѳеодоромъ, причаспился Свяпыхъ Таинъ, и пылая ревноспію Христіанскихъ Мучениковъ, пѣлъ громогласно свяпые Псалмы Давидовы. Напрасно юный Борисъ хопѣлъ его

смягчишь моленіемъ и слезами; напрасно Вельможи Росповскіе брали на себя грѣхъ и торжеспвенное покаяніе, если Михаилъ исполнитъ волю Батыеву, слѣдуя примѣру другихъ Князей нашихъ. «Для васъ не погу-«блю души,» говорилъ онъ, и свергнувъ съ себя мантію Княжескую[41], примолвилъ: «возмипте славу міра; хочу небесной.» По данному знаку убійцы бросились какъ пигры на Михаила, били его въ сердце, попшали ногами: Бояре Россійскіе безмолвспвовали опъ ужаса. Одинъ Ѳеодоръ споялъ покойно, и съ веселымъ лицемъ ободрялъ перзаемаго Князя, говоря, чпо онъ умираепъ какъ должно Христіанину; чпо муки земныя непродолжипельны, а награда небесная безконечна. Желая, можепъ быпь, прекрапипь Михаилово спраданіе, какой-по опспупникъ Вѣры Христіанской, именемъ Доманъ, жипель Пупивля, опсѣкъ ему голову и слышалъ послѣднія, пихо произнесенныя имъ слова: *Христіанинъ есмь!* Пишупъ, чпо самъ Батый, удивляясь пвердоспи сего несчаспнаго Князя, назвалъ его великимъ мужемъ. Бояринъ Ѳеодоръ пріялъ пакже вѣнецъ Мученика, и доказалъ, чпо онъ, упѣшая Михаила, не лицемѣрилъ: ибо, раздираемый на часпи варварами, славилъ благоспь Небесную и свою долю. Тѣла ихъ, поверженныя на снѣденіе псамъ, были сохранены усердіемъ Россіянъ; а Церковь признала Свяпыми и великодушнаго Князя и

вѣрнаго слугу его, которые, не имѣвъ силъ одолѣть Моголовъ въ битвѣ, рѣдкою твердостію доказали по крайней мѣрѣ чудесную силу Христіанства. — Юный Борисъ Васильковичь, оплакавъ жребій дѣда, долженъ былъ ѣхать къ Сартаку, Батыеву сыну, кочевавшему на границахъ Россіи, и получилъ дозволеніе возвратиться въ свой Удѣлъ; о Князьяхъ же Черниговскихъ съ того времени почти совсѣмъ не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ: знаемъ единственно, что тамъ около 1261 года властвовалъ Андрей Всеволодовичь, зять Даніилова брата, Василька[42]. Сыновья Михаиловы, по кончинѣ отца, княжили въ Удѣлахъ: Романъ въ Брянскѣ, Мстиславъ въ Карачевѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Юрій въ Торуссѣ; а старшій ихъ братъ, Ростиславъ, зять Короля Белы, остался въ Венгріи, и получивъ въ Удѣлъ отъ своего тестя Банатъ Маховскій (въ Сервіи), назывался Государемъ сей области, Герцогомъ Болгаріи и повелителемъ Славоніи (Rex de Madschau, Dux et Imperator Bulgariae et Banus totius Sclavoniae). Отъ сыновей его, Белы и Михаила, пошли Герцоги Маховскіе и Боснійскіе; сестра же ихъ совокупилася бракомъ съ Лешкомъ Чернымъ, Герцогомъ Польскимъ.

Счастливѣе Князя Черниговскаго былъ Даніилъ въ своихъ первыхъ сношеніяхъ съ Ордою. Послы за Послами являлись у него отъ имени Ханскаго, пребуя, чтобы онъ

искалъ милости Батыевой раболѣпствомъ или отказался отъ земли Галицкой. Наконецъ Даніилъ поѣхалъ къ сему завоевателю чрезъ Кіевскую столицу, управляемую Бояриномъ Ярослава Суздальскаго, Димитріемъ Ейковичемъ; вступилъ Тапаръ за Переяславлемъ, гостилъ у Куремсы, ихъ Темника, и въ окрестностяхъ Волги нашелъ Батыя, который, въ знакъ особеннаго благоволенія, немедленно впустилъ его въ свой шаперъ, безъ всякихъ суевѣрныхъ обрядовъ, ненавистныхъ для православія нашихъ Князей. «Ты долго не хотѣлъ меня ви-«дѣть,» сказалъ Батый: «но теперь загла-«дилъ вину повиновеніемъ.» Горестный Князь пилъ кумысъ, преклоняя колѣна и славя величіе Хана. Батый хвалилъ Даніила за соблюденіе Тапарскихъ обычаевъ; однакожь велѣлъ дать ему кубокъ вина, говоря: «вы «не привыкли къ нашему молоку.» Сія честь стоила не дешево: Даніилъ, пробывъ 25 дней въ Улусахъ, выѣхалъ оттуда съ именемъ слуги и данника Ханскаго. — Далѣе откроется, что сей Князь, лаская Моголовъ, хотѣлъ единственно усыпить ихъ на время, и думалъ о средствахъ избавить отечество отъ ига. Между тѣмъ Государи сосѣдственные, устрашенные его дружественною связію съ Ордою, начали оказывать къ нему гораздо болѣе уваженія. Не за-долго до того времени Король Бела имѣлъ съ нимъ новую вражду. Роспиславъ Михаи-

Даніилъ чествимъ въ Ордѣ.

ловичь, зять Королевскій, предводитель-
ствуя Венграми, осаждалъ Ярославль; съ
обѣихъ сторонъ изъявляли остервеніе и
казнили знатнѣйшихъ плѣнниковъ; въ томъ
числѣ Россіяне умертвили славнаго гордо-
стію Полководца Венгерскаго, Фильнію, и
въ кровопролитной битвѣ одержали верхъ.
Боясь, чтобы Моголы, какъ покровители
Даніила, вторично не явились за горами
Карпатскими, Бела предложилъ ему тѣс-
ный союзъ, и выдалъ меньшую дочь, име-
немъ Констанцію, за его сына, Льва: чему
способствовалъ Митрополитъ Кириллъ, из-
бранный Даніиломъ и Василькомъ на мѣсто
Іосифа; онъ ѣхалъ ставиться въ Констан-
тинополь черезъ Венгрію, говорилъ съ Ве-
лою и ручался своимъ Князьямъ за искрен-
ность сего Монарха. Утвердивъ вѣчный съ
нимъ миръ, Даніилъ жилъ согласно и съ По-
ляками. Конрадъ умеръ его другомъ: Боле-
славъ Мазовскій также. Послѣдній, женатый
на дочери Александра Бельзскаго, Анаста-
сіи, въ угодность Даніилу отказалъ Мазо-
вію брату своему, Самовиту[43].

Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ.

Описавъ случаи временъ Ярославовыхъ, мы должны упомянуть о любопытномъ путешествіи Іоанна Планъ-Карпина, Монаха Францисканскаго, въ Тартарію къ Великому Хану. Европа, приведенная въ ужасъ нашествіемъ Батыевымъ, еще трепетала, взирая на развалины Польши и Венгріи: ибо Татары могли возвратиться. Нѣмецкій Им-

перапоръ писалъ ко всѣмъ Государямъ, чтобы они собрали войско для спасенія Царспивъ и Вѣры. Безпокойство, волненіе было общее; народъ поспился; Духовенство день и ночь молилось въ храмахъ. Одинъ Св. Людовикъ, мужественный Король Французскій, не перялъ бодроспи, и спокойно опвѣщспвовалъ мапери, что онъ, въ надеждѣ на Бога и на мечь свой, смѣло вспрѣпиптъ варваровъ. Но Папа, Иннокентій IV, желая миромъ удалипть бурю, опправилъ къ Хану Монаховъ съ дружелюбными письмами[44]. Іоаннъ Карпинъ, одинъ изъ сихъ Пословъ, въ 1246 году проѣзжалъ изъ Ипаліи чрезъ Россію, и сообщаетъ слѣдующія извѣстія о тогдашнемъ ея состояніи и Моголахъ. Увидимъ, что Папа, думая о Тапарахъ, не забывалъ и нашихъ предковъ, усильно домогаясь подчинипь насъ Латинской Церкви. Несчастія Россіянъ давали ему пѣмъ болѣе надежды успѣпь въ семъ важномъ дѣлѣ.

«Въ Мазовіи» — пишетъ Карпинъ — «вспрѣ-«пили мы Князя Россійскаго, Василька» (брата Даніилова, ходившаго погда съ Мазовскимъ Герцогомъ на Ятвяговъ) «который «разсказалъ намъ весьма много любопытнаго «о Тапарахъ. Узнавъ, что не должно ѣхапь «въ Орду съ пустыми руками, мы купили «нѣсколько бобровыхъ и другихъ шкуръ. «Конрадъ, Герцогъ Краковскій, Епископъ и «Бароны Польскіе снабдили насъ также вся-«кими мѣхами, прося Князя Василька быпь

«нашимъ покровителемъ. Вмѣстѣ съ нимъ «пріѣхали мы въ его столицу (Владиміръ «Волынскій), гдѣ, отдохнувъ, желали бесѣ- «довать съ Россійскими Епископами, и пред- «ложили имъ письма отъ Папы, который «убѣждалъ ихъ присоединиться къ Латин- «ской Церкви; но Епископы и Василько отъ- «вѣтствовали, что они не могутъ ничего «сказать намъ безъ Князя Даніила, брата «Василькова, бывшаго тогда въ Ордѣ. По- «слѣ чего Василько отправилъ насъ съ вожа- «тымъ въ Кіевъ, куда мы и прибыли бла- «гополучно, не смотря на глубокій снѣгъ, «холодъ и многія опасности[15]: ибо Литовцы «безпрестанными набѣгами тревожатъ сію «часть Россіи. Жителей вездѣ мало: они «истреблены Моголами, или отведены ими «въ плѣнъ. Въ Кіевѣ наняли мы Татарскихъ «лошадей, а своихъ оставили: ибо онѣ мо- «гли бы умереть съ голода въ дорогѣ, гдѣ «нѣтъ ни сѣна, ни соломы; а Татарскія, «разбивая копытами снѣгъ, питаются одною «мерзлою травою.

«Первое мѣсто, въ коемъ живутъ Мого- «лы (близъ Кіева), называется *Хановымъ*. «Они со всѣхъ сторонъ окружили насъ, спра- «шивая, за чѣмъ и куда ѣдемъ? Я отвѣ- «чалъ, что мы Послы отца и владыки «всѣхъ Христіанъ, который, ничѣмъ не «оскорбивъ Государей Татарскихъ, съ край- «нимъ изумленіемъ свѣдалъ о разореніи Вен- «гріи и Польши, гдѣ живутъ *его подданные;*

«что онъ, желая мира, въ письмахъ своихъ «убѣждаетъ Хановъ принять Вѣру Хри- «стіанскую, безъ коей нѣтъ спасенія. Мо- «голы удовольствовались нѣкоторыми по- «дарками и дали намъ вожатыхъ до Орды «главнаго ихъ начальника. Онъ называется «Куремсою, предводительствуетъ шести- «десятью тысячами воиновъ и хранитъ за- «падные предѣлы Могольскихъ владѣній. — «Куремса отправилъ насъ къ Батыю, пер- «вѣйшему изъ Хановъ послѣ Великаго.

«Мы проѣхали всю землю Половецкую, «обширную равнину, гдѣ текутъ рѣки «Днѣпръ, Донъ, Волга, Яикъ, и гдѣ лѣтомъ «кочуютъ Татары, повинуясь разнымъ Вое- «водамъ[46], а зимою приближаются къ морю «*Греческому* (или Черному). Самъ Батый «живетъ на берегу Волги, имѣя пышный, «великолѣпный Дворъ, и 600,000 воиновъ, «160,000 Татаръ и 450,000 иноплеменни- «ковъ, Христіанъ и другихъ подданныхъ. «Въ Пятницу Страстныя недѣли провели «насъ въ справку его между двумя огнями, «для того, какъ говорили Татары, что «огонь есть чистилище для всякихъ злыхъ «умысловъ, отнимая даже силу у скрывае- «маго яда. Мы должны были нѣсколько разъ «кланяться и вступить въ шатеръ, не «касаясь порога. Батый сидѣлъ на тронѣ «съ одною изъ женъ своихъ; его братья, «дѣти и Вельможи на скамьяхъ; другіе на «землѣ, мужчины на правой, а женщины на

«лѣвой спороне. Сей шаперъ, сдѣланный «изъ понкаго полопна, принадлежалъ Ко- «ролю Венгерскому: никпо не смѣепъ вхо- «дипь пуда безъ особеннаго дозволенія, кро- «мѣ семейспва Ханскаго. Намъ указали мѣ- «спо на лѣвой спороне, и Бапый съ вели- «кимъ вниманіемъ чипалъ письма Иннокен- «піевы, переведенныя на языки Славянскій, «Арабскій и Тапарскій. Между пѣмъ онъ и «вельможи его пили изъ золопыхъ или сере- «бряныхъ сосудовъ: при чемъ всегда гремѣла «музыка съ пѣснями. Бапый имѣепъ лице «красновапое[47]; ласковъ въ обхожденіи съ «своими, но грозенъ для всѣхъ; на войнѣ же- «спокъ, хипръ, и славипся опыпноспію. — «Онъ велѣлъ намъ ѣхапь къ Великому Хану.

«Хопя мы были весьма слабы, ибо пипа- «лись во весь поспъ однимъ просомъ и пи- «ли полько снѣжную воду, однакожь ѣхали «скоро, пяпь или шеспь разъ въ день мѣ- «няя лошадей, гдѣ находили ихъ. Земля По- «ловецкая во многихъ мѣспахъ еспь дикая «спепь: жипели испреблены Тапарами, «или бѣжали; другіе признали себя ихъ под- «данными. Она граничипъ къ Сѣверу съ Рос- «сіею, Мордвою, Болгаріею, Башкиріею (pays «des Bastarques), опечесповомъ Венгровъ, и «съ Самоѣдами (Samogedes), обипающими на «пуспынныхъ берегахъ Океана[48]; къ Югу «съ Аланами (Оссепинцами), Черкесами, Ко- «зарами и Грецією. За Половцами начинаепся «спрана Кангиповъ (Канглей или Хвали-

«совъ), совершенно безводная, и мало насе-
«ленная. Въ сей печальной степи (нынѣ Кир-
«гизской) умерли отъ жажды Бояре Ярослa-
«ва, Князя Россійскаго, посланные имъ въ
«Тапарію: мы видѣли ихъ кости. Вся зем-
«ля опустошена Моголами; жители, не
«имѣя домовъ, обитаютъ въ шапрахъ, и
«пакъ же, какъ Половцы, не знаютъ хлѣ-
«бопашества, а кормятся однимъ скотовод-
«ствомъ.

«Около Вознесенія Христова въѣхали мы
«въ страну Бесерменовъ» (Харазовъ или
Хивинцевъ) «говорящихъ языкомъ Полов-
«цевъ, но исповѣдующихъ Вѣру Сарацин-
«скую[49]. Тамъ представилось намъ множе-
«жество селъ и городовъ опустошенныхъ.
«Владѣтель ихъ, называемый Великимъ Сул-
«таномъ, погибъ со всѣмъ родомъ отъ ме-
«ча Тапарскаго. Сія земля имѣетъ большія
«горы и сопредѣльна къ Сѣверу (Востоку)
«съ Черными Кипанами (въ Малой Бухаріи),
«гдѣ живетъ Сибанъ, братъ Батыевъ, и
«гдѣ находится дворецъ Ханскій[50]. Далѣе
«мы увидѣли обширное озеро (Байкалъ),
«оставили его на лѣвой сторонѣ, и чрезъ
«землю кочующихъ Найдановъ въ исходѣ
«Іюня прибыли въ отечество Моголовъ,
«которые суть истинные Тапары.

«Уже нѣсколько лѣтъ они готовились къ
«избранію Великаго Хана; но Гаюкъ еще
«не былъ торжественно возглашенъ Окта-
«вымъ преемникомъ: онъ велѣлъ намъ ждать

«сего времени, и послалъ къ мапери, вдов-
«спвующей супругѣ Окпаевой, именемъ Ту-
«раканѣ, у коей собирались всѣ чиновники
«и спарѣйшины: ибо она была погда пра-
«випельницею. Ея спавка, обнесенная пы-
«номъ, могла вмѣспить болѣе 2000 чело-
«вѣкъ. Воеводы сидѣли на коняхъ, богапо
«украшенныхъ серебромъ, и совѣповались
«между собою[51]. Одежда ихъ въ первый день
«была *пурпуровая бѣлая*, на другой день
«красная, на препій синевапая, а на чепвер-
«пый алая. Народъ полпился внѣ ограды.
«У воропъ спояли воины съ обнаженными
«мечами; въ другія воропа, хотя оспавлен-
«ныя безъ спражи, никпо не смѣлъ вхо-
«дипь кромѣ Гаюка. Вельможи безпреспан-
«но пили кумысъ и хопѣли насъ пакже по-
«ипь; но мы опказались. Они вездѣ давали
«первое мѣспо намъ и Россійскому Князю
«Ярославу; пупъ же находились два сына
«Грузинскаго Царя, Посолъ Калифа Багдад-
«скаго и многіе другіе Послы Сарацинскіе,
«числомъ до чепырехъ пысячь: одни съ да-
«рами, иные съ данію.

«Такимъ образомъ мы жили цѣлый мѣ-
«сяцъ въ семъ шумномъ спанѣ, называе-
«момъ Сыра Орда, и часпо видѣли Гаюка.
«Когда онъ выходилъ изъ шапра своего,
«пѣвцы обыкновенно шли впереди и громко
«пѣли его славу. Наконецъ Дворъ переѣхалъ
«въ другое мѣспо, и расположился на бе-
«регу ручья, орошающаго прекрасную до-

«лину, гдѣ споялъ великолѣпный шаперъ,
«называемый *Златая Орда.* Сполпы сего
«шапра, внупри и снаружи украшеннаго
«богапыми пканями, были окованы золо-
«помъ. Тамъ надлежало Гаюку шоржеспвен-
«но возсѣспь на прespолъ въ день Успенія
«Богомапери. Но ужасная непогода, градъ и
«снѣгъ препяпспвовали совершенію обряда
«до 24 Авгуспа. Въ сей день собрались
«Вельможи, и смопря на Югъ, долго моли-
«лись Всевышнему: послѣ чего возвели Гаю-
«ка на злапый пронъ, и преклонили колѣ-
«на; народъ пакже. Князья и Вельможи гово-
«рили Имперапору: *мы хотимъ и требуемъ,*
«*чтобы ты повелѣвалъ нами.* Гаюкъ спросилъ:
«*желая имѣть меня Государемъ, готовы ли*
«*вы исполнять мою волю; являться, когда*
«*позову васъ; итти, куда велю, и предать*
«*смерти всякаго, кого наименую?*» всѣ отп-
вѣпспвовали: «*готовы!*»... «*И такъ*» (ска-
залъ Гаюкъ) «*слово мое да будетъ отнынѣ*
«*мечемъ!*» Вельможи взяли его за руку, све-
ли съ прона и посадили на войлокъ, говоря
Имперапору: «*Надъ тобою Небо и Всевышній;*
«*подъ тобою земля и войлокъ. Если будешь лю-*
«*бить наше благо, милость и правду, уважая*
«*Князей и Вельможъ по ихъ достоинству, то*
«*царство Гаюково прославится въ мірѣ, земля*
«*тебѣ покорится и Богъ исполнитъ всѣ же-*
«*ланія твоего сердца. Но если обманешь на-*
«*дежду подданныхъ, то будешь презрите-*
«*ленъ, и столь бѣденъ, что самый войлокъ,*

«*на которомъ сидишь, у тебя отнимется.*
«Тогда Вельможи, поднявъ Гаюка на рукахъ,
«возгласили его Имперапоромъ, и принесли
«къ нему множесπво серебра, золопа, кам-
«ней драгоцѣнныхъ и всю казну умершаго
«Хана; а Гаюкъ часπь сего богапсπва роз-
«далъ чиновникамъ въ знакъ ласки и щедро-
«спи. Между шѣмъ гоповился пиръ для Кня-
«зей и народа; пили до самой ночи, и разво-
«зили въ шелегахъ мясо, вареное безъ соли.

«Гаюкъ имѣепъ опъ роду 40 или 45 лѣпъ,
«роспу средняго, оппмѣнно уменъ, догадливъ
«и сποль важенъ, чπо никогда не смѣепся.
«Христіане, служащіе ему, увѣряли насъ,
«чπо онъ думаепъ приняпь Вѣру Спасππе-
«леву, ибо держипъ у себя Христіанскихъ
«Священниковъ и дозволяепъ имъ всенарод-
«но передъ своимъ шапромъ оппправляпь
«Божесπвенную службу по обрядамъ Грече-
«ской Церкви. Сей Имперапоръ говоριπъ
«съ иноспранцами полько черезъ перевод-
«чиковъ, и всякой, кπо подходиπъ къ нему,
«долженъ спапь на колѣна. У него есπь
«гражданскіе чиновники и Секрепари, но
«нѣпъ спряπчихъ: ибо Моголы не пер-
«пяпъ ябеды, и слово Ханское рѣшипъ
«пяжбу. Чπо скажепъ Государь, πо и сдѣ-
«лано; никπо не смѣепъ возражапь или
«проσипь его дважды объ одномъ дѣлѣ. Га-
«юкъ, пылая славолюбіемъ, гоповъ цѣлый
«міръ обрапипь въ пепелъ. Смерпь Окпа-
«ева удержала Моголовъ въ ихъ спремленіи

«сокрушить Европу: нынѣ, имѣя новаго «Хана, они ревностно желаютъ кровопро- «литія, и Гаюкъ, едва избранный, въ пер- «вомъ совѣтѣ съ Князьями своими положилъ «объявить войну Церкви нашей, Имперіи «Римской, всѣмъ Государямъ Христіанскимъ «и народамъ Западнымъ, если Св. Отецъ — «чего Боже избави — не исполнитъ его пре- «бованій, то есть, не покорится ему со всѣ- «ми Государями Европейскими: ибо Моголы, «слѣдуя завѣщанію Чингисханову, непремѣн- «но хотятъ овладѣть вселенною.

«Гаюкъ чрезъ нѣсколько дней принялъ «насъ, равно какъ и другихъ Пословъ. Секре- «тарь его сказывалъ ему имя каждаго; одна- «кожь не многіе изъ нихъ были впущены «въ спавку Императорскую. Дары, подне- «сенные ими Хану, состояли въ шелковыхъ «шканяхъ, поясахъ, мѣхахъ, сѣдлахъ, также «вельблюдахъ и лошакахъ, богато украшен- «ныхъ. Между сими безчисленными дарами «мы замѣтили одинъ зонтикъ, весь осы- «панный драгоцѣнными камнями. Въ нѣко- «торомъ разстояніи отъ шатровъ стояло «болѣе пяти сотъ телегъ, наполненныхъ «золотомъ, серебромъ, шелковыми одежда- «ми: что все было отдано Хану, Князьямъ «и Вельможамъ, которые послѣ дарили шѣмъ «своихъ чиновниковъ. Одни мы не поднесли «ничего, ибо ничего не имѣли.

«Въ намѣреніи воевать Западъ, Гаюкъ «не хотѣлъ вступить съ нами въ перего-

«воры, и мы около мѣсяца жили праздно,
«въ скукѣ, въ недоспапкѣ, получая опъ
«Моголовъ на пять дней не болѣе пого,
«чпо надлежало издержапь въ одинъ день;
«а купипь было нечего. Къ счаспію, до-
«брый Россіянинъ, золопарь, именемъ Комъ,
«любимецъ Гаюковъ, надѣлялъ насъ всѣмъ
«нужнымъ. Онъ сдѣлалъ печапь для Хана и
«пронъ изъ слоновой коспи, украшенный
«золопомъ и камнями драгоцѣнпыми съ раз-
«ными изображеніями, и съ удовольспвіемъ
«показывалъ намъ свою рабопу. — Наконецъ
«Гаюкъ, призвавъ насъ, спросилъ, еспь ли у
«Папы люди знающіе языкъ Тапарскій, Рус-
«скій или Арабскій? Нѣпъ, опвѣчали мы:
«хопя въ Европѣ и находяпся нѣкопорые
«Арабы, но далеко опъ шого мѣспа, гдѣ
«живепъ Папа. Впрочемъ мы брались сами
«перевеспи на Лапинскій языкъ, чпо бу-
«депъ угодно Хану написапь къ Св. Опцу.
«Въ слѣдспвіе пого пришелъ къ намъ Ка-
«дакъ, государспвенный Миниспръ, съ пре-
«мя Ханскими Секрепарями для сочиненія
«грамопы, копорую мы, слушая ихъ, пи-
«сали на Лапинскомъ языкѣ, и полковали
«имъ каждое слово: ибо они боялись ошиб-
«ки въ переводѣ, и спрашивали, ясно ли
«разумѣемъ, чпо пишемъ? Приспава наши
«говорили, чпо Ханъ опправипъ съ нами
«собспвенныхъ Пословъ въ Европу, если бу-
«демъ о шомъ проспиь его; но сего мы не
«хопѣли: во-первыхъ для пого, чпо они

«увидѣли бы несогласіе и междоусобіе Го-
«сударей Христіанскихъ, сполъ благопріят-
«ное для невѣрныхъ; во-вторыхъ, ежели бы
«съ Послами Гаюка сдѣлалось какое несча-
«стіе въ Европѣ, то онъ еще болѣе оспер-
«венился бы противъ Христіанъ. Къ тому
«же Ханъ не уполномочилъ бы сихъ Пословъ
«для заключенія надежнаго мира, а велѣлъ
«бы имъ единственно вручить письма Св.
«Отцу такого же содержанія, какъ и дан-
«ныя намъ за его печатію[52].

«Откланявшись Гаюку и матери его, ко-
«торая дала намъ по шубѣ лисьей и по
«красному кафтану, мы отправились въ об-
«ратный путь, 14 Ноября, чрезъ необозри-
«мыя пустыни; не видали ни селеній, ни
«лѣсовъ; ночевали въ степяхъ, на снѣгу, и
«пріѣхали къ Вознесенію въ станъ Бату-
«евъ, чтобы взять у него письма къ Папѣ.
«Но Батый сказалъ, что онъ не можетъ
«ничего прибавить къ отвѣту Хана, и далъ
«намъ пропускъ, съ коимъ мы благополучно
«доѣхали до Кіева, гдѣ считали насъ уже
«мертвыми, равно какъ и въ Польшѣ. Князь
«Россійскій Данилъ и братъ его, Василько,
«оказали намъ много ласки въ своемъ вла-
«дѣніи, и собравъ Епископовъ, Игуменовъ,
«знатныхъ людей, съ общаго согласія объ-
«явили, что они *намѣрены признать Св.*
«*Отца Главою ихъ Церкви, подтверждая*
«*все сказанное ими о томъ прежде чрезъ*
«*особеннаго Посла, бывшаго у Папы.*»

Сіе важное извѣстіе согласно съ грамотами Иннокентія IV, съ лѣтописями Польскими и нашими собственными. Занимаясь великимъ намѣреніемъ свергнуть иго Батыево, Данiилъ съ горестію видѣлъ слабость Россіи, уныніе Князей и народа; не могъ надѣяться на ихъ содѣйствіе, и долженствовалъ искать способовъ внѣ отечества. Единовѣрная Грецiя, стѣсненная Аравитянами, Турками, Крестоносцами, едва существовала: Данiилъ обратилъ глаза на Западъ, гдѣ Римъ былъ душею и средоточіемъ всѣхъ государственныхъ движеній. Сей Князь (въ 1245 или 1246 году) далъ знать Иннокентію, что желаетъ соединить Церковь нашу съ Латинскою, готовый подъ ея знаменами итти противъ Моголовъ. Началось дружелюбное сношеніе съ Римомъ[53]. Папа, называя Данiила Королемъ и любезнѣйшимъ сыномъ, велѣлъ Архіепископу Прусскому ѣхать въ Галицію, и выбрать тамъ Святителей изъ ученыхъ Монаховъ Католическихъ; объявилъ снисходительно, что всѣ обряды Греческой Вѣры, не противные Латинской, могутъ и впредь быть у насъ соблюдаемы невозбранно (какъ-то служеніе на квасныхъ просфирахъ), и въ знакъ особенной благосклонности утвердилъ супружество Князя Василька, женатаго на родственницѣ *въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ* (такъ сказано въ письмѣ Иннокентіевомъ, гдѣ сія дочь Георгія Суздальскаго име-

Полишика Данiилова.

нована *Добравою)*; наконецъ, чтобы обольстить Даніилово честолюбіе, предложилъ ему вѣнецъ Королевскій. Разумный Князь отвѣтствовалъ: «требую войска, а не вѣнца, «украшенія суетнаго, пока варвары господ- «ствуютъ надъ нами[64].» Иннокентій обѣщалъ и войско: но Даніилъ въ ожиданіи того медлилъ объявить себя Католикомъ; оба хитрили, досадовали, и въ 1249 году Легатъ Папскій съ неудовольствіемъ выѣхалъ изъ Галиціи. Посредничество Короля Венгерскаго утушило сію явную ссору: въ залогъ милости Иннокентій (въ 1253 или 1254 году) прислалъ къ Даніилу вѣнецъ съ другими Царскими украшеніями. Достойно замѣчанія, что Князь Галицкій, нечаянно вступивъ Пословъ Римскихъ въ Краковѣ, не хотѣлъ видѣть ихъ, сказавъ: «мнѣ, какъ «Государю, неприлично бесѣдовать съ ва- «ми въ землѣ чуждой.» Онъ вторично не хотѣлъ принять и короны; но убѣжденный матеріею, вдовствующею супругою Романовою, и Герцогами Польскими, согласился, требуя, чтобы Иннокентій взялъ дѣйствительнѣйшія мѣры для обороны Христіанъ отъ Батыя, и до всеобщаго Собора не осуждалъ Догматовъ Греческой Церкви: въ слѣдствіе чего Даніилъ призналъ Папу *своимъ отцемъ* и Намѣстникомъ Св. Петра, коего власти Посолъ Иннокентіевъ, Аббатъ Месинскій, въ присутствіи народа и Бояръ возложилъ вѣнецъ на главу его. Сей

Данiилъ, Король Галицкій.

достопамятный обрядъ совершился въ Дрогичинѣ, и Князь Галицкій съ того времени именовался *Королемъ*; а Папа написалъ грамоту къ Богемскому, Моравскому, Польскому, Сербскому и другимъ народамъ, чтобы они вмѣстѣ съ Галичанами *подъ знаменіемъ креста* ударили на Моголовъ[55]; но какъ опять безразсуднаго междоусобія Христіанскихъ Государей сіе ополченіе не состоялось, то Данiилъ снялъ съ себя личину, опрекся опять связи съ Римомъ и презрѣлъ гнѣвъ Папы, Александра IV, который (въ 1257 году) писалъ къ нему, что «онъ забылъ *духовныя* и «*временныя* благодѣянія Церкви, вѣнчавшей «и помазавшей его на царство; не испол«нилъ своихъ обѣтовъ, и погибнетъ, если «съ новымъ раскаяніемъ не обратится на «путь истины; что клятва церковная и «булатъ мірскій гоповы наказать неблаго«дарнаго[56].» Въ надеждѣ смирять Моголовъ Посольствами и дарами, новый Король Галицкій, богатый казною, сильный войскомъ, окруженный сосѣдами или несогласными или слабыми, уже смѣялся надъ злобою Папы, и строго наблюдая уставы Греческой Церкви, доказалъ, что мнимое присоединеніе его къ Латинской было одною государственною хитростію[57].

Обращаясь къ путешествію Карпина, предложимъ сказанное имъ о свойствѣ, нравахъ и Вѣрѣ Моголовъ: сіи извѣстія также достойны замѣчанія, сообщая намъ ясное по-

няпіе о народѣ, который сполъ долгое время угнеталъ Россію.

«Тапары (повѣствуетъ Карпинъ) ошлич-
«ны видомъ опъ всѣхъ иныхъ людей, имѣя
«щеки выпуклыя и надупыя, глаза едва
«примѣпные, ноги маленькія; большею ча-
«спію роспомъ не высоки и худы[58]; лицемъ
«смуглы и рябы. Они брѣюпъ волосы за
«ушами и спереди на лбу, оппуская усы,
«бороду и длинныя косы назади; выспри-
«гаюпъ себѣ пакже гуменцо, подобно на-
«шимъ Священникамъ. Мужчины и женщины
«носяпъ кафпаны парчевые, шелковые и
«клееношные, или шубы навыворопъ (по-
«лучая пкани изъ Персіи, а мѣха изъ Рос-
«сіи, Болгаріи, земли Мордовской, Башки-
«ріи) и какія-по спранныя высокія шапки[59].
«Живупъ въ шапрахъ, сплепенныхъ изъ
«прупьевъ и покрыпыхъ войлоками; вверху
«дѣлаепся опверспіе, чрезъ копорое вхо-
«дипъ свѣпъ и выходипъ дымъ: ибо у
«нихъ всегда пылаепъ огонь въ спавкѣ.
«Спада и пабуны Могольскіе безчисленны:
«въ цѣлой Европѣ нѣпъ пакого множеспва
«лошадей, вельблюдовъ, овецъ, козъ и ро-
«гапой скопины. Мясо и жидкая просяная
«каша есть главная пища сихъ дикарей, до-
«вольныхъ малымъ ея количеспвомъ. Они не
«знаюпъ хлѣба; ѣдяпъ все нечиспыми ру-
«ками, обпирая ихъ объ сапоги или праву;
«не моюпъ ни копловъ, ни самой одежды
«своей; любяпъ кумысъ и пьянспво до край-

«носпи, а медъ, пиво и вино получаюпъ
«иногда изъ другихъ земель. Мужчины не
«занимаюпся никакими рабопами: иногда при-
«смаприваюпъ полько за спадами или дѣ-
«лаюпъ спрѣлы. Младенцы шрехъ и двухъ
«лѣпъ уже садяпся на лошадь; женщины
«пакже ѣздяпъ верхомъ, и многія спрѣ-
«ляюпъ изъ лука не хуже воиновъ; въ хо-
«зяйспвѣ же удивипельно прудолюбивы:
«спряпаюпъ, шьюпъ плапье, сапоги; чи-
«нянъ пелеги, навьючиваюпъ вельблюдовъ.
«Вельможи и богапые люди имѣюпъ до спа
«женъ; двоюродные совокупляюпся бракомъ,
«пасынокъ съ мачихою; невѣспки съ деве-
«ремъ. Женихъ обыкновенно покупаепъ не-
«вѣсту у родипелей, и весьма дорогою цѣ-
«ною. Не полько прелюбодѣяніе, но и блудъ
«наказываепся смерпію, равно какъ и во-
«ровспво, сполъ необыкновенное, чпо Та-
«пары не упопребляюпъ замковъ; бояпся,
«уважаюпъ чиновниковъ, и въ самомъ пьян-
«спвѣ не ссоряпся или по крайней мѣрѣ не
«дерупся между собою; скромны въ обхож-
«деніи съ женщинами и ненавидяпъ срамо-
«словіе; перпѣливо сносяпъ зной, морозъ,
«голодъ, и съ пуспымъ желудкомъ поюпъ
«веселыя пѣсни; рѣдко имѣюпъ пяжбы, и
«любяпъ помогапь другъ другу; но за по
«всѣхъ иноплеменныхъ презираюпъ, какъ
«мы видѣли собспвенными глазами: на при-
«мѣръ, Ярославъ Великій Князь Россійскій,
«и сынъ Царя Грузинскаго, будучи въ Ордѣ,

«не смѣли иногда сѣсть выше своихъ при-
«сповъ. Тапаринъ не обманываетъ Тапа-
«рина; но обманутъ иностранца считается
«похвальною хитростію.

«Что касается до ихъ Закона, то они
«вѣруютъ въ Бога, Творца Вселенныя, на-
«граждающаго людей по ихъ достоинству;
«но приносятъ жертвы идоламъ, сдѣлан-
«нымъ изъ войлока или шелковой ткани,
«считая ихъ покровителями скота; обожа-
«ютъ солнце, огонь, луну, называя оную
«великою царицею, и преклоняютъ колѣна,
«обращаясь лицемъ къ Югу; славятся тер-
«пимостію и не проповѣдуютъ Вѣры своей;
«однакожь принуждаютъ иногда Христіанъ
«слѣдовать обычаямъ Могольскимъ: въ до-
«казательство чего разскажемъ случай, ко-
«торому мы были свидѣтелями. Батый ве-
«лѣлъ умертвить одного Князя Россійскаго,
«именемъ Андрея[60], будто бы за то, что
«онъ, вопреки Ханскому запрещенію, выпи-
«сывалъ для себя лошадей изъ Тапаріи и
«продавалъ чужеземцамъ. Братъ и жена уби-
«таго Князя, пріѣхавъ къ Батыю, молили
«его не отнимать у нихъ Княженія: онъ
«согласился, но принудилъ деверя къ брач-
«ному совокупленію съ невѣсткою, по обы-
«чаю Моголовъ.

«Не вѣдая правилъ истинной добродѣте-
«ли, они вмѣсто законовъ имѣютъ какія-
«то преданія, и считаютъ за грѣхъ бро-
«сить въ огонь ножикъ, опереться на

«хлыспъ, умерпвить пшеница, вылить мо-
«локо на землю, выплюнуть изо-рта пищу;
«но убивать людей и разорять Государства
«кажется имъ дозволенною забавою. О жиз-
«ни вѣчной не умѣютъ сказать ничего ясна-
«го, а думаютъ, что они и там будутъ
«ѣсть, пить, заниматься скотоводствомъ
«и проч. Жрецы ихъ суть такъ называе-
«мые волхвы, гадатели будущаго, коихъ
«совѣтъ уважается ими во всякомъ дѣлѣ.
«(Глава ихъ, или Патріархъ, живетъ обык-
«новенно близъ шатра Ханскаго[61]. Имѣя
«астрономическія свѣдѣнія, они предсказыва-
«ютъ пародну солнечныя и лунныя затме-
«нія).

«Когда занеможетъ Татаринъ, родные
«ставятъ передъ шатромъ копье, обвитое
«чернымъ войлокомъ: сей знакъ удаляетъ
«отъ больнаго всѣхъ постороннихъ. Умира-
«ющаго оставляютъ и родные. Кто былъ
«при смерти человѣка, тотъ не можетъ
«видѣть ни Хана, ни Князей до новой лу-
«ны. Знатныхъ людей погребаютъ тайно,
«съ пищею, съ осѣдланнымъ конемъ, сере-
«бромъ и золотомъ; телега и ставка умер-
«шаго должны быть сожжены, и никто не
«смѣетъ произнести его имени до третья-
«го поколѣнія. — Кладбище Хановъ, Князей,
«Вельможъ, неприступно: гдѣ бы они ни
«скончали жизнь свою, Моголы отвозятъ
«ихъ тѣла въ сіе мѣсто; там погребены
«многіе убитые въ Венгріи. Стражи едва

«было не заспрѣлили насъ, когда мы нечаян-
«но приближились къ гробамъ.

«Таковъ сей народъ, ненасытимый въ
«кровопролитіи. Побѣжденные обязаны да-
«вать Моголамъ десятую часть всего имѣ-
«нія, рабовъ, войско, и служатъ орудіемъ
«для испребленія другихъ народовъ. Въ на-
«ше время Гаюкъ и Батый прислали въ
«Россію Вельможу своего, съ тѣмъ, чтобы
«онъ бралъ вездѣ опъ двухъ сыновей препь-
«яго; но сей человѣкъ нахватадъ множество
«людей безъ всякаго разбора, и переписалъ
«всѣхъ жителей, какъ данниковъ, обложивъ
«каждаго изъ нихъ шкурою бѣлаго медвѣдя,
«бобра, куницы, хорька[62], и черною лисьею;
«а не платящіе должны быть рабами Мо-
«головъ. Сіи жестокіе завоеватели особенно
«спараются искоренять Князей и Вельможъ;
«требуютъ опъ нихъ дѣтей въ аманаты, и
«никогда уже не позволяютъ имъ выѣхать
«изъ Орды. Такъ *сынъ Ярославовъ*[63] и Князь
«Ясскій живутъ въ неволѣ у Хана. Началь-
«ники Могольскіе въ земляхъ завоеванныхъ
«именуются Баскаками, и при малѣйшемъ
«неудовольствіи льютъ кровь людей безо-
«ружныхъ: такъ испребили они *великое*
«*число Россіянъ, обитавшихъ въ землѣ По-*
«*ловецкой*[64].

«Однимъ словомъ, Татары хотятъ ис-
«полнить завѣщаніе Чингисханово и поко-
«рить всю землю: для того Гаюкъ име-
«нуетъ себя въ письмахъ *Государемъ міра,*

«прибавляя: *Богъ на небесахъ, я на землѣ.*
«Онъ гоповипся послапь въ Мартѣ 1247
«году одну рапь вь Венгрію, а другую въ
«Польшу; чрезъ три года перейти за Донъ
«и 18 лѣтъ воевать Европу. Моголы и
«прежде, побѣдивъ Короля Венгерскаго, ду-
«мали ипти безпрестанно далѣе и далѣе;
«но внезапная смерть Хана, *отравленнаго*
«*ядомъ*, оспавила тогда ихъ стремленіе[65].
«Гаюкъ намѣренъ еще завоевать Ливонію и
«Пруссію. Государи Европейскіе должны со-
«единенными силами предупредить замыслы
«Хана, или будутъ его рабами.»

Провидѣніе спасло Европу: ибо Гаюкъ жилъ не долго, и преемникъ его, Мангу, озабоченный внутренними безпорядками въ своихъ Азіатскихъ владѣніяхъ, не могъ исполнить Гаюкова намѣренія. Но Западъ еще долгое время спрашился Востока, и Святый Людовикъ, находясь въ Кипрѣ, въ 1253 году вторично отправилъ Монаховъ въ Тартарію съ дружелюбными письмами, услышавъ, что Великій Ханъ принялъ Вѣру Спасителеву. Сей слухъ оказался ложнымъ: Гаюкъ и Мангу терпѣли при себѣ Христіанскихъ Священниковъ, позволяли имъ спорить съ идолопоклонниками и Магометанами, даже обращать женъ Ханскихъ; но сами держались Вѣры отцевъ своихъ. Рубруквисъ, Посолъ Людовиковъ, ѣхалъ изъ Тавриды или *Козаріи* (гдѣ жили многіе Греки съ Готѳами подъ властію[66] Моголовъ), чрезъ нынѣшнюю

землю Донскихъ Козаковъ, Сарапповскую, Пензенскую и Симбирскую Губерніи, гдѣ въ гуспыхъ лѣсахъ и въ бѣдныхъ, разсѣянныхъ хижинахъ обитали Мокшане и Мордовскіе ихъ единоплеменники, богатые польку звѣриными кожами, медомъ и соколами[67]. Князь сего народа, принужденный воевапь за Башыя, положилъ свою голову въ Венгріи, и Мокшане, узнавъ шамъ Нѣмцевъ, говорили объ нихъ съ великою похвалою, желая, чпобы они избавили міръ опъ ненавистнаго ига Тапарскаго. Башый кочевалъ въ Казанской Губерніи, на Волгѣ, обыкновенно проводя шамъ лѣпо, а въ Августѣ мѣсяцѣ начиная спускапься внизъ по ея шеченію, къ спранамъ южнымъ[68]. Въ спанѣ Моголь-
скомъ и въ окреспноспяхъ находилось множеспво Россіянъ, Венгровъ, Ясовъ, копорые, заимспвуя нравы своихъ побѣдипелей, скипались въ спепяхъ и грабили пушеспвенниковъ. При Дворѣ сына Башыева, Сарпака, жилъ одинъ изъ славныхъ Рыцарей Храма, и пользовался довѣренноспію Моголовъ, часпо разсказывая имъ о Европейскихъ обычаяхъ и силѣ шамошнихъ Государей. — Рубруквисъ опъ береговъ Волги опправился въ южную Сибирь, и пріѣхавъ къ Великому Хану, спарался доказапь ему превосходспво Вѣры Хрисшіанской[69]; но Мангу равнодушно опвѣпспвовалъ: «Мого-
«лы знаюпъ, чпо есшь Богъ, и любяпъ
«Его всею душею. Сколько у тебя на рукѣ

«пальцевъ, сполько или болѣе можно най-
«пи пупей ко спасенію. Богъ далъ вамъ
«Библію, а намъ волхвовъ: вы не исполняе-
«те ея предписаній, а мы слушаемся своихъ
«наставниковъ, и ни съ кѣмъ не споримъ...
«Хочешь ли золота? Взявъ его изъ казны
«моей, иди, куда тебѣ угодно.» Посолъ Лю-
довиковъ нашелъ при Дворѣ Ханскомъ Рос-
сійскаго Архитектора и Діакона, Венгровъ,
Англичанъ и весьма искуснаго золотаря Па-
рижскаго, именемъ Гильйома, жившаго у
Мапгу въ чести и въ великомъ изобилiи[70].
Сей Гильйомъ сдѣлалъ для Хана огромное
серебряное дерево, упвержденное на четы-
рехъ серебряныхъ львахъ, которые служи-
ли чанами въ пиршествахъ: кумысъ, медъ,
пиво и вино подымались изъ нихъ до вер-
шины дерева и лились сквозь отверстый
зѣвъ двухъ вызолоченныхъ драконовъ на зем-
лю въ большіе сосуды; на деревѣ споялъ
крылатый Ангелъ и прубилъ въ прубу,
когда надлежало госпямъ пить. Моголы во-
обще любили художниковъ, обязанные спмъ
новымъ для нихъ вкусомъ мудрому правле-
нію безсмертнаго Иличупсая, о коемъ мы
выше упоминали, и который бывъ долгое
время Министромъ Чингисхана и преемника
его, ревностно старался образовать ихъ
подданныхъ: спасъ жизнь многихъ ученыхъ
Китайцевъ, основалъ училища, вмѣстѣ съ
Математиками Арабскими и Персидскими
сочинилъ Календарь для Моголовъ, самъ пе-

реводилъ книги, черпилъ географическія карпы, покровипельсптвовалъ художниковъ; и когда умеръ, по зависпники сего великаго мужа, къ спыду своему, нашли у него, вмѣспо предполагаемыхъ сокровищъ, множество рукописныхъ пвореній о наукѣ правипь Государспвомъ, объ Аспрономіи, Исторіи, Медицинѣ и земледѣліи[71].

Великій Ханъ, оппуская Людовикова Посла, далъ ему гордое письмо къ Королю Французскому, заключивъ оное сими словами: «Именемъ Бога Вседержипеля повелѣваю «пебѣ, Королю Людовику, быпь мнѣ по- «слушнымъ, и поржеспвенно объявишь, «чего желаешь: мира или войны? Когда во- «ля Небесъ исполнипся и весь міръ при- «знаепъ меня своимъ Власпипелемъ, погда «воцарипся на землѣ блаженное спокойспвіе, «и счаспливые народы увидяпъ, чпо мы «для нихъ сдѣлаемъ! Но если дерзнешь оп- «вергнупь повелѣніе Божеспвенное, и ска- «жешь, чпо земля пвоя опдалена, горы «пвои неприспупны, моря глубоки, и чпю «насъ не боишься: по Всесильный, облег- «чая прудное и приближая опдаленное, по- «кажепъ пебѣ, чпо можемъ сдѣлапь!» Такова была надменноспь Моголовъ!

Рубруквисъ возвращпился къ берегамъ Волги и пріѣхалъ въ Сарай, новый городъ, поспроенный Баппыемъ въ 60 верспахъ опъ Аспрахани, на берегу Ахпубы[72]. Не далеко оппуда, на среднемъ пропокѣ Волги, нахо-

дился и древнѣйшій городъ Сумеркенпъ, въ коемъ обипали Ясы и *Сарацины*[73]: Тапары осаждали его восемь лѣпъ и едва могли взяпь, по словамъ нашего пупешеспвенника. — Имѣвъ случай видѣпь Россіянъ, сей Посолъ Людовиковъ сказываепъ, чпо жены ихъ, украшая голову подобно Француженкамъ, опушиваюпъ низъ своего плапья бѣлками и горноспаями, а мужчины носяпъ *епанчи Нѣмецкія* и поярковыя шапки, оспроконечныя и высокія. Онъ прибавляепъ еще, чпо обыкновенная монепа Россійская сospоипъ изъ кожаныхъ, песпрыхъ лоскупковъ[74]. Чрезъ Дербенпъ, Ширванъ (гдѣ находилось великое число Жидовъ), Шамаху, Тифлисъ (гдѣ начальспвовалъ Могольскій Воевода Баку) Рубруквисъ прибылъ въ Арменію и благополучно доспигъ Кипра[75].

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ СВЯТОСЛАВЪ ВСЕВОЛОДОВИЧЬ, АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧЬ И АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

(Одинъ послѣ другаго).

Г. 2147 — 1263.

Александръ въ Ордѣ. Князь Московскій убитъ Литвою. Дряхлость Батыева. Посольство изъ Рима. Болѣзнь Александрова. Посольство въ Норвегію. Бѣгство Андреево. Благоразуміе Александра. Вѣпреность Новогородцевъ. Смерть Батыева. Исчисленіе жителей въ Россіи. Казнь Бояръ. Покушеніе Даніилово свергнуть иго. Откупщики Бесерменскіе. Кончина и добродѣтели Александровы. Выходцы изъ чужихъ земель. Мятежи въ Ордѣ.

Узнавъ о кончинѣ отца, Александръ сиѣшилъ въ Владиміръ, чтобы оплакать оную вмѣстѣ съ родными и взять нужныя мѣры для государственнаго порядка. Слѣдуя обыкновенію, дядя Невскаго, Святославъ, наслѣдовалъ престолъ Великокняжескій, утвердивъ сыновей Ярославовыхъ на ихъ частныхъ Княженіяхъ[76]. Г. 1247.

Доселѣ Александръ не преклонялъ выи въ Ордѣ, и Россіяне еще съ гордостію именовали его своимъ независимымъ Княземъ: даже спрашали имъ Моголовъ[77]. Батый слышалъ о знаменитыхъ его достоинствахъ и

велѣлъ сказать ему: «Князь Новогородскій! «извѣстно ли тебѣ, что Богъ покорилъ мнѣ «множество народовъ? Ты ли одинъ будешь «независимымъ? Но если хочешь властво- «вать спокойно, то явись немедленно въ «шатрѣ моемъ, да познаешь славу и вели- «чіе Моголовъ.» Александръ любилъ отече- ство болѣе своей Княжеской чести: не хо- тѣлъ гордымъ ослушаніемъ подвергнуть оное новымъ бѣдствіямъ, и презирая личную опасность не менѣе тщеславія, въ слѣдъ за братомъ Андреемъ поѣхалъ въ станъ Могольскій, гдѣ Батый, принявъ ихъ съ ласкою, объявилъ Вельможамъ, что слава не увеличила достоинствъ Александровыхъ, и что сей Князь дѣйствительно есть че- ловѣкъ необыкновенный: такое сильное впе- чатлѣніе сдѣлали въ немъ мужественный видъ Невскаго и разумныя слова его, оду- шевленныя любовію къ народу Россійскому и благородствомъ сердца! — Но Александръ и братъ его долженствовали, подобно Яро- славу, ѣхать въ Татарію къ Великому Хану. Сіи путешествія были ужасны: надлежало проспишься съ отечествомъ на долгое вре- мя, терпѣть голодъ и жажду, отдыхать на снѣгу или на землѣ раскаленной лучами солнца; вездѣ голая печальная степь, ли- шенная убранства и тѣни лѣсовъ, усѣян- ная костями несчастныхъ странниковъ; вмѣ- сто городовъ и селеній представлялись взо- ру одни кладбища народовъ кочующихъ[78].

Алек- санд. въ Ор- дѣ.

Можетъ быть, въ самой глубокой древности ходили тамъ караваны купеческіе: Скиѳы и Греки сражались съ опасностію, нуждою и скукою, по крайней мѣрѣ въ надеждѣ обогатиться золотомъ; но что ожидало Князей Россійскихъ въ Татаріи? уничиженіе и горесть. Рабство, тягостное для народа, еще несноснѣе для Государей, рожденныхъ съ правомъ властвовать. Сыновья Ярославовы, скитаясь въ сихъ мертвыхъ пустыняхъ, воспоминали плачевный конецъ отца своего, и думали, что они также, можетъ быть, навѣки простились съ любезнымъ отечествомъ.

Въ отсутствіе Александра меньшій братъ его, Михаилъ Московскій, прозваніемъ *Храбрый*, изгналъ — какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ — *дядю* ихъ, Святослава, изъ Владиміра, но въ ту же зиму, воюя съ Литвою, положилъ свою голову въ битвѣ. Тѣло его осталось на берегу Протвы[79]: Епископъ Суздальскій, Кириллъ, ревностный блюститель Княжеской чести, велѣлъ привезти оное въ Владиміръ и положилъ въ стѣнѣ храма Соборнаго; а братья Михаиловы отмстили Литовцамъ, разбивъ ихъ близъ Зубцева. Г. 1248. Князь Московскій убитъ Литвою.

Наконецъ Александръ и братъ его благополучно возвратились отъ Великаго Хана, который столь былъ доволенъ ими, что поручилъ Невскому всю южную Россію и Кіевъ, гдѣ господствовали чиновники Ба- Г. 1249.

пыевы. Андрей же сѣлъ на пресполѣ Владимірскомъ; а дядя ихъ, Святославъ, безъ успѣха ѣздивъ жаловаться на то въ Орду, чрезъ два года скончался въ Юрьевѣ Польскомъ[80]. Удѣльные Князья Владимірскіе зависѣли тогда въ особенности отъ Сарпака, и часто бывали въ его станѣ — какъ то Борисъ Ростовскій и Глѣбъ Васильковичь Бѣлозерскій — ибо дряхлый Батый, отецъ Сарпаковъ, хотя жилъ еще нѣсколько лѣтъ, но уже мало занимался дѣлами покоренной Россіи[81].

Г. 1250.

Дряхлость Батыева.

Въ сіе время Герой Невскій, коего имя сдѣлалось извѣстно въ Европѣ, обратилъ на себя вниманіе Рима, и получилъ отъ Папы, Иннокентія IV, письмо, врученное ему, какъ сказано въ нашихъ лѣтописяхъ, двумя хитрыми Кардиналами, Гальдомъ и Гемонтомъ[82]. Иннокентій увѣрялъ Александра, что Ярославъ, отецъ его, находясь въ Татаріи у Великаго Хана, съ вѣдома или по совѣту какого-то Боярина далъ слово Монаху Карпину принять Вѣру Латинскую, и безъ сомнѣнія исполнилъ бы свое обѣщаніе, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный къ истинному стаду Христову; что сынъ обязанъ слѣдовать благому примѣру отца, если хочетъ душевнаго спасенія и мірскаго счастія; что въ противномъ случаѣ онъ доказалъ бы свою безразсудность, не слушаясь Бога и Римскаго Его Намѣстника; что Князь и народъ Рос-

По. сольство изъ Рима.

сійскій найдутъ тишину и славу подъ сѣнію Западныя Церкви; что Александръ долженъ, какъ вѣрный спражъ Христіанъ, немедленно увѣдомить Рыцарей Ливонскаго Ордена, если Моголы снова пойдутъ на Европу. Папа въ заключеніе хвалитъ Невскаго за то, что онъ не призналъ надъ собою власти Хана: ибо Иннокентій еще не слыхалъ тогда о путешествіи сего Князя въ Орду. Александръ, призвавъ мудрыхъ людей, совѣтовался съ ними, и написалъ къ Папѣ: «мы знаемъ истинное ученіе Церкви, «а вашего не пріемлемъ и знать не хотимъ.» Онъ безъ сомнѣнія не повѣрилъ клеветѣ на память отца его: самъ Карпинъ въ описаніи своего путешествія не говоритъ ни слова о мнимомъ обращеніи Ярослава.

Новогородцы встрѣтили Невскаго съ живѣйшею радостію; также и Митрополита Кирилла, который прибылъ изъ Владиміра, и къ общему удовольствію посвятилъ ихъ Архіепископа, Далмата[83]. Внутреннее спокойствіе Новагорода было нарушено только случайнымъ недостаткомъ въ хлѣбѣ, пожарами и весьма опасною болѣзнію Князя Александра, въ коей все Государство принимало участіе, возлагая на него единственную свою надежду: ибо онъ, умѣвъ заслужить почтеніе Моголовъ, разными средствами благотворилъ несчастнымъ согражданамъ и посылалъ въ Орду множество золота для искупленія Россіянъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ.

Г. 1251.

Г. 1251 — 52. Болѣзнь Александрова.

Богъ услышалъ искреннюю молитву народа, Бояръ и Духовенства: Александръ выздоровѣлъ, и желая оградить безопасностію сѣверную область Новогородскую, отправилъ Посольство къ Норвежскому Королю Гакону въ Дронтгеймъ, предлагая ему, чтобы онъ запретилъ Финмаркскимъ своимъ подданнымъ грабить нашу Лопь и Корелію[84]. Посламъ Россійскимъ велѣно было также узнать лично Гаконову дочь, именемъ Христину, на коей Александръ думалъ женить сына своего, Василія. Король Норвержскій, согласный на то и другое, послалъ въ Новгородъ собственныхъ Вельможъ, которые заключили миръ и возвратились къ Гакону съ богатыми дарами; но съ обѣихъ сторонъ желаемый бракъ не могъ тогда совершиться, ибо Александръ, свѣдавъ о новыхъ несчастіяхъ Владимірскаго Княжества, отложилъ семейственное дѣло до инаго, благопріятнѣйшаго времени, и спѣшилъ въ Орду, чтобы прекратить сіи бѣдствія.

Посольство въ Норвегію.

Братъ его, Андрей, зять Даніила Галицкаго, хотя имѣлъ душу благородную, но умъ вѣтреный и неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго[85]: княжа въ Владимірѣ, занимался болѣе звѣриною ловлею, нежели правленіемъ; слушался юныхъ совѣтниковъ, и видя безпорядокъ, обыкновенно происходящій въ Государствѣ отъ слабости Государей, винилъ въ томъ не самого себя,

не любимцевъ своихъ, а единспвенно несчаспныя обспояпельспва времени. Онъ не могъ избавипь Россію опъ ига: по крайней мѣрѣ, слѣдуя примѣру опца и брапа, могъ бы дѣяпельнымъ, мудрымъ правленіемъ и благоразумною уклончивоспію въ разсужденіи Моголовъ облегчипь судьбу подданныхъ: въ семъ соспояло погда испинное великодушіе. Но Андрей пылкій, гордый, положилъ, чпо лучше опказапься опъ преспола, нежели сидѣпь на немъ данникомъ Бапыевымъ, и пайно бѣжалъ изъ Владиміра съ женою своею и съ Боярами. Неврюй, Олабуга, прозваніемъ *Храбрый*, и Копья, Воеводы Тапарскіе, уже шли въ сіе время наказапь его за какое-по ослушаніе: наспиг- Бѣгспво Андреево.
нувъ Андрея у Переславля, разбили Княжескую дружину, и едва не схвапили само- Г. 1252, Іюля
го Князя. Обрадованныя случаемъ мспипь 24.
Россіянамъ какъ мяпежникамъ, полпы Неврюевы разсыпались по всѣмъ обласпямъ Владимірскимъ; брали скопъ, людей; убили въ Переславлѣ Воеводу[86], супругу юнаго Ярослава Ярославича, плѣнили его дѣпей, и съ добычею удалились. — Несчаспный Андрей искалъ убѣжища въ Новѣгородѣ; но жипели не хопѣли принять его. Онъ дождался своей Княгини во Псковѣ; оспавилъ ее въ Колыванѣ или Ревелѣ у Дапчанъ, и моремъ опправился въ Швецію, куда чрезъ нѣкопорое время пріѣхала къ нему и супруга. Но добродушная ласка Шведовъ не могла

упѣшишь его въ семъ произвольномъ изгнаніи: отечество и престолъ не замѣняются дружелюбіемъ иноземцевъ.

Благоразуміе Александра.

Александръ благоразумными представ-леніями смирилъ гнѣвъ Сарпака на Россіянъ, и признанный въ Ордѣ *Великимъ Княземъ*, съ торжествомъ въѣхалъ въ Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, Игумены, Священники встрѣтили его у Золотыхъ воротъ, также всѣ граждане и Бояре подъ начальствомъ Тысячскаго столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александръ спѣшилъ оправдать ее неусыпнымъ попеченіемъ о народномъ благѣ, и скоро воцарилось спокойствіе въ Великомъ Княженіи: люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и Священники къ олтарямъ. — Въ сіе время Татары отпустили отъ себя Рязанскаго Князя, Олега Ингваричa, который, долгое время страдавъ въ неволѣ, чрезъ 6 лѣтъ умеръ въ отчизнѣ Монахомъ и Схимникомъ[87]. Сынъ его, Романъ, наслѣдовалъ престолъ Рязанскій.

Выѣхавъ изъ Новагорода, Александръ оставилъ сына своего, Василія, который счастливо отразилъ Литовцевъ. Псковъ, внезапно осажденный Ливонскими Рыцарями, за-

Г. 1253.

щищался мужественно. Непріятель отступилъ, свѣдавъ, что идутъ Новогородцы; а Россіяне и Корела, опустошивъ часть Ливоніи, въ окрестностяхъ Наровы разбили

Нѣмцевъ, такимъ образомъ наказанныхъ за нарушеніе мира и принужденныхъ согласиться на всѣ требованія побѣдителей.

Между тѣмъ, какъ Великій Князь радовался успѣхамъ оружія Новогородскаго, Г. 1255.
онъ былъ изумленъ нечаяннымъ извѣстіемъ, что сынъ его, Василій, съ безчестіемъ изгнанъ оттуда и пріѣхалъ въ Торжекъ. За годъ до сего времени, братъ Невскаго, Ярославъ, княживъ въ Твери, по какимъ-то неудовольствіямъ выѣхалъ оттуда съ Боярами, сдѣлался Княземъ Псковскимъ, и разными хитростями преклонилъ къ себѣ Новогородцевъ. Они спали жаловаться на Василія, хотѣли послать Архіепископа съ челобитьемъ къ Александру, и вдругъ, забывъ благодѣянія Невскаго Героя, объявили Ярослава своимъ Правителемъ. Великій Князь, огорченный поступкомъ брата и народа, ему любезнаго, вооружился, въ надеждѣ смирить ихъ безъ кровопролитія. Ярославъ, не посмѣвъ обнажить меча, скрылся; но граждане, призывая имя Богоматери, клялися на Вѣчѣ умереть другъ за друга и спали полками на улицахъ. Впрочемъ не всѣ дѣйствовали единодушно: многіе Бояре думали единственно о личныхъ выгодахъ: они желали торговаться съ Великимъ Княземъ, чтобы предать ему народъ. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Михалко, гражданинъ властолюбивый, который, лаская Посадника Ананію, тайно намѣревался заступить его мѣ- Въ-преность Новогородцевъ.

спо, и бѣжалъ въ Георгіевскій монастырь, велѣвъ собраться тамъ своимъ многочисленнымъ единомышленникамъ. Граждане устремились за нимъ въ погоню; кричали: «онъ «измѣнникъ! убьемъ злодѣя!» Но Посадникъ, не зная Михалкова умыслу, спасъ сего мнимаго друга и говорилъ имъ съ твердостію: *убейте прежде меня самого!* Въ благодарность за такую услугу Михалко, встрѣтивъ Александра, описалъ ему Ананію какъ перваго мятежника, и Посолъ Великаго Князя, пріѣхавъ въ Новгородъ, объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, чтобы они выдали ему Посадника, или разгнѣванный Государь будетъ ихъ непріятелемъ[88]. Народъ отправилъ къ Александру Далмата Архіепископа и Клима Тысячскаго. «Новгородъ любитъ «тебя и не хочетъ противиться своему «законному Князю,» говорили ему сіи Послы: «иди къ намъ съ Богомъ, но безъ гнѣва, и «не слушайся нашихъ измѣнниковъ. Ананія «есть добрый гражданинъ.» Александръ, отвергнувъ всѣ ихъ убѣжденія, требовалъ головы Посадника. Въ подобныхъ случаяхъ Новогородцы стыдились казаться малодушными. «Нѣтъ,» говорилъ народъ: «если Князь «вѣритъ Новогородскимъ кляпвопреступни«камъ болье, нежели Новугороду, то Богъ «и Святая Софія не оставятъ насъ. Не «винимъ Александра, но будемъ тверды.» Они три дни стояли вооруженные. Наконецъ Князь велѣлъ объявить имъ, что онъ

удовольствуется смѣною Посадника. Тогда Ананія съ радостію отказался отъ своего верховнаго сана, а коварный Михалко принялъ начальство. Александръ вступилъ въ Новгородъ, давъ слово не стѣснять правъ народныхъ, и съ честію возвратился въ столицу Владимірскую.

Скоро Шведы, Финны и Нѣмцы явились на берегахъ Наровы, и заложили тамъ городъ[89]. Встревоженные Новогородцы послали гонцевъ къ Александру и въ свои области для собранія людей ратныхъ. Хотя опасность миновалась — ибо Шведы ушли, не достроивъ крѣпости — но Великій Князь, немедленно прибывъ въ Новгородъ съ Митрополитомъ Кирилломъ, велѣлъ полкамъ изготовиться къ важному предпріятію, не сказывая ничего болѣе. Только у Копорья, гдѣ Митрополитъ далъ Невскому благословеніе на путь, свѣдали воины, что они идутъ въ Финляндію: устрашенные дальнимъ зимнимъ походомъ, многіе Новогородцы возвратились домой; прочіе сносили терпѣливо ужасныя вьюги и мятели. Погибло множество людей; однакожь Россіяне достигли своей цѣли, то есть, опустошили знатную часть Финляндіи, гдѣ, по сказанію Шведскихъ Историковъ, нѣкоторые жители держали нашу сторону, недовольные правленіемъ Шведовъ и насильственными ихъ поступками. Г. 1256.

Поручивъ Новгородъ сыну своему, Василію, Александръ долженспвовалъ снова ѣхать въ Орду, гдѣ произошла тогда великая перемѣна[90]. Батый умеръ: сынъ его — вѣроятно Сарпакъ — хотѣлъ господспвовать надъ Тапарами, но былъ жертвою властолюбиваго дяди, именемъ Берки, который, умертвивъ племянника, согласно съ волею Великаго Хана объявилъ себя преемникомъ Батыевымъ, и ввѣрилъ дѣла Россійскія своему Намѣспнику Улавчію. Сей Вельможа принималъ нашихъ Князей и дары ихъ: къ нему явился Александръ съ Борисомъ Васильковичемъ и брапомъ Андреемъ (ибо сей послѣдній уже возвратился иогда въ опечеспво и жилъ въ Суздалѣ). Вѣроятно, чпо они, свѣдавъ намѣреніе Тапаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому Княженію, опредѣленною данію по числу людей, желали опвратить сію пягоспь, но пщетно: въ слѣдъ за ними пріѣхали чиновники Тапарскіе въ область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, — сочли жипелей, и посиавили надъ ними Десяпниковъ, Сопниковъ, Темниковъ, для собранія налоговъ, увольняя опъ сей общей дани полько церковниковъ и Монаховъ. Хипроспь доспойная замѣчанія. Моголы, вспупивъ въ наше опечесиво, съ равною свирѣпоспію лили кровь и мірянъ и Духовныхъ, ибо не думали жипь близъ его предѣловъ, и спрашась оспавипь за собою многочислен-

Смер. Батыева.

Г. 1257.

Исчисленіе жипелей въ Россіи.

ныхъ враговъ, хотѣли мимоходомъ истребить всѣхъ людей; но обстоятельства перемѣнились. Орда Батыева расположилась навсегда кочевать въ привольныхъ окрестностяхъ Волги и Дона: Ханъ ея для своихъ выгодъ долженъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ щадить подданную ему Россію, богатую естественными и для самыхъ варваровъ нужными произведеніями; узнавъ же власть Духовенства надъ совѣстію людей, вообще усердныхъ къ Вѣрѣ, Моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало Россіянъ противоборствовать игу Татарскому, и чтобы Ханъ тѣмъ спокойнѣе могъ повелѣвать нами. Изъявляя уваженіе къ Духовенству, сіи завоеватели хотѣли доказать, что они не суть враги Бога Русскаго, какъ думалъ народъ. — Въ одно время съ Александромъ возвратился изъ Орды Глѣбъ Васильковичь: сей Князь Бѣлозерскій ѣздилъ къ Великому Хану, и тамъ женился, безъ сомнѣнія на какой нибудь Могольской Христіанкѣ, ибо самыя жены Хановъ явно исповѣдывали Вѣру Спасителеву[31]. Онъ надѣялся симъ брачнымъ союзомъ доставить нѣкоторыя выгоды своему утѣсненному отечеству.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Великій Князь вторично ѣздилъ къ Улавчію съ Борисомъ Ростовскимъ, съ Андреемъ Суздальскимъ и Ярославомъ Тверскимъ (который, признавъ вину свою, уже снова пользовался искрен- Г. 1257—58.

нею дружбою Александра). Намѣстникъ Ханскій пребовалъ, чпобы Новгородъ пакже плапилъ дань поголовную[92]: Герой Невскій, пѣкогда ревноспный поборникъ Новогородской чеспи и вольноспи, долженъ былъ съ гореспію взяпь на себя дѣло споль непріяпное и склонипь къ рабспву народъ гордый, пылкій, копюрый все еще славился своею исключипельною независимоспію. Вмѣспѣ съ Тапарскими чиновниками и съ Князьями, Андреемъ и Борисомъ, Александръ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жипели, свѣдавъ о его намѣреніи, пришли въ ужасъ. Напрасно говорили нѣкопорые и Посадникъ Михалко, чпо воля сильныхъ еспь законъ для благоразумія слабыхъ, и чпо сопропивленіе безполезно: народъ опвѣщспвовалъ грознымъ воплемъ, умерпвилъ Посадника и выбралъ другаго. Самъ юный Князь Василій, по внушенію своихъ Бояръ, уѣхалъ изъ Новагорода во Псковъ, объявивъ, чпо не хочепъ повиноващься опцу, везущему съ собою оковы и спыдъ для людей вольныхъ. Въ семъ расположеніи Александръ нашелъ большую часпь гражданъ, и не могъ ничѣмъ перемѣнипь его: они рѣшипельно опказались опъ дани, но оппуспили Могольскихъ чиновниковъ съ дарами, говоря, чпо желаюпъ быпь въ мирѣ съ Ханомъ, однакожъ свободными опъ ига рабскаго.

Казнь Бояръ

Великій Князь, негодуя на ослушнаго сына, велѣлъ схвапипь его во Псковѣ и подъ

спражею отвезти въ Суздальскую землю; а Бояръ, наставниковъ Василіевыхъ, казнилъ безъ милосердія. Нѣкоторые были ослѣплены, другимъ обрѣзали носъ: казнь жестокая; но современники признавали ее справедливою, и самый народъ считалъ ихъ виновными, ибо они возмутили сына противъ отца: столь власть родительская казалась священною!

Александръ оставался въ Новѣгородѣ, и предвидя, что Ханъ не удовольствуется дарами, ждалъ слѣдствій непріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ пришло извѣстіе изъ Владиміра, что войско Ханово уже готово идти къ Новугороду. Сія вѣсть, впрочемъ ложная, имѣла такое дѣйствіе въ народѣ, что онъ на все согласился, и Великій Князь увѣдомилъ Моголовъ о его покорности. Чиновники ихъ, Беркай и Касачикъ, съ женами и со многими товарищами явились на берегахъ Волхова для переписи людей, и начали-было уже собирать дань въ окрестностяхъ столицы, но столь наглымъ и для бѣдныхъ утѣснительнымъ образомъ, что граждане, свѣдавъ о томъ, вдругъ перемѣнили мысли. Сдѣлалось волненіе: чиновники Могольскіе требовали стражи для своей безопасности. Александръ приставилъ къ нимъ Посадникова сына и Боярскихъ дѣтей, чтобы они днемъ и ночью сберегли ихъ домы. Мятежъ не утихалъ. Бояре совѣтовали народу исполнить волю Княжескую, а народъ

г. 1259.

не хотѣлъ слышать о дани, и собирался вокругъ Софійской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слухъ, что Татары и сообщники ихъ намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ. Наконецъ Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: выѣхалъ изъ дворца съ Могольскими чиновниками, объявивъ, что онъ предаетъ мятежныхъ гражданъ гнѣву Хана и несчастной судьбѣ ихъ, навсегда разстается съ ними и ѣдетъ въ Владиміръ. Народъ поколебался: Бояре воспользовались симъ расположеніемъ, чтобы склонить его упорную выю подъ ненавистное ему иго, дѣйствуя, какъ говоритъ Лѣтописецъ, согласно съ своими личными выгодами. Дань поголовная, пребуемая Моголами, угнетала скудныхъ, а не богатыхъ людей, будучи для всѣхъ равная; бѣдствіе же войны отчаянной спрашило послѣднихъ гораздо болѣе, нежели первыхъ. — И такъ народъ покорился, съ условіемъ, кажется, не имѣть дѣла съ Баскаками и доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ Орду или чрезъ Великихъ Князей. — Моголы ѣздили изъ улицы въ улицу, переписывая домы; безмолвіе и скорбь царствовали въ городѣ. Бояре еще могли утѣшаться своею знатностію и роскошнымъ избыткомъ: добрые, простые граждане, утративъ народную честь, лишились своего лучшаго достоянія. — Вельможи Татарскіе, распорядивъ налоги, удалились. Але-

ксандръ поручилъ Новгородъ сыну Димитрію и возвратился въ Великое Княженіе черезъ Росповъ, гдѣ вдовствующая супруга Василькова, Марія, Князь Борисъ и Глѣбъ угостили его съ любовію[93]; но сей Государь великодушный могъ ли быть счастливъ и веселъ въ погдашнихъ обстоятельствахъ Россіи?

Покушеніе Даніилово свергнуть его.

Отечество наше работствовало отъ Днѣстра до Ильменя. Даніилъ Галицкій, будучи смѣлѣе Александра, тщетно думалъ по смерти Батыя избавиться отъ власти Моголовъ. Дѣятельностію ума необыкновеннаго возстановивъ свое Княженіе и загладивъ въ немъ слѣды Татарскаго опустошенія, онъ бралъ участіе въ дѣлахъ Европы, и два раза ходилъ помогать Белѣ Венгерскому, непріятелю Императора Фридерика и Короля Богемскаго[94]. (Венгры, по словамъ Лѣтописца, удивлялись стройности полковъ Россійскихъ, ихъ Татарскому оружію, и пышности самого Князя, его богатой одеждѣ Греческой, обшитой золотыми кружевами, — саблѣ, стрѣламъ, сѣдлу, окованнымъ драгоцѣнными металлами съ блестящею рѣзьбою.) Сія вражда была за области умершаго Герцога Австрійскаго, Фридерика: Бела, Императоръ и Король Богемскій хотѣли овладѣть ими. Первый объявилъ себя защитникомъ дочери Фридериковой, именемъ Гертруды, уступившей ему свои наслѣдственныя права; женилъ на ней Да-

нiилова сына, Романа; опправилъ ихъ въ Юденбургъ, и клялся Герпрудѣ опдать ей Авспрію и Спирію, какъ скоро завоюетъ оныя. Тѣмъ усерднѣе Данiилъ доброжелательспвовалъ Королю Венгерскому; не смотря на глазную болѣзнь, которая мѣшала ему видѣпь, выспупилъ въ поле съ Краковскимъ Герцогомъ, разорилъ Богемскую Силезію, взялъ Носселыпъ, выжегъ окреспности Троппавскія и возвращился, довольный мыслію, чпо никпо изъ древнихъ Героевъ Россійскихъ, ни Св. Владиміръ, ни великій опецъ его, не воевалъ споль далеко въ землѣ Нѣмецкой. Хотя Бела не исполнилъ даннаго Герпрудѣ слова и даже не защипилъ ея супруга, осажденнаго Богемскимъ Прицемъ въ Юденбургѣ (пакъ чпо Романъ, оспавивъ беременную жену, принужденъ былъ уйпи къ опцу): но Данiилъ оспался другомъ Венгровъ. — Счаспливыя войны съ Япвягами и съ Липвою болѣе и болѣе прославляли мужеспво сего Князя[95]. Первые, не находя безопасноспи и за своими лѣсиспыми болопами, согласились плапипь ему дань черными куницами и серебромъ. Въ Липвѣ господспвовалъ погда славный Миндовгъ, баснословно производимый нѣкопорыми лѣпописцами опъ племени древнихъ Римлянъ, а другими опъ нашихъ Князей Полоцкихъ[96]. Онъ жилъ въ Керновѣ, повелѣвалъ всѣми иными Князьками Липовскими, и грабя сосѣдспвенныя земли Христiі-

анскія, искалъ пріязни одного Даніила, который женился вторымъ бракомъ на его племянницѣ. Нѣсколько времени бывъ друзьями, они сдѣлались непріятелями. Миндовгъ, опасаясь честолюбивыхъ братьевъ Даніиловой супруги, Товтивила и Эдивида, велѣлъ имъ воевать Смоленскую область, но въ то же время замышлялъ ихъ убить. Племянники свѣдали и бѣжали въ Владиміръ Волынскій. Обрадованный случаемъ унизить гордость Миндовга, Даніилъ представилъ Ляхамъ и Рижскимъ Нѣмцамъ, что междоусобіе Князей Литовскихъ есть счастіе для Христіанъ, и что надобно онымъ воспользоваться. Нѣмцы дѣйствительно вооружились: Россіяне также; самые Ятвяги и Жмудь, въ угодность имъ, возстали на Литву. Даніилъ завоевалъ Гродно и другія мѣста Литовскія; но скоро Нѣмцы измѣнили, отчасти подкупленные Миндовгомъ, отчасти имъ обманутые: ибо сей хитрый язычникъ, видя бѣду, принялъ Вѣру Латинскую, и заслужилъ покровительство легкомысленнаго Папы, Александра IV, давшаго ему санъ Королевскій[97]. Чрезъ два года увидѣли обманъ: Миндовгъ, въ крайности уступивъ Даніилову сыну, Роману, Новогродокъ, Слонимъ, Волковискъ, и выдавъ дочь свою за его меньшаго брата, именемъ Шварна, отдохнувъ и собравъ силы, снова обратился къ идолослуженію и къ разбоямъ, гибельнымъ для Рижскаго Ордена, Мазовіи, Смо-

ленскихъ, Черниговскихъ, даже Новогородскихъ областей.

Въ сіе время Даніилъ, ободряемый Королемъ Венгерскимъ, Ляхами и собственными успѣхами воинскими, дерзнулъ объявить себя врагомъ Моголовъ. Они вступили въ Понизье и заняли Бакопу: юный Левъ Даніиловичь, выгнавъ ихъ оттуда, плѣнилъ Баскака Ханскаго. Темникъ Башыевъ, Куремса, не могъ взять Кременца, и сильно убѣждаемый Изяславомъ Владиміровичемъ (внукомъ Игоря Сѣверскаго) итти къ Галичу, оповѣщтвовалъ: «Даніилъ спрашенъ!» Вся южная Россія съ безпокойствомъ ждала слѣдствій; а мужественный Даніилъ, плѣнивъ Изяслава, и пользуясь изумленіемъ Татаръ, отнялъ у нихъ города между рѣками Бугомъ и Теперевомъ, гдѣ Баскаки господствовали какъ въ своихъ Улусахъ. Онъ хотѣлъ даже освободить и Кіевъ, но возвратился съ пути, чтобы защитить Луцкую область, разоряемую Литовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даніилъ веселился мыслію о совершенной независимости, когда новыя безчисленныя толпы Моголовъ, ведомыя свирѣпымъ Буровдаемъ, преемникомъ слабаго Куремсы, явились на границахъ Литвы и Россіи. «Желаю знать, другъ ли «ты Хану или врагъ?» сказали Королю Галицкому Послы Буровдаевы: «если другъ, «то иди съ нами воевать Литву.» Даніилъ колебался, видѣлъ превосходство силъ Та-

парскихъ, медлилъ, и наконецъ послалъ Василька къ Буровдаю, съ дружиною и съ ласковыми словами, которыя сперва имѣли счасппливое дѣйспвіе. Сонмы Моголовъ успремились на Липву, дополѣ имъ неизвѣспную; одни дремучіе лѣса и вязкія болопа могли спасши жипелей; города и веси исчезли. Япвяги испыпали по же бѣдспвіе. Хваля мужесптво, оказанное брапомъ Данiиловымъ въ разныхъ сшибкахъ, Буровдай опиуспилъ его въ Владимiръ. Прошло два года въ пишинѣ и спокойспвіи для юго-западной Россіи. Данiилъ, именуя себя другомъ Ханскимъ, спроилъ, укрѣплялъ города, и не преспавалъ надѣяпься, чпо Державы сосѣдспвенныя рано или поздно увидяпъ необходимоспь дѣйспвовапь общими силами пропивъ варваровъ; но Буровдай опкрылъ глаза, и вспушивъ въ обласпь Галицкую, далъ знапь ея Королю, чпобы онъ явился въ его спанѣ какъ смиренный данникъ, или ждалъ казни. Данiилъ послалъ къ нему брапа, сына, Холмскаго Епископа Iоанна и дары. «Хопипе ли увѣриль насъ въ «искренней покорноспи?» говорилъ Темникъ Хановъ: «разберипе или предайпе огню «спѣны крѣпоспей вашихъ; сравняйпе ихъ «окопы съ землею.» Василько и Левъ не смѣли ослушапься: города Даниловъ, Спожекъ, Кременецъ, Луцкъ, Львовъ, не задолго до пого времени основанный и названный именемъ спаршаго сына Дані-

илова, обратились въ села, бывъ лишены своихъ укрѣпленій, ненавистныхъ Тапарамъ. Бурондай веселился, смотря на пылающія стѣны и башни Владимірскія; хвалилъ повиновеніе Василька, и въ знакъ особеннаго удовольствія нѣсколько дней пировавъ въ его дворцѣ, пошелъ къ Холму, откуда гонимый Даніилъ уѣхалъ въ Венгрію. Провидѣніе вторично спасло сей городъ хитростію Василька, который, будучи посланъ съ двумя Мурзами (знавшими Русскій языкъ), чтобы склонить жителей къ сдачѣ, взялъ въ руку камень, и сказавъ: «не велю вамъ «обороняться,» кинулъ его на землю. Воевода Холмскій угадалъ мысль Князя, и съ притворнымъ гнѣвомъ отвѣтствовалъ ему: «удались; ты врагъ Государя нашего.» Василько дѣйствительно хотѣлъ, чтобы жители сопротивлялись, имѣя лучшихъ ратниковъ, укрѣпленія надежныя и много самопрѣловъ; а Тапары, не любя долговременныхъ, кровопролитныхъ осадъ, чрезъ нѣсколько дней отступили, чтобы воевать Польшу, гдѣ Василько и Левъ служили имъ невольнымъ орудіемъ въ злодѣйствахъ. Такъ сіи Князья уговорили Сендомирскаго начальника сдаться, обѣщая ему и гражданамъ безопасность; но съ горестію должны были видѣть, что Моголы, въ противность условію, рѣзали и топили народъ въ Вислѣ. Наконецъ Бурондай возвратился къ берегамъ Днѣпра, съ угрозою, что областіи

Волынская и Галицкая снова будутъ пепломъ, если ихъ Князья не захотятъ мирно рабствовать и платить дани Хану.

Слѣдственно важныя усилія и хитрости Даніиловы оспались безполезными. Онъ не нашелъ помощи ни въ Краковѣ, ни въ Венгріи, къ единственному утѣшенію своему свѣдавъ на пути, что Василько побѣдилъ Миндовга, слабаго пропивъ Моголовъ, но ужаснаго для сосѣдственныхъ образованныхъ Государствъ. Какъ скоро Буровдай удалился, хищные Литовцы опустошили Мазовію, убили ея Князя Самовита и впали въ наше владѣніе близъ Камена, предводимые какимъ-то измѣнникомъ, Бояриномъ Рязанскимъ, Евстафіемъ. Василько, разбивъ ихъ на берегахъ озера Невельскаго, послалъ къ брату множество трофеевъ, коней осѣдланныхъ, щитовъ, шлемовъ и копій Литовскихъ.

Мы описали здѣсь случаи нѣсколькихъ лѣтъ относительно къ юго-западной Россіи, которая со временъ Батыева нашествія отдѣлилась отъ сѣверной, имѣя особенную систему государственную, связанную съ дѣлами Венгріи, Польши и Нѣмецкаго Ордена гораздо болѣе, нежели съ Суздальскими или Новогородскими. Послѣднія для насъ важнѣе: ибо тамъ рѣшилась судьба нашего отечества.

Александръ Невскій, по возвращеніи своемъ въ Владиміръ, терпѣливо сносилъ бремя жестокой зависимости, которое болѣе

и болѣе отягощало народъ. Господство Моголовъ въ Россіи открыло туда путь многимъ купцамъ Бесерменскимъ, Харазскимъ или Хивинскимъ, издревле опытнымъ въ торговлѣ и хищрости корыстолюбія: сіи люди откупали у Татаръ дань нашихъ Княженій, брали не умѣренные росты съ бѣдныхъ людей, и въ случаѣ неплатежа объявляя должниковъ своими рабами, отводили ихъ въ неволю. Жители Владиміра, Суздаля, Ростова вышли наконецъ изъ терпѣнія и единодушно возстали, при звукѣ Вѣчевыхъ колоколовъ, на сихъ злыхъ лихоимцевъ[98]: нѣкоторыхъ убили, а прочихъ выгнали. То же сдѣлалось и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи. Въ Ярославлѣ народъ умертвилъ какого-то злочестиваго отступника, именемъ Зосиму, бывшаго Монаха, который, принявъ Вѣру Магомегданскую въ Татаріи, хвалился милостію новаго Великаго Хана Коблая, и ругался надъ святынею Христіанства; тѣло его бросили псамъ на снѣденіе. Въ Устюгѣ находился тогда Могольскій чиновникъ Буга: собирая дань съ жителей, онъ силою взялъ себѣ въ наложницы дочь одного гражданина, именемъ Марію, но умѣлъ снискать ея любовь, и свѣдавъ отъ нее, что Устюжане хотятъ лишить его жизни, объявилъ желаніе креститься. Народъ простилъ ему свои обиды; а Буга, названный въ Христіанствѣ Іоанномъ, изъ благодарности женился на Маріи.

Откупщики Бесерменскіе.

Г. 1262.

Сей человѣкъ добродѣтелями и набожностію пріобрѣлъ всеобщую любовь, и память его еще хранится въ Успогѣ: тамъ показываютъ мѣсто, на коемъ онъ, забавляясь *соколиною* охотою, вздумалъ построить церковь Іоанна Предтечи, и которое донынѣ именуется *Сокольею горою*[99].

Сіи происшествія должны были имѣть слѣдствіе весьма несчастное: Россіяне, наказавъ лихоимцевъ Харазскихъ, озлобили Тапаръ, ихъ покровителей. Правительство не могло или не хотѣло удержать народа: но и другое обвиняло Александра въ глазахъ Хановыхъ, и Великій Князь рѣшился ѣхать въ Орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы сказываютъ и другую причину его путешествія: Моголы не за-долго до того времени требовали вспомогательнаго войска отъ Александра: онъ хотѣлъ избавиться отъ сей тягостной обязанности, чтобы бѣдные Россіяне по крайней мѣрѣ не проливали крови своей за невѣрныхъ. — Уже готовый къ отъѣзду, Александръ послалъ дружину въ Новгородъ и велѣлъ Димитрію итти на Ливонскихъ Рыцарей. Сей юный Князь взялъ приступомъ Дерптъ, укрѣпленный тремя стѣнами, истребилъ жителей и возвратился обремененный добычею. Кромѣ многихъ Новогородцевъ, съ нимъ ходили Ярославъ Тверскій, Константинъ, зять Александровъ (сынъ Ростислава Смоленскаго) и Князь Липов-

скій Товтивилъ, племянникъ Миндовговъ, копорый принялъ Вѣру Христіанскую и господствовалъ въ Полоцкѣ, или завоевавъ его, или — что гораздо вѣроятнѣе — буду-чи добровольно призванъ жипелями по смер-ти Брячислава, шестія Александрова: ибо Товтивилъ имѣлъ славу добраго Князя[100]. Съ помощію Даніила Галицкаго и Ливон-скихъ Рыцарей онъ утвердилъ оружіемъ свою независимость отъ дяди, и жилъ мир-но съ Россіянами.

Александръ нашелъ Хана Берку въ Волж-скомъ городѣ Сараѣ. Сей Батыевъ преем-никъ любилъ Искусства и Науки; ласкалъ Ученыхъ, художниковъ; украсилъ новыми зданіями свою Капчакскую столицу, и по-зволилъ Россіянамъ, въ ней обитавшимъ, свободно отправлять Христіанское богослу-женіе, такъ, что Митрополитъ Кириллъ (въ 1261 году) учредилъ для нихъ особен-ную Епархію подъ именемъ *Сарской*, съ ко-ею соединили послѣ Епископію южнаго Пе-реяславля[101]. Великій Князь успѣлъ въ сво-емъ дѣлѣ, оправдавъ изгнаніе Бесерменовъ изъ городовъ Суздальскихъ. Ханъ согласил-ся также не требовать отъ насъ войска,

Г. 1263. но продержалъ Невскаго въ Ордѣ всю зиму и лѣто. Осенью Александръ, уже слабый здоровьемъ, возвратился въ Нижній Новго-родъ, и пріѣхавъ оттуда въ Городецъ, за-немогъ тяжкою болѣзнію, которая пресѣ-кла его жизнь 14 Ноября. Истощивъ силы

душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеспву, предъ концемъ своимъ онъ думалъ уже единспвенно о Богѣ[102]: поспригся, принялъ Схиму, и слыша гореспный плачь вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ нѣжной чувспвипельноспи сказалъ добрымъ слугамъ: «удалитесь и не сокрушайте души моей жалоспію!» Они всѣ готовы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда — по собспвенному выраженію одного изъ нихъ — гораздо болѣе, нежели отца роднаго. Митрополитъ Кириллъ жилъ тогда въ Владимірѣ: свѣдавъ о кончинѣ Великаго Князя, онъ въ собраніи Духовенспва воскликнулъ: «солнце отечества закатилось!» Никто не понялъ сей рѣчи. Митрополитъ долго безмолвспвовалъ, залился слезами, и сказалъ: «не спало Александра!» Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса: ибо Невскій казался необходимымъ для Государспва, и по лѣтамъ своимъ могъ бы жить еще долгое время. Духовенспво, Бояре, народъ, въ глубокой скорби повторяли одно слово: «погибаемъ!»... Тѣло Великаго Князя уже везли въ сполицу: не смотря на жесткій зимній холодъ, Митрополитъ, Князья, всѣ жители Владиміра шли на встрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, котораго бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что мо-

Кончина и добродѣтели Александровы.

жепъ прибавипъ судъ Испорика, въ похвалу Александра, къ сему проспому описанію народной гореспи, основанному на извѣспіяхъ очевидцевъ? Добрые Россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ Ангеловъ хранипелей, и въ печеніе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заспупнику опечеспва, разные благопріяпные для Россіи случаи: споль попомспво вѣрило мнѣнію и чувспву современниковъ въ разсужденіи сего Князя! Имя *Святаго*, ему данное, гораздо выразипельнѣе *Великаго:* ибо *Великими* называюпъ обыкновенно *счастливыхъ:* Александръ же могъ добродѣпелями своими полько облегчапь жеспокую судьбу Россіи, и подданные, ревноспно славя его памяпь, доказали, чпо народъ иногда справедливо цѣнипъ доспоинспва Государей и не всегда полагаепъ ихъ во внѣшнемъ блескѣ Государспва. Самые легкомысленные Новогородцы, неохопно успупивъ Александру нѣкопорыя права и вольноспи, единодушно молили Бога за усопшаго Князя, говоря, чпо «онъ много попрудился за «Новгородъ и за всю землю Русскую.» Тѣло Александрово было погребено въ монаспырѣ Рождесптва Богомапери (именуемомъ погда *Великою Архимандритіею*), гдѣ и покоилось до самаго XVIII вѣка, когда Государь Пепръ I вздумалъ перенесши сіи оспапки безсмерпнаго Князя на берега Невы, какъ бы по-

Ноября 23.

свящая ему новую свою сполицу и желая пѣмъ упвердипь ея знаменипое бытіе.

По кончинѣ первыя супруги, именемъ *Александры*, дочери Полоцкаго Князя Брячислава, Невскій сочепался впорымъ бракомъ съ неизвѣспною для насъ Княжною *Вассою*, коей пѣло лежипъ въ Успенскомъ монаспырѣ Владимірскомъ, въ церкви Рождеспва Христова, гдѣ погребена и дочь его, Евдокія[103].

Выходцы изъчужихъ земель.

Слава Александрова, по свидѣпельспву нашихъ *Родословныхъ книгъ*, привлекла къ нему изъ чужихъ земель — особенно изъ Германіи и Пруссіи[104] — многихъ именипыхъ людей, копорыхъ попомспво донынѣ суще-спвуепъ въ Россіи и служипъ Государспву въ первѣйшихъ должноспяхъ воинскихъ или гражданскихъ.

Мятежи въ Ордѣ.

Въ Княженіе Невскаго начались въ Волжской или Капчакской Ордѣ несогласія, бывшія предвѣспіемъ ея паденія. Ногай, одинъ изъ главныхъ Воеводъ Тапарскихъ, надменный могущеспвомъ, не захопѣлъ повиноваться Хану, сдѣлался въ окреспноспяхъ Чернаго моря Владѣпелемъ независимымъ и заключилъ союзъ съ Михаиломъ Палеологомъ, Имперапоромъ Греческимъ, копорый въ 1261 году, къ общему удовольспію Россіянъ, взявъ Царьградъ и возспановивъ древнюю Монархію Византійскую, не успыдился выдапь побочную свою дочь, Евѳросинію, за сего мятежника[105]. Опъ имени Ногая произошло, какъ вѣроятно, названіе Тапаръ Ногайскихъ,

ныиѣ подданныхъ Россіи. — Не смотря на внутреннее неустройство, Моголы болѣе и болѣе распространяли свои завоеванія, и чрезъ Казанскую Болгарію дошли до самой Перми, откуда многіе жители, ими утѣсненные, бѣжали въ Норвегію, гдѣ Король Гаконъ обратилъ ихъ въ Вѣру Христіанскую и далъ имъ земли для поселенія[106].

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Г. 1263 — 1272.

Древнѣйшая грамота Новогородская. Бракъ Ярославовъ. Мятежи въ Литвѣ. Война въ Ливоніи. Баскаки. Упреки Великому Князю. Миръ Новогородцевъ съ Ярославомъ. Татары принимаютъ Вѣру Магомегову. Кончина Ярослава. Перемѣны въ Удѣлахъ. Князь Ѳеодоръ зятъ Хановъ. Смерть и добродѣтели Короля Даніила. Происшествія въ западной Россіи. Основаніе Кафы. Городъ Крымъ.

Г. 1264. Андрей Ярославичь долженъ былъ наслѣдовать престолъ Владимірскій; но какъ онъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ Невскаго, то братъ ихъ, Ярославъ Тверскій, сдѣлался Великимъ Княземъ. Новогородцы также признали его своимъ Начальникомъ, выгнавъ юнаго Димитрія Александ-

ровича за его малолѣтство; но хотѣли, чтобы Ярославъ далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій[107]. Мы имѣемъ подлинникъ сего торжественнаго договора, писаннаго отъ имени Архіепископа, Михаила Посадника, Тысячскаго Кодрата и всего Новагорода, отъ *старѣйшихъ* и *меньшихъ*. Тамъ сказано: «Князь Ярославъ! требуемъ, чтобы «ты, подобно предкамъ твоимъ и родителю, «утвердилъ крестнымъ цѣлованіемъ свя- «щенный обѣтъ править Новымгородомъ «по древнему обыкновенію, брать одни *да-* «*ры* съ нашихъ областей, поручать оныя «только Новогородскимъ, а не Княжескимъ «чиновникамъ, не избирать ихъ безъ согла- «сія Посадника, и безъ вины не смѣнять «нѣхъ, которые опредѣлены братомъ тво- «имъ Александромъ, сыномъ его Димитрі- «емъ и Новогородцами. Въ Торжкѣ и Воло- «кѣ будутъ Княжескіе и наши Тіуны (или су- «діи): первые въ твоей части, вторые въ «Новогородской[108]; а въ Бѣжицахъ ни тебѣ, «ни Княгинѣ, ни Боярамъ, ни Дворянамъ «твоимъ селъ не имѣть, не покупать и не «принимать въ даръ, равно какъ и въ дру- «гихъ владѣніяхъ Новагорода: въ Волокѣ, «Торжкѣ, и проч.; также въ Вологдѣ, За- «волочьѣ, Колѣ, Перми, Печерѣ, Югрѣ. Въ «Русу можешь ты, Князь, ѣздить осенью, «не лѣтомъ; а въ Ладогу посылай своего «рыбника и медовара по грамотѣ отца тво- «его, Ярослава. Димитрій и Новогородцы

Древнѣйшая грамота Новогородская.

«дали Бѣжичанамъ и Обонежцамъ на при
«года право судиться собственнымъ ихъ
«судомъ: не нарушай сего временнаго успа-
«ва, и не посылай къ нимъ судей. Не вы-
«води народа въ свою землю изъ областей
«нашихъ, ни принужденно, ни волею. Кня-
«гиня, Бояре и Дворяне твои не должны
«брать людей въ залогъ по долгамъ, ни
«купцевъ, ни земледѣльцевъ. Отведемъ сѣн-
«ные покосы для тебя и Бояръ твоихъ; но
«не требуй отнятыхъ у насъ Княземъ Але-
«ксандромъ, и вообще не подражай ему въ
«дѣйствіяхъ самовластія. Тіунамъ и Дворя-
«намъ Княжескимъ, объѣзжающимъ воло-
«сти[109], даются прогоны, какъ издревле
«установлено, и только одни рядные гон-
«цы могутъ въ селахъ требовать лошадей
«отъ купцевъ. Что касается до пошлинъ,
«по купцы наши въ твоей и во всей землѣ
«Суздальской обязаны платить по двѣ век-
«ши съ лодки, съ возу и съ короба льну
«или хмѣля. Такъ бывало, Князь, при от-
«цахъ и дѣдахъ твоихъ и нашихъ. Цѣлуй же
«святый крестъ во увѣреніе, что испол-
«нишь сіи условія; цѣлуй не чрезъ посред-
«никовъ, но самъ, и въ присутствіи По-
«словъ Новогородскихъ. А за тѣмъ мы кла-
«няемся тебѣ, Господину Князю.» — Сія лю-
бопытная грамота свидѣтельствуетъ, что
собственный доходъ Князей Новогородскихъ
состоялъ въ *дарахъ*, а дань шла въ казну
общественную; что избраніе областныхъ

начальниковъ хотя и зависѣло отъ Князя, но требовало согласія Посадникова; что нѣкоторыя волости откупали право имѣть собственныхъ судей; что Новогородцы не дозволяли единоземцамъ своимъ переселяться въ другія Княженія; что купцы ихъ въ областяхъ сосѣдственныхъ торговали по большей части хмѣлемъ и льномъ; что Ладожане давали медъ и рыбу для стола Княжескаго, преимущественно изобилуя оными. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о городѣ Вологдѣ, которая, по тамошнимъ церковнымъ запискамъ, около 1147 году была торговымъ мѣстечкомъ, окруженнымъ лѣсами, а въ слѣдующія времена городомъ знатнымъ, обнесеннымъ каменною стѣною; развалины ея башенъ и воротъ донынѣ примѣтны[110].

Ярославъ, клятвенно утвердивъ договоръ, пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ, будучи вдовъ, женился на Ксеніи, дочери какого-то Юрія Михайловича[111]. Тамъ свѣдалъ онъ о важныхъ происшествіяхъ въ Литвѣ. Не стало Миндовга, Короля Литовскаго, злодѣйски убитаго ближними родственниками. Они умертвили и Товтивила Полоцкаго, коварно заманивъ его въ сѣти, и дали Полочанамъ своего Князя; а сынъ Товтивиловъ, спасаясь отъ сихъ убійцъ, пріѣхалъ въ Новгородъ[112]. Россіяне съ горестію видѣли идолопоклонника на тронѣ православнаго, нѣкогда столь знаменитаго Княженія; но утѣша-

Г. 1265. Бракъ Ярославовъ. Мятежи въ Литвѣ.

лись междоусобіемъ и бѣдствіями Липовцевъ. Миндовгъ имѣлъ сына, именемъ Воишелга, который господствовалъ въ Новогродкѣ, изгнавъ оттуда Романа Даніиловича, и славился тиранствомъ, ежедневно питая въ крови жертвъ невинныхъ. Къ радости бѣдныхъ подданныхъ, онъ еще при жизни отца сдѣлался Христіанином, и смягченный Вѣрою Спасителя, возненавидѣлъ самую власть мірскую: уѣхалъ къ Даніилу Галицкому; крестилъ сына Львова, Юрія; отказался отъ свѣта; жилъ долго въ Обители Полонинскаго Игумена, Григорія, извѣстнаго благочестіемъ; хотѣлъ видѣть Іерусалимъ и гору Аѳонскую; возвратился съ пути, и на берегу Нѣмена основавъ монастырь, прудился въ оном нѣсколько лѣтъ, ревностно исполняя всѣ обязанности Инока. Миндовгъ ни ласками, ни угрозами не могъ поколебать его усердія къ Христіанству; но вѣсть о несчастной смерти отца произвела въ Воишелгѣ дѣйствіе чрезвычайное: онъ запрепепалъ отъ гнѣва, схватилъ мечь, и свергнувъ съ себя монашескую одежду, далъ Богу обѣтъ чрезъ три года снова надѣть ее, когда отмститъ врагамъ Миндовга[113]. Сія месть была ужасна: собравъ полки, Воишелгъ явился въ Литвѣ какъ звѣрь свирѣпый, и признанный тамъ единодушно Государемъ, истребилъ множество людей, называя ихъ предателями. Трисша семействъ Липовскихъ искали убѣжи-

ща во Псковѣ, крестились и нашли великодушнаго заступника въ Ярославѣ: ибо Новогородцы хотѣли-было умертвить сихъ несчастныхъ.

Въ то же время одинъ изъ родственниковъ Миндовговыхъ, именемъ Довмонтъ, выѣхалъ изъ отечества, и, къ удовольствію Псковитянъ, принявъ у нихъ Вѣру Христіанскую, снискалъ столь великую довѣренность между ими, что они безъ согласія Ярославова объявили его своимъ Княземъ, и дали ему войско для опустошенія Литвы[114]. Довмонтъ оправдалъ сію довѣренность подвигами мужества и ненавистію къ соотечественникамъ: разоривъ область Литовскаго Князя Герденя, плѣнилъ его жену, двухъ сыновей, и на берегахъ Двины одержалъ рѣшительную надъ нимъ побѣду. Множество Литовцевъ утонуло въ Двинѣ, и самъ Гердень едва ушелъ; а Псковитяне, славя храбрость Довмонта, съ восхищеніемъ видѣли въ немъ набожность Христіанскую: ибо онъ смиренно приписывалъ успѣхъ своего оружія единственно заступленію Святаго Леонтія, побѣдивъ непріятелей въ день памяти сего Мученика. г. 1266. Іюня 18.

Между тѣмъ Ярославъ, досадуя на Псковитянъ за самовольное избраніе Князя чужеземнаго, желалъ изгнать Довмонта и привелъ для того въ Новгородъ полки Суздальскіе[115]; но долженъ былъ отпустить ихъ назадъ. Новогородцы не хотѣли слышать о

сей войнѣ междоусобной и сказали ему: «дру-
Г. «гу ли Святой Софіи быть непріятелемъ
1267. «Пскова?» — Ярославъ уѣхалъ въ Владиміръ, оставивъ у нихъ своего племянника, Юрія Андреевича, при коемъ знатная часть Новагорода обратилась въ пепелъ. Конецъ Неревскій исчезъ совершенно. Многіе люди сгорѣли, и даже самыя купеческія суда въ
Маія 23. приспани, нагруженныя товаромъ: Волховъ, по словамъ Лѣтописца, казался пылающимъ. Богатые граждане въ нѣсколько часовъ обѣдняли, а бѣдные разбогатѣли, въ общемъ смятеніи захвативъ чужія драгоцѣнныя вещи[116].

Сіе бѣдствіе не мѣшало Новогородцамъ заниматься дѣлами ратными: войско ихъ ходило съ Довмонтомъ и Псковитянами на Литву, сдѣлало много вреда непріятелю, и возвратилось безъ урона; другое осаждало Везенбергъ или Раковоръ въ Эстоніи, подвластной Датчанамъ, но не могло взять его. Желая загладить сію неудачу, Новогородцы сыскали искусныхъ масперовъ, и велѣли имъ на дворѣ Архіепископскомъ спроить большія спѣнобитныя орудія[117]; призвали Димитрія Александровича изъ Переславля съ войскомъ, Довмонта Псковскаго, и ждали самаго Великаго Князя: но Ярославъ, вмѣсто себя, прислалъ къ нимъ двухъ
Война въ Ливоніи. сыновей, Святослава и Михаила[118]. Въ то время, какъ войско готовилось выступить, лазутчики Нѣмецкаго Ордена, называясь По-

слами отъ Риги, Феллина и Дерпта, явились въ Новѣгородѣ, говоря нашимъ Князьямъ, что Рыцарство Ливонское желаетъ оспаться въ дружбѣ съ ними, не думаетъ помогать Датчанамъ и не вмѣшивается въ ихъ дѣла съ Россіянами. Нѣмцы дали клятву въ исполненіе своихъ увѣреній, и Новогородскій Бояринъ, отправленный къ Епископамъ и къ чиновникамъ *Дворянъ Божіихъ* — такъ у насъ именовали Рыцарей Ливонскихъ — заставилъ ихъ присягнуть въ томъ же. Считая Нѣмцевъ друзьями, Россіяне надѣялись легко управиться съ Датчанами, Г. 1268. Генв. 23. шли къ Везенбергу тремя путями, разоряли селенія, и зная, что многіе жители скрываются въ одной неприступной пещерѣ съ своимъ имѣніемъ, посредствомъ какой-то искусственной машины пустили пуда воду: бѣдные Эстонцы выскочили и безъ милости были изрублены въ куски; а добычу, найденную въ пещерѣ, Новогородцы отдали всю Князю Димитрію. Уже войско наше, приближаясь къ Раковору, стояло на берегахъ Кеголи, и вдругъ, къ изумленію своему, увидѣло сильные полки Нѣмецкіе, коими предводительствовалъ самъ Магистръ Ордена, именемъ Оттто фонъ-Роденштеинъ, и Епископъ Дерптскій Александръ, въ противность данной клятвѣ взявшіе сторону Датчанъ[119]. Видя, что надобно развѣдаться съ ними мечемъ, Новогородцы немедленно перешли за рѣку и стали противъ *Желѣз-*

Февраля 18. *наго* Нѣмецкаго *полку;* сынъ Ярославовъ, Михаилъ, на лѣвомъ крылѣ; Довмонтъ Псковскій, Димитрій и Святославъ на правомъ. Ударили смѣло и мужественно съ обѣихъ сторонъ. «Ни отцы, ни дѣды наши» — говоритъ Лѣтописецъ — «не видали такой «жестокой сѣчи.» Новогородцы, имѣя дѣло съ отборною Нѣмецкою фалангою, падали цѣлыми рядами. Посадникъ Михаилъ и многіе чиновники были убиты; Тысячскій, именемъ Кодратъ, пропалъ безъ вѣсти, а Князь Юрій Андреевичь обратилъ тылъ. Псковитяне, Ладожане стояли дружно. Наконецъ Князь Димитрій и Новогородцы сломили непріятелей и гнали ихъ семь верстъ до самаго города; но возвратясь на мѣсто битвы, увидѣли еще другой полкъ Нѣмецкій, который врѣзался въ наши обозы. Между тѣмъ наступилъ темный вечеръ. Благоразумные Вожди совѣтовали подождать утра, чтобы въ ночной схваткѣ не убивать своихъ вмѣсто непріятелей, и съ трудомъ могли удержать пылкихъ воиновъ. Ожидали свѣта съ нетерпѣніемъ; но Рыцари, пользуясь темнотою, ушли. Три дни стояли Россіяне *на костяхъ*, то есть, на мѣстѣ сраженія, въ знакъ побѣды, и рѣшились итти назадъ: ибо, претерпѣвъ великій уронъ, не могли заняться осадою городовъ. Вмѣсто добычи, они принесли съ собою трупы убіенныхъ, знаменитыхъ Бояръ, и схоронили тѣло Посадника Михаила въ Со-

Фійской церкви. Сія честь и слезы цѣлаго Новагорода были ему воздаяніемъ за его славную кончину. Избрали новаго Посадника, именемъ Павшу; а мѣсто Тысячскаго осталось праздно, ибо народъ еще не имѣлъ вѣсти о судьбѣ Кодраповой. — Сію кровопролитную битву долго помнили въ Новѣгородѣ и въ Ригѣ. Ливонскіе Историки пишутъ, что на мѣстѣ сраженія легло 5000 нашихъ и 1350 Нѣмцевъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и Дерптскій Епископъ.

Злобствуя на Россіянъ, Магистръ Ордена собралъ новыя силы; пришелъ на судахъ и съ конницею въ область Псковскую; сжегъ Изборскъ, осадилъ Псковъ и думалъ сравнять его съ землею, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій и 18,000 воиновъ (число великое по тогдашнему времени). Оттого грозился наказать Довмонта: ибо сей Князь былъ страшенъ не только для Литвы, но и для сосѣдственныхъ Нѣмцевъ, и не задолго до того времени истребилъ ихъ отрядъ на границѣ. Мужественный Довмонтъ, осмотрѣвъ силу непріятелей и готовясь къ битвѣ, привелъ всю дружину въ храмъ Святыя Троицы, положилъ мечь свой предъ олтаремъ и молился, да будутъ удары его для враговъ смертоносны. Благословенный Игуменомъ Исидоромъ (который собственною рукою препоясалъ ему мечь), Князь новыми подвигами геройства заслужилъ удивленіе и любовь Псковитянъ; десять дней бился съ

Г. 1269.

Апрѣля 23.

Нѣмцами; ранилъ Магиспра. Между тѣмъ Новогородцы съ Княземъ Юріемъ Андреевичемъ приспѣли и заспавили Рыцарей опсспупишь за рѣку Великую; вошли въ переговоры съ ними и согласились дашь имъ миръ. Тѣ и другіе оспались при своемъ, поперявъ множесшво людей безъ всякой пользы[120].

Тогда Великій Князь Ярославъ прибылъ въ Новгородъ, и досадуя на многихъ чиновниковъ за сію войну кровопролишную, хошѣлъ ихъ смѣнишь, или немедленно выѣхашь изъ сполицы. Граждане объявили рѣшишельно, чшо они не согласны на первое, но молили его у нихъ оспашься, ибо миръ, заключенный съ Нѣмцами, казался имъ ненадежнымъ; свѣдавъ же, чшо Великій Князь дѣйспвишельно уѣхалъ, опправили въ слѣдъ за нимъ Архіепископа, копорый наконецъ уговорилъ Ярослава возвращишься изъ Бронницъ. Чиновниковъ не смѣнили; однакожь, въ угодносшь Князю, граждане избрали въ Тысячскіе одного преданнаго ему человѣка, именемъ Рашибора, и начали гошовишься къ войнѣ. Князья Суздальскихъ Удѣловъ и ножки Ярославовы собрались въ Новгородъ, куда пріѣхалъ и Великій Владимірскій Баскакъ, Ташаринъ Амрагань[121]. Сей чиновникъ Хана — имѣя, кажешся, учасшіе и въ нашихъ государспвенныхъ совѣшахъ — одобрилъ намѣреніе Россіянъ идши къ Ревелю; но Данчане и Нѣмцы, ослабленные препершѣнными ими урономъ, не захошѣли новой

Баскакъ

войны, и добровольно уступивъ намъ всѣ берега Наровы, обезоружили пѣмъ Ярослава.

Оставивъ въ покоѣ Эстонію, Великій Князь хотѣль-было вести полки свои въ землю Корельскую, чтобы утвердить ея жителей въ послушаніи: Новогородцы просили его не превожить сихъ бѣдныхъ людей, и Князь отпустилъ войско, не предвидя для себя опасности. Увѣренный въ преданности нѣкоторыхъ чиновниковъ, а можетъ быть и въ покровительствѣ Тапаръ, онъ худо исполнялъ заключенный имъ договоръ съ Новогородцами: дѣйствовалъ иногда какъ Государь самовластный; слышалъ ропотъ и не уважалъ его. Общее неудовольствіе возрастало. Вдругъ, къ изумленію Г. 1270.
Князя, ударили въ Вѣчевый колоколъ: насталь грозный часъ суда народнаго, и люди со всѣхъ сторонъ бѣжали толпами къ Св. Софіи рѣшить судьбу отечества, какъ они думали. Первымъ опредѣленіемъ сего шумнаго Вѣча было изгнать Ярослава и казнить любимцевъ Княжескихъ: главнаго изъ нихъ умертвили; другіе ушли въ церковь Св. Николая и на Городище, къ Ярославу, оставивъ домы свои въ жертву народу, разломавшему оные до послѣдняго бревна. Именемъ Новагорода вручили Князю грамоту обвинительную. «Для чего» — писали къ нему граждане — «завладѣлъ ты дворомъ Мортинича? для чего взялъ серебро съ Бояръ Упреки Великому Князю.

«Никифора, Романа и Варѳоломея? Для чего «выводишь опсюда иноземцевъ, мирно жи- «вущихъ съ нами? для чего ппицеловы пвои «опнимаюшъ у насъ рѣку Волховъ, а звѣ- «роловы поля? Да будешъ нынѣ конецъ пво- «ему насилію! Иди, куда хочешь; а мы най- «демъ себѣ Князя.» Ярославъ послалъ сына и Тысячскаго своего на Вѣче, съ увѣреніемъ, чпо онъ сдѣлаешъ все угодное народу. «Нѣшъ!» опвѣшспвовали ему граждане: «мы «не хошимъ шебя. Удались, или будешь не- «медленно изгнанъ.» Великій Князь уѣхалъ; а Новогородцы опправили Посольспво къ Димипрію Александровичу, думая, чпо онъ съ радоспію согласипся княжишь у нихъ; но Димипрій опрекся, и велѣлъ имъ ска- зашь: «не хочу преспола, съ коего вы со- «гнали моего дядю.»

Сей опказъ весьма огорчилъ Новогород- цевъ. Въ по же время они получили изве- спіе опъ Василія, меньшаго Ярославова бра- па, чпо Великій Князь, пылая гнѣвомъ, го- повипся иппи на нихъ съ полками Мого- ловъ, съ Димипріемъ Переславскимъ и съ Глѣбомъ Смоленскимъ (сыномъ Роспислава[128] Мспиславича). «Но будьше спокойны,» пи- салъ къ нимъ Василій: «Свяпая Софія еспь «моя опчина; я гоповъ служишь ей и вамъ.» Онъ поѣхалъ въ Орду, гдѣ любимецъ Вели- каго Князя, Рапиборъ, Тысячскій Новагоро- да, вооружилъ Хана пропивъ своихъ еди- ноземцевъ, говоря ему: «Новогородцы враги

«пвои; изгнали Ярослава съ безчеспіемъ, «разграбили наши домы и хопѣли насъ умер- «пвипь единспвенно за шо, чпо мы пре- «бовали съ нихъ для шебя дани.» Обманупый Ханъ послалъ войско, чпобы смирипь ослуш- никовъ; но Василій Ярославичь вывелъ его изъ заблужденія, объяснивъ ему, чпо Ново- городцы ни чѣмъ не оскорбили Моголовъ, и чпо неудовольспвія ихъ на Великаго Кня- зя справедливы. Тогда Ханъ велѣлъ полкамъ своимъ возвращипься; а Василій, оказавъ споль важную услугу Новогородцамъ, надѣ- ялся быпь ихъ Княземъ. Гоповые умерепь за права вольноспи, они укрѣпили сполицу съ обѣихъ сторонъ высокимъ пыномъ, сно- сили имѣніе въ средину города и ждали не- пріяпелей.

Ярославъ приближился къ самому Горо- дищу; но видя памъ всѣхъ жипелей воору- женныхъ, конныхъ и пѣшихъ, обрапился къ Русѣ, и занявъ оную своимъ войскомъ, прислалъ оппуда Боярина съ дружелюбны- ми предложепіями въ Новгородъ. «Забываю» — говорилъ онъ — «сдѣланныя мнѣ вами оби- «ды, и всѣ Князья Россійскіе будупъ моими «поруками въ вѣрномъ исполненіи напихъ «условій.» Новогородцы оппвѣпспвовали ему чрезъ Посла: «Князь! пы объявилъ себя «врагомъ Свяпыя Софіи: оспавь же насъ «въ покоѣ, или мы умремъ за опечеспво. «Не имѣемъ Князя; но за насъ Богъ, правда «и Свяпая Софія; а шебя не хопимъ.» Въ

слѣдъ за Посломъ двинулось къ Русѣ ихъ войско многочисленное, въ коемъ находились Ладожане, Корелы, Ижерцы, Вожане и Псковитяне. Станъ ихъ былъ на одной сторонѣ рѣки, Ярославовъ на другой: прошла недѣля въ бездѣйствіи. Тогда Новогородцы получили грамоту отъ Митрополита Кирилла[123]. Сей достойный Пастырь Церкви именемъ отечества и Вѣры заклиналъ ихъ не проливать крови: ручался за Ярослава и бралъ на себя грѣхъ, если они, въ изступленіи злобы, дали Богу клятву не мириться съ Великимъ Княземъ. Слова добродѣтельнаго старца тронули Новогородцевъ, и Послы Ярославовы, прибывъ къ нимъ въ станъ, довершили благое дѣло мира. Написали договоръ: Великій Князь утвердилъ оный цѣлованіемъ креста. Сія грамота также хранится въ нашемъ Архивѣ и содержаніемъ подобна первой; означимъ только вѣкоторыя прибавленія. Въ ней сказано отъ имени Новагорода: «Князь Ярославъ! забудь гнѣвъ «на Владыку, Посадника и всѣхъ мужей Но- «вогородскихъ; не мсти имъ ни судомъ, ни «словомъ, ни дѣломъ. Не вѣрь клеветни- «камъ; не принимай доносовъ отъ раба на «господина. Пословъ и купцевъ нашихъ, оста- «новленныхъ въ Костромѣ и въ другихъ го- «родахъ Низовскихъ, выпусти съ ихъ имѣ- «ніемъ; освободи также военноплѣнныхъ и «всѣхъ должниковъ Новогородскихъ, задер- «жанныхъ въ Торжкѣ Княземъ Юріемъ Ан-

Миръ Новогородцевъ съ Ярославомъ.

«древичемъ, или пвоихъ собспвенныхъ,
«или Княгининыхъ, или Боярскихъ (купецъ
«да идепъ въ свою Сопню[124], а сляпинъ
«въ свой погосптъ). Не раздавай никому го-
«сударспвенныхъ даней. Возврапи грамопу
«опца пвоего, копорую шы у насъ оп-
«нялъ; и вмѣспо новыхъ, данныхъ побою,
«да имѣюпъ силу прежнія, Ярославовы и
«Александровы грамопы. На дворъ Нѣмец-
«комъ поргуй единспвенно черезъ нашихъ
«купцевъ; а Двора не запворяй, и не по-
«сылай пуда приспавовъ. Село Свяпой Со-
«фіи оспанепся ея неопъемлемою собспвен-
«носпію. Новогородцы не должны быпь су-
«димы въ землѣ Суздальской. Купцы наши
«да поргуюпъ въ ней свободно по грамопѣ
«Ханской[125]; бери шамъ усшавленныя по-
«шлины, но въ обласпяхъ Новогородскихъ
«не заводи шаможни. Судьи начинаюпъ свои
«объѣзды съ Петрова дни,» и проч. На бѣ-
лой споронѣ сей харпіи, къ коей привязана
свинцовая печапь, написано, что Послы
Хана Тапарскаго, Чевгу и Баншп, прибыли
съ его грамопою въ Новгородъ, возвесши
Ярослава на прespолъ. Споль велика была
зависимоспь Князей Россійскихъ!

Ярославъ жилъ попомъ нѣсколько мѣся-
цевъ въ Новѣгородѣ. Не любя Довмонша,
онъ далъ Псковишянамъ инаго Князя — но
пюлько на малое время — какого-по Айгу-
спа[126], и зимою уѣхалъ въ Владимiръ, по-
ручивъ Новгородъ Намѣспнику, Андрею

Врапиславичу. Великое Княженіе Суздальское было спокойно, по есть, рабствовало въ тишинѣ, и народъ благодарилъ Небо за облегченіе своей доли, которое состояло въ томъ, что преемникъ Хана или Царя Берки, братъ его, именемъ Мангу-Тимуръ, освободилъ Россіянъ отъ насилія откупщиковъ Харазскихъ. Историкъ Могольскій, Абульгази, хвалитъ Тимура за его острый умъ; но умъ не смягчалъ въ немъ жестокаго сердца, и память сего Хана запечатлѣна въ нашихъ лѣтописяхъ кровію добраго сына Олегова, Романа, Князя Рязанскаго, принявшаго въ Ордѣ вѣнецъ Мученика. Еще Ханъ Берка, имѣвъ случай говорить о Вѣрѣ съ купцами Бухарскими, и плѣненный ученіемъ Алкорана, объявилъ себя ревностнымъ Магометаниномъ: примѣръ его служилъ закономъ для большей части Моголовъ, весьма равнодушныхъ къ древнему идолопоклонству; а какъ всякая новая Вѣра обыкновенно производитъ изувѣровъ или фанатиковъ, то они, вмѣсто прежней терпимости, начали славиться пламеннымъ усердіемъ ко мнимой божественности Алкорана. Можетъ быть, Князь Романъ неосторожно говорилъ о семъ ослѣпленіи ума: донесли Тимуру, что онъ хулитъ ихъ Законъ. Тогда Романъ, принужденный дать отвѣтъ, не хотѣлъ измѣнить совѣсти, и говорилъ такъ смѣло, что озлобленные варвары, заткнувъ ему ротъ, изрѣзали несчастнаго Князя по

Татары принимаютъ Магометову Вѣру.

сосπавамъ, и взопкнули голову его на копіе, содравъ съ нее кожу[127]. Россіяне проливали слезы, но упѣшались пвердоспію сего впораго Михаила, и думали, чпо Богъ не оспавилъ шой земли, гдѣ Князья, презирая славу мірскую, сполъ великодушно умираюпъ за Его свяпую Вѣру. 1 Іюля 19.

Великій Князь Ярославъ, слѣдуя примѣру опца и Александра Невскаго, спарался всѣми способами угождапь Хану, и подобно имъ кончилъ жизнь свою на возвращномъ пупи изъ Орды, куда онъ ѣздилъ съ браπомъ Василіемъ и съ племянникомъ Димипріемъ Александровичемъ[128]. Тѣло его было опвезено для погребенія въ Тверь. Лѣпописцы не говоряпъ ни слова о характерѣ сего Князя: видимъ только, чпо Ярославъ не умѣлъ ни довольспвовапься ограниченною власпію, ни упвердипь самовласпія смѣлою рѣшипельноспію; обижалъ народъ и винился какъ преспупникъ; не опличался рапнымъ духомъ, ибо не хопѣлъ самъ предводипельспвовапь войскомъ, когда оно сражалось съ Нѣмцами; не могъ назвапься и другомъ опечесπва, ибо вооружалъ Моголовъ πропивъ Новагорода. Г. 1272. Кончина Ярослава.

Опишемъ разныя особенныя происшесπвія Ярославова времени. При семъ Государѣ сдѣлались нѣкопорыя перемѣны въ часπныхъ Удѣлахъ Великаго Княженія. Василій Всеволодовичь, внукъ Конспанπиновъ, умершій еще въ 1249 году, оспавилъ на πресполѣ Перемѣны въ Удѣлахъ.

Ярославской области супругу Ксенію и малолѣтную дочь Марію, которая послѣ сочетавалась бракомъ съ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ *Черныимъ*, внукомъ Мстислава Давидовича Смоленскаго, Удѣльнымъ Княземъ Можайска[129]. Считая себя обиженнымъ старшими братьями, Глѣбомъ и Михаиломъ, онъ переѣхалъ въ Ярославль, наслѣдіе супруги его, и княжилъ тамъ вмѣстѣ съ пещею. Къ сему извѣстію новѣйшіе Лѣтописцы прибавляютъ слѣдующую повѣсть: «Ѳе-«одоръ, бывъ въ Ордѣ, мужественною кра-«сотою и разумомъ столь плѣнилъ Царицу «Могольскую, что она желала выдать за «него дочь свою. Въ то самое время Марія «скончалась въ Ярославлѣ, и народъ, объя-«вивъ ея сына, Михаила, Владѣтельнымъ «Княземъ, уже не хотѣлъ повиноваться Ѳео-«дору, который, лишась супруги и пре-«стола, согласился быть зятемъ Хана или Князь Ѳеодоръ зятьХановъ. «Царя Капчакскаго. Всѣ препятствія исчез-«ли: Ханъ позволилъ дочери креститься, и «Константинопольскій Патріархъ торже-«ственною грамотою утвердилъ ея благо-«словенное супружество; а тесть построилъ для Ѳеодора великолѣпныя палаты въ «Сараѣ, и далъ ему множество городовъ: «Черниговъ, Херсонъ, Болгары, Казань; по «смерти же юнаго Михаила Ѳеодоровича, «возвелъ сего любимаго зятя на престолъ «Ярославскій, наказавъ его враговъ. Супруга «Ѳеодорова, названная въ крещеніи Анною,

«построила въ Ярославлѣ храмъ Архиспра-
«вига Михаила и заслужила имя добродѣ-
«тельной Христіанки.» Ежели сія повѣсть справедлива, то вѣроятно, что Ѳеодоръ былъ зятемъ не Мангу-Тимура, а Ногая[130], женатаго на Христіанкѣ и не хотѣвшаго принять Вѣры Магометанской.

Димитрій Святославичь, Князь Юрьева Польскаго, двоюродный братъ Ярослава, умеръ въ 1269 году[131]; и съ того времени 70 лѣтъ не упоминается въ нашей Исторіи о Владѣтеляхъ Юрьевскихъ. Сей набожный Князь принялъ Схиму отъ Епископа Ростовскаго, и закрывая глаза навѣки, сказалъ ему: «Святый Владыко! ты совершилъ трудъ «свой и приготовилъ меня къ пути дальнему, какъ добраго воина Христова. Тамъ, «въ жизни вѣчной, царствуетъ Богъ милосердія: иду служить Ему съ вѣрою и надеждою.» Сіи послѣднія слова Димитріевы казались Лѣтописцамъ достопамятнѣе дѣлъ его, совершенно для насъ неизвѣстныхъ.

Смер. и добродѣтели Короля Даніила

Лѣтъ за шесть до Ярославовой смерти преставился (и погребенъ въ Холмѣ) знаменитый Даніилъ, Король Галицкій[132], славный воинскими и государственными достоинствами, а еще болѣе отмѣннымъ милосердіемъ, отъ коего не могли отвратить его ни измѣны, ни самая гнусная неблагодарность Бояръ мятежныхъ: добродѣтель рѣдкая во времена жестокія и столь бурныя. Милостивый къ подданнымъ, онъ и въ

другихъ отношеніяхъ исполнялъ уставы нравственности: въ юности чтилъ Князей старшихъ; изъявлялъ нѣжную любовь къ матери и къ брату, получившему отъ него въ Удѣлъ область Владимірскую; помнилъ благодѣянія, ему оказанныя; наблюдалъ правило вѣрности въ союзахъ, побѣдами и разумомъ утверждая безопасность и честь Державы Галицкой; нашествіемъ Моголовъ разстроенный въ видахъ своей Политики, не изумился, не утратилъ бодрости духа: хотя не могъ совершенно избавиться отъ ихъ свирѣпаго тиранства, но закрылъ глаза съ надеждою, что его потомки будутъ счастливѣе, слѣдуя принятой имъ системѣ держаться союза Государей Западныхъ, иногда обольщать варваровъ золотомъ и смиреніемъ, иногда устрашать силою, въ ожиданіи, что они, какъ Гунны Аттилины, какъ Обры, исчезнутъ, сокрушенные или внутреннимъ междоусобіемъ или общимъ усиліемъ Государей Европейскихъ. Сія надежда не совсѣмъ обманула Даніила: его преемники рабствовали менѣе иныхъ Князей Россійскихъ, уважаемые и Ханами и сосѣдственными Христіанскими Державами, которыя въ теченіе цѣлаго вѣка считали Княжество Галицкое вѣрнымъ для себя оплотомъ съ опасной стороны Моголовъ.

Происшествія въ Западной Россіи.

Первымъ слѣдствіемъ кончины Даніиловой была война наслѣдниковъ его съ Болеславомъ Польскимъ[133]. Василько оспалися Кня-

земъ Владимірскимъ, Левъ Перемышльскимъ; Романъ Даніиловичь умеръ; трепій брапъ ихъ, Мспиславъ, господспвовалъ въ Луцкѣ и Дубнѣ; меньшій, Шварнъ — кажепся, любезнѣйшій опцу — въ Галичѣ, Холмѣ и Дрогичинѣ. Не смопря на миръ и союзъ, за нѣсколько лѣпъ до пого времени упвержденный въ Тернавѣ между Болеславомъ и Даніиломъ, корысполюбивые Бояре Шварновы не усомнились вмѣспѣ съ Липвою грабипь Польскія владѣнія. Болеславъ хопѣлъ опмспнипь: дошло до бипвы, въ коей дружина Шварнова преперпѣла великій уронъ; наконецъ примирились, ибо общая польза обѣихъ Державъ пого пребовала. падной Россіи.

Хопя Княжеспво Даніилово раздѣлилось на часпи, однакожь его сыновья дѣйспвовали согласно въ государспвенныхъ предпріяпіяхъ и слушались дяди, опышнаго, благоразумнаго Василька, не смопря на по, чпо Князь Левъ съ неудовольспвіемъ видѣлъ меньшаго брапа власпелиномъ Галича и Холма. Сія зависпь еще усилилась опъ новаго происшесптвія, копорое могло быпь важно и весьма счасплпво не только для южной Россіи, но и для спокойспвія другихъ земель сосѣдспвенныхъ. Бывшій Инокъ Воишелгъ, сынъ Миндовга, искренній другъ Василька и Шварна, своего зяпя, съ ихъ помощію овладѣвъ большею часпію Липвы, раздробленной на многія области, далъ по-

слѣднему въ ней Удѣлъ, а наконецъ уступилъ ему и престолъ; снялъ съ себя одежду Княжескую и заключился въ монастырѣ Угровскомъ, исполняя произнесенный имъ обѣтъ. Россіяне надѣялись, что грабительства Литовскія уже не возобновятся, и что сей опасный народъ, правимый сыномъ Даніиловымъ, соединитъ одну Державу съ Галицкимъ Княженіемъ: но Левъ, думая о пользѣ собственнаго властолюбія еще болѣе, нежели о благѣ отечества, не могъ снести равнодушно, что сильное Княжество Литовское досталось не ему, а юному Шварну; злобился на Воишелга и дерзнулъ на месть подлую и свирѣпую. Онъ предложилъ Воишелгу съѣхаться съ нимъ въ Владимірѣ будто бы для какого-то важнаго дѣла. Сей Князь-Инокъ сомнѣвался, зная коварство Льва; но увѣренный въ безопасности словомъ добродушнаго Василька, пріѣхалъ въ Владиміръ, и сталъ въ монастырѣ Св. Михаила. На другой день былъ обѣдъ у знатнѣйшаго Вельможи Даніилова, Нѣмца Маркольда, гдѣ Князья по тогдашнему обыкновенію пили весьма неумѣренно, и гдѣ Левъ съ удивительнымъ искусствомъ приворялся нѣжнымъ другомъ Миндовгова сына. Наспалъ вечеръ: Воишелгъ спокойно возвратился въ монастырь, куда, въ слѣдъ за нимъ, прискакалъ и Левъ, желая, какъ онъ говорилъ, еще повеселить любезнаго кума. Несчастный отперъ дверь: вдругъ

слуги Княжескіе окружили его, и Левъ, грознымъ голосомъ исчисливъ бѣдствія, претерпѣнныя Россіею отъ Литвы, саблею разсѣкъ ему голову. Ни Василько, ни Шварнъ не участвовали въ заговорѣ: они жалѣли, что имя Русское очернилось злодѣйскимъ вѣроломствомъ, и съ честію погребли Воишелга въ обители Св. Михаила. Пишутъ, что сей Литовскій Князь, отъ природы жестокосердый, будучи Властителемъ, сверхъ одежды богатой носилъ *черную мантію*, и потому заслужилъ названіе *волка въ кожѣ агнца*[134]. Но имѣлъ право на благодарность Россіянъ, хотѣвъ, по усердію къ Вѣрѣ Христіанской и любви къ нимъ, чтобы кровь Св. Владиміра, браками Даніила и Шварна соединенная съ кровію славнаго Миндовга, царствовала въ Литвѣ. Къ несчастію, столь важное для Россіи благодѣяніе не имѣло желаемыхъ слѣдствій: Шварнъ въ юности умеръ, и Князь Литовскій, именемъ Тройденъ, Вѣрою язычникъ, сердцемъ Неронъ, сѣлъ на Миндовговомъ тронѣ. Скоро преставился и Князь Василько, о коемъ упоминается съ честію во многихъ лѣтописяхъ иностранныхъ, особенно въ Сербской Исторіи по его дружеству съ Королемъ Стефаномъ Драгутиномъ[135]. Сей достойный братъ Даніиловъ, нѣкогда воинъ храбрый и неутомимый, кончилъ дни свои Монахомъ и пруженикомъ; повѣствуютъ, что онъ жилъ нѣсколько времени въ дикой,

зарослшей кустарникомъ пещеръ, оплакивая грѣхи прежняго мірскаго властолюбія и ратной дѣятельности. Сынъ его, Іоаннъ-Владиміръ, женатый на Ольгѣ, дочери Романа Михаиловича Брянскаго, (въ 1269 году) наслѣдовалъ область родительскую, а Левъ Шварнову, по есть, Галичь, Холмъ и Дрогичинъ, утвердивъ престолъ свой въ новомъ городѣ Львовѣ, основанномъ еще при Даніилѣ.

Ко временамъ, нами описываемымъ, Историки относятъ возобновленіе древней Ѳеодосіи или основаніе нынѣшней Кафы[136]. Можетъ быть, Генуэзцы уже и ранѣе купечествовали въ Тавридѣ вмѣстѣ съ Венеціянами; но въ царствованіе Императора Михаила Палеолога они старались исключительно пользоваться сею торговлею, и съ дозволенія Моголовъ завели тамъ гостиный дворъ, анбары и лавки: сперва, выпросивъ небольшую частицу земли, обвели ее рвомъ и валомъ, а послѣ начали строить высокіе домы, присвоили себѣ гораздо болѣе отданнаго имъ мѣста и сдѣлали каменную стѣну, назвавъ сей укрѣпленный, прекрасный городъ Кафою; овладѣли Судакомъ, Балаклавою, нынѣшнимъ Азовомъ или Танаисомъ, выгнали оттуда своихъ опасныхъ совмѣстниковъ, Венеціянъ, и стѣснили древній Херсонъ, гдѣ (въ 1333 году) находился уже *Латинскій* Епископъ, и гдѣ въ XVI вѣкѣ представлялись глазамъ путешественниковъ

Основаніе Кафы.

однѣ великолѣпныя развалины. Имѣя иногда ссоры и даже войну съ Моголами (въ 1543 году), Генуэзцы господствовали тамъ до паденія Греческой Имперіи, и были наконецъ испреблены Турками. Но еще и нынѣ видимъ въ Тавридѣ памятники сихъ образованныхъ Италіянцевъ, остатки ихъ зданій и надписи; въ Азовѣ же, какъ говоритъ одинъ Историкъ, жили нѣкоторыя Генуэзскія семейства до самаго XVII столѣтія[157]. — Близъ Кафы находился еще знаменитый Могольскій городъ Крымъ (коего именемъ назвали и всю Тавриду), столь великій и пространный, что всадникъ едва могъ на хорошемъ конѣ объѣхать его въ половину дня[158]. Главная тамошняя мечеть, украшенная мраморомъ и порфиромъ, и другія народныя зданія, особенно училища, заслуживали удивленіе путешественниковъ. Купцы ѣздили изъ Хивы въ Крымъ безъ малѣйшей опасности, и зная, что имъ надлежало быть въ дорогѣ около трехъ мѣсяцевъ, не брали съ собою никакихъ съѣстныхъ припасовъ, ибо находили все нужное въ гостинницахъ: доказательство, сколь Моголы любили и покровительствовали торговлю! Жители Крыма славились богатствомъ и скупостію, запирали золото въ сундуки, и не давая ничего бѣднымъ, строили великолѣпныя мечети, въ знакъ своей набожности. Нынѣшнее мѣстечко *Старый Крымъ* (на рѣкѣ Чуруксѣ, близъ Кафы)

Городъ Крым.

есть бѣдный останокъ сего древняго города.

ГЛАВА IV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Г. 1272 — 1276.

Споръ о Новогородскомъ Княженіи. Моголы идутъ на Литву. Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ. Кончина Василія. Соборъ.

Г. 1272. Споръ о Новогородскомъ Княженіи.

Меньшій братъ Ярославовъ, Василій Костромскій, наслѣдовалъ престолъ Великаго Княженія, и немедленно отправилъ Пословъ въ Новгородъ, куда, вмѣстѣ съ ними, прибыли и Димитріевы. Тѣ и другіе остановились на *Дворѣ Ярослава*; тѣ и другіе ходатайствовали за своего Князя: ибо и Василій и Димитрій Александровичь желали присвоить себѣ Новгородъ, избыточный, сильный, и менѣе другихъ областей угнетенный игомъ Татарскимъ. Димитрій надѣялся на славу мужества, изъявленнаго имъ въ битвѣ Раковорской, и еще болѣе на память отца, Героя Невскаго; а Василій на услугу, недавно оказанную имъ въ Ордѣ

Новугороду[139]. Посадникъ Павша взялъ сторону перваго, и сынъ Александровъ, признанный Княземъ Новогородскимъ, спѣшилъ въ сію столицу. Василій, свѣдавъ о томъ, послалъ въ слѣдъ за нимъ Воеводу, чтобы схватить его на пути, а самъ хотѣлъ взять Переславль, но обратился съ войскомъ къ Торжку; и занявъ сей городъ, оставилъ тамъ своего Намѣстника или Тіуна. Князь Тверскій, Святославъ Ярославичь, помогая дядѣ, опустошалъ между тѣмъ берега Волги, Бѣжецкъ, Волокъ. Надлежало прибѣгнуть къ мечу или къ договорамъ: Новогородцы хотѣли употребить оба средства, и собравъ войско, послали Бояръ къ Великому Князю, чтобы укротить его гнѣвъ словами мирными. Но Василій, принявъОсловъ съ отмѣнною честію, не согласился на миръ, и Димитрій съ сильными полками выступилъ къ Твери зимою. Вдругъ сдѣлалась перемѣна. «Дружба Великаго Князя для насъ необходима,» думали многіе Новогородцы: «купцевъ нашихъ грабятъ теперь въ землѣ Суздальской; мы лишены подвозовъ, и терпимъ нужду въ хлѣбѣ. Не лучше ли, вмѣсто кровопролитія, исполнить желаніе Васильево, согласное съ народною пользою?» Сіе мнѣніе было наконецъ всѣми одобрено: остановясь въ Торжкѣ, войско не хотѣло итти далѣе. Самъ Димитрій не противился общей волѣ, и дружелюбно разстался съ Но-

Октября 9.

вогородцами, которые, смѣнивъ вѣрнаго ему Посадника Павшу, объявили Василія своимъ Правителемъ. Такимъ образомъ Великій Князь достигъ цѣли; пріѣхалъ въ Новгородъ, и въ знакъ миролюбія забывъ недоброжелательство Боярина Павши, согласился, чтобы народъ возвратилъ ему санъ Посадника. Сей чиновникъ ушелъ-было изъ Торжка къ Димитрію; но боясь на старости лѣтъ остаться изгнанникомъ, прибѣгнулъ къ Василісву великодушію и до кончины своей пользовался любовію сограждан.

Г. 1275. Чрезъ два года, спокойные для Россіи, Великій Князь отправился къ Хану. Въ сіе время Моголы ходили на Литву, приглашенные къ тому Львомъ Галицкимъ. Преемникъ Шварновъ, свирѣпый Тройденъ, нѣсколько лѣтъ бывъ союзникомъ Даніиловыхъ сыновей, нечаянно взялъ Дрогичинъ и безжалостно умертвилъ большую часть жителей. Левъ, озлобленный его вѣроломствомъ, обратился къ Хану Мангу-Тимуру, желая испребляпь враговъ врагами[140]. Глѣбъ Смоленскій и Романъ Михайловичь Брянскій, тесть сына Василькова, Іоанна-Владиміра, соединились съ Татарами, долго терпѣвъ набѣги Литовцевъ, которые опустошили за Днѣпромъ самыя отдаленныя мѣста Черниговскаго Княжества. Но сей походъ имѣлъ для Россіи болѣе вредныхъ слѣдствій, нежели благопріятныхъ: ибо Князья поссорились между собою, и взявъ одно предмѣ-

Моголы идутъ на Литву

спіе Новогродка, не захотѣли итти далѣе въ Литву; а Моголы на возвратномъ пути разорили множество нашихъ селъ, подъ именемъ друзей отнимая у земледѣльцевъ скотъ, имѣніе, одежду[141]. «Дружба съ невѣрными» — говоритъ Лѣтописецъ — «не лучше брани; «и сей случай да будетъ примѣромъ для «потомства!»

Оставленные союзниками, Князья Галицкіе взяли въ Литвѣ два города, Турійскъ на берегу Нѣмена и Слонимъ (гдѣ жили Пруссы, которые искали тамъ убѣжища отъ притѣсненій Нѣмецкаго Ордена: Тройденъ населилъ ими и Гродно). Хотя Левъ и Владиміръ, сынъ Васильковъ, заключили было миръ съ Тройденомъ; но гордый Могай, недовольный худымъ успѣхомъ Могольскаго оружія въ Литовской землѣ, прислалъ новую рать въ Галицію и велѣлъ имъ итти съ нею противъ Литвы. Они повиновались. Моголы осаждали Новогродокъ, Россіяне Гродно; но тѣ и другіе взяли единственно добычу въ окрестностяхъ, потерявъ много людей. Гродненскіе Пруссы въ особенности бились мужественно и въ нечаянномъ нападеніи плѣнили лучшихъ Бояръ Галицкихъ; однакожь должны были освободить ихъ, когда Россіяне, овладѣвъ главною башнею крѣпости, предложили честный миръ жителямъ[142]. Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ.

Великій Князь по возвращеніи изъ Орды преставился въ Костромѣ на сороковомъ

Г. 1276. Кончина Василія.

году отъ рожденія, къ гореспи Князей и народа, чтившихъ въ немъ Государя умнаго и добродушнаго. — Въ его время чиновники Могольскіе сдѣлали вторично общую перепись людямъ во всѣхъ Россійскихъ областяхъ для платежа дани, и народъ, уже начиная привыкать къ рабству, сносилъ терпѣливо свое уничиженіе.

Къ главнымъ достопамятностямъ Василіева княженія принадлежитъ Соборъ, бывшій въ 1274 году, когда Митрополитъ Кириллъ пріѣхалъ изъ Кіева въ Владиміръ, съ Архимандритомъ Печерской Лавры, Серапіономъ, чтобы посвятить его тамъ въ Епископы[143]. Кириллъ, знаменитый миротворецъ Князей и другъ отечества, свѣдавъ о многихъ безпорядкахъ въ дѣлахъ церковныхъ, ревностно желалъ исправить ихъ, и созвалъ для того Епископовъ въ Владиміръ: Далмата Новогородскаго, Игнатія Росповскаго, Ѳеогноста Переяславскаго или Сарскаго, Симеона Полоцкаго, и разсуждавъ съ ними, издалъ Церковныя правила, коихъ почти современный харатейный списокъ находится въ Синодальной библіотекѣ[144]. «Доднынѣ» — пишетъ Митрополитъ — «успавы церковные *были омрачены облакомъ Ел-*

Соборъ.

линской мудрости; нынѣ же предлагаются ясно, и невѣдѣніе да не будетъ извинені-емъ. Уклоняяся отъ истинныхъ правилъ Христіанства, какое мы видѣли слѣдствіе? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу

«земли? не взяпы ли грады нани? не ис-
«преблены ли Князи оспріемъ меча? не оп-
«ведены ли въ плѣнъ семейспва? не опу-
«спошены ли церкви? не шомимся ли еже-
«дневно опъ ига безбожныхъ и нечеспивыхъ
«враговъ? Се казнь за нарушеніе успановъ
«Церкви?» Увѣренный, чпо нравспвенноспь
мірянъ во многомъ зависишъ опъ нравовъ
Духовенспва, Кириллъ повелѣваепъ давапь
священный санъ единспвенно людямъ непо-
рочнымъ, коихъ жизнь и дѣла извѣспны *отъ самаго дѣтства*; сосѣды и знакомые дол-
жны засвидѣпельсповапь ихъ чеспноспь,
шрезвоспь, добрыя склонноспи. Жишель
иной области (слѣдспвенно неизвѣспный въ
той Епархіи), рабъ неосвобожденный, гра-
жданинъ не плапящій дани, господинъ же-
спокій, *ропникъ* или многоклянущійся, лже-
свидѣпель, убійца хопя и принужденный,
мздоимецъ, безграмопный, незаконно жена-
пый, опчуждаюпся опъ сего сана. Іерею
надлежишъ имѣпь 30 лѣпъ опъ рожденія,
Діакону 29. Епископамъ спрого запрещаеп-
ся брапь съ нихъ деньги за посшавленіе,
кромѣ опредѣленныхъ Мипрополипомъ *семи гривенъ* для крилошанъ. Всякая мзда, шакъ
называемая *посошная* и другія, опмѣнены.
«Далѣе сказано: Мы свѣдали, чпо нѣкопо-
«рые Іереи въ спранахъ Новогородскихъ опъ
«Пасхи до недѣли Всѣхъ Свяпыхъ праздну-
«юпъ полько и веселяпся, не кресшяпъ
«ни кого и не опправляюпъ службы Боже-

«спвенной: такіе да исправятся или да бу-
«дутъ извержены! Единъ достойный Па-
«спырь лучше тысящи беззаконныхъ. Из-
«вѣстно намъ также, что многіе люди, дер-
«жася древнихъ языческихъ обыкновеній,
«сходятся въ святые праздники на какія-то
«бѣсовскія игрища, крикомъ и свистомъ
«зываютъ подобныхъ себѣ пьяницъ, и
«бьются дрекольемъ до самой смерти, сни-
«мая съ убитыхъ одежду: отнынѣ кто
«не престанетъ тѣшить Діавола такими
«гнусными забавами, да будетъ отлученъ
«отъ церквей Божіихъ; да не пріемлютъ
«отъ него никакихъ приношеній, то есть,
«ни просфоръ, ни кутьи, ни свѣчь; когда
«же умретъ, да не отправляютъ по немъ
«Божественныя службы, и тѣло его да ле-
«житъ далеко отъ святыхъ храмовъ!» Въ
числѣ многихъ обыкновеній, противныхъ
уставамъ церковнымъ, Кириллъ осуждаетъ
обливаніе при крещеніи, говоря, что оно
беззаконно, и что крестимый долженъ быть
всегда *погружаемъ* въ сосудѣ особенномъ. —
Такимъ образомъ, приписывая государствен-
ное бѣдствіе развратну народа и заблужде-
нямъ Духовенства, сей Митрополитъ хо-
тѣлъ искоренить оные мѣрами согласными
съ образомъ мыслей своего вѣка.

ГЛАВА V.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЬ.

Г. 1276 — 1294.

Состояніе Россіи. Россіяне въ Дагестанѣ. Копорье. Ссора Князей Ростовскихъ. Междоусобіе въ Великомъ Княженіи. Бѣдствіе Курской области. Независимость Тверскаго Княженія. Опустошеніе Россіи. Кончина Димитріева. Неустройства въ Новѣгородѣ. Дѣла съ Нѣмцами и Шведами. Набѣги Литвы. Дѣла съ Польшею. Кончина Кн. Владиміра Волынскаго. Добродѣтели Кирилла Митрополита. Смерть Ногаева.

Г. 1276. Состояніе Россіи.

Послѣ страшной грозы Батыевой опечество наше какъ бы отдохнуло въ теченіе лѣтъ тридцати, будучи обязано внутреннимъ устройствомъ и тишиною умному правленію Ярослава Всеволодовича и Св. Александра. Нѣкоторые частные грабежи Моголовъ, нѣкоторыя маловажныя распри Князей, и самая утрата государственной независимости уже казались легкимъ зломъ въ сравненіи съ общими бѣдствіями минувшихъ лѣтъ, еще свѣжими въ памяти народа. Войны внѣшнія были довольно счастливы: побѣда Невская и Раковорская свидѣтельствовали, что Россіяне еще умѣютъ владѣть мечемъ; а торговля, ободряемая даже грамотами Ханскими[145], доставляла и

купцамъ и земледѣльцамъ способъ платить дань безъ запрудненія. Въ такомъ состояніи находилось Великое Княженіе, когда Димитрій Александровичь восшелъ на престолъ онаго, къ несчастію подданныхъ и своему, къ стыду вѣка и крови Героя Невскаго.

Новогородцы тогда же признали Димитрія своимъ Княземъ, слѣдуя во-первыхъ древнему правилу, что Глава Россіи есть и Глава Новагорода, а во-вторыхъ и для того, чтобы онъ покровительствовалъ ихъ важную торговлю въ землѣ Низовской[146], и не мѣшалъ имъ имѣть свободное сообщеніе съ Заволочьемъ.

Г. 1277. Димитрій немедленно отправился въ Новгородъ, а другіе Князья — Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Ѳеодоръ Ярославскій и Андрей Городецкій, сынъ Невскаго, братъ Димитріевъ — повели войско въ Орду, чтобы вмѣстѣ съ Ханомъ Мангу-Тимуромъ итти на Кавказскихъ Ясовъ или Аланъ, изъ коихъ многіе не хотѣли повиноваться Татарамъ и еще съ усиліемъ противоборствовали ихъ оружію[147]. Князья наши завоевали Ясскій городъ Дедяковъ (въ южномъ Дагестанѣ), сожгли его, взявъ знатную добычу, плѣнниковъ, и симъ подвигомъ заслужили отмѣнное благоволеніе Хана, изъявившаго имъ оное не только великою хвалою, но и богатыми дарами. Ѳеодоръ Ярославскій и зять его, Михаилъ, сынъ Глѣбовъ, ходили и въ слѣдующій годъ по-

Рос. сіяне въ Дагестанѣ.

могапть Тапарамъ, или единспвенно исполняя волю Хана, или желая добычи, коею Моголы охопно дѣлились съ Россіянами, пользуясь ихъ мужеспвомъ[148]. Тапары воевали погда въ Болгаріи съ однимъ славнымъ бродягою, свинопасомъ, извѣспнымъ въ Гре- Г. 1278.
ческихъ лѣпописяхъ подъ именемъ Лахана: сей человѣкъ приманилъ къ себѣ многихъ людей, увѣривъ ихъ, чпо Небо послало его освободишь опечеспво опъ ига Могольскаго; имѣлъ сперва удачу, и женился на вдовспвующей супругѣ Царя Болгарскаго, имъ злодѣйски умерщвленнаго; но былъ наконецъ разбипъ Тапарами и лишенъ жизни въ спанѣ Ногаевомъ.

Между пѣмъ Великій Князь Димипрій наказалъ данниковъ Новагорода, Кореловъ, *взявъ* ихъ землю на *щитъ*, по еспь, разоривъ оную и плѣнивъ многихъ жипелей, за ослушаніе или явный бунпъ: въ надеждѣ, можепъ быпь, на помощь Магиспра Ливонскаго или Короля Шведскаго, они хопѣли свергнупь иго, возложенное Новымгородомъ на ихъ предковъ. Чпобы Нѣмцы и Шведы не могли свободно приспавапь къ нашимъ Г. 1208.
берегамъ Финскаго залива, Димипрій заложилъ каменную крѣпоспь въ Копорьѣ, гдѣ прежде находилась деревянная, въ его же Ко-
время срубленная. Сія крѣпоспь сдѣлала порье.
раздоръ между Княземъ и народомъ: первый хопѣлъ присвоипь оную лично себѣ и занянь своею дружиною; а граждане не поз-

воляли Князю владѣть чѣмъ нибудь въ области Новогородской, особенно же мѣстомъ укрѣпленнымъ — и Димитрій, съ досадою уѣхавъ въ Владиміръ, началъ готовиться къ войнѣ. Тщетно Посолъ, Архіепископъ Клименпъ, преемникъ Далматовъ, уговаривалъ его оставить гнѣвъ на людей обыкшихъ соблюдать древнія права свои: Великій Князь пошелъ съ войскомъ въ область Новогородскую, началъ непріятельскія дѣйствія разореніемъ многихъ селеній и спалъ на Шелонѣ. Тамъ Архіепископъ Клименпъ вторичнымъ моленіемъ и дарами склонилъ его къ миру: Новогородцы согласились поручить Копорье дружинѣ Княжеской, но съ того времени не взлюбили Димитрія, ожидая случая отмстить ему за сіе насиліе, который скоро и представился[149].

Г. 1281. Ссора Князей Ростовскихъ.

Димитрій, оставивъ своего чиновника въ Новѣгородѣ, возвратился въ Владиміръ, быть посредникомъ въ ссорѣ Князей Ростовскихъ. Борисъ Васильковичь еще въ 1277 году скончался въ Ордѣ, гдѣ была съ нимъ и супруга его, Марія. Глѣбъ Бѣлозерскій, наслѣдовавъ Ростовъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Сей меньшій Васильковъ сынъ отъ юности своей пользовался отмѣнною милостію Хановъ, и служилъ имъ на войнахъ усердно, чтобы тѣмъ лучше служить отечеству: ибо угнетаемые Моголами Россіяне всегда находили заступника и спасителя въ великодушномъ Глѣбѣ, вообще благотво-

рипельномъ, щедромъ, отцѣ сирыхъ и бѣдныхъ[150]. По его кончинѣ сыновья Борисовы, Димитрій и Константинъ, господствуя въ Ростовѣ, отняли у Глѣбова сына, Михаила, наслѣдственную Бѣлозерскую область, и скоро поссорились между собою, такъ, что Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ Великому Князю, а Димитрій Борисовичь началъ собирать полки; но Великій Князь отвратилъ ненавистное кровопролитіе: самъ ѣздилъ въ Ростовъ и посредствомъ тамошняго Епископа, Игнатія, уговорилъ братьевъ жить согласно.

Междоусобіе въ Вел. Княженіи.

Въ то самое время собственный его меньшій братъ, Андрей Александровичь, Князь Городца Волжскаго, дѣйствуя по совѣту злодѣя, Семена Тонигліевича, и другихъ недостойныхъ Бояръ, вздумалъ овладѣть Великимъ Княженіемъ, вопреки государственному уставу или древнему обыкновенію, по коему старшій въ родѣ заступалъ мѣсто отца. Лестію и дарами задобривъ Хана, Андрей получилъ отъ него грамоту и войско, подступилъ къ Мурому и велѣлъ всѣмъ Удѣльнымъ Князьямъ явиться къ нему въ станъ съ ихъ дружинами. Никто не смѣлъ ослушаться: Ѳеодоръ Ярославскій, Михаилъ Ивановичь Стародубскій (внукъ Всеволода III), и даже Константинъ Ростовскій, облагодѣтельствованный Димитріемъ, соединились съ Андреемъ. Изумленный сею внезапною грозою, Великій Князь искалъ спасенія

въ бѣгствѣ; а Тапары, пользуясь случаемъ, напомнили Россіи время Батыево. Муромъ, окрестностпи Владиміра, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самаго Торжка, были разорены ими: они жгли и грабили домы, монастыри, церкви, не оставляя ни иконъ, ни сосудовъ, ни книгъ, украшенныхъ богатымъ переплетомъ; гнали людей полнами въ плѣнъ, или убивали. Юныя Монахини, жены Священниковъ были жертвою гнуснаго насилія. Спасая жизнь и вольность, земледѣльцы гибли въ степяхъ отъ жестокихъ морозовъ. Переславль, удѣльный городъ Димитріевъ, хотѣлъ обороняться, и былъ ужаснымъ образомъ за то наказанъ: не осталось жителя (по словамъ лѣтописи), котораго не оплакалъ бы смерти отца или сына, брата или друга. Сіе несчастіе случилось Декабря 19: въ Рождество Христово церкви стояли пусты; вмѣсто священнаго пѣнія раздавался въ городѣ одинъ плачь и стонъ. Андрей, злобный сынъ отца столь великаго и любезнаго Россіи, праздновалъ одинъ съ Тапарами, и совершивъ дѣло свое, отпустилъ ихъ съ благодарностію къ Хану.

Димитрій Александровичь бѣжалъ къ Новугороду, и думалъ заключиться въ Которьѣ. Новогородцы многочисленными полками встрѣтили его на озерѣ Ильменѣ. «Стой, Князь!» говорили они: «мы помнимъ твои обиды. Иди, куда хочешь.» Они взяли дочерей и

Г. 1282.

Бояръ Димитріевыхъ въ залогъ, давъ слово освободить ихъ, когда дружина Княжеская добровольно выступитъ изъ Копорья, гдѣ находился погда и славный Довмонтъ Псковскій, зять Великаго Князя[151]. Доброхотствуя тесноту, онъ съ горстію воиновъ вломился въ Ладогу, взялъ тамъ казну его, даже много чужаго, и возвратился въ Копорье; но пользы не было: ибо Новогородцы немедленно осадили сію крѣпость, и принудивъ Довмонта выйти оттуда со всѣми людьми Княжескими, срыли оную до основанія. Внутренно, можетъ быть, гнушаясь злодѣяніемъ Андрея Александровича, но жертвуя совѣстію особеннымъ ихъ выгодамъ, Новогородцы призвали его и возвели на престолъ Св. Софіи.

Между тѣмъ, свѣдавъ, что полки Ханскіе оставили Россію, Димитрій возвратился въ Переславль, гдѣ жители изъявляли къ нему усердіе, и началъ собирать войско. Андрей, видя опасность, спѣшилъ въ Орду. Новогородцы также не могли быть спокойны: имѣя недостаток въ съѣстныхъ припасахъ, и боясь, чтобы Димитрій не занялъ хлѣбнаго Торжка, ввѣрили защиту сего для нихъ важнаго мѣста надежному Боярину, Семену Михайловичу; велѣли ему доставить оттуда весь излишній хлѣбъ водою въ Новгородъ, и соединились съ друзьями Андреевыми, меньшимъ его братомъ, Даніиломъ Московскимъ, и Святославомъ

Тверскимъ[152]. Они хотѣли изгнать Великаго Князя; вспрѣпивъ же его гоповаго къ бипвѣ, въ пяпи верспахъ опъ Дмипрова, оспановились, и заключили миръ *на всей волѣ своей*: по еспь, Димипрій опказался опъ Новагорода и далъ слово никогда не мспипь его жипелямъ. Но Андрей нашелъ гораздо усерднѣйшихъ помощниковъ въ Моголахъ: сіи варвары, всегда алчные къ злодѣйспвамъ и добычѣ, не опказались и випорично услужипь ему разореніемъ Великаго Княженія; напали со всѣхъ споронъ на Суздальскія области, и спремились къ Переславлю, означая свой пупь кровію и пожарами. Димипрій не могъ пропивипься: онъ бѣжалъ къ сильному Ногаю, копорый, бывъ прежде Воеводою Ханскимъ, погда уже самовластно господспвовалъ опъ спепей Слободской Украинской и Екатеринославской Губерніи до береговъ Чернаго моря и Дуная.

Такимъ образомъ Князья Россійскіе въ самомъ испочникѣ насилій искали способа защипить себя опъ оныхъ, и жерпвовали послѣдними оспапками народной гордоспи выгодамъ собспвеннаго, личнаго властолюбія. Димипрій не обманулся въ надеждѣ: убѣжденный его справедливоспію, или желая единспвенно доказать свое могущество, Ногай возвранилъ ему прespолъ и власпь, не мечемъ и не кровопролипіемъ, но одною повелипельною грамопою. Андрей не дерзнулъ быпь ослушникомъ, ибо самъ новый Ханъ, Туданъ-

Г. 1283.

Мангу[153], боялся Ногая. Брашья примирились, хотя и неискренно; меньшій отказался отъ Великаго Княженія, и даже не могъ защитить своихъ друзей отъ мести Димитріевой. Мы упоминали о Вельможѣ Семенѣ Тонгліевичѣ, главномъ совѣтникѣ Андреевомъ, коему Лѣтописцы даютъ имя коварнаго мятежника: Великій Князь послалъ двухъ Бояръ умертвить его въ Костромѣ, гдѣ онъ жилъ спокойно, надѣясь на заключенный между братьями миръ. Бояре, тайно схвативъ сего Вельможу, напрасно хотѣли свѣдать, не имѣетъ ли Андрей новыхъ опасныхъ замысловъ: Семенъ отвѣтствовалъ: «Я ничего не знаю. Брашья ссорятся, «братья миряпся; а мое дѣло вѣрно слу- «жить Государю.» Запираясь въ томъ, чтобы Андрей по его совѣту призывалъ Моголовъ, и слыша угрозы, онъ равнодушно сказалъ: «и такъ Великій Князь не «боится вѣроломства? клялся быть дру- «гомъ Андреевымъ и грозитъ казнію его «Боярамъ!» Тогда исполнители Димитріева повелѣнія убили сего человѣка жестокаго, но смѣлаго и рѣшительнаго: свойства, безъ коихъ злодѣи не могли бы такъ часто успѣвать въ своихъ намѣреніяхъ.

Андрей молчалъ, и не смѣя ни въ чемъ споритъ съ Димитріемъ, уступилъ ему Новгородъ, хотя, будучи въ Торжкѣ, не за долго до сего времени далъ клятву Новгородскимъ чиновникамъ жить или умереть съ 1283. —84.

ними[154]. Онъ ходилъ даже вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и съ Тапарами смирять Новогородцевъ, не хотѣвшихъ повиноваться его брату. Чтобы не раздражить Моголовъ и спасти свою область отъ разоренія, они согласились наконецъ зависѣть отъ Димитрія, уступивъ ему Волокъ.

Бѣдствіе Курской области.

Увидимъ, что Андрей, стараясь доказывать Великому Князю свое раскаяніе и миролюбіе, дѣйствовалъ какъ лицемѣръ; но прежде описанія его новыхъ злодѣйствъ изобразимъ тогдашнія бѣдствія области Курской, гдѣ господствовали Олегъ и Святославъ, потомки древнихъ Владѣтелей Черниговскихъ[155]: первый въ Рыльскѣ и Воргольѣ, а вторый въ Липецкѣ. Баскакомъ сего Княженія былъ Ахматъ Хивинецъ: взявъ на откупъ дань Тапарскую, онъ угнеталъ народъ, не исключая ни Бояръ, ни Князей, и завелъ близъ Рыльска двѣ слободы, куда стекались негодяи всякаго рода, чтобы, снискавъ его покровительство, грабить окрестныя селенія. Олегъ съ согласія Святослава пожаловался на то Хану Телебугѣ, который, давъ ему отрядъ Моголовъ, велѣлъ разорить слободы Ахматовы: Князья же, исполняя въ точности приказъ его, вывели оттуда своихъ бѣглыхъ людей, а другихъ оковали цѣпями. Ахматъ находился тогда у Ногая, и слыша, что сдѣлалось въ области Курской, описалъ ему Олега и Святослава разбойниками, тайными его непріятелями.

Сіе обвиненіе имѣло нѣкоторую тѣнь истины: ибо легкомысленный Святославъ, еще прежде Олегова возвращенія изъ Орды, превожилъ Баскаковы селенія ночными нападеніями, похожими на разбой. «Чтобы увѣ-
«рипься въ справедливости моихъ словъ» — говорилъ Ахматъ Ногаю — «пошли сокольни-
«ковъ въ Олегову землю ловить лебедей, и
«вели ему къ тебѣ пріѣхать: увидишь, что
«онъ не послушается.» Олегъ не считалъ себя виновнымъ, ибо исполнилъ только волю Хана; но боясь клеветы Ахматовой, не захотѣлъ ѣхать къ Ногаю, который, будучи раздраженъ его ослушаніемъ, послалъ войско наказать мнимаго непріятеля. Могъ ли Князь двухъ или трехъ ничтожныхъ городковъ думать о сопротивленіи? Олегъ бѣжалъ къ Хану Телебугѣ, Святославъ въ лѣса Воронежскіе, а Моголы, разоривъ Курское владѣніе, схватили 13 Бояръ, также нѣсколько странниковъ, и предали ихъ скованныхъ въ жертву злобному Баскаку. Онъ злодѣйски умертвилъ первыхъ, освободилъ странниковъ, и подаривъ имъ окровавленныя одежды казненныхъ Бояръ, сказалъ:
«ходите изъ земли въ землю, и громогла-
«но объявляйте: *такъ будетъ всякому,*
«*кто дерзнетъ оскорбить Баскака*[186]*!*» Разоренныя Ахматовы слободы вновь наполнились жителями, скотомъ и другими плодами всемѣстнаго грабежа въ Курской области: люди бѣжали въ пустыни, не смотря на

жестокость зимы; города и села опустѣли, такъ, что слуги Баскаковы, возя повсюду головы и руки убитыхъ Бояръ, видѣли, что не-кого было спрашать сими знаками его ужасной мести. Однакожъ Ахматъ боялся ушедшихъ Князей, и самъ поѣхалъ къ Ногаю, оставивъ вмѣсто себя двухъ братьевъ для охраненія слободъ. Что онъ предвидѣлъ, то и случилось. Бродяги, жители Баскаковыхъ деревень, скоро должны были всѣ разбѣжаться: ибо Святославъ возвратился, сперегъ ихъ на дорогахъ и нѣсколько человѣкъ умертвилъ, не заботясь о слѣдствіяхъ. Тогда же пріѣхалъ изъ Орды и родственникъ его, Олегъ, собрать, успокоить народъ, и съ Христіанскими обрядами воздать честь погребенія убитымъ Боярамъ, коихъ искаженные трупы еще висѣли на деревахъ. Желая отвратить новую бѣду отъ земли Курской, сей Князь торжественно объявилъ Святослава преступникомъ, говоря ему: «Мы были правы, а теперь спа-«ли виновны. Дѣло твое есть вторичный «разбой, всего болѣе ненавистный Тата-«рамъ, и въ самомъ нашемъ отечествѣ не-«терпимый. Надлежало требовать суда отъ «Хана: ты же не хотѣлъ ѣхать къ нему, «укрываясь въ темнотѣ лѣсовъ какъ зло-«дѣй. Моя совѣсть чиста. Иди, оправдайся «предъ Царемъ.» Но Святославъ не слушалъ ни упрековъ, ни совѣтовъ его, отвѣтствуя гордо: «я воленъ въ своихъ дѣ-

«лахъ; наказалъ враговъ моихъ, и правъ.» Тогда Олегъ поѣхалъ съ жалобою къ Телебугѣ, и ревностно исполняя волю его, умертвилъ Святослава! Достойно замѣчанія, что Лѣтописцы сего времени ни мало не виняшъ убійцы, осуждая безразсудность убитаго: сколь рабство измѣняетъ понятія людей о чести и справедливости! Святославъ казался злодѣемъ, ибо, отражая насиліе насиліемъ, подвергалъ Россіянъ гнѣву сильнаго тирана; а жестокій Олегъ, вонзивъ мечь въ сердце единокровнаго Князя, не заслужилъ ихъ укоризны, ибо тѣмъ спасалъ себя и подданныхъ отъ мести Тапарской....Но себя не спасъ: братъ Святослава, Александръ, убилъ его вмѣстѣ съ двумя сыновьями, и нашелъ способъ умилостивить Моголовъ. Сіи завоеватели требовали единственно повиновенія и даровъ, оставляя нашимъ Князьямъ право рѣзать другъ друга, и вступаясь иногда съ великою ревностію за утѣсненнаго, готовы были тогда же взять сторону противную.

Мы видѣли, что Ногай защитилъ Димитрія: увидимъ его и защитникомъ Андрея. Сей Князь Городецкій, живъ два года спокойно, призвалъ къ себѣ какого-то Царевича изъ Орды и началъ явно готовиться къ важнымъ непріятельскимъ дѣйствіямъ[157]. Великій Князь предупредилъ ихъ: соединился съ Удѣльными Владѣтелями, выгналъ Царевича и плѣнилъ Бояръ Андреевыхъ. Сіе

Г. 1285.

дѣйствіе могло оскорбить Хана и казалось дерзостію: Росповцы поступили еще смѣлѣе. Съ неудовольствіемъ смотря на множество Тапаръ, привлекаемыхъ къ нимъ корыстолюбіемъ и хотѣвшихъ быть во всемъ господами, они положили на Вѣчѣ изгнать сихъ безпокойныхъ гостей, и разграбили ихъ имѣніе. Владѣтель Росповскій, Димитрій Борисовичь, свать Великаго Князя, немедленно послалъ въ Орду брата своего, Конспантина, чтобы оправдать народъ или себя, и Ханъ на сей разъ не вступился за обиженныхъ Тапаръ: чему были причиною или дары Княжескіе или тогдашнія внутреннія неустройства въ Ордѣ. Ногай болѣе и болѣе стѣснялъ власть Хан-
г. 1289. скую: наконецъ умертвилъ Телебугу, и возвелъ на престолъ его брата, именемъ
г. 1291. Тохту. Къ несчастію, Россія не могла еще воспользоваться сими междоусобіями ея тирановъ, согласныхъ въ желаніи угнетать оную.

Великій Князь, обязанный всѣмъ покровительству Ногая, могъ быть еще спокойнѣе прежняго, видя его располагающаго судьбою Хановъ. Чтобы имъ болѣе угодить ему, онъ послалъ въ Орду сына, юнаго Алег. ксандра (который тамъ и скончался). Но
1292. Андрей хитрыми происками успѣлъ склонить на свою сторону многихъ Удѣльныхъ Князей, въ особенности же Ѳеодора Ярославскаго, любимца и — какъ вѣроятно —

зятя Ногаева, представляя имъ Димитрія опаснымъ и готовымъ спѣснить ихъ права, хотя Великій Князь совсѣмъ не думалъ о самовластіи[158]. За нѣсколько лѣтъ до того времени оскорбленный Тверскимъ Владѣтелемъ, Михаиломъ Ярославичемъ, юношею гордымъ, онъ ходилъ вмѣстѣ съ Новогородцами воевать его области, но долженъ былъ заключить съ нимъ миръ у Кашина, не смѣвъ рѣшиться на битву и какъ бы признавъ независимость Тверскаго Княженія. Андрей и Ѳеодоръ, вступивъ въ тѣсную связь, очернили Димитрія въ глазахъ Ногая, весьма равнодушнаго къ справедливости и довольнаго случаемъ обогатить своихъ Моголовъ новымъ впаденіемъ въ Россію, гдѣ они били людей какъ птицъ, и брали добычу, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Ногай сказалъ слово, и многочисленные полки Моголовъ устремились на разрушеніе. Дюдень, братъ Хана Тохты, предводительствовалъ ими; а Князья, Андрей и Ѳеодоръ, указывали ему путь въ сердце отечества. Димитрій находился въ Переславлѣ: не имѣя отважности встрѣтить Дюденя ни съ оружіемъ, ни съ убѣдительными доказательствами своей невинности, онъ бѣжалъ черезъ Волокъ въ отдаленный Псковъ, къ вѣрному зятю Довмонту. Татары шли возвести Андрея на Великое Княженіе, и могли бы сдѣлать то безъ всякаго кровопролитія: ибо никто не думалъ со-

Независимость Тверскаго Княженія.

г. 1293.

Опустошеніе Россіи.

противляпться волѣ Ногаевой; но сей предлогъ былъ только обманомъ. Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переславль, Угличь, Коломна, Москва, Дмипровъ, Можайскъ и еще нѣсколько другихъ городовъ были ими взяпы какъ непріятельскіе, люди плѣнены, жены и дѣвицы обруганы. Духовенспво, свободное опъ дани Ханской, не спаслося опъ всеобщаго бѣдспвія: обнажая церкви, Тапары выломали даже мѣдный полъ Собора Владимірскаго, называемый *чудеснымъ* въ лѣтописяхъ. — Въ Переславлѣ они не нашли ни одного человѣка: ибо граждане удалились заблаговременно съ женами и съ дѣпьми. Даніилъ Александровичь Московскій, брапъ и союзникъ Андреевъ, дружелюбно впуспивъ Тапаръ въ свой городъ, не могъ защипипь его опъ грабежа. Ужасъ царспвовалъ повсюду. Одни лѣса дремучіе, коими сія часпь Россіи погда изобиловала, служили убѣжищемъ для земледѣльцевъ и гражданъ.

Дюдень, вспупивъ въ Тверскую обласпь, думалъ взяпь сполицу, іпѣмъ удобнѣе, чпо Князь Михаилъ находился въ Ордѣ. Къ счаспію, Бояре и народъ изъявили великодушную смѣлоспь: съ обрядами священными давъ кляпву другъ другу обороняпься до послѣдняго человѣка, они сосппавили войско, довольно сильное числомъ; многіе люди изъ другихъ областей, спасаясь опъ Моголовъ, прибѣжали въ Тверь и вооружились вмѣспѣ

съ ея мужественными гражданами. Къ внезапной ихъ радости, явился и Князь Михаилъ, двадцатилѣтній юноша, любимый всѣми. Не зная, что Татары заняли Москву, онъ было едва не попался къ нимъ въ руки; но одинъ сельскій Священникъ въ окрестностяхъ ея далъ ему вѣсть о томъ и показалъ дорогу безопасную. Духовенство встрѣтило Князя со крестами, народъ съ восхищеніемъ; думая, что онъ привезъ къ нимъ спасеніе и побѣду, самые малодушные ободрились. Мужество въ нѣкоторыхъ случаяхъ также легко сообщается, какъ и робость.— Недостойный Князь Андрей, бывъ свидѣтелемъ всѣхъ злодѣйствъ Татарскихъ, уже велъ Дюденя къ Твери; но свѣдавъ, что жители ея подъ начальствомъ Михаила готовы дать имъ отпоръ сильный, Моголы обратились къ Новогородской области, ибо искали въ Россіи не славы побѣдъ, а только одной безопасно добываемой корысти[139]. Разореніемъ Волока заключилось сіе губительство. Приславъ дары Воеводѣ Могольскому, Новогородцы объявили тамъ Андрею, что они всегда желали имѣть его своимъ Княземъ, и что ему нѣтъ нужды итти къ нимъ съ Татарами. Дюдень отступилъ, и вышелъ изъ Россіи. Андрей пріѣхалъ въ Новгородъ; союзникъ же его, Ѳеодоръ Ростиславичь, взялъ себѣ Переславль-Залѣсскій. Сей Князь, по смерти братьевъ, Глѣба и Михаила Ростиславичей, господство- г. 1294.

валъ и въ Смоленскѣ, но скоро долженъ былъ уступить оный племяннику, Александру Глѣбовичу, воину мужественному, который (въ 1285 году) счастливо опразилъ опть сполицы своей Князя Брянскаго, Романа Михайловича[160].

Великій Князь ждалъ только отбытія полковъ Дюденевыхъ и хотѣлъ немедленно возвратиться въ свою наслѣдственную Переславскую область, зная, что усердный къ нему народъ возмепъ его сторону. Андрей съ дружиною Новогородскою перехватилъ брата на пути, близъ Торжка. Великій Князь, оставивъ казну свою въ рукахъ Андреевыхъ, ушелъ въ Тверь, гдѣ юный Михаилъ принялъ его со всею должною честію, и вызвался быть миротворцемъ между ими, чтобы избавить отечество отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Епископъ Тверскій и Святославъ (Князь или Вельможа) поѣхали въ Торжекъ, убѣждали, молили Андрея, и наконецъ успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ. Великій Князь отказался отъ старѣйшинства и престола Владимірскаго, довольный наслѣдственнымъ Переславскимъ Удѣломъ; а Новогородцы получили обратно Волокъ. Согласно съ главнымъ условіемъ мира, Ѳеодору Ростиславичу надлежало оставить Переславль: онъ не могъ противиться волѣ Андреевой, но выѣзжая зъ сего города, обратилъ его въ пепелъ. Димитрій свѣдалъ о томъ уже въ послѣдніе часы своей жизни:

Кончина Димитріева.

занемогъ, поспригся и близъ Волока умеръ на пути[161]: Государь памятный одними несчастіями, претерпѣнными Россіею въ его княженіе опъ Андреева безумнаго властолюбія! Лѣтописцы прибавляютъ, что въ сіи гореспныя времена были страшныя небесныя знаменія, громы, вихри и смертоносныя болѣзни.

Новогородцы при Димитріи пакже не пользовались ни внупреннимъ, ни внѣшнимъ миромъ. Въ 1287 году смѣненный Посадникъ, Симеонъ Михайловичь, несправедливо обвиняемый во злоупотребленіяхъ власти, былъ осажденъ въ домѣ своемъ шумными вооруженными полпами; но Архіепископъ спасъ его, проводивъ въ Софійскую церковь, куда мятежники не дерзнули вломиться. На другой день всѣми признанный невиннымъ, Посадникъ умеръ съ гореспи, видѣвъ легковѣріе и жестокость сограждапъ. *Конецъ* возспавалъ на *Конецъ*, улица на улицу: пакъ называемая Прусская была вся выжжена за Боярина Самуила Рапьшинича, убитаго ея жипелями на Дворъ Архіепископскомъ. Въ 1291 году крамольники опустошили богатыя лавки кунеческія: народъ, въ слѣдспвіе торжественнаго суда, утопилъ двухъ главныхъ виновниковъ сего злодѣйспва. — Нѣмцы часто превожили Новогородцевъ, разбивали ихъ суда на Ладожскомъ озерѣ и хотѣли обложить данію Корелу: мужественный Посадникъ Симеонъ, въ успѣхъ

Неустройспва въ Новѣгородѣ.

Дѣла съ Нѣмцами и Шведами.

Невы побѣдивъ Нѣмецкаго Воеводу Трунду, испребилъ большую часть его *шнекъ* и *лойвъ* или судовъ. Шведы, раздраженные нападеніемъ опряда Новогородскаго на Финляндію, приходили разорять землю Ижерскую и Корельскую. Ихъ было 800 человѣкъ: ни одинъ не спасся; жители сихъ областей сами собою управились съ ними. Но въ слѣдующій годъ (1293) Шведы заложили крѣпость на границахъ Кореліи, нынѣшній Выборгъ, и Новогородцы, приступивъ къ ней съ малыми силами, возвратились безъ успѣха. Король Шведскій, Биргеръ, желалъ утвердиться въ Кореліи для того, чтобы обуздать ея свирѣпыхъ жителей, непрестанно безпокоившихъ его сѣверовосточныя владѣнія и грабившихъ суда купеческія на Финскомъ заливѣ; хотѣлъ также укоренить въ ней Латинскую Вѣру и присвоить себѣ господство надъ торговлею Нѣмцевъ съ Новымгородомъ: чему свидѣтельствомъ служитъ грамота, данная Биргеромъ Любеку и другимъ городамъ приморскимъ, въ коей онъ, обѣщая имъ покровительство, строго запрещаетъ ихъ купцамъ возить оружіе и всякое желѣзо въ Россію[162].

Набѣги Литвы.

Набѣги Липовцевъ продолжались, особенно на области Тверскую и Новогородскую. Не только жители Волока, Торжка, Зубцева, Ржева, Твери, но и Москвитяне съ Дмитровцами долженствовали вооружиться (въ 1285 году), и соединенными силами по-

разивъ полпы сихъ хищниковъ, убили ихъ Князя, именемъ Домонпа[163].

Гораздо важнѣе и несчаспнѣе для Россіи, какъ пишетъ Испорикъ Длугошъ, было (въ 1280 году) сраженіе Льва Даніиловича Галицкаго съ Поляками. По кончинѣ добраго Болеслава, умершаго бездѣпнымъ, Левъ думалъ быпь его наслѣдникомъ и Государемъ всей Польши; не могъ преклонипь къ тому Вельможъ Краковскихъ (избравшихъ Лешка, Болеславова племянника) и желая силою овладѣпь нѣкопорыми изъ ближайшихъ ея городовъ, самъ ѣздилъ въ Орду къ Ногаю пребоваль опъ него войска[164]. Однакожь, не смопря на многочисленныя полпы Моголовъ, данныя ему Ханомъ, Воеводы Лешковы одержали надъ нимъ блеспящую побѣду, взявъ 2000 плѣнниковъ, семь знаменъ, и положивъ на мѣспѣ 8000 человѣкъ. Князья благоразумные, Владиміръ-Іоаннъ и Мспиславъ Даніиловичь, весьма неохопно учасповали въ семъ походѣ, осуждая призваніе Моголовъ, копорымъ слѣпое власполюбіе Льва указывало пупь къ дальнѣйшимъ опуспошеніямъ сшранъ Христіанскихъ. Но Провидѣніе охраняло Западъ. Такъ сильные Вожди Ханскіе, Ногай и Телебуга, въ 1285 году предпріявъ совершенно разрушипь Венгерскую Державу, и взявъ съ собою Князей Галицкихъ, наполнили спремнины Карпапскія прупами своихъ воиновъ. Россіяне были для нихъ худыми путеводипелями: гдѣ над-

Дѣла съ Польшею.

лежало ишпи при дни, тамъ Моголы скипались мѣсяцъ; сдѣлался голодъ, моръ, и Телебуга возвратился *пѣшъ съ одною женою и кобылою*, по словамъ Лѣтописца. Около ста тысячь варваровъ погибло въ горахъ и пустыняхъ. Не смотря на то, Ногай и Телебуга въ 1287 году съ новыми силами явились на берегахъ Вислы: Герцогъ Лешко бѣжалъ изъ Кракова; никто не мыслилъ обороняться въ Польшѣ: но къ ея спасенію, Вожди Татарскіе боялись, ненавидѣли другъ друга; не захотѣли дѣйствовать совокупно, и безъ битвы плѣнивъ множество людей, удалились. Телебуга на возвратномъ пути остановился въ Галиціи, пребуя гостепріимства отъ ея Князей, вмѣстѣ съ ними неволею ходившихъ за Вислу; а въ благодарность за оное Моголы грабили, убивали Россіянъ и сообщили имъ язву, отъ коей умерло въ однѣхъ Львовыхъ областяхъ 12,500 человѣкъ, и которая, если вѣрить сказанію Длугоша, произошла отъ того, что Моголы испортили воды въ Галиціи ядомъ, будто бы извлеченнымъ ими изъ мертвыхъ тѣлъ[165]. Сіе бѣдствіе увѣрило Льва Даніиловича, что должно не призывать, а всячески отводить Моголовъ отъ покушеній на Западъ: ибо Галичь и Волынія, служа имъ перепутьемъ, страдали въ такомъ случаѣ не менѣе тѣхъ земель, куда стремились сіи варвары.

Здѣсь подробныя сказанія Волынскаго Лѣ- Кон-
тописца о происшествіяхъ его отчизны за- чина
ключаются извѣстіемъ о болѣзни и кончинѣ Князя
Владиміра-Іоанна Васильковича, любителя Вла-
правды, кротkаго, милостиваго, презваго, димі-
и за особенную ученость по тогдашнему ра Во-
времени названнаго *Философомъ*. Сей добрый лын-
Князь Владимірскій четыре года страдалъ скаго.
какъ Іовъ. Нижняя губа его начала гнить; лекарства не помогали: но снося терпѣливо боль, онъ занимался дѣлами и ѣздилъ на конѣ. Недугъ усилился: вся мясная часть бороды отпала; нижніе зубы и челюсть выгнили. Предвидя смерть, Владиміръ собралъ всѣ драгоцѣнности, золотые и серебряные поясы отцевскіе и собственные, монисты бабкины, материны, большія серебряныя блюда, золотые кубки; слилъ ихъ въ гривны и роздалъ бѣднымъ вмѣстѣ съ Княжескими стадами. Не имѣя дѣтей, онъ въ духовномъ завѣщаніи объявилъ наслѣдникомъ своимъ Мстислава Даніиловича, мимо старшаго Льва и сына его Юрія (женатаго на дочери Ярослава Тверскаго): ибо не любилъ ихъ за лукавые происки. Такъ Левъ, свѣдавъ о тяжкой болѣзни Владиміра, прислалъ къ нему Святителя Перемышльскаго, Мемнона, чтобы выпросить у него Брестъ, *на свѣчу для гроба Даніилова*, какъ говорилъ сей Епископъ. «А что братъ нашъ Левъ далъ «въ память родителя моего?» сказалъ Вла-

диміръ: «господспвуя въ трехъ Княженіяхъ, «Галицкомъ, Перемышльскомъ, Бельзскомъ, «хочепъ взяпь и Брестъ; но не обманепъ «меня.» Тщепно и Юрій припворно жаловался ему на опца, будпо бы лишенный имъ Удѣла, и надѣялся вымолипь у дяди сію же областпь. Умирая, Владиміръ опказалъ супругѣ, именемъ Еленѣ, городъ Кобринъ, поручилъ ее наслѣднику своему, равно какъ и юную пипомицу ихъ, неизвѣспную Княжну Изяславу, взяпую ими въ пеленахъ опъ мапери — и преспавился въ Любомлѣ (въ 1289 году), а погребенъ, *обвитый бархатомъ съ кружевами*, въ Владимірѣ, въ церкви Св. Богомапери, Епископомъ Евсегніемъ. Нѣжная супруга и сеспра Ольга оплакали его вмѣспѣ съ подданными и бывшими шамъ иноземцами, въ числѣ коихъ Лѣтописецъ именуепъ Евреевъ, сказывая далѣе, чпо сей Князь былъ опмѣнно высокаго роспу и прекрасный лицемъ, имѣлъ желпые кудреватые волосы, голосъ полспый, и спригъ бороду вопреки обыкновенію; чпо онъ поспроилъ городъ Каменецъ за Брестомъ на рѣкѣ Льспнѣ (гдѣ всѣ мѣспа по кончинѣ Романа, опца Данiилова, 80 лѣпъ пуспѣли), вездѣ исправилъ, обновилъ крѣпоспи, украсилъ многія церкви живописью, серебромъ, финифпью, и надѣлилъ священными книгами, имъ самимъ списанными; чпо наслѣдникъ Владиміровъ, Мспиславъ, уподоблялся ему въ добродѣпеляхъ;

одною угрозою выгналъ Юрія Львовича изъ Бреспа, Каменца, Бѣльска, и въ наказаніе обложилъ ихъ жипелей необыкновенною податію[166]. Лѣтописецъ Волынскій жилъ въ сіе время: онъ называетъ его счастливымъ. Уже Татары не безпокоили западной Россіи, и были довольны, получая опъ ея Князей дань, собираемую съ народа. Владѣтели Литовскіе, братья Будикидъ и Буйвидъ, купили дружбу Мспислава, уступивъ ему Волковыескъ. Ятвяги, опчаспи присоединенные къ Литвѣ Тройденомъ, не смѣли оскорблять Россіянъ, желая получать опъ нихъ хлѣбъ и предспавляя имъ въ обмѣнъ воскъ, бобровъ, черныхъ куницъ, и даже серебро. Польша перзалась въ междоусобіяхъ: Болеславъ и Конрадъ Самовиповичи, враги Генрика Врапиславскаго, искали благосклонноспи Князей Галицкихъ. Левъ, помогая имъ, осаждалъ Краковъ: не взялъ его опъ измѣны Вельможъ Болеславовыхъ, но возвранился съ великою добычею, разоривъ обласпь Генрикову, и заключилъ пѣсный союзъ съ Королемъ Богемскимъ. Однимъ словомъ, Галиція и Волынія опдохнули, славя мудроспь и знаменипоспь своихъ Государей. Еще родъ Свяпополка-Михаила господспвовалъ въ Пинскѣ: послѣдній Князь его, намъ извѣспный, былъ Георгій Владиміровичь, *добрый* и *правдивый* (опъ пого же, вѣрояпно, колѣна произошли Князья *Степанскіе*, упоминаемые

въ лѣтописи Волынской). — Теперь обратимся къ сѣверной Россіи.

Во время Димитрія Александровича возвысилось могуществомъ новое Княженіе Тверское, которое, бывъ частію Суздальскаго или Владимірскаго, сдѣлалось особеннымъ при Ярославѣ Ярославичѣ, учредившемъ тамъ Епископію. Первый Святитель Тверскій, Симеонъ, имѣлъ уже многія, богатыя волости, Олешну и другія, данныя ему Княземъ[167]; а преемникъ Симеоновъ, Игуменъ Андрей, былъ сынъ Липовскаго Князя Герденя и Христіанки Евпраксіи, тетки Довмонта Псковскаго. Сего втораго Епископа Тверскаго спавилъ уже новый Митрополитъ Максимъ: ибо Кириллъ (въ 1280 году) скончался въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, бывъ Главою нашей Церкви 31 годъ; тѣло его отвезли для погребенія въ Кіевъ. Едва ли кто нибудь изъ древнихъ Митрополитовъ Россійскихъ превосходилъ Кирилла въ добродѣтеляхъ, истинно Пастырскихъ. Онъ мирилъ Князей съ народомъ, просвѣщалъ Духовенство, искоренялъ заблужденія, одушевленный ревностію къ Вѣрѣ и къ чистотѣ Евангельскаго ученія. Разскажемъ одинъ любопытный случай, который ясно представляетъ благоразуміе сего Митрополита[168].

Добродѣтели Кирилла Митрополита.

Услышавъ, что Епископъ Ростовскій, Игнатій, вздумалъ судить давноумершаго добраго Князя Глѣба Васильковича, и какъ недостойнаго велѣлъ ночью перенести въ гро-

бѣ изъ Соборной церкви въ монастырь Спасскій, Кириллъ, оскорбленный такимъ злоупотребленіемъ духовной власти, отлучилъ Епископа отъ службы, и наконецъ простивъ его изъ уваженія къ ревностному предстательству Князя Димитрія Борисовича Росповскаго, сказалъ ему: «Игнатій! оплакивай во всю жизнь свое безуміе, дерзнувъ осудить мертвеца прежде суда Божія! Когда Глѣбъ былъ живъ и властвовалъ, ты искалъ въ немъ милости, бралъ отъ него дары, вкусно ѣлъ и пилъ за столомъ Княжескимъ, и въ благодарность за то обиралъ тѣло покойника! Кайся во глубинѣ сердца, да проститъ Богъ твое согрѣшеніе!» — Кириллъ посылалъ Епископа Сарскаго, Ѳеогноста, къ Патріарху Конспантинопольскому, Іоанну Векку, славному ученостію и краснорѣчіемъ, но измѣннику православія: ибо Іоаннъ хотѣлъ подчинить Церковь Восточную Западной. Патріархъ дѣйствовалъ такъ въ угодность Царю Михаилу Палеологу, а Царь для безопасности своего Царства и въ надеждѣ, что Папа примиритъ его съ братомъ Св. Людовика, опаснымъ Карломъ д'Анжу, который, господствуя на Средиземномъ морѣ, угрожалъ Имперіи Греческой. Россійскій Епископъ видѣлъ въ Конспантинополѣ несчастный расколъ, гоненіе и даже казнь многихъ ревностныхъ сановниковъ Церкви[169], громогласно осуждавшихъ Царя, и возвратился (въ 1279 году) къ Ми-

прополипу съ извѣстіями печальными. Духовенство Россійское, по кончинѣ знаменитаго Кирилла, два года не имѣло Главы, ибо не хотѣло, какъ вѣроятно, принять новаго Митрополита отъ злочестиваго Іоанна Векка. Максимъ въ 1283 году былъ посвященъ спарцемъ Іосифомъ, вторично призваннымъ на Патріаршество по смерти Императора Михаила, и предавшимъ анаѳемѣ уставы Латинской Церкви. — Въ одной лѣтописи сказано, что преемникъ Кирилловъ, Грекъ Максимъ, прибывъ въ Россію, ѣздилъ въ Орду, и послѣ созывалъ для чего-то всѣхъ нашихъ Епископовъ въ Кіевъ[170]; но сіе извѣстіе, не подтверждаемое другими достовѣрнѣйшими Лѣтописцами, остается сомнительнымъ. Доселѣ ни Митрополиты, ни Епископы наши не бывали въ Ордѣ, кромѣ Сарскаго, жившаго въ ея столицѣ. Достойно замѣчанія, что Епископъ Ѳеогностъ ѣздилъ оттуда въ Константинополь не только по церковнымъ дѣламъ, но и въ качествѣ Ханскаго Посла къ Императору Михаилу, шестію Ногаеву. Сей славный Ногай — въ тотъ самый годъ, какъ Дюденево войско злодѣйствовало въ Россіи — былъ побѣжденъ Ханомъ Тохтою и найденъ между убитыми[171].

Смер. Ногаева.

Кажется, что въ сіе время уже разные Воеводы Могольскіе присвоивали себѣ имя Царей: ибо въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается еще о какомъ-то Царѣ Токтомерѣ, который (около 1293 году) пріѣзжалъ въ

Тверь, упѣснялъ народъ и возвратился съ богатою корыстію въ свои Улусы.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Г. 1294 — 1304.

Браки. Свойства Андреевы. Судъ Князей. Сеймы Княжескіе. Москва усиливается. Смѣлость Россіянъ. Смерть Даніила Московскаго. Междоусобія въ Княженіяхъ. Война съ Орденомъ Ливонскимъ. Кончина и слава Довмонтова. Ландскрона. Миръ съ Даніею. Смерть Андреева. Разныя бѣдствія. Митрополиты въ Владимірѣ. Кончина Льва Галицкаго. Двинская грамота.

Наконецъ властолюбивый Андрей уже могъ назваться законнымъ Великимъ Княземъ Россіи; никто не спорилъ съ нимъ о семъ достоинствѣ. Константинъ Борисовичь, по кончинѣ старшаго брата, сѣлъ на престолѣ Ростовскомъ, отдавъ Угличь своему сыну, Александру. Великій Князь и Михаилъ Тверскій женились на дочеряхъ умершаго Димитрія Борисовича, и два года протекли въ тишинѣ[172]. Г. 1294. Браки.

Но могъ ли Андрей, разорителъ отечества, требовать любви отъ народа и почтенія отъ Князей? Онъ не имѣлъ и тѣхъ свойствъ, коими злодѣи человѣчества закрашиваютъ иногда черноту свою: ни рев-

ностнаго славолюбія, ни великодушнаго мужества; бралъ города, испреблялъ Христіанъ руками Моголовъ, не обнажавъ меча, не видавъ опасности, и проливъ множество невинной крови, не купилъ даже права назваться побѣдителемъ!

Свойства Андреевы.

Въ погдашнихъ обстоятельствахъ Россіи Великому Князю надлежало бы имѣть превосходную душу Александра Невскаго, чтобы не именемъ только, но въ самомъ дѣлѣ быть Главою частныхъ Владѣтелей, изъ коихъ всякой искалъ независимости. Михаилъ Тверскій и Ѳеодоръ Ярославскій пріобрѣли оную въ княженіе Димитрія, а Даніилъ Московскій и сынъ Димитрія Александровича, Іоаннъ Переславскій, хотѣли того же при Андреѣ. Открылась распря, дошедшая до вышняго судилища Ханова: самъ Великій Князь ѣздилъ въ Орду съ своею молодою супругою, чтобы снискать милость Тохты. Посолъ Ханскій, избранный быть миротворцемъ, созвалъ Князей въ Владиміръ. Они раздѣлились на двѣ стороны: Михаилъ Тверскій взялъ Даніилову (Іоаннъ же находился въ Ордѣ; вмѣсто его говорили Бояре Переславскіе): Ѳеодоръ Черный и Константинъ Борисовичь стояли за Андрея. Тапаринъ слушалъ подсудимыхъ съ важностію и съ гордымъ видомъ, но не могъ удержать ихъ въ предѣлахъ надлежащаго смиренія. Разгоряченные споромъ Князья и Вельможи взялись-было за мечи. Епископы,

Г. 1295

Г. 1296—97. Судъ Князей.

Владимірскій Симеонъ и Сарскій Исмаилъ, спавъ посреди шумнаго сонма, не дали братьямъ рѣзаться между собою[173]. Судъ кончился миромъ, или, лучше сказать, ничѣмъ. Посолъ Хановъ взялъ дары, а Великій Князь, давъ слово оставить братьевъ и племянника въ покоѣ, въ то же время началъ собирать войско, чтобы смирить ихъ какъ мятежниковъ. Желая воспользоваться отсутствіемъ Іоанна, онъ хотѣлъ завладѣть Переславлемъ, но встрѣтилъ подъ Юрьевымъ сильную рать Тверскую и Московскую: ибо Іоаннъ, отправляясь къ Хану, поручилъ свою область защитѣ Михаила Ярославича. Впорично вступили въ переговоры и вторично заключили миръ, который, сверхъ чаянія, не былъ нарушенъ до самой кончины Андреевой. Князья иногда ссорились, однакожь не прибѣгали къ мечу, и находили способъ мириться безъ кровопролитія. Г. 1295—304.

Древніе Сеймы Княжескіе, учрежденные Мономахомъ при Святополкѣ II, тогда возобновились, въ обстоятельствахъ подобныхъ, и съ тѣмъ же добрымъ намѣреніемъ: ибо ни Святополкъ, ни Андрей не могъ силою обуздывать частныхъ Владѣтелей, и словесныя убѣжденія, за недостаткомъ иныхъ средствъ, казались нужными. Сеймы Княжескіе.

Въ сихъ торжественныхъ собраніяхъ присутствовали и знаменитыя Духовныя особы, какъ толкователи святыхъ уставовъ правды и совѣсти. Первое изъ оныхъ, по смер-

ши Ѳеодора Ярославскаго, было въ Дмитровѣ[174], гдѣ Андрей съ братомъ Даніиломъ, съ племянникомъ Іоанномъ и съ Михаиломъ кончилъ всѣ дѣла дружелюбно, но гдѣ Князья Тверскій и Переславскій не могли въ чемъ-по согласиться, доселѣ дѣйспвовавъ единодушно. Хитрый Михаилъ привлекъ-было на свою спорону и Новогородцевъ, заключивъ съ ними договоръ, по коему они взаимно обязывались помогать другъ другу въ случаѣ упѣсненій опъ Великаго Князя и самаго Хана: Новгородъ обѣщалъ правосудіе всѣмъ Тверскимъ испцамъ въ его области, а Михаилъ опступался опъ закабаленныхъ ему должниковъ Новогородскихъ, и проч.[175]. Андрей не могъ помѣшать сему оскорбительному для него союзу, и безъ сомнѣнія былъ доволенъ размолвкою Михаила съ Іоанномъ, копорая уменьшала могущество перваго. Но Іоаннъ, названный въ лѣтописяхъ пихимъ или кропкимъ, пѣмъ согласнѣе жилъ съ дядею своимъ, Даніиломъ, и въ 1302 году умирая бездѣпенъ, опказалъ ему Переславль[176]. Князь Московскій, въѣхавъ въ сей городъ, выгналъ опшуда Бояръ Андрея, копорый счипалъ себя испиннымъ наслѣдникомъ Іоанновымъ, и негодуя на властолюбіе меньшаго брапа, поѣхалъ съ жалобою къ Хану. Область Переславская вмѣспѣ съ Дмипровымъ была по Росповѣ знаменипѣйшею въ Великомъ Княженіи, какъ числомъ жипелей, Бояръ,

Москва усиливается.

людей военныхъ, такъ и крѣпостію столичнаго ея города, обведеннаго глубокимъ, наполненнымъ водою рвомъ, высокимъ валомъ и двойною стѣною подъ защитою двѣнадцати башенъ. Сіе важное пріобрѣтеніе еще болѣе утверждало независимость Московскаго Владѣтеля: Даніилъ же, за два года передъ тѣмъ, побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ Рязанскаго Князя, Константина Романовича, *убивъ* въ сраженіи и *многихъ Татаръ:* смѣлость удивительная, и не имѣвшая никакихъ слѣдствій. Такимъ образомъ Россіяне начинали ободряться, и пользуясь дремотою Хановъ, издалека осприли мечи свои на конечное сокрушеніе тиранства. Смѣлость Россіянъ.

Между тѣмъ, какъ Андрей искалъ суда въ Ордѣ, Даніилъ внезапно скончался, однакожь успѣвъ принять Схиму, по тогдашнему обыкновенію людей набожныхъ. Онъ первый возвеличилъ достоинство Владѣтелей Московскихъ, и первый изъ нихъ былъ погребенъ въ семъ городѣ, въ *церкви Св. Михаила*[177], оставивъ по себѣ долговременную память Князя добраго, справедливаго, благоразумнаго, и приготовивъ Москву заступить мѣсто Владиміра. Смерть Даніила Московскаго.

Свѣдавъ о кончинѣ Даніиловой, Переславцы единодушно объявили Княземъ своимъ сына его, Юрія или Георгія, у нихъ бывшаго, и даже не дозволили ему ѣхать на погребеніе отца, боясь, чтобы Андрей впорично не занялъ ихъ города. Георгій,

успокоивъ народъ, и будучи увѣренъ или въ покровительствѣ или въ безпечности Хана, не только безъ страха ожидалъ Андрея, но хотѣлъ еще и новыми пріобрѣтеніями умножить владѣнія Московскія; соединился съ братьями, завоевалъ Можайскъ, Удѣлъ Смоленскій, и привелъ плѣнниковъ шамошняго Князя, Святослава Глѣбовича, Ѳеодорова племянника[178].

Наконецъ Великій Князь, бывъ цѣлый годъ въ Ордѣ, возвратился съ Послами Тохты. Князья съѣхались въ Переславлѣ на общій Сеймъ (осенью въ 1303 году). Тамъ, въ присутствіи Митрополита Максима, читали ярлыки или грамоты Ханскія, въ коихъ сей надменный повелитель объявлялъ свою верховную волю, да наслаждается Великое Княженіе тишиною, да пресѣкутся распри Владѣтелей, и каждый изъ нихъ да будетъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ. Андрей, Михаилъ и сыновья Даніиловы возобновили договоръ мира; но Георгій удержалъ за собою Переславль, и слѣдственно Великій Князь, хваляся впрочемъ милостію Тохты, не достигнулъ своей цѣли[179].

Въ сихъ Княжескихъ съѣздахъ не участвовали ни Рязанскіе, ни Смоленскіе, ни другіе Владѣтели. Нашествіе Моголовъ уничтожило и послѣднія связи между разными частями нашего отечества: Великій Князь, не удержавъ господства надъ собственными Удѣлами Владимірскими, могъ ли вмѣ-

шиваться въ дѣла иныхъ областей и быть — ежели бы и хотѣлъ — душею общаго согласія, порядка, справедливости? Какъ въ Великомъ, такъ и въ частныхъ Княженіяхъ единокровные возставали другъ на друга. Александръ Глѣбовичь, отразивъ (въ 1298 году) дядю своего, Ѳеодора Чернаго, отъ Смоленска[180], хотѣлъ (чрезъ два года) взять Дорогобужъ, городъ Смоленской области, ему непослушный; отнялъ у жителей воду, но разбитый ими съ помощію Князя *Вяземскаго*, Андрея, его родственника, отступилъ, исходя кровію отъ тяжелой раны. Романъ Глѣбовичь, братъ Александровъ, также былъ уязвленъ стрѣлою; а юный сынъ послѣдняго палъ мертвый на мѣстѣ сраженія. Междоусобія въ Княженіяхъ.

Мужество Россіянъ гораздо счастливѣе ознаменовалось тогда въ битвахъ съ врагами иноплеменными... Ливонскіе Рыцари (въ 1299 году) неожидаемо осадили Псковъ, и разграбивъ монастыри въ его предмѣстіи, убивали безоружныхъ Монаховъ, женщинъ, младенцевъ[181]. Князь Довмонтъ, уже старецъ лѣтами, но еще воинъ пылкій, немедленно вывелъ свою дружину малочисленную, сразился съ Нѣмцами на берегу Велпкой, смялъ ихъ въ рѣку, и взявъ въ добычу множество оружія, брошеннаго ими въ бѣгствѣ, отправилъ плѣнниковъ, граждань Эстонскаго Феллина, къ Великому Князю. Комендоръ Ордена, предводитель Нѣмцевъ, былъ Война съ Орденомъ Ливонскимъ.

раненъ въ семъ несчастномъ для нихъ сраженіи, о коемъ Ливонскіе Историки не упоминаютъ, и которое было послѣднимъ знаменитымъ дѣломъ храбраго Довмонта. Онъ преставился чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ какой-то заразительной болѣзни, смертоносной тогда для многихъ Псковитянъ, и кончина его была долгое время оплакиваема народомъ, самыми женами и дѣтьми. Довмонтъ, названный въ крещеніи Тимоѳеемъ, хотя родился и провелъ юность въ землѣ варварской, ненавистной нашимъ предкамъ, но принявъ Вѣру Спасителеву, вышелъ изъ купѣли усерднымъ Христіаниномъ и вѣрнымъ другомъ Россіянъ; тридцать-три года служилъ Богу истинному и второму своему отечеству добрыми дѣлами и мечемъ: удостоенный сана Княжескаго, не только прославлялъ имя Русское въ битвахъ, но и судилъ народъ право, не давалъ слабыхъ въ обиду, любилъ помогать бѣднымъ. Женатый на Маріи, дочери Великаго Князя Димитрія, не оставлялъ сего изгнанника въ несчастіи, и готовъ былъ положить за него свою голову; по смерти же Димитрія свято наблюдалъ обязанности Князя Удѣльнаго и въ разсужденіи Андрея. За то граждане Пскова любили Довмонта болѣе всѣхъ другихъ Князей; воины, имъ предводимые, не боялись смерти. Обыкновеннымъ его словомъ, въ часъ опасности и кровопролитія, было: «добрые мужи Псковичи! кто изъ васъ

Кончина и слава Довмонтова.

«спаръ, тотъ мнѣ отецъ; кто молодъ, «тотъ братъ [182]! Помните отечество и «Церковь Божію!» Онъ укрѣпилъ Псковъ новою каменною стѣною, которая до самаго XVI вѣка называлась *Довмонтовою*, и которую послѣ (въ 1309 году) Посадникъ Борисъ довелъ отъ церкви Св. Петра и Павла до рѣки Великой. Историкъ Литовскій пишетъ, что Довмонтъ господствовалъ и надъ *Полоцкою* областію; но въ 1307 году Литовцы *купили* оную у Нѣмецкихъ Рыцарей: ибо какой-то изъ тамошнихъ Князей, обращенный въ Латинскую Вѣру, отказалъ сей городъ Рижской Церкви, не имѣя наслѣдниковъ.

Шведы, основавъ въ Карелiи Выборгъ, въ 1295 году заложили и нынѣшнiй Кексгольмъ: Воеводою ихъ былъ Виптязь Сиггe[183]. Новогородцы взяли приступомъ сію крѣпость, не оставили ни одного Шведа живаго, срыли валъ, и чувствуя необходимость имѣть укрѣпленное мѣсто на берегу Финскаго залива, возобновили Копорье. Чрезъ пять лѣтъ сильный флотъ Шведскій, состоящій изо ста - одиннадцати большихъ судовъ, вошелъ въ Неву. Самъ Государственный Правитель или Маршалъ, Торкель Кнутсонъ, предводительствовалъ онымъ, и началъ строить новый городъ, въ семи верстахъ отъ нынѣшняго С. Петербурга, при устьѣ Охты, употребивъ для того весьма искусныхъ Римскихъ художниковъ,

и назвавъ сію крѣпость Ландскроною или *Вѣнцемъ земли*. Лѣтописецъ нашъ говоритъ только, что Великаго Князя не было тогда въ Новѣгородѣ, и что Шведы, оставивъ въ крѣпости войско, удалились; но Историки Шведскіе пишутъ, что Россіяне, имѣя намѣреніе сжечь ихъ флотъ, хотѣли при сильномъ вѣтрѣ пустить нѣсколько горящихъ судовъ изъ Ладожскаго озера въ Неву; но что Маршалъ Торкель, увѣдомленный о семъ черезъ лазутчиковъ, велѣлъ оградить истокъ Невы потаенными сваями; что Новогородцы, видя неудачу, вышли изъ лодокъ, напали на Шведовъ и съ великимъ урономъ опрокинули; что знаменитый Матѳей Кеттильмундсонъ, бывшій послѣ опекуномъ Шведскаго Короля Магнуса, гнался до самой ночи за нашими всадниками, громогласно вызывая на поединокъ храбрецовъ Россійскихъ, но что никто изъ нихъ не принялъ его вызова[184]. Сіе извѣстіе можетъ быть отчасти справедливо: ибо невѣроятно, чтобы Новогородцы безпрепятственно дали Маршалу основать и довершить крѣпость на берегу Невы. Чувствуя важность сего мѣста, они убѣдительно звали къ себѣ Великаго Князя Андрея, который, долго медливъ, наконецъ весною 1301 году пришелъ съ полками Низовскими. Осадили Ландскрону. Изнуренные голодомъ и болѣзнями, Шведы все еще бились мужественно, подъ начальствомъ слав-

Ландскрона.

наго Випязя, Стена, храбраго, но безпечнаго или слишкомъ надменнаго: ибо онъ не хотѣлъ заблаговременно требовать вспоможенія отъ Правителя Швеціи, хладнокровно оправдывуя другому благоразумнѣйшему випязю, именемъ Амундсону: «на что «безпокоить Великаго Маршала?» Россіяне огнемъ и пращами въ нѣсколько дней испребили большую часть внѣшнихъ укрѣпленій, и не слушая никакихъ предложеній Стеновыхъ, готовились къ рѣшительному приступу. Тогда Амундсонъ напомнилъ своему начальнику слова его: «на что безпо- «коить Великаго Маршала?» и вмѣстѣ съ нимъ былъ изрубленъ побѣдителями. Новогородцы взяли крѣпость и сравняли ее съ землею, плѣнивъ горстъ Шведовъ, которые долго оборонялись въ погребѣ[188]. Сей успѣхъ остался въ лѣтописяхъ единственнымъ достохвальнымъ дѣломъ Андреевымъ: по крайней мѣрѣ онъ участвовалъ въ ономъ, имѣя въ предметѣ безопасность отечества. Михаилъ Ярославичь также хотѣлъ итти къ берегамъ Невы; но узналъ на пути, что страшная Ландскрона уже не существуетъ.

Миръ съ Даніею.

Успокоенные со стороны Шведовъ, Новогородцы отправили за море Пословъ и заключили миръ (въ 1302 году) съ Королемъ Датскимъ Эрикомъ VI, чтобы прекратить свои частыя войны съ Эспоніею, его областію. Впрочемъ не надѣясь пользоваться

долговременною пишиною, опасаясь и внѣшнихъ враговъ и Князей Россійскихъ, они въ попъ же годъ заложили у себя большую *каменную* крѣпоспь: ибо вольноспь ихъ ограждалась дополѣ однимъ бреннымъ *деревомъ*[186]. Умноженіе опасноспей пребовало защипы пверднѣйшей: умноженіе часпныхъ и казенныхъ прибышковъ доспавляло Правипельспву способъ воздвигнупь оную, безъ излишней пягоспи для гражданъ.

Великій Князь Андрей скончалъ жизнь свою Схимникомъ въ 1304 году, заслуживъ ненависпь современниковъ и презрѣніе попомспва. Никпо изъ Князей Мономахова роду не сдѣлалъ сполько зла опечеспву, какъ сей недоспойный сынъ Невскаго, погребенный въ Волжскомъ Городцѣ, далеко опъ священнаго праха родипельскаго.

Іюля 27. Смерт Андреева

Ужасы еспесспвенные и всякія несчаспія ознаменовали десяпилѣпнее время его княженія, пакъ же, какъ и Димипріево. Къ числу погдашнихъ явленій, воздушныхъ и небесныхъ, обыкновенно спрашныхъ для народа, принадлежала славная Комепа 1301 года, описанная Кипайскими Аспрономами и воспѣпая въ спихахъ Пахимеромъ. Были пакже вихри чрезвычайные, засухи, голодъ, моръ въ нѣкоторыхъ мѣспахъ, и сильные пожары. Въ Твери сгорѣлъ дворецъ Княжескій (въ 1298) со всею казною и драгоцѣнноспями; не успѣли вынесспи ни серебра, ни золопа, ни оружія; самъ Князь Михаилъ,

Разныя бѣдсспвія.

ночью пробужденный огнемъ, едва могъ спаспися съ юною супругою опъ пламени. Въ Новѣгородѣ обрапились въ пепелъ многія улицы (въ 1299), Варяжская, Холопья, и Нѣмецкій госпиный дворъ[187]. Изверги, пользуясь общимъ смяпеніемъ, грабили имѣніе, снесенное въ церкви; убивали споружей: злодѣйспво, о коемъ Лѣпописецъ говоритъ съ праведнымъ омерзѣніемъ.

Въ Княженіе Андреево (въ 1299 году) Мипрополитъ Максимъ оспавилъ навсегда Кіевъ, чпобы не бытъ памъ свидѣпелемъ и жерпвою несноснаго ширанспва Моголовъ, и со всѣмъ Клиросомъ переѣхалъ въ Владиміръ[188]; даже большая часпь Кіевлянъ разбѣжалась по другимъ городамъ. Послѣ Ярослава и сына его, Александра Невскаго, Великіе Князья уже не имѣли никакой власпи надъ спранами Днѣпровскими. Кпо изъ попомковъ Св. Владиміра господспвовалъ въ оныхъ, неизвѣспно (въ лѣпописяхъ упоминаепся полько о Князѣ Поросьскомъ Юріи, служившемъ Мспиславу Данііловичу). Левъ Галицкій не забопился о древней сполицѣ своихъ предковъ, оспавленной пакимъ образомъ въ жерпву варварамъ. Любимый, оплаканный подданными, онъ скончался мирно и пихо въ 1301 году, доживъ до глубокой спароспи, и велѣвъ предапь землѣ пѣло свое безъ всякихъ знаковъ пышноспи[189]: Монахи одѣли его въ проспой саванъ и вложили ему въ руку изображеніе креспа. Въ го-

Мипрополиты въ Владимірѣ.

Кончина Льва Галицкаго.

родѣ Львовѣ показываютъ двѣ харапейныя жалованныя грамоты, будто бы данныя симъ Княземъ тамошнему храму Св. Николая и Крылосскому (близъ Галича) Успенія Богомапери на имѣніе и на исключительное право суда Епископскаго; но та и другая кажутся изобрѣтеніемъ позднѣйшихъ временъ[190]. Слогъ обѣихъ есть новое, неискусное смѣшеніе языка Русскаго съ Польскимъ; въ обѣихъ именуются *особенные Митрополиты Галицкіе*, коихъ не бывало, и въ одной названъ погдашній *Кіевскій* Митрополитъ *Кипріаномъ*: а Кипріанъ пасъ Церковь уже во время Димитрія Донскаго и сына его. — Преемникомъ Льва былъ сынъ Юрій или Георгій, который по смерти дяди, Мстислава Даніиловича, наслѣдовавъ и Владимірскую область, возобновилъ титулъ своего дѣда и подобно Даніилу именовался *Королемъ Россійскимъ*, Rex Russiae, какъ изображено на печати сего Князя, сохраненной въ Архивѣ Кенигсбергскомъ вмѣстѣ съ письмами Галицкихъ Владѣтелей къ Великимъ Магистрамъ Нѣмецкаго Ордена[191].

Послѣ несчастной для Нѣмцевъ осады Пскова Россіяне жили въ мирѣ и въ тишинѣ съ Орденомъ Ливонскимъ. Магистръ въ 1304 году призывалъ въ Дерптъ всѣхъ своихъ чиновниковъ и Епископовъ на Сеймъ, гдѣ они единодушно положили всячески избѣгать войны съ нашими Князьями, пре-

кращать ссоры дружелюбно и не вступаться за того, кто своевольно оскорбитъ Новогородцевъ или Псковитянъ и тѣмъ навлечетъ на себя месть ихъ[192].

Въ числѣ нашихъ собственныхъ памятни- Двинская грамота.
ковъ сего времени замѣтнимъ грамоту, писанную Великимъ Княземъ къ Посадникамъ, Казначеямъ и къ Старостамъ Заволочья[193]. Тамъ сказано, что въ силу договора, заключеннаго Андреемъ съ Новымгородомъ, онъ можетъ посылать при *ватаги* для ловли на море, подъ начальствомъ *Атамана* Крупицкаго; что селенія обязаны давать имъ кормъ и подводы, также и сыну Атаманову, когда пошлетъ его оттуда съ морскими птицами; что ловцы Новогородскіе, согласно съ уставомъ временъ Александровыхъ и Дмитріевыхъ, не должны въ Заволочьѣ ходить на *Терскую* сторону, и проч. Такимъ образомъ Великіе Князья, участвуя въ народныхъ промыслахъ, старались умножать свои доходы.

ГЛАВА VII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Г. 1304 — 1319.

Споръ о Великомъ Княженіи. Злодѣйство Князя Московскаго. Дѣла Новогородскія. Узбеки. Мужество Новогородцевъ. Георгій зять Хановъ. Умѣренность и добродушіе Михаила. Побѣда надъ Ташарами. Судъ въ Ордѣ. Пышная забава Ханская. Великодушная кончина Михаилова. Городъ Маджары. Разбои Моголовъ. Петръ Митрополитъ. Ярлыкъ Ханскій. Разныя бѣдствія.

Г. 1304—305. Споръ о Вел. Княженіи.

Какъ жизнь, такъ и кончина Андреева была несчастіемъ для Россіи. Два Князя объявили себя его наслѣдниками: Михаилъ Тверскій и Георгій Даніиловичь Московскій; но первый съ бо́льшимъ правомъ, будучи внукомъ Ярослава Всеволодовича и дядею Георгіевымъ, слѣдственно старѣйшимъ въ родѣ. Сіе право казалось вообще неоспоримымъ, и Бояре Великаго Княженія, предавъ землѣ тѣло Андреево, спѣшили въ Тверь поздравить Михаила Государемъ Владимірскимъ. Новогородцы также признали его своимъ Главою, въ увѣреніи, что Ханъ утвердитъ за нимъ Великое Княженіе. Михаилъ обязался, подобно отцу, блюсти ихъ уставы, возстановить древнія границы между Новымгородомъ и землею Суздальскою [194]; не требовать бывшихъ волостей Дими-

пріевыхъ и Андреевыхъ: купленныя же имъ самимъ, Княгинею или Боярами его въ землѣ Новогородской, отдать на выкупъ или прежнимъ владѣльцамъ или Правительству; не позволять *самосуда* ни себѣ, ни Княжескимъ судіямъ, но рѣшить тяжбы единственно по законамъ; отправлять людей своихъ за Волокъ только изъ Новагорода, въ двухъ ладіяхъ, и проч.

Добрый Митрополитъ Максимъ тщетно уговаривалъ Георгія не искать Великаго Княженія, обѣщая ему именемъ Ксеніи, матери Михаиловой, и своимъ собственнымъ любые города въ прибавокъ къ его Московской области[198]. Дядя и племянникъ поѣхали судиться къ Хану, оставивъ Россію въ несогласіи и въ мятежѣ. Одни города стояли за Князя Тверскаго, иные за Московскаго. Георгій едва могъ спастися отъ друзей Михаиловыхъ, которые не хотѣли пустить его въ Орду и думали задержать на пути въ области Суздальской, а Бориса Даніиловича, пріѣхавшаго въ Костому, схватили и послали въ Тверь. Но вторый Георгіевъ братъ, Іоаннъ, разбилъ Тверитянъ, хотѣвшихъ взять Переславль, и Воевода ихъ, Акиноъ, остался на мѣстѣ сраженія въ числѣ убитыхъ. Намѣстники Михаиловы хотѣли въѣхать въ Новгородъ: жители не впустили ихъ, сказавъ: «мы избрали Михаила *съ условіемъ*, «да явитъ грамоту Ханскую, и будетъ «тогда Княземъ нашимъ, но не прежде!» —

Въ другихъ областяхъ господствовал обезначаліе и неустройство. Граждане Костромскіе, преданные Михаилу, ненавидя память Андрееву и злобствуя на бывшихъ его любимцевъ, самовольно ихъ судили и наказывали, а чернь Нижняго Новагорода, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча умертвила многихъ Бояръ какъ мнимыхъ враговъ отечества. Князь Нижегородскій, Михаилъ [196], сынъ Андрея Ярославича, находился въ Ордѣ: онъ тамъ женился, и возвратясь въ свой Удѣлъ, казнилъ виновниковъ сего беззаконнаго Вѣча: ибо чернь не имѣла власти судебной, исключительнаго права Княжескаго.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ рѣшилась неизвѣстность: Михаилъ превозмогъ соперника, и пріѣхалъ съ Ханскою грамотою въ Владиміръ, гдѣ Митрополитъ возвелъ его на престолъ Великаго Княженія [197]. Зная неуступчивость врага своего, онъ хотѣлъ оружіемъ смирить Георгія, и дважды приступалъ къ Москвѣ, однакожь безъ успѣха; кровопролитный бой подъ ея стѣнами усилилъ только взаимную ихъ злобу, бѣдственную для обоихъ, какъ увидимъ. Современные Лѣтописцы винятъ одного Князя Московскаго, который въ противность древнему обыкновенію спорилъ съ дядею о старѣйшинствѣ. Сверхъ того Георгій по качествамъ черной души своей заслуживалъ всеобщую ненависть, и едва утвердясь на престолѣ наслѣдственномъ, гнуснымъ дѣломъ изъявилъ пре-

Г. 1305—308.

Злодѣйство Князя Московскаго.

зрѣніе къ свящѣйшимъ законамъ человѣчества. Мы говорили о несчастной судьбѣ Рязанскаго Владѣтеля, Константина, плѣненнаго Даніиломъ: онъ шесть лѣтъ томился въ неволѣ; Княженіе его, лишенное Главы, висѣло нѣкоторымъ образомъ опъ Московскаго[198]. Георгій велѣлъ умертвить Константина, считая сіе злодѣйство нужнымъ для безпрекословнаго господства надъ Рязанью, и весьма ошибся: ибо сынъ убіеннаго, Ярославъ, подъ защитою Хана спокойно наслѣдовалъ престолъ отеческій какъ Владѣтель независимый, оставивъ въ добычу Георгію изъ городовъ своихъ одну Коломну. — Самые меньшіе братья Георгіевы, доколѣ служивъ ему вѣрно, не могли съ нимъ ужиться въ согласіи. Двое изъ нихъ, Александръ и Борисъ Даніиловичи, уѣхали въ Тверь, безъ сомнѣнія недовольные его жестокостію.

Дѣла Новогородскія.

Михаилъ нѣсколько лѣтъ властвовалъ спокойно, и жилъ большею частію въ Твери[199]. Его Намѣстники правили Великимъ Княженіемъ и Новымгородомъ, коего чиновники относились къ нему во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Такъ онописьменно жаловались Михаилу на двухъ Княжескихъ Вельможъ, Ѳеодора и Бориса, бывшихъ начальниками во Псковѣ и въ области Корельской: первый, свѣдавъ о нашествіи Ливонскихъ Рыцарей (въ 1307 году), уѣхалъ изъ города, принудивъ тѣмъ оставленныхъ безъ вождя Псковитянъ заключить съ Магистромъ, Герпомъ фонъ-Йокке,

не-весьма выгодный миръ, и разорилъ многія села Новогородскія; впорый, упѣсняя Кореловъ, заспавилъ ихъ бѣжапь къ Шведамъ, и силою бралъ, чпо ему не принадлежало[200]. Новогородцы желали навсегда избавипься опъ пакихъ недоспойныхъ Правишелей, взносили деньги за села, купленныя въ ихъ областяхъ сими Боярами, и предоспавляли себѣ условипься изуспно съ Княземъ о прочемъ. Онъ ѣздилъ изъ Твери къ Свяпой Софіи и былъ приняпъ гражданами съ обыкновенными знаками усердія; однакожъ не хопѣлъ самъ предводипельспвовапь ими, когда они, поспроивъ новую крѣпоспь на мѣспѣ нынѣшняго
Г. 1310. Кексгольма, ходили на судахъ въ Финляндію до рѣки Черной или Кумо, гдѣ сожгли го-
г. 1311. родъ Ванай, осаждали Шведовъ въ замкѣ, на скалѣ неприсшупной, и разорили множесшво селенiй[201]. У бѣдныхъ жипелей, по словамъ Лѣшописца, не осталось ни одной рогапой скопины: ибо Россіяне испребили памъ все, чего не могли увезпи съ собою.

Совершивъ благополучно сей дальній походъ, Новогородцы начали ссоришься съ Княземъ, жалуясь, чпо онъ не исполняепъ договорной грамопы; но когда оскорбленный Ми-
Г. 1312. хаилъ, занявъ войскомъ Торжекъ, не велѣлъ пускапь къ нимъ хлѣба, народъ вспревожился, и не смопря на весеннюю распупицу, опправилъ въ Тверь своего Архіепископа, Давида, чпобы обезоружипь Великаго Князя. Миръ заключили скоро, ибо искренно же-

лали его съ обѣихъ споронъ: Новгородъ, опустошенный въ сіе время пожаромъ, имѣлъ необходимую нужду въ подвозахъ, и лишенный оныхъ, могъ быпь жерпвою голода; а Михаилъ долженспвовалъ немедленно ѣхапь въ Орду. Ханъ Тохпа умеръ; сынъ его, юный Узбекъ, воцарился, славный въ лѣтописяхъ Востока правосудіемъ и ревностію къ Вѣрѣ Магомеповой, возспановленной имъ во всѣхъ Могольскихъ владѣніяхъ[202]: ибо Тохпа былъ, кажепся, язычникомъ и не слѣдовалъ ученію Алкорана. Историкъ Абулгази пишепъ, чпо многіе Тапары, въ знакъ особенной любви къ сему Царю, назвалися его именемъ или *Узбеками*, донынѣ извѣспны- Узбеки.
ми въ Хивѣ и въ земляхъ окреспныхъ.

Взявъ съ Новогородцевъ 1500 гривенъ серебра[203], Михаилъ возвращилъ имъ своихъ Намѣспниковъ, и поѣхавъ въ Орду, жилъ шамъ цѣлые два года. Сполъ долговременное опсупспвіе, безъ сомнѣнія невольное, имѣло вредныя слѣдспвія для него и для Россіи. Г. 1313.
Шведы сожгли Ладогу: Корелы, впуспивъ ихъ въ Кексгольмъ, умерпвили шамъ многихъ Г. 1314.
Россіянъ. Хопя Новогородцы опмспили шѣмъ и другимъ, подъ начальспвомъ Михаилова Намѣспника выгнали Шведовъ и казнили измѣнниковъ Корельскихъ, но винили Михаила, чпо онъ, пресмыкаясь въ Ордѣ у ногъ Хановыхъ, забываепъ опечесшво. Георгій Московскій не замедлилъ воспользоваться симъ расположеніемъ: родспвенникъ его, Князь

Ѳеодоръ Ржевскій, пріѣхалъ въ Новгородъ, взялъ подъ стражу Намѣстниковъ Михаловыхъ, и такъ обольстилъ легкомысленныхъ гражданъ, что они, признавъ Георгія своимъ Начальникомъ, объявили даже войну Великому Князю[204]. Едва не дошло до битвы: на одномъ берегу Волги стояли Новогородцы, на другомъ сынъ Михаиловъ, Димитрій, съ вѣрною Тверскою ратію. Къ счастію, осенніе морозы, покрывъ рѣку тонкимъ льдомъ, удалили кровопролитіе, и Новогородцы согласились на миръ; а Князь Московскій, обѣщая имъ благоденствіе и вольность, сѣлъ на престолъ Святыя Софіи.

Г. 1315.

Скоро позвали Георгія къ Хану, дать отвѣтъ на справедливыя жалобы Михаиловы. Онъ поручилъ Новгородъ брату своему Ѳеанасію, и взявъ съ собою богатые дары, надѣялся быть правымъ въ такомъ судилищѣ, гдѣ предсѣдательствовало алчное корыстолюбіе. Но Михаилъ уже несъ обнаженный мечь и грамоту Узбекову. Сильные полки Моголовъ окружали его и вступили въ Россію съ Воеводою Тайтемеремъ. Сія грозная вѣсть поколебала, однакожь не смирила Новогородцевъ. Исчисляя въ мысляхъ всѣ одержанныя ими побѣды со временъ Рюрика до настоящаго, и вспомнивъ, что самъ Михаилъ великодушною рѣшимостію спасъ Тверь отъ нашествія Моголовъ, они вооружились и ждали непріятеля близъ Торжка. Прошло шесть недѣль. Наконецъ яви-

лась сильная рать Михаилова, Владимірская, Тверская и Могольская. Переговоровъ не было: вступили въ бой, жестокій, хотя и неравный. Никогда Новогородцы не изъявляли болѣе мужества; чиновники и Бояре находились впереди; купцы сражались какъ Герои. Множество ихъ легло на мѣстѣ; остатокъ заключился въ Торжкѣ, и Михаилъ, какъ побѣдитель, велѣлъ объявить, чтобы Новогородцы выдали ему Князей Аѳанасія и Ѳеодора Ржевскаго, если хотятъ мира. Слабые числомъ, обагренные кровію, своею и чуждою, они единодушно отвѣтствовали: «умремъ «за Святую Софію и за Аѳанасія; честь всего дороже.» Михаилъ требовалъ по крайней мѣрѣ одного Ѳеодора Ржевскаго: многіе и того не хотѣли; наконецъ уступили необходимости, и еще обязались заплатить Великому Князю знатное количество серебра. Нѣкоторые изъ Бояръ Новогородскихъ вмѣстѣ съ Княземъ Аѳанасіемъ остались аманатами въ рукахъ побѣдителя; другіе отдали ему все, что имѣли: коней, оружіе, деньги. Написали слѣдующую грамоту[205]: «Великій «Князь Михаилъ условился съ Владыкою и «съ Новымгородомъ не вспоминать прошедшаго. Что съ обѣихъ сторонъ захвачено «въ междоусобіе, того не отыскивать. Плѣнники свободны безъ окупа. Прежняя Тверская Ѳеоктистова грамота должна имѣть «всю силу свою. Новгородъ платитъ Князю «въ разные сроки, отъ второй недѣли Ве-

Г. 1316. Февр. 10. Мужество Новогородцевъ.

«каго посла до Вербной, 12,000 гривенъ «серебра, зачитая въ сей платежъ взятое «въ Торжкѣ у Бояръ Новогородскихъ имѣніе. «Князь, принявъ сполна вышеозначенную «сумму, долженъ освободить аманатовъ, из- «рѣзать сію грамоту и править нами со- «гласно съ древнимъ уставомъ.»

Сей миръ, вынужденный крайностію, не могъ быть истиннымъ, и Великій Князь, свѣдавъ, что Послы Новогородскіе тайно ѣдутъ въ Орду съ жалобою на него, велѣлъ переловить ихъ; отозвалъ Намѣстниковъ Княжескихъ изъ Новагорода, и пошелъ туда съ войскомъ[206]. Новогородцы укрѣпили столицу, призвали жителей Пскова, Ладоги, Русы, Кореловъ, Ижерцевъ, Вожанъ, и ревностно готовились къ битвѣ, одушевленные любовію къ вольности и ненавистію къ Великому Князю. Онъ имѣлъ еще друзей между ими, но робкихъ, безмолвныхъ: ибо народъ свирѣпо вопилъ на Вѣчѣ и грозилъ имъ казнію; свергнулъ одного Боярина съ моста за мнимую измѣну, а другаго, совершенно невиннаго, умертвилъ по доносу раба, что господинъ его въ перепискѣ съ Михаиломъ. — Такое ужасное остервененіе и многочисленность собранныхъ въ Новѣгородѣ ратниковъ изумили Великаго Князя: онъ спорялъ нѣсколько времени близъ города, рѣшился отступить, и вздумалъ, къ несчастію, итти назадъ ближайшею дорогою, сквозь лѣса дремучіе. Тамъ войско его, между озера-

ми и болотами, тщетно искало пути удобнаго. Кони, люди падали мертвые отъ усталости и голода; воины сдирали кожу съ щитовъ своихъ, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы. Князь вышелъ наконецъ изъ сихъ мрачныхъ пустынь съ одною пѣхотою, изнуренною и почти безоружною.

Тогда Новогородцы прислали въ Тверь Архіепископа Давида, безъ всякой надменности моля Великаго Князя освободить ихъ аманатовъ; предлагали ему серебро, миръ и дружбу. «Дѣло сдѣлано,» говорили они: «желаемъ спокойствія и тишины.» Михаилъ отвергнулъ сіе предложеніе; стыдился мира *безчестнаго*; хотѣлъ побѣдить и даровать его. г. 1317.

Между тѣмъ Георгій жилъ въ Ордѣ, три года кланялся, дарилъ и пріобрѣлъ наконецъ столь великую милость, что юный Узбекъ, давъ ему старѣйшинство между Князьями Россійскими, женилъ его на своей любимой сестрѣ Кончакѣ, названной въ крещеніи Агаѳіею[207]: дѣло не весьма согласное съ ревностію сего Хана къ Вѣрѣ Магометовой! Провождаемый Моголами и Воеводою ихъ, Кавгадыемъ, Георгій возвратился въ Россію, и пылая нетерпѣніемъ сокрушить врага, хотѣлъ немедленно завоевать Тверь. Михаилъ отправилъ къ нему Пословъ. «Будь Великимъ Княземъ, если такъ угодно Царю,« сказали они Георгію именемъ своего Госуда- г. 1318. Георгій взять Хановъ.

Умѣренность и добродушіе Михаила.

ря: «только оспавь Михаила спокойно кня-
«жить въ его наслѣдіи; иди въ Владиміръ,
«и распусти войско.» Отвѣтомъ Князя Московскаго было опустошеніе Тверскихъ селъ и городовъ до самыхъ береговъ Волги[208]. Тогда Михаилъ призвалъ на совѣтъ Княжескій Епископа и Бояръ. «Судите меня съ племян-
«никомъ,» говорилъ онъ: «не самъ ли Ханъ
«утвердилъ меня на Великомъ Княженіи?
«не заплатилъ ли я ему *выхода* или Царской
«пошлины? Теперь отказываюсь отъ сего
«достоинства, и не могу укротить злобы
«Георгія. Онъ ищетъ головы моей; жжетъ,
«терзаетъ мою наслѣдственную область.
«Совѣсть меня не упрекаетъ; но можетъ
«быть ошибаюсь. Скажите ваше мнѣніе:
«виновенъ ли я предъ Георгіемъ?» Епископъ и Бояре, умиленные горестію и добросердечіемъ Князя, единогласно отвѣчали ему:
«Ты правъ, Государь, предъ лицемъ Все-
«вышняго, и когда смиреніе твое не могло
«пронудть ожесточеннаго врага, то возьми
«праведный мечь въ десницу; иди: съ тобою
«Богъ и вѣрные слуги, готовые умереть
«за добраго Князя.» — «Не за меня одного
«(сказалъ Михаилъ), но за множество людей
«невинныхъ, лишаемыхъ крова отеческаго,
«свободы и жизни. Вспомните рѣчь Евангель-
«скую: *кто положитъ душу свою за друга,*
«*той великъ наречется.* Да будетъ намъ
«слово Господне во спасеніе!» Великій Князь, предводительствуя войскомъ мужествен-

ными, вспрѣпилъ полки Георгіевы, соединенные съ Тапарами и Мордвою, въ 40 верспахъ опъ Твери, гдѣ нынѣ селеніе Борпново. Началась бипва. Казалось, чпо Михаилъ искалъ смерпи: шлемъ и лапы его были всѣ изспрѣлены, обсѣчены, но Князь цѣлъ и невредимъ; вездѣ опражалъ непріятелей и наконецъ обрапилъ ихъ въ бѣгспво. Сія побѣда спасла множеспво несчаспныхъ Россіянъ, жипелей Тверской области, взяпыхъ въ неволю Тапарами: смопря издали на кровопролипіе, безоружные, скованные, они помогали своему Князю усердными молипвами, и видя его поржеспво, плакали опъ радоспи. Михаилу предспавили жену Георгіеву, бpаша его Бориса Данiловича и Воеводу Узбекова, Кавгадыя, вмѣспѣ съ другими плѣнниками[209]. Великій Князь запрепилъ воинамъ убивапь Тапаръ, и ласково угоспивъ Кавгадыя въ Твери, съ богапыми дарами оппуспилъ его къ Хану. Сей лицемѣръ клялся бынь ему другомъ; обвинялъ себя, Георгія, и говорилъ, чпо они воевали Тверскую обласпь безъ повеленія Узбекова. Декабря 22. Побѣда надъ Тапарами.

Князь Московскій бѣжалъ къ Новогородцамъ, копорые, еще не знавъ объ успѣхѣ его въ Ордѣ, дали Михаилу слово не вмѣшивапься въ ихъ распрю. (Въ сіе время они мспили Шведамъ за разбипіе нашихъ судовъ на Ладожскомъ озерѣ: воевали приморскую часпь Финляндіи; взяли городъ *Финскаго Князя* и другой *Епископовъ*, или нынѣшній

Або[210]). Узнавъ поржеспво Михаилово, Новогородцы вспупились за Георгія: собрали полки и приближились къ Волгѣ. На другой споронѣ ея развѣвались знамена Тверскія, украшенныя знаками свѣжей побѣды; однакожь Великій Князь не хопѣлъ впоричной жеспокой бипвы, и предложилъ Георгію ѣхапь съ нимъ въ Орду. «Ханъ разсудипъ насъ« — говорилъ Михаилъ— «и воля его будепъ мнѣ «закономъ. Возвращаю свободу супругѣ пво- «ей, брапу и всѣмъ Новогородскимъ амана- «памъ.« На семъ основаніи сочинили договорную грамопу, въ коей *Георгій* именованъ *Великимъ Княземъ*, и по коей Новогородцы, въ ожиданіи суда Узбекова, могли свободно порговапь въ Тверской областпи, а Послы ихъ ѣздипь чрезъ оную безопасно[211]. Къ несчастію, жена Георгіева скоропостпжно умерла въ Твери, и враги Михаиловы распуспили слухъ, что она была отравлена ядомъ. Можепъ быпь, самъ Георгій вымыслилъ сію клевепу: по крайней мѣрѣ охопно вѣрилъ ей, и воспользовался случаемъ очернипь своего великодушнаго непріяпеля въ глазахъ Узбековыхъ. Провождаемый многими Князьями и Боярами, онъ вмѣспѣ съ Кавгадыемъ опправился къ Хану; а неосторожный Михаилъ еще медлилъ, пославъ въ Орду двѣнадцапилѣпняго сына, Конспанпина, защипника слабаго и безсловеснаго.

Между пѣмъ, какъ врагъ его ревноспно дѣйспвовалъ въ Сараѣ и подкупалъ Вель-

можъ Могольскихъ, Великій Князь, имѣя чиспую совѣспь, и гопповый всѣмъ жерпвовапь благу Россіи, спокойно занимался въ Твери дѣлами правленія; наконецъ, взявъ благословеніе у Епископа, поѣхалъ. Великая Княгиня Анна провожала его до береговъ Нерли: шамъ онъ исповѣдался съ умиленіемъ, и ввѣряя Духовнику свою шайную мысль, сказалъ: «Можепъ быпь, въ послѣд«ній разъ опкрываю шебѣ внупренносшь «души моей. Я всегда любилъ опечеспво, «но не могъ прекрапипь нашихъ злобныхъ «междоусобій: по крайней мѣрѣ буду дово«ленъ, если хопя смерпь моя успокоипъ его» [212]. Михаилъ, скрывая сіе горесшное предчувспвіе опъ нѣжной супруги, велѣлъ ей возвратишься. Посолъ Ханскій, именемъ Ахмылъ, объявилъ ему въ Владимірѣ гнѣвъ Узбековъ. «Спѣши къ Царю,» говорилъ онъ: «или пол«ки его чрезъ мѣсяцъ вспупяпъ въ пвою «область. Кавгадый увѣряепъ, чпо пы не «будешь повиноваться.» Успрашенные симъ извѣспіемъ, Бояре совѣповали Великому Князю осшановишься. Добрые сыновья Михаиловы, Димипрій и Александръ, шакже заклинали опца не ѣздишь въ Орду, и послашь шуда кого нибудь изъ нихъ, чпобы умилосшивишь Хана. «Нѣпъ,» ошвѣчалъ Михаилъ: «Царь пребуепъ меня, а не васъ: «подвергну ли опечесшво новому несчасшію? «Можемъ ли боропься со всею силою невѣр«ныхъ? За мое ослушаніе падепъ множесшво

«головъ Христіанскихъ; бѣдныхъ Россіянъ «толпами поведутъ въ плѣнъ. Мнѣ надобно «будетъ умереть и погда: не лучше ли же «нынѣ, когда могу еще своею погибелію «спасти другихъ?» Онъ написалъ завѣщаніе, распорядилъ сыновьямъ Удѣлы, далъ имъ отеческое наставленіе, какъ жить добродѣтельно, и простился съ ними навѣки.

Сентября 6. Михаилъ нашелъ Узбека на берегу моря *Сурожскаго* или Азовскаго, при устьѣ Дона[213]; вручилъ дары Хану, Царицѣ, Вельможамъ, и шесть недѣль жилъ спокойно въ Ордѣ, не слыша ни угрозъ, ни обвиненій. Но вдругъ, какъ бы вспомнивъ дѣло совершенно забытое, Узбекъ сказалъ Вельможамъ своимъ, чтобы они разсудили Михаила съ Георгіемъ, и безъ лицепріятія рѣшили, кто изъ нихъ достоинъ казни. Начался судъ. Вельможи собрались въ особенномъ шатрѣ, подлѣ Царскаго; призвали Михаила и велѣли ему отвѣчать на письменные доносы многихъ Баскаковъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ не платилъ Хану всей опредѣленной дани. Великій Князь ясно доказалъ ихъ несправедливость свидѣтельствами и бумагами; но злодѣй Кавгадый, главный доносишель, былъ и судіею! Во второе засѣданіе привели Михаила уже связаннаго, и грозно объявили ему двѣ новыя вины его, сказывая, что онъ дерзнулъ обнажить мечь на Посла Царева и ядомъ отравилъ жену Георгіеву. Великій Князь отвѣчалъ: «Въ би-

Судъ въ Ордѣ.

«пвь не узнаютпъ Пословъ; по я спасъ Кав-
«гадыя, и съ честію оппуспилъ его. Впо-
«рое обвиненіе еспь гнуспая клевепа: какъ
«Христіанинъ свидѣпельсшвуюсь Богомъ,
«чпо у меня и на мысли не было пакого
«злодѣянія.» Судіи не слушали его, опдали
подъ спражу, велѣли оковапь цѣпями. Еще
вѣрные Бояре и слуги не опходили опъ
своего злосчасшнаго Государя: присшавы
удалили ихъ, наложили ему на шею пяже-
лую колодку, и раздѣлили между собою всѣ
драгоцѣнныя одежды Княжескія.

Узбекъ ѣхалъ погда на ловлю къ бере-
гамъ Терека со всѣмъ войскомъ, многими
знаменипыми данниками и Послами разныхъ
народовъ. Сія любимая забава Хановъ про-
должалась обыкновенно мѣсяцъ или два, и
разипельно предспавляла ихъ величіе: нѣ-
сколько сопъ пысячь людей было въ дви-
женіи[214]; каждый воинъ украшался лучшею
своею одеждою и садился на лучшаго коня;
купцы на безчисленныхъ пелегахъ везли по-
вары Индѣйскіе и Греческіе; роскошь, ве-
селіе господспвовали въ шумныхъ, необо-
зримыхъ спанахъ, и дикія спепи казались
улицами городовъ многолюдныхъ. Вся Орда
пронулась: въ слѣдъ за нею повлекли и Ми-
хапла, ибо Узбекъ еще не рѣшилъ судьбы
его. Несчасшный Князь перпѣлъ уничпже-
ніе и муку съ великодушною пвердосшію.
На пупи изъ Владиміра къ морю Азовскому
онъ нѣсколько разъ пріобщался Свяпыхъ

Пышная забава Ханская.

Великодушная кончина Михаилова.

Таинъ, и гоповый умерепь какъ должно Христіанину, изъявлялъ чудесное спокойствіе. Печальные Бояре снова имѣли къ нему доступъ: Михаилъ ободрялъ ихъ, и съ веселымъ лицемъ говорилъ: «Друзья! вы долго видѣли «меня въ чести и славѣ: будемъ ли неблаго- «дарны? вознегодуемъ ли на Бога за уничиже- «ніе кратковременное? Выя моя скоро осво- «бодится отъ сего древа, гнетущаго оную.» Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ и въ пѣніи утѣшительныхъ Псалмовъ Давидовыхъ; отрокъ Княжескій держалъ передъ нимъ книгу и переверпывалъ листы: ибо стражи всякую ночь связывали руки Михаилу. Желая мучить свою жертву, злобный Кавгадый въ одинъ день вывелъ его на торговую площадь, усыпанную людьми; поставилъ на колѣна, ругался надъ нимъ и вдругъ, какъ бы пронутый сожалѣніемъ, сказалъ ему: «не «унывай! Царь поступаетъ такъ и съ родными въ случаѣ гнѣва; но завтра, или «скоро, объявятъ тебѣ милость, и снова «будешь въ чести.» Торжествующій злодѣй удалился. Князь, изнуренный, слабый, сѣлъ на площади, и любопытные окружили его, разсказывая другъ другу, что сей узникъ былъ великимъ Государемъ въ землѣ своей. Глаза Михаиловы наполнились слезами: онъ вспалъ и пошелъ въ вежу или шаперъ, читая тихимъ голосомъ изъ Псалма: *Вси видяще мя покиваху главами своими... Уповаю на Господа!* — Нѣсколько разъ вѣрные слуги

предлагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы. «Я никогда не «зналъ постыднаго бѣгства,» отвѣчалъ Михаилъ: «оно можетъ только спасти меня, «а не отечество. Воля Господня да будетъ!»

Орда находилась уже далеко за Терекомъ и горами Черкасскими, близъ вратъ Желѣзныхъ или Дербента, подлѣ Ясскаго города Тетякова, въ 1277 году взятаго нашими Князьями для Хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно приступалъ къ Царю со мнимыми доказательствами, что Великій Князь есть злодѣй обличенный: Узбекъ, юный, неопытный, опасался быть несправедливымъ; наконецъ, обманутый согласіемъ безсовѣстныхъ судей, единомышленниковъ Георгіевыхъ и Кавгадыевыхъ, утвердилъ ихъ приговоръ.

Михаилъ свѣдалъ и не ужаснулся; отслушавъ Заутреню (ибо съ нимъ были Игуменъ и два Священника), благословилъ сына своего, Константина; поручилъ ему сказать матери и братьямъ, что онъ умираетъ ихъ нѣжнымъ другомъ; что они конечно не оставятъ вѣрныхъ Бояръ и слугъ его, которые у престола и въ темницѣ изъявляли Государю равное усердіе. Часъ рѣшительный наступалъ[215]. Михаилъ, взявъ у Священника Псалтирь и разогнувъ оную, читалъ слова: *сердце мое смятеся во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя.* Душа его невольно содрогнулась. Игуменъ сказалъ ему: Ноября 22.

«Государь! въ семъ же Псалмѣ, сполъ тебѣ «извѣстномъ, написано: *возверзи на Госпо-* «*да печаль твою.*» Великій Князь продол-жалъ: *кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ? и полещу, и почію....* Умиленный симъ жи-вымъ образомъ свободы, онъ закрылъ кни-гу, и въ то самое мгновеніе вбѣжалъ въ спавку одинъ изъ его Опроковъ съ лицемъ блѣднымъ, сказывая дрожащимъ голосомъ, что Князь Георгій Даніиловичъ, Кавгадый и множество народа приближаются къ ша-пру. «Вѣдаю, для чего,» отвѣтствовалъ Михаилъ, и немедленно послалъ тона-го сына своего къ Царицѣ, именемъ Бая-лыни, будучи увѣренъ въ ея жалости.. Георгій и Кавгадый остановились близъ шапра, на площади, и сошли съ ко-ней, опрядивъ убійцъ совершить беззако-ніе. Всѣхъ людей Княжескихъ разогнали: Ми-хаилъ стоялъ одинъ и молился. Злодѣи по-вергли его на землю, мучили, били пяпа-ми. Одинъ изъ нихъ, именемъ *Романецъ* (слѣдственно Христіанской Вѣры) вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. На-родъ вломился въ спавку для грабежа, по-зволеннаго у Моголовъ въ такомъ случаѣ. — Георгій и Кавгадый, узнавъ о смерти Свя-таго Мученика — ибо таковымъ справедли-во признаетъ его наша Церковь — сѣли на коней и подъѣхали къ шапру. Тѣло Михаи-лово лежало нагое. Кавгадый, свирѣпо взгля-нувъ на Георгія, сказалъ ему: «онъ твой

«дядя: оспавишь ли прупъ его на поруга- «ніе?» Слуга Георгіевъ закрылъ оный своею одеждою.

Михаилъ не обманулся въ надеждѣ на добродушіе супруги Узбековой: она съ чувствительностію приняла и спаралась упѣшить юнаго Константина; защитила и Бояръ его, успѣвшихъ опдать себя въ ея покровительство: другіе же, схваченные злобными врагами ихъ Государя, были истерзаны и заключены въ оковы. — Георгій послалъ пѣло Великаго Князя въ Маджары, городъ торговый (на рѣкѣ Кумѣ, въ Кавказской Губерніи), гдѣ, какъ вѣроятно, обитали нѣкогда Угры, изгнанные Печенѣгами изъ *Лебедіи*[216]. Тамъ многіе купцы, знавъ лично Михаила, желали прикрыть оное драгоцѣнными плащаницами и внести въ *церковь*; но Бояре Георгіевы не пустили ихъ къ окровавленному прупу, и поставили его въ хлѣвѣ. Въ Ясскомъ городѣ *Бездежѣ* они пакже не хотѣли остановиться у *церкви Христіанской*; днемъ и ночью сперегли пѣло; наконецъ привезли въ Москву и погребли въ монастырѣ Спасскомъ (въ Кремлѣ, гдѣ стоитъ еще древняя церковь Преображенія). Городъ Маджары. Г. 1319.

Злодѣй Кавгадый чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ кончилъ жизнь свою внезапно; увидимъ, что Провидѣніе наказало и жестокаго Георгія; а память Михаилова была священна для современниковъ и потомства:

ибо сей Князь, сполъ великодушный въ бѣдствіи, заслужилъ славное имя *отечество-любца*[217]. Кромѣ однихъ Новогородцевъ, считавшихъ его опаснымъ врагомъ народной вольности, всѣ жалѣли объ немъ искренно, но всѣхъ болѣе вѣрные, мужественные Тверитяне: ибо онъ возвеличилъ сіе Княженіе и любилъ ихъ дѣйствительно какъ отецъ. Сверхъ достоинствъ государственныхъ—ума проницательнаго, твердости, мужества — Михаилъ отличался и семейственными: нѣжною любовію къ супругѣ, къ дѣтямъ, въ особенности къ матери, умной, добродѣтельной Ксеніи, воспитавшей его въ правилахъ благочестія и скончавшей дни свои Монахинею[218].

Разбои Моголовъ.

При семъ Великомъ Князѣ Ростовъ, Кострома и Брянскъ были жертвою хищныхъ Татаръ. Наслѣдникъ Константина Борисовича Ростовскаго, умершаго въ Ордѣ, сынъ его Василій (въ 1316 году) пріѣхалъ отъ Хана въ столицу свою съ двумя Могольскими Вельможами, коихъ грабительство и насиліе остались въ ней надолго памятными[219]. Такіе разбойники назывались обыкновенно *Послами*. Одинъ изъ нихъ (въ 1318 году) убивъ въ Костромѣ 120 человѣкъ, опустошилъ Ростовъ огнемъ и мечемъ, взялъ сокровища церковныя, плѣнилъ многихъ людей. Несчастіе Брянска произошло отъ междоусобія двухъ Князей. Тамъ господствовалъ Василій, внукъ Романовъ[220]: изгнанный дя-

дею, Святославомъ, онъ возвратился (въ 1310 году) съ шайкою Моголовъ. Святославъ, въ надеждѣ на усердіе жителей, спѣшилъ отразить ихъ; но граждане измѣнили ему: бросили знамена и побѣжали. Онъ не хотѣлъ уступить, и легъ на мѣстѣ битвы со всею дружиною Княжескою, оказавъ рѣдкое, но безполезное мужество. Побѣдители расхитили городъ.

Въ Брянскѣ находился тогда новый Митрополитъ, преемникъ Максимовъ[221]: онъ едва могъ, ушедши въ церковь, спастися отъ лютости Татаръ. По кончинѣ Максима (въ 1305 году), какой-то Игуменъ Геронтій вздумалъ-было своевольно занять его мѣсто, присвоивъ себѣ утварь Святительскую и жезлъ Пастыря; но Патріархъ Аѳанасій въ угодность Князю Галицкому, отвергнувъ Геронтія, (въ 1308 году) посвятилъ въ Митрополиты *для всей Россіи* Петра, Волынскаго Игумена, мужа столь ревностнаго въ исполненіи своихъ Пастырскихъ обязанностей, что Духовенство Сѣверной Россіи единогласно благословило его высокую добродѣтель. Одинъ Тверскій Епископъ, сынъ Князя Литовскаго Герденя, легкомысленный и гордый, дерзнулъ злословить сего Митрополита; но былъ торжественно обличенъ въ клеветѣ на Соборѣ въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, гдѣ присутствовали Епископъ Ростовскій, Игумены, Священники, Князья, Бельможи и Посолъ Цареградскаго Патріарха. Истиною и любо-

Петръ Митрополитъ.

вію заградивъ уста клеветнику, Петръ, вмѣсто укоризнъ, сказалъ ему: *Миръ ти о Христѣ, чадо! Отнынѣ блюдися лжи; мимошедшая же да отпуститъ ти Господь!...* Въ другихъ случаяхъ сей кроткій Архипастырь умѣлъ быть и строгимъ: снялъ Епископскій санъ съ Исмаила Сарскаго, безъ сомнѣнія за важное преступленіе относительно къ Церкви или отечеству, и предалъ анаѳемѣ какого-то опаснаго еретика Сеипа, обличеннаго имъ въ богопротивномъ умствованіи, но не хотѣвшаго раскаяться. Какъ достойный учитель Вѣры Христіанской, Петръ склонялъ Князей къ миролюбію, заклиналъ несчастнаго Святослава Брянскаго не вступать въ битву съ Василіемъ и старался прекратить вражду между Князьями Тверскимъ и Московскимъ[222]; не имѣя средствъ избавить народъ отъ ига, желалъ по крайней мѣрѣ оградить безопасностію церкви святыя и домы ея служителей; ѣздилъ въ Орду съ Михаиломъ (въ 1313 году) и выходилъ для нихъ такъ называемый *ярлыкъ* или грамоту льготную, въ коей Узбекъ, слѣдуя примѣру бывшихъ до него Хановъ, подтвердилъ важныя права и выгоды Россійскаго Духовенства. Мы имѣемъ сей ярлыкъ и многіе иные новѣйшіе, достопамятные содержаніемъ и слогомъ. Ханъ пишетъ[225]: «Вышняго и безсмерт-«наго Бога волею и силою, величествомъ «и милостію. Узбеково слово ко всѣмъ Кня-

Ярлыкъ Ханскій.

«зьямъ великимъ, среднимъ и нижнимъ, Вое-
«водамъ, книжникамъ, Баскакамъ, писцамъ,
«мимоѣздящимъ Посламъ, сокольникамъ, пар-
«дусникамъ во всѣхъ Улусахъ и странахъ,
«гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть
«*держитъ* и слово наше *владѣетъ*. Да ни-
«кто не обидитъ въ Руси церковь Собор-
«ную, Петра Митрополита и людей его,
«Архимандритовъ, Игуменовъ, Поповъ, и
«проч. Ихъ грады, волости, села, земли,
«ловли, борти, луга, лѣса, винограды, са-
«ды, мельницы, хуторы, свободны отъ
«всякія дани и пошлины: ибо все то есть
«Божіе; ибо сіи люди молитвою своею блю-
«дутъ насъ, и наше воинство укрѣпляютъ.
«Да будутъ они подсудны единому Митро-
«политу, согласно съ древнимъ закономъ
«ихъ и грамотами прежнихъ Царей Ордин-
«скихъ. Да пребываетъ Митрополитъ въ
«тихомъ и кротком̀ъ житіи; да правымъ
«сердцемъ и безъ печали молитъ Бога за
«насъ и дѣтей нашихъ. Кто возметъ что
«нибудь у духовныхъ, заплатитъ втрое;
«кто дерзнетъ порицать Вѣру Русскую,
«кто обидитъ церковь, монастырь, часо-
«вню, да умретъ! и проч. Писано Заячья-
«го лѣта, осенняго перваго мѣсяца, четвер-
«таго *Ветха* (то есть, въ четвертый день
«ущерба луны) на поляхъ.» Говоря о даняхъ,
собираемыхъ въ Россіи, Узбекъ именуетъ
поплужную, или съ каждой сохи, моспо-
вую, береговую; увольняетъ церковниковъ

опъ воинской службы, подводъ и всякой работы. Въ такомъ порабощеніи находились Россіяне, всего болѣе угнетаемые ненасытнымъ сребролюбіемъ Ханскихъ пошлинниковъ или откупщиковъ Царской дани, между коими бывали иногда и Жиды, обитатели Крыма или Тавриды[224].

Разныя бѣдствія.

Къ сему общему государственному злу присоединялись тогда весьма частыя естественныя бѣдствія. Лѣтописцы сказываютъ, что въ 1309 году явилось вездѣ чудесное множество мышей, которыя съѣли хлѣбъ на поляхъ, рожь, овесъ, пшеницу: отъ чего въ цѣлой Россіи произошли голодъ, моръ на людей и на скотъ[225]. Въ 1314 году Новгородъ терпѣлъ великій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; а народъ Псковскій, угнетаемый дороговизною, грабилъ домы и села богатыхъ людей, такъ, что Правительство долженствовало употребить весьма строгія мѣры для возстановленія тишины и казнить пятьдесятъ главныхъ мятежниковъ. *Зобница* ржи стоила тамъ 5 гривенъ. Въ 1318 году свирѣпствовала въ Твери какая-то жестокая смертоносная болѣзнь.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ ГЕОРГІЙ ДАНІИЛОВИЧЬ, ДИМИТРІЙ И АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧИ.

(Одинъ послѣ другаго).

Г. 1319 — 1328.

Горесть Тверитянъ. Рубли. Война съ Шведами. Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими. Миръ съ Шведами въ Орѣховѣ. Князья Устюжскіе. Убіеніе Георгія и Димитрія. Истребленіе Моголовъ въ Твери. Мщеніе Ханское. Казнь Рязанскаго Князя. Литовцы завоеватели. Сомнительное повѣствованіе Стриковскаго. Судьба южной и западной Россіи. Послѣдній Князь Галицкій. Характеръ Гедимина.

Г. 1319. Утвержденный Ханомъ на Великомъ Княженіи, и взявъ съ собою юнаго Константина Михайловича и Бояръ Тверскихъ въ видѣ плѣнниковъ, Георгій пріѣхалъ господствовать въ Владиміръ, а брата своего, Аѳанасія, послалъ Намѣстникомъ въ Новгородъ. Услышавъ о томъ, нѣжная супруга Михаилова, сыновья, Епископъ и Вельможи изумились: они еще не знали происшедшаго въ Ордѣ, но угадывая свое несчастіе, велѣли гонцамъ спѣшить въ Москву, чтобы развѣдать тамъ о судьбѣ Великаго Князя. Гонцы возвратились съ подробнымъ извѣстіемъ о всѣхъ ужасныхъ обстоятельствахъ Михаиловой кончины. Горесть была общая:

Горесть Тверишянъ.

Церковь и народъ дѣлили оную съ Княжескимъ семействомъ. Чрезъ нѣсколько дней, посвященныхъ слезамъ и молитвѣ, Димитрій, какъ старшій сынъ, наслѣдовавъ власть родителя, отправилъ Посольство въ Владиміръ. Меньшій братъ его, Александръ, и Бояре Тверскіе предстали Георгію въ одеждѣ печальной; не хотѣли укорять его: молили только отдать имъ драгоцѣнные остатки Князя, равно любезнаго супругѣ, дѣтямъ и народу. Георгій согласился, съ условіемъ, чтобы они прислали ему на обмѣнъ тѣло жены его, Кончаки, сестры Узбековой[226]. Вдовствующая Великая Княгиня Анна и Димитрій Михайловичь съ братьями выѣхали по Волгѣ въ ладіяхъ на встрѣчу ко гробу Михаилову: Епископъ, Духовенство, граждане ожидали его на берегу. Зрѣлище было умилительно. Народъ вопилъ, стремился къ тѣлу и громогласно звалъ Михаила, какъ бы надѣясь воскресить его. Знаменитые чиновники несли медленно раку и поставили передъ монастыремъ Архангельскимъ, гдѣ безчисленное множество людей тѣснилось лобызать оную. Снявъ крышу, съ несказанною радостію увидѣли цѣлость мощей, не поврежденныхъ ни дальнимъ путемъ отъ береговъ моря Каспійскаго, ни пятимѣсячнымъ лежаніемъ въ могилѣ. Народъ благословилъ Небо за сіе чудо, и погребеніе казалось ему уже не печальнымъ обрядомъ, но торжествомъ Михаи-

ловой святости. — Чувствительная, набожная Княгиня Анна отказалась отъ міра и кончила дни свои Монахинею; а Димитрій и Александръ, отеревъ слезы, думали только о мести.

Георгій ходилъ между тѣмъ съ войскомъ къ Рязани, и заставивъ тамошняго Князя, Іоанна Ярославича, согласиться на всѣ его предложенія[227], готовился къ нападенію на Тверскую область, увѣренный въ справедливой ненависти къ нему сыновей Михаиловыхъ. Димитрій не боялся войны; но хотѣлъ прежде освободить брата своего, Константина, и Бояръ Михаиловыхъ, бывшихъ аманатами въ Владимірѣ: послалъ Тверскаго Епископа, Варсонофія, въ Переславль и заключилъ миръ, давъ Георгію 2000 *рублей* и слово не спорить съ нимъ о Великомъ Княженіи. (Замѣтимъ, что здѣсь въ первый разъ упоминается о *рубляхъ*[228]: они были не что иное, какъ отрубки серебра, безъ всякаго знака или клейма, вѣсомъ около двадцати двухъ золотниковъ). — Обманутый коварнымъ миромъ, Георгій успокоился и поѣхалъ въ Новгородъ, коего чиновники звали его предводительствовать войскомъ: ибо Шведы старались овладѣть Кореліею и Кексгольмомъ. Георгій приступилъ къ Выборгу, и хотя имѣлъ съ собою шесть большихъ стѣнобитныхъ орудій, но осаждалъ сію крѣпость безъ успѣха отъ 12 Августа

Г. 1320.

Рубли

Г. 1321.

Г. 1322. Война съ Шведами.

до 9 Сентября[229]. Злобясь на Шведовъ, Россіяне вѣшали плѣнниковъ.

По возвращеніи въ Новгородъ, Георгій оплакалъ кончину вѣрнаго брата, Аѳанасія, и свѣдалъ, что Князь Іоаннъ Даніиловичь, бывъ въ Ордѣ, пріѣхалъ оттуда съ Посломъ Узбековымъ, Ахмыломъ, который, объявивъ намѣреніе учредить благоустройство въ областяхъ Великаго Княженія, лилъ кровь людей, взялъ Ярославль какъ непріятельскій городъ, и съ торжествомъ отправился назадъ къ Хану, дать ему отчетъ въ своемъ успѣшномъ Посольствѣ[230]. Вторая вѣсть была для Георгія еще горестнѣе: Димитрій Михайловичь нарушилъ данное ему слово, выходилъ для себя въ Ордѣ достоинство Великаго Князя, и Царь Узбекъ прислалъ съ грамотою Вельможу Севенчь-Буга возвести его на престолъ Владимірскій. Тщетно Георгій молилъ Новогородцевъ итти вмѣстѣ съ нимъ ко Владиміру: онъ долженъ былъ ѣхать туда одинъ, и на пути едва не попался въ руки къ Александру Михайловичу Тверскому, отнявшему у него обозъ и казну. Георгій бѣжалъ во Псковъ, гдѣ чиновники и народъ, помня завѣщаніе Александра Невскаго[231], приняли его ласково, но не могли дать ему войска, готовясь дѣйствовать всѣми силами противъ Нѣмцевъ. Эстонскіе Рыцари, не смотря на миръ, убивали тогда купцевъ и звѣролововъ Псковскихъ на Чудскомъ озерѣ и на берегахъ Наровы. Оза-

боченный собственною опасностію, Великій Князь уѣхалъ въ Новгородъ; а Псковитяне разорили Эстонію до самаго Ревеля, взявъ нѣсколько тысячь плѣнниковъ, и не пощадивъ святыни церквей. Предводителемъ ихъ былъ Князь Литовскій Давидъ, славный въ Исторіи Нѣмецкаго Ордена подъ именемъ *Кастеллана Гарденскаго*. Заслуживъ благодарность Псковитянъ, онъ возвратился въ Литву, и скоро имѣлъ случай оказать имъ еще важнѣйшую услугу[232]. Нѣмцы собрали весною многочисленное войско, осадили Псковъ, придвинули стѣнобитныя орудія, и въ 18 дней разрушивъ большую часть укрѣпленій, уже готовили лѣсницы для приступа. Хотя Намѣстникъ Изборскій, Евстафій (родомъ Князь) нечаянно ударивъ на обозы Нѣмецкіе за рѣкою Великою, освободилъ бывшихъ тамъ Россійскихъ плѣнниковъ; однакожь граждане находились въ крайности, и посылали гонца за гонцемъ въ Новгородъ, требуя помощи. Въ сіе время приспѣлъ мужественный Давидъ Литовскій, соединилъ дружину свою съ полками осажденныхъ, разбилъ Нѣмцевъ на голову, взялъ въ добычу станъ ихъ и всѣ снаряды. Слѣдствіемъ побѣды былъ выгодный для Псковитянъ, осьмнадцати-лѣтній миръ съ Орденомъ. Г. 1523. Дѣла съ Нѣмцами Литовскими.

Свѣдавъ, что Димитрій Михайловичь, сверхъ покровительства Узбекова, имѣетъ сильное войско въ Великомъ Княженіи, и

что народъ, любивъ отца его, изъявляетъ усердіе и къ сыну, Георгій рѣшился на нѣкоторое время остаться въ Новѣгородѣ: ибо могъ опсупствіемъ утратить и сей важный престолъ. Новогородцы ходили съ нимъ къ берегамъ Невы, и тамъ, гдѣ она вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, на острову *Орѣховомъ*, заложили крѣпость Орѣховскую или нынѣшній Шлиссельбургъ, чтобы Шведы не могли свободно входить въ сіе озеро. Услышавъ о томъ, и желая прекратить войну столь часто бѣдственную для Шведской Кореліи и Финляндіи, юный Король Магнусъ прислалъ Вельможъ въ станъ Георгіевъ съ дружелюбнымъ предложеніемъ, соотвѣтственнымъ обоюдной пользѣ. Оно было принято. Россіяне, заключивъ договоръ съ Послами, въ своей новой крѣпости торжествовали миръ, коего главное условіе состояло въ возстановленіи древнихъ предѣловъ между обѣими Державами въ Кореліи и въ Финляндіи[233].

Мпръ съ Шведами въ Орѣховѣ.

Новогородцы должны были въ сіе время управиться съ Устюжанами, грабившими ихъ купцевъ на пути въ Югорскую землю, и съ Липовцами, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ Ловоти. Разбивъ послѣднихъ, они взяли Устюгъ; но довольные сдѣланнымъ тамъ опустошеніемъ, на берегахъ Двины заключили миръ съ *Князьями Устюжскими*, Намѣстниками Росповскаго[234]. Тогда Георгій, заслуживъ искреннюю признатель-

Г. 1324. Князья Устюжскіе.

ность Новогородцевъ, и обнадеженный въ ихъ вѣрности, дружески простился съ ними: онъ поѣхалъ къ Хану, чтобы вторично снискать его милость, низвергнуть Димитрія и вновь утвердить за собою Великое Княженіе. Сіе путешествіе достойно замѣчанія тѣмъ, что Георгій ѣхалъ отъ береговъ Двины чрезъ область Пермскую; сѣлъ тамъ на ладію, и рѣкою Камою плылъ до нынѣшней Казанской Губерніи.

Въ слѣдующій годъ отправился къ Хану и Димитрій. Тамъ они увидѣли другъ друга, и нѣжный сынъ, живо представивъ себѣ окровавленную тѣнь Михаилову, — запрепетавъ отъ ужаса, отъ гнѣва, — вонзилъ мечь въ убійцу. Георгій испустилъ духъ; а Димитрій, совершивъ месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидалъ слѣдствій.... Такъ одно злодѣяніе раждаетъ въ мірѣ другое, и виновникъ перваго отвѣтствуетъ за оба, по крайней мѣрѣ въ судилищѣ Вышняго! Тѣло Георгіево привезли въ Москву, гдѣ княжилъ братъ его, Іоаннъ Даніиловичь, и погребли въ церкви Архангела Михаила. Митрополитъ Петръ съ четырмя Епископами совершилъ сей обрядъ печальный[235]. Князь Іоаннъ и самый народъ проливалъ искреннія слезы, уми-

Г. 1325. Ноября 21. Убіеніе Георгія и Димитрія.

ленный сколь бѣдственною кончиною Государя хотя и не добродѣтельнаго, однакожь знаменитаго умомъ и славными предками. Новогородцы сожалѣли объ немъ: Тве-

Г. 1326.

рипяне хвалили дѣло своего Князя, съ безпокойспвомъ ожидая суда Узбекова.

Ханъ долго молчалъ. Друзья Князя Московскаго безъ сомнѣнія предспавляли ему[236], чпо убійспво спольже наглое, совершенное предъ его глазами, пребуепъ наказанія, или будепъ пяпномъ для чеспи Царской, знакомъ слабоспи и поводомъ къ новымъ опаснымъ своевольспвамъ Князей Россійскихъ; чпо Ханъ, сверхъ пого, долженъ вспупипься за Георгія, какъ за своего зяпя. Прошло десяпь мѣсяцевъ. Брапъ Димипріевъ, Александръ, спокойно возвращился изъ Орды съ Ханскими пошлинниками, надѣясь, чпо дѣло уже кончилось, и чпо Узбекъ не думаепъ о меспи. Но вдругъ вышло грозное
Сенп. 15. повелѣніе, и несчасплнаго Димипрія убили въ Ордѣ (вмѣспѣ съ Княземъ Новосильскимъ[237], попомкомъ Михаила Черниговскаго, обвиненнымъ пакже въ какомъ-по преспупленіи). Сія вѣспь, равнодушно приняпая въ Москвѣ и въ Новѣгородѣ, огорчила добрыхъ Тверипянъ, усердныхъ къ Государямъ, и видѣвшихъ въ юномъ своемъ Князѣ славную жерпву любви сыновней. Димипрій Михайловичь, прозваніемъ *Грозныя Очи*[238], смѣлый, пылкій, имѣлъ только 27 лѣпъ опъ рожденія; женапый на дочери Князя Липовскаго, Гедимина, онъ не оспавилъ дѣпей.

Не смопря на казнь Димипріеву, Узбекъ въ знакъ милоспи призналъ его брапа Ве-

ликимъ Княземъ Россійскимъ: по крайней мѣ-
рѣ такъ названъ Александръ Михайловичь Г.
въ договорной грамотѣ, коею Новогородцы, 1327.
не имѣя тогда Главы, и терпя опъ внутреннихъ неуспройствъ, обязались ему повиноваться какъ законному своему Властителю[239]. Сія грамота, писанная въ 1327 году, есть повтореніе Ярославовыхъ и Михаиловыхъ, съ прибавленіемъ, что Новогородцы уступаютъ Александру села, имъ самимъ или Боярами его куплепныя, если Княжескіе Дворяне, господствуя въ оныхъ, не будутъ вмѣшиваться въ судныя дѣла ипыхъ волостей, и принимать вольныхъ жителей на свою землю. — Но милость Узбекова и вѣрность Новогородцевъ скоро измѣнились.

Въ концѣ лѣта явился въ Твери Ханскій Посолъ, Шевкалъ[240], сынъ Дюденевъ, и двоюродный братъ Узбека, со многочисленными полпами грабителей. Бѣдный народъ, уже привыкнувъ терпѣть насилія Тапарскія, искалъ облегченія въ однѣхъ безполезныхъ жалобахъ; но содрогнулся опъ ужаса, слыша, что Шевкалъ, ревностный чтитель Алкорана, намѣренъ обратить Россіянъ въ Магометанскую Вѣру, убить Князя Александра съ братьями, сѣсть на его престолѣ, и всѣ города наши раздать своимъ Вельможамъ. Говорили, что онъ воспользуется праздникомъ Успенія, къ коему собралось въ Тверь множество усердныхъ Христіанъ, и что Моголы умертвятъ ихъ всѣхъ до еди-

наго. Сей слухъ могъ быть неоснователенъ: ибо Шевкалъ не имѣлъ достаточнаго войска для произведенія въ дѣйство намѣренія столь важнаго и столь несогласнаго съ Политикою Хановъ, хотѣвшихъ всегда быть покровителями Духовенства и Церкви въ набожной Россіи. Но люди угнетенные обыкновенно считаютъ своихъ тирановъ способными ко всякому злодѣйству; самая грубая клевета кажется имъ доказанною истиною. Бояре, воины, граждане, готовые на все для спасенія Вѣры и православныхъ Государей, окружили Князя, юнаго и легкомысленнаго. Забывъ примѣръ отца, великодушно умершаго для спокойствія подданныхъ, Александръ съ жаромъ представлялъ Тверитянамъ, что жизнь его въ опасности; что Моголы, убивъ Михаила и Димитрія, хотятъ истребить и весь родъ Княжескій; что время справедливой мести настало; что не онъ, а Шевкалъ замыслилъ кровопролитіе, и что Богъ есть надежда правыхъ. Граждане, усердные, пылкіе, единодушно требовали оружія: Князь на разсвѣтѣ, 15 Августа, повелъ ихъ ко дворцу Михаилову, гдѣ жилъ братъ Узбековъ. Общее волненіе, шумъ и стукъ оружія пробудили Татаръ: они успѣли собраться къ своему начальнику и выступили на площадь. Тверитяне устремились на нихъ съ воплемъ. Сѣча была ужасна. Отъ восхода солнечнаго до темнаго вечера рѣзались на улицахъ съ

Истребленіе Моголовъ въ Твери.

остервененіемъ необычайнымъ. Уступивъ превосходству силъ, Моголы заключились во дворцѣ: Александръ обратилъ его въ пепелъ, и Шевкалъ сгорѣлъ тамъ съ остаткомъ Ханской дружины. Къ свѣту не было уже ни одного Татарина живаго. Граждане умертвили и купцевъ Ординскихъ.

Сіе дѣло, внушенное отчаяніемъ, изумило Орду. Моголы думали, что вся Россія готова возстать и сокрушить свои цѣпи; но Россія трепетала, боясь, чтобы мщеніе Хана, заслуженное Тверитянами, не коснулось и другихъ ея предѣловъ. Узбекъ, пылая гнѣвомъ, клялся истребить гнѣздо мятежниковъ; однакожь, дѣйствуя осторожно, призвалъ Іоанна Даніиловича Московскаго, обѣщалъ сдѣлать его Великимъ Княземъ, и давъ ему въ помощь 50,000 воиновъ, предводимыхъ пятью Ханскими Темниками, велѣлъ итти на Александра, чтобы казнить Россіянъ Россіянами. Къ сему многочисленному войску присоединились еще Суздальцы съ Владѣтелемъ своимъ, Александромъ Васильевичемъ, внукомъ Андрея Ярославича[241]. Тогда Князь Тверскій могъ умереть великодушно, или въ славной битвѣ, или предавъ себя одного въ руки Моголовъ, чтобы спасти подданныхъ; но сынъ Михаиловъ не имѣлъ добродѣтели отца. Видя грозу, онъ пекся единственно о собственной безопасности, и думалъ искать убѣжища въ Новѣгородѣ. Туда ѣхали уже Намѣстники Москов-

скіе: граждане не хотѣли объ немъ слышать. Между тѣмъ Іоаннъ и Князь Суздальскій, вѣрные слуги Узбековой мести, приближались ко Твери, не смотря на глубокіе снѣга и морозы жестокой зимы. Малодушный Александръ, оставивъ свой добрый, несчастный народъ, ушелъ во Псковъ, а братья его, Константинъ и Василій, въ Ладогу. Началось бѣдствіе. Тверь, Кашинъ, Торжекъ, были взяты, опустошены со всѣми пригородами; жители истреблены огнемъ и мечемъ, другіе отведены въ неволю. Самые Новогородцы едва спаслися отъ хищности Моголовъ, давъ ихъ Посламъ 1000 рублей и щедро одаривъ всѣхъ Воеводъ Узбековыхъ.

Мщеніе Ханское.

Ханъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ вѣсти изъ Россіи: получивъ оную, изъявилъ удовольствіе. Дымящіяся развалины Тверскихъ городовъ и селеній казались ему славнымъ памятникомъ Царскаго гнѣва, достаточнымъ для обузданія строптивыхъ рабовъ. Въ то же время казнивъ Рязанскаго Владѣтеля, Іоанна Ярославича[242], онъ посадилъ его сына, Іоанна Коротопола, на сей кровію отца обагренный престолъ, и будучи доволенъ вѣрностію Князя Московскаго, далъ ему самую милостивую грамоту на Великое Княженіе, пріобрѣтенное бѣдствіемъ столь многихъ Россіянъ.

Казнь Рязанскаго Князя.

Г. 1328.

Описавъ слѣдствія Георгіевой кончины, обратимъ вниманіе Читателя на южныя об-

ласти Россіи. Бывъ нѣкогда лучшимъ ея достояніемъ, съ половины XIII вѣка онѣ сдѣлались какъ бы чужды для нашего сѣвернаго отечества, коего жители брали столь мало участія въ судьбѣ Кіевлянъ, Волынянъ, Галичанъ, что Лѣтописцы Суздальскіе и Новогородскіе не говорятъ объ ней почти ни слова; а Волынскій не доходитъ до временъ наиболѣе любопытныхъ важностію происшествій, когда народъ бѣдный, дикій, платившъ нѣсколько вѣковъ дань Россіи, и болѣе спа лѣтъ умѣвъ только грабить, свѣдалъ опъ насъ и Нѣмцевъ дѣйствія военнаго и гражданскаго искусства, въ грозномъ ополченіи выступилъ изъ темныхъ лѣсовъ на ѳеатръ міра и быстрыми завоеваніями основалъ Державу именитую[243]. Говоримъ о Литвѣ, уже сильной при Миндовгѣ и Тройденѣ, но еще гораздо сильнѣйшей при Гедиминѣ. Сей человѣкъ, разума и мужества необыкновеннаго, былъ Конюшимъ Литовскаго Князя Витена или, вѣроятно, Буйвида[244]: злодѣйски умертвивъ Государя своего, онъ присвоилъ себѣ господство надъ всею землею Литовскою. Нѣмцы, Россіяне, Ляхи, скоро увидѣли его властолюбіе. Гедиминъ искалъ уже не добычи, но завоеваній — и древнее Пинское Княженіе, гдѣ долго властвовали потомки Святополка-Михаила, было силою оружія присоединено къ Литвѣ[245]. Союзы брачные служили ему также способомъ пріобрѣтать земли. Выдавая до-

Литовцы завоеватели.

черей за Князей Россійскихъ съ однимъ благословеніемъ, онъ пребовалъ богатаго вѣна опъ сватовъ: дозволилъ сыновьямъ, Ольгерду и Любарпу, крестишься; женилъ перваго на Княжнѣ Випебской, а впораго на Владимірской: Ольгердъ наслѣдовалъ по смерши тестя всю его землю; а Любарпъ получилъ Удѣлъ въ Волыніи. Юрій Львовичь, Галицкій и Волынскій, скончался около 1316 года: ибо въ сіе время уже господствовали шамъ Андрей и Левъ, вѣроятно сыновья его, коихъ имена извѣстны намъ единственно по ихъ сношеніямъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ, и копорые въ грамотахъ своихъ назывались *Князьями всей Русской земли, Галицкой и Владимірской*[246]. Одинъ изъ сихъ Князей, какъ надобно думать, былъ и пестемъ Любарповымъ: Историкъ же Липовскій именуетъ его *Владиміромъ*, разсказывая слѣдующія обстоятельства:

Сомнительное повѣствованіе Стриковскаго.

«Опасаясь властолюбивыхъ замысловъ Ге-
«димина, Князья Россійскіе, Владиміръ и
«Левъ, хотѣли предупредишь ихъ, и въ
«то время, какъ онъ воевалъ съ Нѣмцами,
«напали на Липву. Владиміръ опустошилъ
«берега Виліи: Левъ взялъ *Брестъ и Дро-*
«*гичинъ*, *бывшіе тогда уже во власти Ге-*
«*диминовой*. Сей мужественный випязь, въ
«1319 году побѣдою окончивъ войну съ Ор-
«деномъ, немедленно устремился на Влади-
«міръ (гдѣ княжилъ тесть Любарповъ).
«Подъ стѣнами онаго началася биппва, въ

«коей Татары спояли за Россійскаго Князя «противъ Россіянъ: ибо Гедиминъ имѣлъ «Полочанъ въ своемъ войскѣ, а Князь Вла- «димірскій наемную Ханскую конницу. Гу- «спыя полпы Литовцевъ рѣдѣли, осыпае- «мыя спрѣлами Татарскими; но Гедиминъ, «поспавивъ въ ряды пѣхопу, вооруженную «пращами и копьями, обратилъ Моголовъ «въ бѣгспво. Россіяне замѣшались. Тщетно «жены и спарцы, зрипели бипвы, съ го- «родскихъ спѣнъ кричали имъ, что она рѣ- «шитъ судьбу отечества: Князь Владиміръ, «оказавъ мужество доспойное Героя, палъ «въ сраженіи, и войско, лишенное бодроспи, «разсѣялось. Городъ сдался. Гедиминъ, по- «ручивъ его своимъ Намѣспникамъ, спѣшилъ «къ Луцку, откуда Левъ, успрашенный не- «счастіемъ Владиміра, бѣжалъ къ Брянскому «Князю, Роману, своему зятю[247]: граждане «не оборонялись, и побѣдипель, изъявляя «благоразумную кропость, увѣрилъ всѣхъ «Россіянъ въ безопасносши и защитѣ. Упру- «жденное войско его опдыхало цѣлую зиму. «Наградивъ щедро Полководцевъ, онъ жилъ «въ Брестѣ, и готовился къ дальнѣйшимъ «подвигамъ.

«Какъ скоро весна наступила и земля по- «крылась правою, Гедиминъ съ повою бо- «дростію выспупилъ въ поле, взялъ Овручь, «Житомиръ, города Кіевскіе, и шелъ къ «Днѣпру. Въ Кіевѣ властвовалъ Станиславъ, «одинъ изъ потомковъ Св. Владиміра: онъ

«имѣлъ время призвать Моголовъ, соединил-
«ся съ Олегомъ Переяславскимъ, съ изгнан-
«нымъ Княземъ Луцкимъ Львомъ, съ Рома-
«номъ Брянскимъ; версшахъ въ 25 опъ спо-
«лицы, на берегу Ирпени, вспрѣпилъ не-
«пріятеля и долго спорилъ о побѣдѣ; но
«опборная дружина Липовская, ударивъ съ
«боку на Россіянъ, смяла ихъ. Олегъ поло-
«жилъ голову на мѣспѣ бипвы: Левъ так-
«же. Спанславъ и Романъ ушли въ Рязань;
«а Гедиминъ, опдавъ всю добычу воинамъ,
«осадилъ Кіевъ. Еще жипели не теряли
«надежды и мужествепно опразили нѣсколь-
«ко приспуповъ; наконецъ, не видя помощи
«ни опъ Князя Спаниспава, ни опъ Та-
«паръ, и зная, чпо Гедиминъ щадипъ по-
«бѣжденныхъ, опворили ворота[248]. Духовен-
«спво вышло со крестами, и вмѣспѣ съ
«народомъ присягнуло быпь вѣрнымъ Го-
«сударю Липовскому, копорый, избавивъ
«Кіевъ опъ ига Моголовъ, оспавилъ памъ
«Намѣспникомъ племянника своего, Миндова,
«Князя Голшанскаго, Вѣрою Христіанина,
«и скоро завоевалъ всю южную Россію до
«Пупивля и Брянска.»

Сіе повѣспвованіе Историка не весьма основапельнаго едва ли упверждено на какихъ нибудь современныхъ или досповѣрныхъ свидѣпельспвахъ[249]. Оно пѣмъ сомнипельнѣе, чпо Баскаки Ханскіе, какъ видно изъ нашихъ лѣпописей, до самаго 1331 года находились въ Кіевѣ, гдѣ господспво-

валъ погда не Миндовъ, а Князь Россійскій[250]. Не зная, когда именно Липовцы овладѣли спранами Днѣпровскими, знаемъ полько, что Кіевъ при Димитріи Донскомъ уже былъ въ ихъ власти (безъ сомнѣнія и Черниговская область). Такимъ образомъ наше отечество упрапило, и на-долго, свою древнюю сполицу, мѣспа славныхъ воспоминаній, гдѣ оно расло въ величіи подъ щипомъ Олеговымъ, свѣдало Бога испиннаго посредспвомъ Св. Владиміра, пріяло законы опъ Ярослава Великаго и художесшва опъ Грековъ!.... Чпо касаепся до Княженія Владиміро-Волынскаго, по оно, въ пропивносшь ложному сказанію Липовскаго Испорика, вмѣспѣ съ Галиціею еще нѣсколько лѣпъ хранило свою независимосшь и силу. Владѣшели его, Андрей и Левъ, преспавились около 1324 года. Объ нихъ-по Король Польскій, Владиславъ Локепекъ, говоринъ въ письмѣ къ Папѣ Іоанну XXII[251]: «Извѣщаю Ваше «Свяпѣйшесшво о кончинѣ двухъ послѣд- «нихъ Князей Россійскихъ, бывшихъ для «насъ пвердою защипою опъ свирѣпосши «Тапаръ. Сіи жесшокіе враги Христіанспва «безъ сомнѣнія пожелаюпъ нынѣ овладѣшь «Россіею смежною съ нашими землями, и «мы будемъ въ величайшей опасносши.» Но Андрей и Левъ оспавили малолѣшнаго наслѣдника, именемъ Георгія, праправнука Данилова. Въ дружескихъ Лапинскихъ грамопахъ къ Великимъ Магисшрамъ Ордена Нѣ-

Судьба южной и западной Россіи.

мецкаго, скрѣпленныхъ печатями Епископа, Княжескаго пѣспупа и Воеводъ Бельзскаго, Перемышльскаго, Львовскаго, Луцкаго, онъ

По слѣдній Князь Галицкій.

писался *природнымъ Княземъ и Государемъ всей Малой Россіи*, обязываясь предохранять землю Рыцарей опъ набѣга Моголовъ; употреблялъ печать Юрія Львовича, своего дѣда, и жилъ по въ Владимірѣ, по во Львовѣ[252]. Бояре, въ малолѣпспво его управляя Княжеспвомъ, не дерзнули оспановить гибельныхъ для южной Россіи успѣховъ Липовскаго оружія, довольные пѣмъ, чпо Гедиминъ не опнималъ собспвенныхъ областей у Георгія (Любарпова шурина, какъ вѣрояпно) и надѣясь, можепъ быпь, чпо сей чесполюбивый завоеватель, расширяя свои владѣнія къ Воспоку и сближаясь съ Тапарскими, обрапипъ на себя грозную силу Хана, или погибнепъ или счаспливымъ пропивоборспвомъ ослабипъ ее; по и другое слѣдспвіе могло казапься благопріяпнымъ для нашего опечеспва.

Характеръ Гедимина.

Но хипрый Гедиминъ умѣлъ снискапь дружбу Моголовъ; по крайней мѣрѣ никогда не воевалъ съ ними и не плапилъ имъ дани. Властвуя надъ Липвою и завоеванною часпію Россіи, онъ именовалъ себя *Великимъ Княземъ Липовскимъ* и *Россійскимъ*[253]; жилъ въ Вильнѣ, имъ основанной; правилъ новыми подданными благоразумно, уважая ихъ древнія гражданскія обыкновенія, покровипельспвуя Вѣру Греческую, и не мѣшая

народу зависѣпъ въ церковныхъ дѣлахъ опъ Мипрополипа Московскаго; украшалъ новую сполицу свою, ловилъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ, и желая прекрапипь всегдашнюю, кровопролипную и безполезную войну съ Нѣмецкимъ Орденомъ, писалъ къ Папѣ Іоанну: «Одолѣвая Христіанъ въ бипвахъ, «я не хочу испреблять Вѣры ихъ, а поль- «ко защищаюсь опъ враговъ, подобно всѣмъ «другимъ Государямъ. Монахи Доминикан- «скіе и Францискапскіе окружаюпъ меня: «даю имъ волю учипь и крестипь людей «въ моемъ Государствѣ; самъ вѣрю Святой «Троицѣ, желаю повиноваться тебѣ, Главѣ «Церкви и Пастырю Царей; ручаюсь и за «моихъ Вельможъ: только усмири злобу Нѣм- «цевъ[254],» и проч. Іоаннъ, обрадованный споль благословеннымъ извѣспіемъ, оппра- вилъ въ Липву Епископа Алепскаго, Вар- ѳоломея, и Бернарда, Игумена Пюйскаго; но Гедиминъ, вновь раздраженный непріяпель- скими дѣйспвіями и вѣроломспвомъ Прус- скаго Ордена, вдругъ перемѣнилъ мысли, вспрѣпилъ Пословъ Іоанновыхъ весьма не- милоспиво, и сказалъ имъ: «Я не знаю ва- «шего Папы и знать не желаю. Исповѣдую «Вѣру моихъ предковъ, и не измѣню ей до гро- «ба.» Попупивъ глаза въ землю, они должны были удалиться; и съ пого времени Геди- минъ слылъ въ Европѣ коварнымъ обман- щикомъ. Впрочемъ Испорія опдаетъ спра- ведливоспь многимъ его доспохвальнымъ

дѣламъ и качествамъ. Онъ старался образовать народъ свой; дозволялъ Ганзейскимъ купцамъ торговать въ Литвѣ безъ всякой пошлины; призывалъ людей ремесленныхъ, серебренниковъ, каменщиковъ, механиковъ; на десять лѣтъ освобождалъ всѣхъ новыхъ поселенцовъ отъ дани, ручаясь имъ за безопасность личную и цѣлость собственности, которую они пріобрѣтутъ своимъ прудолюбіемъ; давалъ имъ Гражданское Право Риги и всѣ возможныя выгоды; построилъ для Христіанъ церкви въ Вильнѣ и Новогродкѣ, и не терпя Монаховъ, подъ видомъ набожности скрывающихъ злое корыстолюбіе и сердце развратное, любилъ Иноковъ добродѣтельныхъ, не мѣшая имъ проспранять Вѣру Іисусову; любилъ хвалиться вѣрностію своихъ обѣщаній, и спавилъ себя Христіанамъ въ примѣръ честности. Сіи обстоятельства извѣстны намъ по грамотѣ, данной имъ въ 1323 году Любекскимъ, Роспокскимъ, Штетинскимъ и другимъ Нѣмцамъ, за его Княжескою печатію[253].

Нѣтъ сомнѣнія, что вся древняя область Кривская или нынѣшняя Бѣлорусія, уже совершенно зависѣла отъ Гедимина; но держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, онъ не хотѣлъ изгнать тамошнихъ Князей, и довольствуясь ихъ покорностію, оставлялъ имъ Удѣлы наслѣдственные. Такъ (въ 1326 году) съ братомъ его,

Воиномъ, пріѣзжали изъ Литвы въ Новгородъ, для заключенія мира, Князь Полоцкій Василій и Минскій Ѳеодоръ Святославичь, вѣроятно потомки Св. Владиміра отъ племени Рогнѣдина сына, Изяслава[256].

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ ДАНІИЛОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ КАЛИТА.

Г. 1328 — 1340.

Сѣверная Россія отдыхаетъ. Москва глава Россіи. Предсказаніе Митрополита. Милость Хана къ Іоанну. Великодушіе Псковитянъ. Особенный Епископъ во Псковѣ. Происшествія Новогородскія. Закамское серебро. Политика Новагорода. Ханъ прощаетъ Александра. Іоаннъ повелѣваетъ Князьями. Несчастіе Александра. Миръ съ Норвегіею. Непріязнь Шведовъ. Разбои Литовскіе. Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ. Походъ къ Смоленску. Кончина и достоинства Іоанновы. Прозваніе Калиты. Кремникъ. Торгъ на Мологѣ. Завѣщаніе Великаго Князя. Ярославская грамота. Судьба Галича.

Лѣтописцы говорятъ, что съ восшествіемъ Іоанна на престолъ Великаго Княженія миръ и тишина воцарились въ сѣверной Россіи; что Моголы престали наконецъ опустошать ея страны и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; что Христіане г. 1328. Сѣверная Россія отдыхаетъ.

на сорокъ лѣтъ опочили отъ *истомы* и насилій долговременныхъ[257] — по есть, Узбекъ и преемники его, довольствуясь обыкновенною данію, уже не посылали Воеводъ своихъ грабить Великое Княженіе, заняпые дѣлами Востока и внутренними безпокойствами Орды, или успрашаемые примѣромъ Твери, гдѣ Шевкалъ былъ жертвою ожесточеннаго народа. Отечество наше сѣповало въ униженіи; головы Князей все еще падали въ Ордѣ по единому мановенію Хановъ: но земледѣльцы могли спокойно прудишься на поляхъ, купцы ѣздить изъ города въ городъ съ шоварами, Бояре наслаждаться избышкомъ; кони Тапарскіе уже не топпали младенцевъ, дѣвы хранили невинносшь, спарцы не умирали на снѣгу. Первое добро государспвенное есть безопасносшь и покой; честь драгоцѣнна для народовъ благоденспвующихъ: угнепенные желаюпъ полько облегченія, и славяпъ Бога за оное.

Сія дѣйспвишельно благословенная по погдашнимъ обспояшельспвамъ перемѣна ознаменовала возвышеніе Москвы, копорая со временъ Іоанновыхъ сдѣлалась испинною главою Россіи. Мы видѣли, чпо и прежніе Великіе Князья любили свои Удѣльные или наслѣдспвенные города болѣе Владиміра, совершая въ немъ полько обрядъ восшесшвія на главный пресполъ Россійскій: Димипрій Александровичь жилъ въ Переславлѣ-Залѣс-

Москва глава Россіи.

скомъ, Михаилъ Ярославичь въ Твери; слѣдуя той же естественной привязанности къ родинѣ, Іоаннъ Даніиловичь не хотѣлъ выѣхать изъ Москвы, гдѣ находилась уже и каѳедра Митрополіи[258]: ибо Святый Петръ, имѣвъ нѣсколько разъ случай быть въ семъ городѣ, полюбилъ его красивое мѣстоположеніе и добраго Князя, оставилъ знаменитую столицу Андрея Боголюбскаго, правимую тогда уже одними Намѣстниками Княжескими, и переселился къ Іоанну. «Если «ты» — говорилъ онъ Князю въ духѣ пророчества, какъ пишетъ Митрополитъ Кипріанъ въ житіи Св. Петра — «если ты «успокоишь мою старость, и воздвигнешь «здѣсь храмъ достойный Богоматери, то «будешь славнѣе всѣхъ иныхъ Князей, и «родъ твой возвеличится; кости мои оста- «нутся въ семъ градѣ; Святители захо- «тятъ обитать въ оном, *и руки его взы-* «*дутъ на плеща враговъ нашихъ*»[259]. Іоаннъ исполнилъ желаніе старца, и въ 1326 году, 4 Августа, заложилъ въ Москвѣ *на площади первую* церковь *каменную* во имя Успенія Богоматери, при великомъ стеченіи народа. Святый Митрополитъ, собственными руками построивъ себѣ каменный гробъ въ ея стѣнѣ, зимою преставился; надъ прахомъ его въ слѣдующемъ году освятилъ сію церковь Епископъ Ростовскій, и новый Митрополитъ, именемъ Ѳеогностъ, родомъ Грекъ, основалъ свою каѳедру также въ

Предсказаніе Митрополита.

Москвѣ, къ неудовольствію другихъ Князей: ибо они предвидѣли, что наслѣдники Іоанновы, имѣя у себя Главу Духовенства, захотятъ исключительно присвоить себѣ достоинство Великокняжеское. Такъ и случилось, ко счастію Россіи. Въ то время, когда она достигла вышней степени бѣдствія, видя лучшія свои области опустошенныя Литвою, всѣ другія истерзанныя Моголами, — въ то самое время началось ея государственное возрожденіе, и въ городкѣ, дотолѣ маловажномъ, созрѣла мысль благодѣтельнаго Единодержавія, открылась мужественная воля прервать цѣпи Ханскія, изготовились средства независимости и величія государственнаго. Новгородъ знаменитъ былъ-шею въ немъ колыбелію Монархіи, Кіевъ купѣлію Христіанства для Россіянъ; но въ Москвѣ спаслися отечество и Вѣра. — Сіе время великихъ подвиговъ и славныхъ усилій еще далеко. Обратимся къ происшествіямъ.

Первымъ дѣломъ Великаго Князя было ѣхать въ Орду вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ Александра Тверскаго, Константиномъ Михайловичемъ, и съ чиновниками Новогородскими. Узбекъ призналъ Константина Тверскимъ Княземъ; изъявилъ милость Іоанну: но отпуская ихъ, требовалъ, чтобы они представили ему Александра. Въ слѣдствіе того Послы Великаго Князя и Новогородскіе, Архіепископъ Моисей и Ты-

Милость Хана къ Іоанну.

сячскій Аврамъ, прибывъ во Псковъ, именемъ отечества убѣждали Александра явиться на судъ къ Хану, и тѣмъ укротить его гнѣвъ, страшный для всѣхъ Россіянъ. «И такъ вмѣсто защиты» — отвѣтствовалъ Князь Тверскій — «я нахожу въ васъ «гонителей! Христіане помогаютъ невѣрнымъ, служатъ имъ и предаютъ своихъ «братьевъ! Жизнь суетная и горестная «не прельщаетъ меня: я готовъ жертвовать собою для общаго спокойствія»[260]. Но добрые Псковитяне, умиленные его несчастнымъ состояніемъ, сказали ему единодушно: «Останься съ нами: клянемся, что «тебя не выдадимъ; по крайней мѣрѣ «умремъ съ тобою.» Они велѣли Посламъ удалиться, и вооружились. Такъ народъ дѣйствуетъ иногда по внушенію чувствительности, забывая свою пользу, и стремится на опасность, плѣненный славою великодушія. Чѣмъ рѣже бываютъ сіи случаи, тѣмъ они достопамятнѣе въ лѣтописяхъ. Раздѣляя съ Новымгородомъ выгоды Нѣмецкой торговли, Псковитяне славились въ сіе время и богатствомъ и воинственнымъ духомъ. Подъ защитою высокихъ стѣнъ они готовились къ мужественной оборонѣ, и построили еще новую каменную крѣпость въ Изборскѣ, на горѣ Жеравѣ[261]. Великодушіе Псковитянъ.

Іоаннъ, боясь казаться Хану ослушникомъ или нерадивымъ исполнителемъ его воли, пріѣхалъ въ Новгородъ съ Митрополитомъ Г. 1529

и многими Князьями Россійскими, въ числѣ коихъ находились и братья Александровы, Конспантинъ и Василій, также Князь Суздальскій, Александръ Васильевичь. Ни угрозы, ни воинскія пригоповленія Іоанновы не могли поколебать пвердости Псковитянъ: въ надеждѣ, что они одумаются, Великій Князь шелъ медленно къ ихъ границамъ, и чрезъ три недѣли расположился станомъ близъ Опоки[262]; но видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнулъ къ иному способу, необыкновенному въ древней Россіи: склонилъ Митрополита наложить прокляпіе на Александра и на всѣхъ жителей Пскова, если они не покоряпся. Сія духовная казнь, соединенная съ отлученіемъ отъ Церкви, устрашила народъ. Однакожь граждане все еще не хотѣли предать несчастнаго сына Михаилова. Самъ Александръ великодушно отказался отъ ихъ помощи. «Да не будетъ прокляпія на моихъ дру-«зьяхъ и братьяхъ ради меня!» сказалъ онъ имъ со слезами: «иду изъ вашего града, «освобождая васъ отъ данной мнѣ клятвы.» Александръ уѣхалъ въ Липву, поручивъ имъ свою печальную юную супругу. Горесть была общая: ибо они искренно любили его. Посадникъ ихъ, именемъ Солога, объявилъ Іоанну, что изгнанникъ удалился. Великій Князь былъ доволенъ, и Митрополитъ, разрѣшивъ Псковитянъ, далъ имъ благословеніе. Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ

казался только невольнымъ орудіемъ Ханскаго гнѣва, но добрые Россіяне не хвалили его за то, что онъ, въ угодность невѣрнымъ, гналъ своего родственника и заставилъ Ѳеогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ Христіанъ, коихъ вина состояла въ великодушіи. — Новогородцы также не охотно участвовали въ семъ походѣ, и спѣшили домой, чтобы смирить Нѣмцевъ и Князей Устюжскихъ: первые убили въ Дерптѣ ихъ Посла, а вторые купцевъ и промышленниковъ на пути въ землю Югорскую. Лѣтописцы не говорятъ, какимъ образомъ Новогородское Правительство отмстило за то и другое оскорбленіе.

Страхъ, наведенный Іоанномъ на Псковъ, не имѣлъ желаемаго дѣйствія: ибо Александръ, принятый дружелюбно Гедиминомъ Литовскимъ, обнадеженный имъ въ защитѣ и влекомый сердцемъ къ добрымъ Псковитянамъ, чрезъ 18 мѣсяцевъ возвратился[263]. Они приняли его съ радостію и назвали своимъ Княземъ; но есть опасложились опъ Новагорода, и выбравъ даже особеннаго для себя Епископа, именемъ Арсенія, послали его справиться къ Митрополиту, бывшему погда въ Волыніи. Александръ Михайловичь и самъ Гедиминъ убѣждали Ѳеогноста исполнить волю Псковитянъ; однакожь Митрополитъ съ твердостію отказалъ имъ, и въ то же время — г. 1330 — 32.

Особенный Епископъ во Псковѣ.

съ Епископами Полоцкимъ, Владимірскимъ, Галицкимъ, Перемышльскимъ, Хелмскимъ — посвяпилъ Архіепископа Василія, избранна-го Новогородцами, коего Епархія, согласно съ древнимъ обыкновеніемъ, долженспвовала заключапь въ себѣ и Псковскую область. Гедиминъ сперпѣлъ сіе непослушаніе опъ Мипрополипа, уважая въ немъ Главу Духовенспва, но хопѣлъ перехвапипь Архіепископа Василія и Бояръ Новогородскихъ на ихъ возвращномъ пупи изъ Волыніи, пакъ, чпо они едва могли спаспися, избравъ иную дорогу, и принуждены были опкупиться опъ Кіевскаго неизвѣспнаго намъ Князя Ѳеодора, копорый гнался за ними до Черниго-ва съ Тапарскимъ Баскакомъ.

Происшествія Новогородскія.

Между пѣмъ какъ Іоаннъ, часпыми пупешесптвіями въ Орду доказывая свою преданноспь Хану, упверждалъ спокойспвіе въ областяхъ Великаго Княженія, Новгородъ былъ въ непресланномъ движеніи опъ внупреннихъ раздоровъ, или опъ внѣшнихъ непріятелей, или ссорясь и мирясь съ Великимъ Княземъ[264]. Зная, чпо Новогородцы, шоргуя на границахъ Сибири, доспавали много серебра изъ-за Камы, Іоаннъ пребовалъ онаго для себя, и получивъ опказъ, вооружился, собралъ всѣхъ Князей Низовскихъ, Рязанскихъ; занялъ Бѣжецкъ, Торжекъ, и разорялъ окреспносши. Тщепно Новогородцы звали его къ себѣ, чпобы дружелюбно прекрапипь взаимное неудоволь-

Закамское серебро.

Г. 1333.

спвіе: онъ не хотѣлъ слушать Пословъ, и самъ Архіепископъ Василій, ѣздивъ къ нему въ Переславль, не могъ его умилоспивить. Новогородцы давали Великому Князю 500 рублей серебра, съ условіемъ, чпобы онъ возвратилъ села и деревни, беззаконно имъ пріобрѣтенныя въ ихъ областпи; но Іоаннъ не согласился, и въ гнѣвѣ уѣхалъ погда къ Хану.

Сія опасность заспавила Новогородцевъ примиришься съ Княземъ Александромъ Михайловичемъ. Уже семь лѣтъ Псковитяне не видали у себя Архипастыря: Свяшитель Василій, забывъ ихъ спроптивость, пріѣхалъ къ нимъ съ своимъ Клиросомъ, благословилъ народъ, чиновниковъ, и крестилъ сына у Князя. Желая имѣть еще надежнѣйшую опору, Новогородцы подружились съ Гедиминомъ, не смотря на то, чпо онъ въ сіе же время вступилъ въ родственный союзъ съ Іоанномъ Даніиловичемъ, выдавъ за его сына, юнаго Симеона[265], дочь или внуку свою Августу (названную въ крещеніи Анастасіею). Еще въ 1331 году (какъ разсказываетъ одинъ Лѣтописецъ) Гедиминъ, остановивъ Архіепископа Василія и Бояръ Новогородскихъ, ѣхавшихъ въ Волынію, принудилъ ихъ дать ему слово, чпо они уступятъ Нариманту, его сыну, Ладогу съ другими мѣстами въ вѣчное и потомственное владѣніе[266]. Обстоятельство весьма сомнительное: въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ

ибпъ онаго; и могло ли обѣщаніе, вынужденное насиліемъ, быпь дѣйспвипельнымъ обязапельспвомъ? Гораздо вѣрояпнѣе, чпо Гедиминъ единспвенно изъявилъ Новогородцамъ желаніе видѣпь Нариманпа ихъ Удѣльнымъ Княземъ, обѣщая имъ защипу или они сами вздумали шакимъ образомъ пріобрѣспи оную, опасаясь Іоанна сполько же, сколько и внѣшнихъ враговъ: Полипика не весьма согласная съ общимъ благомъ Государспва Россійскаго; но забопясь исключипельно о собспвенныхъ выгодахъ — думая, можепъ быпь, и по, чпо Россія, испёрзанная Моголами, спѣсняемая Липвою, должна скоро погибнупь, Новогородцы искали способовъ устоять въ ея паденіи съ своею гражданскою вольностію и часпнымъ избыпкомъ. Какъ бы по ни было, Нариманпъ, доподѣ язычникъ, извѣспилъ Новогородцевъ, чпо онъ уже Христіанинъ и желаепъ *поклониться Святой Софіи*. Народное Вѣче опправило за нимъ Пословъ, и взявъ съ него кляпву быпь вѣрнымъ Новугороду, опдало ему Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ, всю землю Корельскую и половину Копорья *съ отчизну* и *въ дѣдину*, съ правомъ наслѣдспвеннымъ для его сыновей и внуковъ[267]. Сіе право сосшояло въ судебной и воинской власпи, соединенной съ нѣкопорыми опредѣленными доходами.

Политика Новагорода.

г. 1334. Однакожъ Новогородцы все еще спарались упишипь гнѣвъ Великаго Князя, и

наконецъ въ томъ успѣли посредствомъ, кажется, Митрополита Ѳеогноста, съ коимъ дѣятельный Архіепископъ Василій имѣлъ свиданіе въ Владимірѣ[263]. Іоаннъ, возвратясь изъ Орды въ Москву, выслушалъ милостиво ихъ Пословъ, и самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Всѣ неудовольствія были преданы забвенію. Въ знакъ благоволенія за оказанную ему почесть и привѣтливость жителей, умѣвшихъ иногда ласкать Князя, Г. 1335.
Іоаннъ позвалъ въ Москву Архіепископа и главныхъ ихъ чиновниковъ, чтобы за роскошное угощеніе отплатить имъ такимъ же. Въ сихъ взаимныхъ изъявленіяхъ доброжелательства онъ согласился съ Новогородцами вторично изгнать Александра Михайловича изъ Россіи и смирить Псковитянъ, исполняя волю Татаръ или слѣдуя движенію личной на него злобы. Условились въ мѣрахъ, но отложили походъ до инаго времени.

Спокойные съ одной стороны; Новогородцы искали враговъ въ сѣнахъ своихъ. Еще и прежде, смѣняя Посадника, народъ ограбилъ домы и села нѣкоторыхъ Бояръ: въ семъ году рѣка Волховъ была какъ бы границею между двумя непріятельскими станами. Несогласіе въ дѣлахъ внутренняго правленія, основаннаго на опредѣленіяхъ Вѣча или на общей волѣ гражданъ, естественнымъ образомъ раждало сіи частые мятежи, бывающіе главнымъ зломъ свобо-

ды, всегда безпокойной и всегда любезной народу. Половина жителей возспала на другую; мечи и копья сверкали на обоихъ берегахъ Волхова. Къ счастію, угрозы не имѣли слѣдствія кровопролитнаго, и зрѣлище ужаса скоро обратилось въ картину трогательной братской любви. Примиренные ревностію благоразумныхъ посредниковъ, граждане дружески обнялися на мосту, и скромный Лѣтописецъ, умалчивая о винѣ сего междоусобія, говоритъ только, что оно было доказательствомъ и гнѣва и милосердія Небеснаго, ибо прекратилось столь счастливо — хотя и не на-долго. Чрезъ нѣсколько времени опять упоминается въ Новогородской лѣтописи о возмущеніи, въ коемъ пострадалъ одинъ Архимандритъ, за-
Г. 1337. пертый и спрегомый народомъ въ церкви какъ въ темницѣ.

Согласіе съ Великимъ Княземъ было вторично нарушено походомъ его войска въ Двинскую область[269]. Испощая казну свою частыми путешествіями въ корыстолюбивую Орду, и видя, что Новогородцы не расположены добровольно подѣлиться съ нимъ сокровищами Сибирской торговли, онъ хотѣлъ вооруженною рукою перехватить оныя. Полки Іоанновы шли зимою: изнуренные трудностями пути и встрѣченные сильнымъ отпоромъ Двинскихъ чиновниковъ, они не имѣли успѣха, и возвратились, потерявъ множество людей. Сіе непріятельское дѣй-

ствіе заставило Новогородцевъ опять искать дружбы Псковитянъ чрезъ ихъ общаго духовнаго Пастыря: Архіепископъ Василій отправился во Псковъ; но жители, считая Новогородцевъ своими врагами, уже не хотѣли союза съ ними: приняли Владыку холодно и не дали ему обыкновенной такъ называемой судной *пошлины* или десятой части изъ судебныхъ казенныхъ доходовъ. Напрасно Василій грозилъ чиновникамъ именемъ Церкви, и слѣдуя примѣру Митрополита Θеогноста, объявилъ проклятіе всему ихъ городу. Псковитяне на сей разъ выслушали оное спокойно, и разгнѣванный Архіепископъ уѣхалъ, видя, что они не вѣрятъ дѣйствію клятвы, внушенной ему корыстолюбіемъ или Политикою, и несогласной съ духомъ Христіанства.

Впрочемъ Великій Князь, испытавъ неудачу, оставилъ Новогородцевъ въ покоѣ, встревоженный перемѣною въ судьбѣ Александра Михайловича. Живъ около десяти лѣтъ во Псковѣ, Александръ непрестанно помышлялъ о своей отчизнѣ и средствахъ возвратиться съ безопасностію въ ея нѣдра. «Если умру въ изгнаніи» — говорилъ онъ друзьямъ — «то и дѣти мои останутся безъ наслѣдія.» Псковитяне любили его, но сила не соотвѣтствовала ихъ усердію: онъ предвидѣлъ, что Новогородцы не откажутся отъ древней власти надъ ними, воспользуются первымъ случаемъ смирить

сихъ ослушниковъ, выгоняпъ его или оспавяпъ шамъ изъ милоспи своимъ Намѣспникомъ. Покровипельсшво Гедимина не могло возвращишь ему Тверскаго прешола: ибо сей Липовскій Князь избѣгалъ войны съ Хаиомъ. Александръ могъ бы обращиться къ Великому Князю[270]; но будучи имъ издавна ненавидимъ, надѣялся скорѣе умилосшивишь грознаго Узбека, и послалъ къ пему юнаго сына своего, Ѳеодора, который (въ 1336 году) благополучно возвращился въ Россію съ Посломъ Могольскимъ. Привезенныя вѣсши были шаковы, чшо Александръ рѣшился самъ ѣхашь въ Орду, и взявъ заочно благословеніе опъ Мишрополиша Ѳеогноспа, опправился шуда съ Боярами. Его немедленно предсшавили Узбеку. «Царь вер-
«ховный!» сказалъ онъ Хану съ видомъ покорносши, но безъ робосши и малодушія:
«я заслужилъ гнѣвъ швой, и вручаю шебѣ
Ханъ прощаетъ Александра.
«мою судьбу. Дѣйсшвуй по внушенію Неба
«и собсшвеннаго сердца. Милуй или казни:
«въ первомъ случаѣ прославлю Бога и швою
«милосшь. Хочешь ли головы моей? она
«предъ шобою.» Свирѣпый Ханъ смягчился, взглянулъ на него милосшиво и съ удовольсшвіемъ объявилъ Вельможамъ своимъ, чшо «Князь Александръ смиренною мудросшію «избавляешъ себя опъ казни.» Узбекъ, осыпавъ его знаками благоволенія, возвращилъ ему досшоинсшво Князя Тверскаго.

Александръ съ восхищеніемъ прибылъ въ

свою отечественную столицу, гдѣ братья и народъ встрѣтили его съ такою же искреннею радостію. Тверь, въ 1327 году опустошенная Моголами, уже возникла изъ своего пепла трудами и попеченіемъ Константина Михайловича; разсѣянные жители собрались, и церкви, вновь украшенныя ихъ ревностію къ святынѣ, сіяли въ прежнемъ велелѣпіи. Добрый Константинъ, возстановитель сего Княженія[271], охотно сдалъ правленіе старшему брату, коего безразсудная пылкость была виною столь великаго несчастія, и желалъ, чтобы онъ превосходствомъ опытнаго ума своего возвратилъ ихъ отчизнѣ знаменитость и силу, пріобрѣтенныя во дни Михаиловы. Александръ призвалъ супругу и дѣтей изъ Пскова, велѣвъ объявить его добрымъ гражданамъ вѣчную благодарность за ихъ любовь, и надѣялся жить единственно для счастія подданныхъ. Но судьба готовила ему иную долю. Г. 1338.

Благоразумный Іоаннъ — видя, что всѣ бѣдствія Россіи произошли отъ несогласія и слабости Князей — съ самаго восшествія на престолъ старался присвоить себѣ верховную власть надъ Князьями древнихъ Удѣловъ Владимірскихъ, и дѣйствительно въ томъ успѣлъ, особенно по кончинѣ Александра Васильевича Суздальскаго, который, будучи внукомъ старшаго сына Ярославова, имѣлъ законное право на достоинство

Великокняжеское, и хотя уступилъ оное Іоанну, однакожь, господствуя въ своей частной области, управлялъ и Владиміромъ[272]: такъ говоритъ одинъ Лѣтописецъ, сказывая, что сей Князь перевезъ-было оттуда и древній Вѣчевый колоколъ Успенской Соборной церкви въ Суздаль, но возвратилъ оный, устрашенный его глухимъ звукомъ.

Іоаннъ повелѣваетъ Князьями.

Когдажь Александръ (въ 1333 году) преставился бездѣтнымъ, Іоаннъ не далъ Владиміра его меньшему брату, Константину Васильевичу, и пользуясь благосклонностію Хана, началъ смѣлѣе повелѣвать Князьями; выдалъ дочь свою за Василія Давидовича Ярославскаго, другую за Константина Васильевича Ростовскаго, и дѣйствуя какъ Глава Россіи, предписывалъ имъ законы въ собственныхъ ихъ областяхъ. Такъ Московскій Бояринъ или Воевода, именемъ Василій Кочева, уполномоченный Іоанномъ, жилъ въ Ростовѣ и казался истиннымъ Государемъ: свергнулъ тамошняго Градоначальника, старѣйшаго Боярина Аверкія; вмѣшивался въ суды, въ расправу; отнималъ и давалъ имѣніе[273]. Народъ жаловался, говоря, что слава Ростова исчезла; что Князья его лишились власти, и что Москва царствуетъ! Самые Владѣтели Рязанскіе долженствовали слѣдовать за Іоанномъ въ походахъ; а Тверь, лежа въ развалинахъ и сиротствуя безъ Александра Михайловича, уже не смѣла помышлять о независимости.

Но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро сей Князь возвратился, бодрый, дѣятельный, честолюбивый. Бывъ нѣкогда самъ на престолѣ Великокняжескомъ, могъ ли онъ спокойно видѣть на ономъ врага своего? могъ ли не думать о мести, снова увѣренный въ милости Ханской? Владѣтели Удѣльные хотя и повиновались Іоанну, но съ неудовольствіемъ, и рады были взять сторону Тверскаго Князя, чтобы ослабить страшное для нихъ могущество перваго: такъ и поступилъ Василій Ярославскій, начавъ изъявлять недоброжелательство тестю и заключивъ союзъ съ Александромъ. Боясь утратить первенство, и лестное для властолюбія, и нужное для спокойствія Государства, Іоаннъ рѣшился низвергнуть опаснаго совмѣстника.

Въ сіе время многіе Бояре Тверскіе, недовольные своимъ Государемъ, переѣхали въ Москву съ семействами и слугами: что было тогда не безчестною измѣною, но дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Произвольно вступая въ службу Князя Великаго или Удѣльнаго, Боярин всегда могъ оставить оную, возвративъ ему земли и села, отъ него полученныя[274]. Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые Вельможи завидовали: на примѣръ, мы знаемъ, что къ нему выѣхалъ изъ Курляндіи во Псковъ какой-то знамени-

тый Нѣмецъ, именемъ Доль, и сдѣлался первостепеннымъ чиновникомъ Двора его. Сіе могло быть доспаточнымъ побужденіемъ для Тверскихъ Бояръ искать службы въ Москвѣ, гдѣ они безъ сомнѣнія не спарались успокоить Великаго Князя въ разсужденіи мнимыхъ или дѣйспвипельныхъ замысловъ несчаспнаго Александра Михайловича.

Іоаннъ не хопѣлъ прибѣгнупь къ оружію, ибо имѣлъ иное безопаснѣйшее средспво погубить Тверскаго Князя: опправивъ юнаго сына, Андрея, къ Новогородцамъ, чпобы прекрапить раздоръ съ ними, онъ спѣшилъ въ Орду и взялъ съ собою двухъ спаршихъ
Г. сыновей, Симеона и Іоанна; предспавилъ
1339. ихъ величавому Узбеку какъ будущихъ надежныхъ, ревноспныхъ слугъ его рода, искуснымъ образомъ льспилъ ему, сыпалъ дары, и совершенно овладѣвъ довѣренноспію Хана, могъ уже смѣло приспупить къ главному дѣлу, по есть, къ очерненію Тверскаго Князя. Нѣпъ сомнѣнія, чпо Іоаннъ описалъ его закоснѣлымъ врагомъ Моголовъ, гоповымъ возмупить пропивъ нихъ всю Россію и новыми непріяпельскими дѣйспвіями изумить легковѣрное милосердіе Узбе-
ково[278]. Царь, успрашенный опасноспію, послалъ звать въ Орду Александра, Василія Ярославскаго и другихъ Князей Удѣльныхъ, коварно обѣщая каждому изъ нихъ, и въ особенноспи первому, опимѣнные знаки ми-

лости. Іоаннъ же, чтобы оптвести отъ себя подозрѣніе, немедленно возвратился въ Москву ожидать слѣдствій.

Несчастіе Александра.

Хотя Посолъ Татарскій всячески увѣрялъ Александра въ благосклонномъ къ нему расположеніи Узбековомъ, однакожь сей Князь, опасаясь злыхъ внушеній Іоанновыхъ въ Ордѣ, послалъ туда напередъ сына своего, Ѳеодора, чтобы узнать мысли Хана; но получивъ вторичный зовъ, долженъ былъ немедленно повиноваться[276]. Мать, братья, Вельможи, граждане трепетали, воспоминая участь Михаилову и Димитріеву. Казалось, что самая Природа остерегала несчастнаго Князя: въ то время, какъ онъ сѣлъ въ ладію, зашумѣлъ противный вѣтеръ, и гребцы едва могли одолѣть стремленіе волнъ, которыя несли оную назадъ къ берегу. Сей случай казался народу бѣдственнымъ предзнаменованіемъ. Василій Михайловичь проводилъ брата за нѣсколько верстъ отъ города; а Константинъ лежалъ тогда въ тяжкой болѣзни: чувствительный Александръ всего болѣе жалѣлъ о томъ, что не могъ дождаться его выздоровленія. — Вмѣстѣ съ Тверскимъ Княземъ поѣхали въ Орду Романъ Михайловичь Бѣлозерскій[277] и двоюродный его братъ, Василій Давыдовичь Ярославскій. Ненавидя послѣдняго, и зная, что онъ будетъ защищать Александра передъ Ханомъ, Великій Князь тайно отправилъ 500 воиновъ схва-

пипъ его на пупи; но Василій опразилъ ихъ, и ѣхалъ въ Орду съ намѣреніемъ жаловаться Узбеку на Іоанна, своего шесшя.

Юный Ѳеодоръ Александровичь, вспрѣпивъ родишеля въ Улусахъ, со слезами извѣсшилъ его о гнѣвѣ Хана. «Да будешъ волля Божія!» сказалъ Александръ, и понесъ богашые дары Узбеку и всему его Двору. Ихъ приняли съ мрачнымъ безмолвіемъ. Прошелъ мѣсяцъ: Александръ молился Богу и ждалъ суда. Нѣкопорые Вельможи Тапарскіе и Царица вспупались за сего Князя; но прибышіе въ Орду сыновей Іоанновыхъ рѣшило дѣло: Узбекъ, подвигнупый ими или друзьями хипраго ихъ опца, безъ всякихъ изслѣдованій объявилъ, чпо мяпежный, неблагодарный Князь Тверскій долженъ умерепь. Еще Александръ надѣялся: ждалъ вѣспей опъ Царицы, и сѣвъ на коня, спѣшилъ видѣпь своихъ доброжелашелей; узнавъ же, чпо казнь его неминуема, возвращился домой, вмѣспѣ съ сыномъ причаспился Свяпыхъ Таинъ, обнялъ вѣрныхъ слугъ и бодро вышелъ на вспрѣчу къ убійцамъ, копорые, опрубивъ голову ему и юному Ѳеодору, *розняли ихъ по составимъ*[278]! Сіи исперзанные осшапки несчаспныхъ Князей были привезены въ Россію, оппѣпы въ Владимірѣ Мипрополипомъ Ѳеогносшомъ и преданы землѣ въ Тверской Соборной церкви, подлѣ Михаила и Димипрія: чепыре жерпвы Узбекова ширанспва, опла-

Октября 28.

канныя современниками и оnмщенныя поnомсnвомъ! Никnо изъ Хановъ не умерnивилъ сnолько Россiйскихъ Владѣnелей, какъ сей: въ 1330 году онъ казнилъ еще Князя Сnародубскаго, Θеодора Михайловича, думая, чnо сiи сnрашныя дѣйсnвiя гнѣва Царскаго уnвердятъ господсnво Моголовъ надъ Россiею. Оказалось слѣдсnвiе nропивное, и не Ханъ, но Великiй Князь воспользовался бѣдсnвенною кончиною Александра, присвоивъ себѣ верховную власnь надъ Тверскимъ Княженiемъ: ибо Конснанnинъ и Василiй Михайловичи уже не дерзали ни въ чемъ оѕлушаnься Iоанна, и какъ бы въ знакъ своей зависимосnи должны были оnослаnь въ Москву вещь по тогдашнему времени важную: Соборный колоколъ оnмѣнной величины, коимъ славились Тверnяне[279]. Узбекъ не зналъ, чnо слабосnь нашего оnечесnва происходила оnъ раздѣленiя силъ онаго, и чnо способсnвуя Единовласniю Князя Московскаго, онъ гоnовилъ свободу Россiи и паденiе Царсnва Капчакскаго.

Новогородцы, сnоль безжалосnно оnвергнувъ Александра въ несчасniи, и способсnвовавъ его изгнанiю, тужили о погибели сего Князя: ибо предвидѣли, чnо Iоаннъ, не имѣя опаснаго соперника, будеnъ менѣе уважаnь ихъ вольносnь. Между nѣмъ они сnарались обезпечиnь себя со сnороны внѣшнихъ непрiяnелей. Миръ, въ 1323 году заключенный со Шведами, продолжался око-

лю пятнадцати лѣтъ. Король Магнусъ, владѣя тогда Норвегіею, распространилъ его и на сію землю, не рѣдко превожимую Новогородцами, которые издавна господствовали въ восточной Лапландіи. Такъ они, по лѣтописямъ Норвежскимъ, въ 1316 и 1323 году опустошили предѣлы Дронтгеймской области, и Папа, Іоаннъ XXII, уступилъ Магнусу часть церковныхъ доходовъ, чтобы онъ могъ взять дѣйствительнѣйшія мѣры для защиты своихъ границъ сѣверныхъ отъ Россіянъ[280]. Вельможа сего Короля, именемъ Гаквинъ, въ 1326 году, Іюня 3, подписалъ въ Новѣгородѣ особенный мирный договоръ, по коему Россіяне и Норвежцы на десять лѣтъ обѣщались не безпокоить другъ друга набѣгами, возстановить древній рубежъ между обоюдными владѣніями, забыть прежнія обиды и взаимно покровительствовать людей торговыхъ[281]. Но въ 1337 году Шведы нарушили миръ: дали убѣжище въ Выборгѣ мятежнымъ Россійскимъ Кореламъ; помогли имъ умертвить купцевъ Ладожскихъ, Новогородскихъ и многихъ Христіанъ Греческой Вѣры, бывшихъ въ Кореліи; грабили на берегахъ Онежскихъ, сожгли предмѣстіе Ладоги и хотѣли взять Копорье. Въ сей опасности Новогородцы увидѣли худое къ нимъ усердіе Нариманта и безполезность оказанной ему чести: еще и прежде (въ 1335 году) — не смотря на его княженіе въ ихъ области и на род-

Миръ съ Норвегіею.

Непріязнь Шведовъ.

спвенный союзъ Іоанновъ съ Гедиминомъ — шайки Липовскихъ разбойниковъ злодѣйспвовали въ иредѣлахъ Торжка: за чпо Великій Князь приказалъ своимъ Воеводамъ сжечь въ сосѣдспвенной Липвѣ нѣсколько городовъ: Рясну, Осѣченъ, и другіе, принадлежавшіе нѣкогда къ Полоцкому Княженію[282]. Хотя сіи непріятельскія дѣйспвія пѣмъ и кончились, однакожь доказывали, чпо дружба Гедимина съ Россіянами была полько мнимая. Когда же Новогородцы, встревоженные нечаянною ратію Шведскою, попребовали Наримапта (бывшаго погда въ Липвѣ) предводипельспвовапь ихъ войскомъ, онъ не хопѣлъ ѣхапь къ нимъ и даже вывелъ сына своего, именемъ Александра, изъ Орѣхова, оспавивъ памъ одного Намѣспника. Но Шведы имѣли болѣе дерзоспи, нежели силы: гордо опвергнувъ благоразумныя предложенія Новогородскаго Посадника Ѳеодора, ушли опъ Копорья и не могли защипипь самыхъ окресппноспей Выборга, гдѣ Россіяне испребили все огнемъ и мечемъ. Скоро начальникъ сей крѣпосши далъ знапь Новогородцамъ, чпо предмѣспникъ его самъ собою началъ войну, и чпо Король желаепъ мира. Написали договоръ, согласный съ Орѣховскимъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ кляпвенно упвержденный въ Лундѣ, гдѣ Послы Россійскіе нашли Магнуса. Они пребовали еще, чпобы Шведы выдали имъ всѣхъ бѣглыхъ Кореловъ; но Ма- Раз-бои Ли-шов-скіе.

гнусъ не согласился, опвѣщспвуя, чпо сіи люди уже приняли Вѣру Лапинскую, и чпо ихъ число весьма не велико. «Корелы» — сказалъ онъ — «бываюпъ обыкновенно ви-«ною раздоровъ между нами; и шакъ возь-«мемъ спрогія мѣры для опвращенія сего «зла: впредь казнипе безъ милоспи наших «бѣглецовъ; а мы будемъ казнипь вашихъ, «чпобы они своими злобными навѣпами не «мѣшали намъ жипь въ согласіи.»

Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ.

Окончавъ дѣло съ Шведами, Новогородцы опправили обыкновенную Ханскую дань къ Іоанну; но Великій Князь, не довольный ею, пребовалъ съ нихъ еще вдвое болѣе серебра, будпо бы для Узбека. Они ссылались на договорныя грамопы и на древнія Ярославовы, по коимъ опечество ихъ было свободно опъ всякихъ чрезвычайныхъ налоговъ Княжескихъ. «Чего не бывало опъ начала «міра, пого и не будепъ,» опвѣпспвовалъ народъ Посламъ Московскимъ: «Князь, цѣло-«вавъ свяпый креспъ въ соблюденіи нашихъ «успановъ, долженъ исполнипь кляпву.» Прошло нѣсколько времени: Великій Князь ждалъ вѣспей изъ Орды. Когда же Ханъ оппуспилъ его сыновей съ чеспію, и всѣхъ другихъ Князей съ грознымъ повелѣніемъ слушапься Московскаго: погда Іоаннъ объявилъ гнѣвъ Новугороду и вывелъ оппуда своихъ Намѣспниковъ, думая, подобно Андрею Боголюбскому, чпо время унизипь гордоспь сего величаваго народа и рѣшипь

вѣчную прю его вольности со властію Княжескою. Къ счастію Новогородцевъ, онъ долженъ былъ обратить силы свои къ иной цѣли.

Хотя мы не видимъ по лѣтописямъ, чтобы Князья Смоленскіе когда нибудь ѣздили въ Орду и платили ей дань: но сему причиною то, что повѣствователи нашихъ государственныхъ дѣяній, живъ въ другихъ областяхъ, вообще рѣдко упоминаютъ о Смоленскѣ и его происшествіяхъ. Возможно ли, чтобы Княженіе, сколь малосильное, одно въ Россіи спаслося отъ ига, когда и Новгородъ, еще отдаленнѣйшій, долженствовалъ повиноваться Царю Капчакскому? Въ Смоленскѣ господствовалъ тогда Іоаннъ Александровичь, внукъ Глѣбовъ, съ коимъ Димитрій, Князь Брянскій, въ 1334 году имѣлъ войну[283]. Татары помогали Димитрію; однакожь ни въ чемъ не успѣли, и Князья, проливъ много крови, заключили миръ. Вѣроятно, что Ханъ не участвовалъ въ предпріятіи Димитрія, и что сему послѣднему служила за деньги одна вольница Татарская; но Іоаннъ Александровичь ободрился счастливымъ опытомъ своего мужества, и вступивъ въ союзъ съ Гедиминомъ, захотѣлъ, кажется, совершенной независимости[284]. По крайней мѣрѣ Узбекъ объявилъ его мятежникомъ, отправилъ въ Россію Могольскаго Воеводу, именемъ Товлубія, и далъ повелѣніе всѣмъ нашимъ Князьямъ итти на Смоленскъ. Вла-

Г. 1340 дѣпель Рязанскій, Коропополъ, выспупилъ съ одной спороны, а съ другой сильная рапь Великокняжеская. Подъ знаменами Московскими шли Конспанпинъ Васильевичь Суздальскій, Конспанпинъ Росповскій, Іоаннъ Ярославичь Юрьевскій, Князь Іоаннъ Друцкій, выѣхавшій изъ Випебской области, и Ѳеодоръ Ѳоминскій, Князь Смоленскаго Удѣла [285]. Не имѣя особенной склонноспи къ воинскимъ дѣйспвіямъ, Іоаннъ Данііловичь оспался въ сполицѣ, и ввѣрилъ начальспво двумъ своимъ Воеводамъ. Казалось, чпо соединенные полки Моголовъ и Князей Россійскихъ должны были однимъ ударомъ сокрушипь Державу Смоленскую; но подспупивъ къ городу, они полько взглянули на спѣны, и не сдѣлавъ ничего, удалились! Вѣрояпно, чпо Россіяне не имѣли большаго усердія испреблять своихъ брапьевъ, и чпо Воевода Узбековъ, смягченный дарами Смолянъ, взялся умилоспивипь Хана.

Походъ къ Смосенску.

Симъ заключилось доспопамяпное правленіе Іоанна Данііловича: оспановленный въ важныхъ его намѣреніяхъ внезапнымъ недугомъ, онъ промѣнялъ Княжескую одежду на манпію Схимника и кончилъ жизнь въ лѣпахъ зрѣлаго мужеспва, указавъ наслѣдникамъ пупь къ Единовласпію и къ величію [286]. Но справедливо хваля Іоанна за сіе государспвенное благодѣяніе, проспимъ ли ему смерпь Александра Тверскаго, хопя она и могла упвердипь власпь Великокняжескую? Правила нравспвенноспи и добродѣпели свя-

Марша 31. Кончина и доспоинства Іоанновы.

пѣе всѣхъ иныхъ, и служапъ основаніемъ испинной Полипики. Судъ Испоріи, единспвенный для Государей — кромѣ суда Небеснаго — не извиняепъ и самаго счаспливаго злодѣйспва: ибо опъ человѣка зависипъ только дѣло, а слѣдспвіе опъ Бога.

Не смопря на коварспво, упопребленное Іоанномъ къ погибели опаснаго совмѣспника, Москвипяне славили его благоспь, и прощаясь съ нимъ во гробѣ, орошаемомъ слезами народными, единогласно дали ему имя *Собрателя земли Русской* и Государя-опца: ибо сей Князь не любилъ проливапь крови ихъ въ войнахъ безполезныхъ, освободилъ Великое Княженіе опъ грабипелей внѣшнихъ и внупреннихъ, возспановилъ безопасноспь собспвенноспи и личную, спрого казнилъ папей и былъ вообще правосуденъ[287]. Жипели другихъ обласпей Россійскихъ, опъ него независимыхъ, завидовали успройспву, пишинѣ Іоанновыхъ, будучи волнуемы злодѣйспвами малодушныхъ Князей или гражданъ своевольныхъ: пакъ въ Козельскѣ одинъ изъ попомковъ Михаила Черниговскаго, Князь Василій Панпелеймоновичь, умерпвилъ дядю роднаго, Андрея Мспиславича; пакъ Владѣпель Рязанскій, Коропополъ, возвращаясь изъ Орды передъ Смоленскимъ походомъ, схвапилъ на дорогѣ родспвенника своего, Александра Михайловича Пронскаго, ѣхавшаго къ Хану съ данію, ограбилъ его и лишилъ жизни въ нынѣшней Рязани; пакъ

Брянцы, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча, умертвили (въ 1340 году) Князя Глѣба Святославича, въ самый великій для Россіянъ праздникъ, въ день Св. Николая, не смотря на всѣ благоразумныя убѣжденія бывшаго тамъ Митрополита Ѳеогноста[288].

Прозваніе Калиты.

Отмѣнная набожность, усердіе къ строенію храмовъ и милосердіе къ нищимъ не менѣе иныхъ добродѣтелей помогли Іоанну въ снисканіи любви общей. Онъ всегда носилъ съ собою мѣшокъ или *калиту*, наполненную деньгами для бѣдныхъ: отъ чего и прозванъ *Калитою*[289]. Кромѣ Собора Успенскаго, имъ построены еще каменный Архангельскій (гдѣ стояла его гробница, и гдѣ съ того времени погребали всѣхъ Князей Московскихъ), церковь Іоанна Лѣствичника (на площади Кремлевской) и Св. Преображенія, древнѣйшая изъ существующихъ нынѣ и бывшая тогда Архимандритіею, которую основалъ еще отецъ Іоанновъ на берегу Москвы-рѣки при созданной имъ деревянной церкви Св. Даніила: Іоаннъ же перевелъ сію Обитель къ своему дворцу, любилъ болѣе всѣхъ иныхъ, обогатилъ доходами; кормилъ, одѣвалъ тамъ нищихъ, и въ ней постригся предъ кончиною. — Украшая столицу каменными храмами, онъ окружилъ ее (въ 1339 г.) дубовыми стѣнами, и возобновилъ сгорѣвшій въ его время *Кремникъ*, или Кремль, бывшій внутреннею крѣпостію или, по старинному именованію, *Дѣтинцемъ*[290]. Въ

Кремникъ.

княженіе Іоанна два раза горѣла Москва; были и другія несчастія: ужасное наводненіе опъ сильнаго дождя и голодъ, названный въ лѣтописяхъ *рослою рожью*. Но подданные, облагопворенные дѣятельнымъ, отеческимъ правленіемъ Калиты, не смѣли жаловаться на бѣдствія случайныя и славили его счастливое время.

Тишина Іоаннова княженія способствовала обогащенію Россіи сѣверной. Новгородъ, союзникъ Ганзы, отправлялъ въ Москву и въ другія области рабопу Нѣмецкихъ фабрикъ. Востокъ, Греція, Италія (чрезъ Кафу и нынѣшній Азовъ) присылали намъ свои товары. Уже купцы не боялись въ окрестностяхъ Владиміра или Ярославля встрѣтиться съ шайками Татарскихъ разбойниковъ: милостивыя грамоты Узбековы, данныя Великому Князю, служили щитомъ для путешественниковъ и жителей. Открылись новые способы мѣны, новыя торжища въ Россіи: такъ въ Ярославской области, на устьѣ Мологи, гдѣ существовалъ *Холопій городокъ*, съѣзжались купцы Нѣмецкіе, Греческіе, Италіянскіе, Персидскіе, и Казна въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ собирала множество пошлиннаго серебра, какъ увѣряетъ одинъ Писатель XVII вѣка[291]: безчисленныя суда покрывали Волгу, а шатры прекрасный, необозримый лугъ Моложскій, и народъ веселился въ семидесяти питейныхъ домахъ. Сія ярмонка слыла первою въ Россіи до самаго XVI столѣтія. Торгъ на Мологѣ.

Добрая слава Калиты привлекла къ нему людей знаменитыхъ: изъ Орды выѣхалъ въ Мурза Четъ. Москву Татарскій Мурза Чепъ, названный въ крещеніи Захаріею, отъ коего произошелъ Царь Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ; а изъ Кіева Вельможа Родіонъ Нестоpовичь, предокъ Квашниныхъ, который былъ вызванъ Іоанномъ еще во время Михаила Тверскаго и привелъ съ собою 1700 Опроковъ или Дѣтей Боярскихъ[292]. Лѣтописецъ разсказываетъ, что сей Родіонъ, возведенный Московскимъ Княземъ на первую степень Боярства, возбудилъ зависть во всѣхъ другихъ Вельможахъ; что одинъ изъ нихъ, Акинѳъ Гавриловичь, не хотѣвъ уступить ему старшинства, бѣжалъ къ Михаилу Тверскому, съ сыновьями своими, оставивъ въ *челядни*, или въ людской избѣ, новорожденнаго внука Михаила, прозваннаго *Челяднею*; что усердный Родіонъ спасъ Іоанна Даніиловича въ битвѣ съ Тверитянами подъ городомъ Переславлемъ, въ 1304 году, заѣдши имъ въ тылъ, и собственною рукою отрубивъ голову Акинѳу, привезъ оную на копьѣ къ Князю; что Іоаннъ наградилъ его половиною Волока, а Родіонъ отнялъ другую у Новогородцевъ, выгнавъ ихъ Намѣстника, и получилъ за то отъ Великаго Князя еще иную волость въ окрестностяхъ рѣки Восходни. Сіи обстоятельства прописаны также въ челобитной Квашнина, поданной Царю Іоанну Васильевичу на Бутурлиныхъ, потомковъ Боярина Акинѳа,

во время несчастныхъ споровъ о Боярскомъ старѣйшинствѣ.

Древняя Русская пословица: *близъ Царя, близъ смерти*, родилась, думаю, тогда, какъ наше отечество носило цѣпи Моголовъ. Князья ѣздили въ Орду какъ на страшный судъ: счастливъ, кто могъ возвратиться съ милостію Царскою или по крайней мѣрѣ съ головою! Такъ и Іоаннъ Даніиловичь, въ началѣ своего Великокняженія отправляясь къ Узбеку, написалъ завѣщаніе и распорядилъ наслѣдіе между тремя сыновьями и супругою, именемъ Еленою, которая пострижена Монахинею въ 1332 году[295]. Сія древнѣйшая изъ подлинныхъ духовныхъ грамотъ Княжескихъ, намъ извѣстныхъ, свидѣтельствуетъ, какіе города принадлежали тогда къ Московской области, и какъ велико было достояніе Князей. Послѣ обыкновенныхъ словъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго «Духа,» Іоаннъ говоритъ: «Не зная, что «Всевышній готовитъ мнѣ въ Ордѣ, куда «ѣду, оставляю сію *душевную* грамоту, на- «писанную мною добровольно, въ цѣломъ «умѣ и совершенномъ здравіи. Приказываю, «въ случаѣ смерти, сыновьямъ моимъ городъ «Москву; отдаю Симеону Можайскъ, Коло- «мну съ волостями, Ивану Звенигородъ и «Рузу; Андрею Лопастну, Серпуховъ, Пере- «мышль; Княгинѣ моей съ меньшими дѣть- «ми села, бывшія въ ея владѣніи» (слѣдуютъ имена ихъ)... «также оброкъ *городскихъ*

Завѣщаніе Вел. Князя.

«*волостей*; а купеческія пошлины, въ оныхъ «собираемыя, остаются доходомъ нашихъ «сыновей. Ежели Татары отнимутъ волость «или село у кого изъ васъ, любезныя дѣти, «то вы обязаны снова уравнять свои части «или Удѣлы. Люди *численные*« — то есть, вольные, окладные, платившіе дань государственную — «должны быть подъ общимъ «вашимъ вѣдѣніемъ; а въ раздѣлъ идутъ «единственно купленныя мною. Еще при жи- «зни далъ я сыну Симеону изъ золота че- «тыре цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо «съ жемчугомъ, и два ковша, а серебромъ «три блюда; Ивану изъ золота четыре цѣпи, «два пояса съ жемчугомъ и съ каменьями, «третій сердоликовый, два ковша, двѣ кру- «глыя чаши, а серебромъ три блюда; Ан- «дрею изъ золота четыре цѣпи, поясъ Фряж- «скій жемчужный, другой съ крюкомъ на «червленомъ шелку, третій Ханскій, два «ковша, двѣ чарки, а серебромъ три блюда. «Золото Княгинино отдалъ я дочери Фе- «тиньѣ: четырнадцать колецъ, новый сдѣ- «ланный мною складень, ожерелье матери ея, «*чело* и гривну; а мое собственное золото «и коробочку золотую отказываю Княгинѣ «своей съ меньшими дѣтьми. Изъ одеждъ «моихъ назначаю Симеону шубу червленую «съ жемчугомъ и шапку золотую, Ивану «желтую обьяринную шубу съ жемчугомъ «и мантію съ бармами, Андрею шубу собо- «лью съ наплечниками низанными жемчу-

«гомъ и порпище алое съ нашипыми бар-
«мами; а двѣ новыя шубы, низанныя жемчу-
«гомъ, меньшимъ дѣтямъ, *Марьѣ* и Ѳедосьѣ.
«Серебряные поясы и другія одежды мои
«раздашь Священникамъ, а 100 рублей оста-
«вленныхъ мною у Казначея, по церквамъ.
«Большое серебряное блюдо о четырехъ
«кольцахъ отошлашь въ Храмъ Владимірскія
«Богоматери. Прочее серебро и Княжескія
«спада — кромѣ двухъ, отданныхъ мною
«Симеону и Ивану — раздѣлишь моей су-
«пругѣ и дѣтямъ. Тебѣ, Симеонъ, какъ стар-
«шему, приказываю меньшихъ братьевъ и
«Княгиню съ дочерями: будь имъ по Богѣ
«главнымъ защитникомъ. — Грамоту писалъ
«Дьякъ Великокняжескій Костромa, при ду-
«ховныхъ отцахъ моихъ, Священникахъ Ефре-
«мѣ, Ѳеодосіи и Давидѣ; кто нарушитъ
«оную, тому Богъ судія.» — Къ грамотѣ
привѣшены двѣ печати: одна серебряная
вызолоченная съ изображеніемъ Спасителя и
Св. Іоанна Предтечи, и съ надписью: *печать Великаго Князя Ивана*; а другая свинцовая[294]. — Въ семъ завѣщаніи не сказано
ни слова о Владимірѣ, Костромѣ, Переславлѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достояніемъ Великокняжескаго сана: Іоаннъ, располагая только своею отчиною, не могъ ихъ
отказать сыновьямъ, ибо назначеніе его преемника зависѣло отъ Хана.

Исчисляя свои села, Великій Князь упоминаетъ о купленныхъ или вымѣненныхъ

имъ въ Новѣгородѣ, Владимірѣ, Костромѣ и Ростовѣ: такимъ образомъ онъ старался пріобрѣтать наслѣдственную собственность и внѣ Московской области, къ неудовольствію другихъ Князей и вопреки условію, заключенному съ Новогородцами. Но еще несравненно важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ были города Угличь, Бѣлозерскъ и Галичь, купленные Іоанномъ Даніиловичемъ[295]: первые два у потомковъ Константина I, а третій у наслѣдниковъ Константина Ярославича Галицкаго, какъ сказано въ одной изъ грамотъ Димитрія Донскаго: чему надлежало случиться не задолго до преставленія Калиты. Однакожь сіи Удѣлы до временъ Донскаго считались Великокняжескими, а не Московскими: потому не упоминаются объ нихъ въ завѣщаніяхъ сыновей Калитиныхъ.

Ярославская грамота.

Мы имѣемъ еще иную достопамятную грамоту временъ Іоанновыхъ, данную Василіемъ Давидовичемъ Ярославскимъ Архимандриту Спасской Обители[296]. Сей Князь пишетъ, что онъ, слѣдуя примѣру дѣда, Ѳеодора Чернаго, опредѣляетъ жалованье монастырскимъ людямъ, въ годъ по два рубли; освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ налоговъ, также отъ *ямa* или подводъ, отъ постоя и стражи; далѣе говоритъ: «Судіи мои, Наместники и Тіуны, да не шлютъ *дворянъ* своихъ за людьми Св. Спаса безъ вѣдома Игумена, который одинъ судитъ ихъ, или вмѣстѣ съ моимъ судіею, буде испещь или

«оптвѣтчикъ не есть человѣкъ монастыр-
«скій; въ послѣднемъ случаѣ часть денежной
«пени, налагаемой на виновнаго, идетъ въ
«казну Св. Спаса, а другая въ Княжескую.
«Жители *иныхъ* областей, перезванные Игу-
«меномъ въ его вѣдомство, считаются люд-
«ми монастырскими; но работники ихъ, при-
«писанные къ моимъ селеніямъ, остаются
«подъ судомъ Княжескимъ. Черноризцы и
«Крылошане Спасскіе, торгуя въ пользу свя-
«той Обители, увольняются отъ пошлинъ:
«что однакожъ не уничтожаетъ древняго
«устава о перевозахъ и бобровыхъ рѣкахъ.»
Сія харатейная грамота скрѣплена черною
восковою печатію, и свидѣтельствуетъ,
какими гражданскими выгодами пользовались
монастыри въ Россіи, согласно съ уваженіемъ
нашихъ добрыхъ предковъ къ иноческому
сану, и въ противность намѣренію, съ
коимъ были учреждены первыя Христіан-
скія Обители, основанныя единственно для
прудовъ душеспасительныхъ и чуждые міру.

Наконецъ, описавъ Княженіе Іоанново, дол-
жны мы въ послѣдній разъ упомянуть о
Галиціи, какъ о *Россійской* области. Внукъ Судь-
Юрія Львовича, Князь Георгій, скончался ба Га-
около 1336 года, не оставивъ дѣтей, и Ханъ лича.
прислалъ своихъ Намѣстниковъ въ Галицію;
но жители, по сказанію одного современнаго
Историка[297], тайно умертвили ихъ, и съ
дозволенія Ханскаго поддалися Болеславу,
сыну Тройдена, Князя Мазовскаго, и Маріи,

сестры Георгіевой, зятю Гедиминову, обязавъ его клятвою не отмѣнять ихъ установовъ, не касаться сокровищъ государственныхъ или церковныхъ, и во всѣхъ дѣлахъ важныхъ требовать согласія народнаго или Боярскаго: безъ чего городъ Львовъ — гдѣ находилось сильное войско, составленное отчасти изъ Моголовъ, Армянъ и другихъ иностранцевъ — не хотѣлъ покориться сему Князю. Но Болеславъ не сдержалъ слова. Воспитанный въ Греческомъ Исповѣданіи, онъ въ угодность Папѣ и Королю Польскому, своему родственнику, сдѣлался Католикомъ: ибо Вѣра нашего отечества, утѣсненнаго, разстерзаннаго, казалась ему уже несогласною съ мірскими выгодами. Сего мало: измѣнивъ православію, Болеславъ хотѣлъ обратить и подданныхъ въ Латинскую Вѣру; сверхъ того угнеталъ ихъ налогами, окружилъ себя Нѣмцами, Ляхами, Богемцами, и слѣдуя прихотямъ гнуснаго сластолюбія, отнималъ женъ у супруговъ, дочерей у родителей. Такія злодѣянія возмутили народъ, и Болеславъ умеръ скоропостижно, отравленный столь жестокимъ ядомъ, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, что тѣло его распалось на части. Казимиръ, своякъ Болеславовъ, умѣлъ воспользоваться симъ случаемъ и (въ 1340 году) завладѣлъ Галиціею, обѣщавъ жителямъ не тѣснить ихъ Вѣры. Львовъ, Перемышль, Галичь, Любачевъ, Санокъ, Теребовль, Кременецъ,

присягнули ему какъ законному Государю, и сокровища древнихъ Князей Галицкихъ — богатыя одежды, сѣдла, сосуды, два креспа золотые съ частію Животворящаго Древа и двѣ короны, осыпанные алмазами — были отвезены изо Львова въ Краковъ. Довольный симъ успѣхомъ, Король ограничилъ на время свое властолюбіе, и заключивъ мирный договоръ съ Литвою, уступилъ Кестутію, сыну Гедиминову, Брестъ, а Любарту, женатому на Княжнѣ Владимірской, Холмъ, Луцкъ и Владиміръ, какъ бы законное наслѣдство его супруги. Такъ рушилось совершенно знаменитое Княженіе или Королевство Данiилово, и древнее достояніе Россіи, пріобрѣтенное оружіемъ Св. Владиміра, долго называемое *городами Червенскими*, а послѣ *Галичемъ*, было раздѣлено между иноплеменниками.

ГЛАВА X.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СИМЕОНЪ ІОАННОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ ГОРДЫЙ.

Г. 1340 — 1353.

Корыстолюбіе Моголовъ. Твердость Симеона Гордаго. Свойства Ольгердовы. Сношенія Папы съ Ордою. Убіеніе Коротопола. Дѣла Псковскія и Новогородскія. Постыдное дѣло Новогородцевъ. Война съ Магнусомъ. Псковъ братъ Новагорода. Хитрость Ольгердова. Браки. Раздѣлъ Западной Россіи. Ссора Псковитянъ съ Литвою. Ольгердъ миротворецъ. Черная Смерть. Земный рай. Бѣлый Клобукъ. Кончина Симеона. Великій Князь *всея Руси*. Привидѣніе. Завѣщаніе. Св. Алексій. Ссоры Удѣльныхъ Князей. Обновленіе Мурома. Начало Троицкой Лавры. Художества въ Россіи.

Г. 1340. Маія 29. Смерть Іоаннова была важнымъ происшествіемъ для Князей Россійскихъ: они спѣшили къ Хану. Два Константина, Тверскій и Суздальскій, могли искать Великаго Княженія: другіе желали имъ успѣха, боясь исключительнаго первенства Московскихъ Владѣтелей. Но Симеонъ Іоанновичь (во время кончины родителя бывъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ) также поѣхалъ съ братьями въ Орду; представилъ Узбеку долговременную вѣрность отца своего, обѣщалъ заслужить милость Царскую, и былъ объявленъ Великимъ Княземъ: прочіе долженствовали ему повиноваться какъ Главѣ или Старѣйшему[298]. Безъ сомнѣнія не краснорѣчіе юнаго

Симеона и не дружба Ханова къ его родителю произвела сіе дѣйспвіе, но другая сильнѣйшая для варваровъ причина: корыспь и подкупъ. Моголы, нѣкогда ужасные своею дикостію въ снѣжныхъ спепяхъ Тапаріи, измѣнились харакперомъ на берегахъ Чернаго моря, Дона и Волги, узнавъ пріяшносши роскоши, досшавляемыя имъ поргов-лею образованной Европы и Азіи; уже менѣе любили опасносши бипвъ и пѣмъ болѣе удовольспвіе нѣги, соединенной съ грубою пышносшію: обольщались золопомъ какъ главнымъ средспвомъ наслажденія. Любимцы прежнихъ Хановъ искали завоеваній: любимцы Узбековы пребовали взяпокъ и продавали его милосши; а Князья Московскіе, умноживъ свои доходы пріобрѣпеніемъ новыхъ обласпей и новыми порговыми сборами, находили ревносшныхъ друзей въ Ордѣ, ибо могли удовлепворипь алчному корысполюбію ея Вельможъ, и называясь смиреннымъ именемъ слугъ Ханскихъ, сдѣлались могущесшвенными Государями. Корыспо-любіе Моголовъ.

Симеонъ, въ бодрой юносши досшигнувъ Великокняжескаго сана, умѣлъ пользоващься власпію, не усшупалъ въ благоразуміи опцу и слѣдовалъ его правиламъ: ласкалъ Хановъ до уничиженія, но спрого повелѣвалъ Князьями Россійскими и заслужилъ имя *Гордаго*. Торжесшвенно возсѣвъ на пресполъ въ Соборномъ храмѣ Владимірскомъ, онъ при гробѣ опца клялся брапьямъ жипь съ ними Твер досшь Симеона Гордаго. Октября 1.

въ любви, имѣпь всегда однихъ друзей и враговъ[299]; взялъ съ нихъ пакую же кляпву, и скоро имѣлъ случай доказапь пвердоспь своего правленія. Считая себя законнымъ Государемъ Новагорода, онъ послалъ Намѣспниковъ въ Торжекъ для собранія дани. Недовольные симъ дѣйспвіемъ самовласпія, памошніе Бояре призвали Новогородцевъ, которые, заключивъ Намѣспниковъ Княжескихъ въ цѣпи, объявили Симеону, чпо онъ полько Государь Московскій; чпо Новгородъ *избираетъ* Князей и не перпипъ насилія. Симеонъ, не споря съ ними о правахъ, гоповилъ войско. Новогородцы пакже вооружались; но чернь пребовала мира, а жипели Торжка взбунповались: выгнали опъ себя Новогородскихъ чиновниковъ и Бояръ своихъ, убивъ одного знапнѣйшаго и разломавъ домы прочихъ; освободили Намѣспниковъ Симеоновыхъ, и съ усердными восклицаніями приняли Великаго Князя, окруженнаго полками Московскими, Суздальскими, Ярославскими и другими[300]. Всѣ Удѣльныя Князья и Бояре ихъ сосшавляли его Дворъ воинскій. Тупъ же былъ и Мипрополипъ Ѳеогноспъ. Вспревоженные Новогородцы велѣли обласпнымъ жипелямъ ипти въ сполицу для ея защипы; послали Архіепископа съ Боярами въ Торжекъ пребовапь мира; успупили Симеону всю народную дань, собираемую въ обласпи сего пограничнаго города, или 1000 рублей серебра, и были довольны

пѣмъ, что Великій Князь, слѣдуя обыкновенію, грамотою обязался наблюдать ихъ древніе уставы.

Согласивъ честь Княжескую съ обычаемъ народа вольнаго, Симеонъ распустилъ войско, и вдругъ услышалъ, что Ольгердъ, сынъ Гедиминовъ, Князь Витебскій, осадилъ Можайскъ, съ намѣреніемъ завоевать его для Владѣтеля Смоленскаго, союзника Литвы[301]. Великій Князь не успѣлъ сразиться съ непріятелемъ: Ольгердъ выжегъ предмѣстіе; но видя крѣпость города и мужество защитниковъ, отступилъ, можетъ быть, и для того, что въ сіе время умеръ славный Гедиминъ, отказавъ каждому изъ семи сыновей особенный Удѣлъ. Ольгердъ, вторый сынъ, превосходилъ братьевъ умомъ и славолюбіемъ; велъ жизнь трезвую, дѣятельную; не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меду; не терпѣлъ шумныхъ пиршествъ, и когда другіе тратили время въ суетныхъ забавахъ, онъ совѣтовался съ Вельможами или съ самимъ собою о способахъ распространить власть свою. 1341. Свойства Ольгердовы.

Въ тотъ же годъ умеръ и знаменитый Ханъ Капчакскій Узбекъ, памятный въ нашей Исторіи разореніемъ Твери и бѣдствіями Михаилова рода, союзникъ и пріятель Папы Венедикта XII, который надѣялся склонить его къ Христіанству, и коему онъ дозволялъ утверждать Вѣру Латинскую въ странахъ Черноморскихъ, особенно Сношенія Папы съ Ордою.

въ землѣ Ясовъ, обращенныхъ Монахомъ Римскимъ Іоною Валентиномъ; жена Ханова и сынъ присылали дары Венедикту, и Генуэзцы, жители Кафы, ѣздили къ нему въ качествѣ Пословъ Татарскихъ[302]. Но Узбекъ не думалъ измѣнить Алкорану, терпя Христіанъ единственно какъ Политикъ благоразумный. Сынъ его, Чанибекъ, подобно отцу ревностный служитель Магометовой Вѣры, открылъ себѣ путь къ престолу убіеніемъ двухъ братьевъ, и Князья Россійскіе вмѣстѣ съ Митрополитомъ долженствовали немедленно ѣхать въ Орду, чтобы смиренно пасть предъ окровавленнымъ ея тиромъ. Съ честію и милостію отпустивъ Симеона, Ханъ долго держалъ Митрополита, пребуя, чтобы онъ, богатый доходами, серебромъ и золотомъ, ежегодно платилъ церковную дань Татарамъ; но Ѳеогностъ ссылался на льготныя грамоты Хановъ, и Чанибекъ удовольствовался наконецъ шестью стами рублей, даромъ единовременнымъ: ибо — что достойно замѣчанія — не дерзнулъ самовольно отмѣнить устава своихъ предковъ; а Ѳеогностъ, за его твердость, былъ прославленъ нашимъ Духовенствомъ. Все осталось, какъ было при Узбекѣ; одинъ Князь Пронскій, Ярославъ, сынъ убіеннаго Александра, милостію новаго Хана распространилъ свое владѣніе. Гнусный убійца, Іоаннъ Коротополъ, лишился престола и жизни. Провождаемый Киндякомъ, Вельмо-

Г. 1342.

жею Чанибека, Ярославъ осадилъ Іоанна въ сполицѣ: сей злодѣй ночью бѣжалъ, однакожь не избавился опъ казни; его умерпвили чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ[303]. Къ сожалѣнію, Татары, будучи орудіями справедливой месши, не могли дѣйспвовапь безкорыспно: они хопѣли добычи, и плѣнили многихъ жипелей Переславля Рязанскаго. Ярославъ княжилъ съ пого времени въ Роспиславлѣ (нынѣ селѣ на берегу Оки) и чрезъ два года умеръ; а наслѣдники его — кажепся, добровольно — усшупили послѣ сіе пріобрѣпеніе сыну Коропопола, Олегу. Убіеніе Коропопола.

Въ опсупспвіе Симеона Псковипяне воевали съ Ливонскими Нѣмцами, копорые убили въ Лепгалліи Пословъ ихъ. Во Псковѣ начальспвовалъ Князь Александръ Всеволодовичь, коего родъ намъ неизвѣспенъ: опмсппвъ Нѣмцамъ разорепіемъ селъ въ юго-восточной Ливоніи, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, и Псковипяне шщепно убѣждали его возвращипься, предспавляя ему свою опасносшь; шщепно молили и Новогородское Правипельспво дапь имъ Намѣспника и войско[304]. Такъ говоришъ ихъ собспвенный Лѣшописецъ, прибавляя, чпо Нѣмцы заложили крѣпосшь Нейгаузенъ въ границахъ Россіи на берегу рѣки Пижвы; чпо Псковипяне, взявъ предмѣспіе Ругодпва или Нарвы (города основаннаго Дапчанами въ 1223 году), и слыпа о сильныхъ вооруженіяхъ Ордена, опправили въ Випебскъ Пословъ, копорые Дѣла Псковскія и Новогородскія.

сказали Ольгерду: «Братья наши, Новогородцы, въ злобѣ своей не помогаютъ намъ. «Государь! вступись за утѣсненныхъ.» Но Лѣтописецъ Новогородскій обвиняетъ Псковитянъ въ вѣроломствѣ: они сами, по его извѣстію, выслали Князя Александра Всеволодовича, и встрѣтивъ Новогородцевъ, шедшихъ защитить ихъ отъ Рыцарей, совѣтовали имъ возвратиться, увѣряя, что опасность миновалась, и что Нѣмцы строятъ крѣпость на своей землѣ. Сіе было въ началѣ весны: 20 Іюля Ольгердъ какъ союзникъ явился во Псковѣ съ дружиною и съ братомъ Кестутіемъ. Они думали итти въ Ливонію; но Рыцари, истребивъ ихъ передовый отрядъ, вдругъ осадили Изборскъ, и схватившъ племянника Гедиминова, Любка, изрубили его въ куски. Огорченные смертію сего Князя, Ольгердъ и Кестутій отказались дѣйствовать для спасенія осажденныхъ, и жители, не имѣя ни капли воды, долженствовали бы сдаться, если бы Нѣмцы не отступили отъ города, испуганные, какъ вѣроятно, слухомъ о Литовской силѣ. Хотя Псковитяне не могли быть весьма довольны союзникомъ, однакожь молили Ольгерда снова принять Вѣру Христіанскую, имъ отверженную, и княжить въ ихъ области, надѣясь, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ уже вѣрнымъ ея защитникомъ. Вмѣсто себя Ольгердъ далъ имъ сына, именемъ Андрея, и позволилъ ему креститься; но

какъ сей юный Князь, оставивъ у нихъ Намѣстника, въ слѣдъ за отцемъ уѣхалъ въ Липву, по граждане для своей безопасности старались помириться съ Новымгородомъ и признали верховную власть его надъ ними.

Въ сіе время Новгородъ самъ находился въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Пожары испребили большую часть онаго: Конецъ Неревскій, Людинъ и Славянскій; не уцѣлѣли ни домъ Архіепископа, ни мостъ, ни богатыя церкви: Софійская, Борисо-Глѣбская и Сорока Мучениковъ[305]. Люди бѣжали изъ домовъ и жили внѣ города, на полѣ, даже въ лодкахъ, непрестанно ожидая новыхъ пожаровъ, такъ что Архіепископъ едва успокоилъ ихъ церковными ходами и молебнами. Другаго рода несчастіе состояло въ дерзости и междоусобіи гражданъ. Въ началѣ Симеонова княженія толпа ихъ удальцевъ опустошила Устюжну и волости Бѣлозерскія, которыя зависѣли отъ Великаго Князя. Еще въ 1294 году одинъ изъ знатныхъ Бояръ Новогородскихъ, построивъ крѣпость близъ границъ Эстонскихъ, хотѣлъ тамъ властвовать независимо: оскорбленное Правительство велѣло срыть оную и сжечь его село. Сей примѣръ должнаго наказанія не могъ обуздать своевольныхъ: сынъ умершаго Посадника Варѳоломея, именемъ Лука, набралъ шайку бродягъ, и разоривъ множество деревень въ Заволочьѣ, по Двинѣ и Вагѣ, основалъ для своей безопасно-

спи городокъ Орлецъ на рѣкѣ Емцѣ. Его умерпвили жипели какъ разбойника; но чернь Новогородская, преданная ему, думала, чпо онъ убипъ слугами Посадника Ѳеодора и пребовала месши. Граждане раздѣлились на два Вѣча: одно было у Св. Софіи за Луку, другое на Дворѣ Ярослава за Посадника. Архіепископъ и Намѣспникъ Княжескій едва опвращили кровопролипіе.

Однакожь Новогородцы были гоповы спояпь всѣми силами за Псковипянъ, копорые, въ надеждѣ на ихъ дружбу, рѣшились смѣлѣе воевапь Ливонію, предводимые какимъ-по Княземъ Іоанномъ и Евспафіемъ Изборскимъ[306]. Они пять дней не сходили съ коней, опуспошая села вокругъ Одеппе. Маг. 1343. гиспръ Бурхардъ гнался за ними до границы, и съ жаромъ началъ бипву, въ коей Россіяне, упомленные и гораздо слабѣйшіе числомъ, купили побѣду кровію нѣкопорыхъ лучшихъ Боляръ своихъ, а Нѣмцы лишились славнѣйшаго изъ ихъ випязей, Іоанна Левенвольда. Между шѣмъ въ Изборскѣ и Псковѣ народъ былъ въ ужасѣ: одинъ Священникъ, прибѣжавъ съ мѣспа бипвы, объявилъ, чпо Нѣмцы умерпвили всѣхъ Россіянъ; но опправленные гонцы Псковскіе нашли рапь свою уже подъ спѣнами Изборска, гдѣ Князья и воины опдыхали, среди плѣнниковъ и профессъ. Орденъ заключилъ миръ съ городомъ Псковомъ, ибо имѣлъ опасныхъ непріяпелей внупри собспвенныхъ владѣній. Ис-

торикъ Ливоніи говоритъ, что сія земля могла тогда справедливо назваться «небомъ «Дворянъ, раемъ Духовенства, золотымъ «рудникомъ иностранцевъ и адомъ упѣснен- «ныхъ земледѣльцевъ[307].» Въ 1343 году опп- крылось всеобщее возмущеніе въ Эстоніи: народъ умерпвилъ множество Датчанъ и Нѣмцевъ, осадилъ Ревель, взялъ крѣпостпъ Эзельскую. Около двухъ лѣтъ продолжалась война кровопролитная: мечь и голодъ испребили большую часть бѣдныхъ жителей, и Король Датскій за 19,000 марокъ серебра уступилъ Нѣмецкому Ордену всѣ права свои на Эстонію.

Въ Литвѣ сдѣлалась перемѣна. Сынъ Гедиминовъ, Евнутій, княжилъ въ Вильнѣ, Наримантъ въ Пинскѣ, Кестутій въ Трокахъ. Послѣдній вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ольгердомъ: будучи оба властолюбивы, они условились соединить раздро- бленное отечество, и неожидаемо взяли Вильну съ другими городами. Евнутій ушелъ въ Смоленскъ, Наримантъ къ Хану Тапарскому[308]: Ольгердъ же, присвоивъ себѣ господство надъ прочими братьями, сдѣлался Владыкою единодержавнымъ. Устроивъ порядокъ внутри Государства, сей Князь обратилъ глаза на Россію: онъ слышалъ, что Новогородцы явно поносятъ честь его; сверхъ того изгнанникъ Евнутій прибѣгнулъ къ Великому Князю Симеону, крестился въ Москвѣ, названный Христіанскимъ именемъ Г. 1345.

Іоанна, и хвалился дружбою Россіянъ. Ольгердъ вступилъ въ область Шелонскую: завоевалъ Опоку и берега Луги, взялъ 300 рублей дани съ Порхова, и велѣлъ сказать Новогородцамъ: «вашъ Посадникъ Евстафій «осмѣлился всенародно назвать меня псомъ: «обида столь наглая требуетъ мести; иду «на васъ.» Они вооружились, чтобы сразиться съ Литвою. Но Посадникъ имѣлъ враговъ между согражданами, утверждавшихъ, что безразсудно лить кровь многихъ за нескромность одного чиновника; что лучше принести его въ жертву отечеству, и тѣмъ удовольствовать раздраженнаго Ольгерда. Другіе, уже будучи въ походѣ, согласились съ ними, и возвратясь съ пути, умертвили Евстафія на Вѣчѣ. Сіе дѣло, противное народной чести, противное всѣмъ законамъ, есть одно изъ постыднѣйшихъ въ Исторіи Новогородской, буде Лѣтописцы не скрыли нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ его гнусность. Ольгердъ былъ доволенъ уничиженіемъ гордѣйшаго изъ народовъ Россійскихъ, и согласился на миръ, чтобы воевать съ Нѣмецкимъ Орденомъ, коего Великій Магистръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ одержалъ надъ Литвою блестящую побѣду, гореспную для Витебска, Полоцка и Смоленска: ибо жители сихъ городовъ сражались подъ знаменами Ольгерда[309].

Г. 1346.

Постыдное дѣло Новогородцевъ.

Г. 1347.

Гораздо лучше и великодушнѣе поступили Новогородцы въ дѣлахъ съ Швеціею.

Король Магнусъ, легкомысленный, надменный, вздумалъ загладить грѣхи своего нескромнаго сласполюбія, услужить Папѣ и прославиться подвигомъ благочестивымъ; собралъ въ Спокгольмѣ Государственный Совѣтъ и предложилъ ему силою обратить Россіянъ въ Латинскую Вѣру, требуя людей и денегъ. Сіе намѣреніе казалось Совѣту доспохвальнымъ; но Швеція, испощенная корысполюбіемъ Духовенства, могла только дать людей Магнусу. Король дерзнулъ прикоснуться къ церковнымъ сокровищамъ или *доходамъ Св. Петра*; презрѣлъ неудовольствіе Епископовъ, и нанялъ многихъ Нѣмецкихъ воиновъ. Въ сіе время славилась тамъ пророчествами и святостію вдовствующая супруга Вельможи Гудмарсона, дочь Биргерова, именемъ Бригитта[310]: она, какъ вдохновенная Пиѳія, заклинала Магнуса не брать съ собою развратныхъ иноземцевъ, но итти на Россію съ одними набожными Шведами и Готами, доспойными воевать для успѣховъ истины: въ противномъ случаѣ грозила ему бѣдствіемъ. Король смѣялся надъ ея предсказаніемъ, и Война съ Магнусомъ.

и съ войскомъ многочисленнымъ приплывъ къ острову Березовому или Біорку, послалъ объявить Новогородцамъ, чтобы они избрали Русскихъ *философовъ* для прѣнія со Шведскими о Вѣрѣ, и приняли Латинскую, если она будетъ найдена лучшею, или готовились воевать съ нимъ. Архіепископъ Г. 1348.

Василій, Посадникъ, всѣ чиновники и граждане, изумленные такимъ предложеніемъ, благоразумно отвѣтствовали: «Ежели Ко-«роль хочетъ знать, какая Вѣра лучше, «Греческая или Римская, то можетъ для «состязанія отправить людей ученыхъ къ «Патріарху Цареградскому: ибо мы прия-«ли Законъ отъ Грековъ, и не намѣрены «входить въ суетные споры. Когда же Нов-«городъ чѣмъ нибудь оскорбилъ Шведовъ, «то Магнусъ да объявитъ свои неудоволь-«ствія нашимъ Посламъ.» Бояринъ Козма Твердиславичь поѣхалъ для свиданія съ Королемъ; но Магнусъ сказалъ ему, что онъ, не имѣя никакихъ причинъ къ неудоволь-ствію, желаетъ только обратить Россіянъ на путь душевнаго спасенія, добровольно или оружіемъ. Война началася. Шведы приступили къ Орѣхову, предлагая окреснымъ жителямъ на выборъ смерть или Папу. Сіе безумное насиліе воспалило гнѣвъ и мужество въ Новогородцахъ. Воины спешились къ нимъ изъ областей въ Ладогу. Хотя Орѣховъ (гдѣ былъ еще Намѣстникъ сына Гедиминова, Наримантъ) сдался Магнусу; но потерявъ 500 человѣкъ въ битвѣ на берегахъ Ижеры, имѣя недостаток въ съѣстныхъ припасахъ, видя множество больныхъ въ своемъ войскѣ, и зная, что Россіяне идутъ со всѣхъ сторонъ окружить его флотъ на рѣкѣ Невѣ, сей легкомысленный Король увѣрился въ истинѣ Бригиттина

предсказанія, оставилъ нѣсколько полковъ въ Невской крѣпости, и возвратился въ отечество съ однимъ стыдомъ и съ десятью плѣнниками, въ числѣ коихъ были Аврамъ Тысячскій и Козма Твердиславичь, взятые въ Орѣховѣ. Шведскіе Лѣтописцы говорятъ, что Магнусъ, овладѣвъ симъ городкомъ, и неволею крестивъ жителей по обрядамъ Римской Церкви, *великодушно* освободилъ ихъ; что они дали ему клятву склонить всѣхъ своихъ единоземцевъ къ принятію Латинской Вѣры, но *коварно* обманули его, и дѣйствовали послѣ какъ самые злѣйшіе непріятели Шведовъ и Папы[511].

Великій Князь по видимому мало заботился о Новогородцахъ, и только однажды (въ 1347 году) жилъ у нихъ при недѣли, призванный ими чрезъ Архіепископа. Слыша о нападеніи Шведовъ, онъ долго медлилъ; наконецъ выступилъ съ войскомъ, но возвратился въ Москву за какимъ-то Ханскимъ дѣломъ, и вмѣсто себя велѣлъ итти въ Новгородъ брату своему Іоанну съ Константиномъ Ростовскимъ[512]; а сіи Князья — свѣдавъ, что Орѣховъ завоеванъ Магнусомъ — немедленно ушли назадъ, *не принявъ*, какъ говоритъ Лѣтописецъ, *Архіепископскаго благословенія, ни челобитья Новогородскаго*. Вѣроятно, что не робость, но хитрыя намѣренія политическія были тому причиною: Симеонъ хотѣлъ, кажется, довести сей величавый народъ до крайности и воспользо-

ваться ею для утвержденія своей власти надъ онымъ. — «Князь оставляетъ насъ,» говорили Новогородцы: «возложимъ упова- «ніе на Бога и на Свяпую Софію.» Вспомогательная дружина Псковская была въ ихъ станѣ подъ Ладогою: они хотѣли доказать свою благодарность за сіе усердіе, и торжественно объявили, что знаменитый городъ Псковъ долженъ впредь называться *младшимъ братомъ Новагорода*. «Одна лю- «бовь и Вѣра да утвердятъ искренній, вѣ- «чный союзъ между нами!» сказали Новогородцы Псковитянамъ: «не будемъ давать «вамъ Посадниковъ; не будемъ требовать «васъ на судъ къ Св. Софіи; правьте и ря- «дите сами; а для суда Церковнаго Архіепи- «скопъ изберетъ Намѣстника изъ вашихъ «сограждан[313].» Такимъ образомъ отчизна Св. Ольги пріобрѣла гражданскую независимость — и, къ сожалѣнію, запятнала себя чернымъ дѣломъ неблагодарности. Когда Новогородцы въ Августѣ мѣсяцѣ приступили къ Орѣхову, и видя упорство Шведовъ, рѣшились зимовать въ станѣ: Псковитяне, не захотѣвъ терпѣть ненастья и холода, объявили, что идутъ обратно въ землю свою, разоряемую Нѣмцами. Ливонскіе Рыцари дѣйствительно, нарушивъ тогда миръ, выжгли села на границѣ въ области Изборской, Островской, и самое предмѣстіе Пскова: слѣдственно обстоятельства извинямъ Псковитянъ, и Новогородцы, согласные на

Псков. братъ Новагорода.

ихъ отступленіе, желали единственно, чтобы оно было ночью, и чтобы непріятель не видалъ его; но чиновники Псковскіе, въ досаду великодушнымъ благодѣтелямъ, вывели рать свою изъ стана въ самый полдень, запрубили въ трубы, ударили въ бубны и тѣмъ порадовали Шведовъ, которые, стоя на валу, громко смѣялись[314]. Оставленные Великимъ Княземъ и союзниками, Новогородцы не уныли, сдѣлали приметъ къ стѣнамъ крѣпости, взяли оную 24 Февраля, убивъ или плѣнивъ 800 непріятелей, и торжествовали сей успѣхъ какъ славное происшествіе для отечества и Вѣры. Они положили употребить отнятое ими у Шведовъ серебро на украшеніе церкви Бориса и Глѣба, отправили плѣнниковъ въ Москву къ Симеону; и не смотря на худую вѣрность Псковитянъ, сдержали данное имъ слово, считая ихъ съ того времени уже не подданными, а совершенно вольными въ избраніи гражданскихъ Правителей[315]. — Чтобы озаботить Магнуса съ другой стороны его владѣній, Новогородцы изъ Двинской земли ходили воевать Норвегію; разбили также Шведовъ подъ Выборгомъ; наконецъ, заключивъ съ ними миръ въ Дерптѣ, размѣнялись плѣнниками, съ условіемъ, чтобы область Яскиская, Эгрепская и часть Саволакса принадлежали Россіи: Систербекъ остался границею. Договоръ былъ подписанъ Королемъ, Графомъ

Г. 1349 — 50.

Генрикомъ Голшпейнскимъ, Вельможами Турсономъ, Геннингомъ, Священникомъ Вамундомъ и двумя Гопландскими купцами; пакже Новогородскимъ Посадникомъ Юріемъ, Тысячскимъ Авраамомъ и другими Боярами[316]. Хотя Король въ 1351 году замышлялъ новую войну противъ Россіянъ, и Папа въ угодносшь ему дозволилъ его випязямъ ознаменоваться свяшымъ крестомъ; но внупренніе раздоры и несчасшія Швеціи не допусшили сего вѣпренаго Монарха впорично безумсшвовашь для мнимаго душевнаго спасенія.

Между шѣмъ Великій Князь былъ заняшъ иными дѣлами. Узнавъ, чшо Ольгердъ, шѣснимый Нѣмцами, прислалъ къ Хану брапа своего, Коріяда, пребовашь помощи, Симеонъ внушилъ Чанибеку, чшо сей коварный язычникъ есшь врагъ Россіи подвласшной Тапарамъ, слѣдсшвенно и самихъ Тапаръ; а Ханъ, убѣжденный предсшавленіями Московскихъ Бояръ, выдалъ имъ Коріяда съ другими Послами Липовскими[317]. Сполъ безХишросшь Ольгердова. законное дѣйсшвіе, могло справедливо раздражишь Ольгерда; но, вмѣсшо злобы, онъ изъявилъ Симеону желаніе бышь его другомъ: ибо погдашнія обсшояшельсшва Липвы не позволяли ему искашь новыхъ непріяшелей. Мы упоминали о мирномъ договорѣ Казимира Польскаго съ Липвою, оподавшаго Любаршу и Кесшупшію всю западную Волынію съ городомъ Бресшомъ: пере-

мѣнивъ мысли, Казимиръ въ 1349 году отнялъ у нихъ сіе владѣніе, изъ милости давъ Любарту одинъ Луцкъ, а нѣкоторыхъ частныхъ Князей Россійскихъ, потомковъ Св. Владиміра, оставивъ господствовать въ ихъ Удѣлахъ какъ своихъ присяжниковъ[518]. Сіе происшествіе заставило Ольгерда и братьевъ его искать дружбы Симеоновой, тѣмъ естественнѣе, что Король Польскій, ободренный успѣхами, вздумалъ быть гонителемъ Церкви Греческой, писнилъ Духовенство въ Волыніи, и православныя церкви обращалъ въ Латинскія. Граждане стенали: упрашивъ государственную независимость, они еще умѣли крѣпко стоять за Вѣру отцевъ, и гнушаясь насиліемъ Папистовъ, славили терпимость Литовскаго Правленія; а гласъ народа единокровнаго громко отзывался въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Митрополитъ ревностно ходатайствовалъ за Князей Литовскихъ — которые не мѣшали ему повелѣвать Духовенствомъ въ Волыніи — особенно же за Любарта, усерднаго сына нашей Церкви[519]. И такъ Великій Князь, согласно съ общимъ желаніемъ, не только освободилъ Коріята, взявъ за него окупъ, но вступилъ и въ тѣсную связь съ сыновьями Гедимина, утвержденную свойствомъ; Любартъ женился на Росповской Княжнѣ, племянницѣ Симеона; язычникъ Ольгердъ на его свояченицѣ Іуліаніи, дочери Александра Михайловича Тверскаго. Сіе впо- Браки

рое бракосочетаніе запрудняло совѣсть Великаго Князя; но Митрополитъ Ѳеогностъ благословилъ оное, въ надеждѣ, какъ вѣроятно, что Ольгердъ рано или поздно будетъ Христіаниномъ, и съ условіемъ, чтобы его дѣти воспитывались въ истинной Вѣрѣ. Изгнанникъ Евнутій, покровительствуемый Россіею, могъ безопасно возвратиться въ отечество: братья дали ему удѣлъ въ Минской области.

Въ то время, когда Государь Польскій веселился и торжествовалъ свои успѣхи въ Краковѣ, Литовскіе Князья въ тишинѣ собирали войско, имѣли тайныя сношенія съ жителями Волыніи, и желая еще болѣе усыпить Казимира, обѣщали ему принять Римскую Вѣру, такъ, что Папа, Клименть VI, уже готовился послать имъ знаки Королевскаго сана[320]. Но хитрость обнаружилась: увѣренные въ дружбѣ Московскаго Князя и пользуясь его содѣйствіемъ для умноженія своихъ ревностныхъ доброжелателей въ юго-западной Россіи, Ольгердъ, Кестутій и Любартъ ударили на Поляковъ и выгнали ихъ изъ Волыніи. — Съ сего времени *четыре* народа спорили о древнемъ достояніи нашего отечества: о Галиціи, Подоліи и землѣ Волынской. *Моголы*, по сказанію Флорентійскаго современнаго Историка[321], изгнанные изъ своихъ жилищъ голодомъ, около 1351 года ворвались въ землю Брацлавскую, гдѣ властвовалъ одинъ изъ Россій-

Раздѣлъ Западной Россіи.

скихъ Князей. Людовикъ, Король Венгерскій, его покровитель, старался вытѣснить ихъ оттуда: въ 1354 году, вмѣстѣ съ Казимиромъ Великимъ, перешелъ за Бугъ и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Татарскаго. Однакожъ Моголы еще нѣсколько лѣтъ держались въ окрестностяхъ Днѣстра[322]. *Венгрія* хотѣла присвоить себѣ Галицію, и наконецъ долженствовала уступить оную *Польшѣ*; а Князья *Литовскіе* удерживали въ своемъ подданствѣ большую часть другихъ западныхъ областей Россійскихъ, до самаго XVI вѣка, когда Литва и Польша составили одно Государство.

Ссора Псковитянъ съ Литвою.

Не смотря на союзъ Гедиминовыхъ сыновей съ Великимъ Княземъ, Псковитяне сдѣлались непріятелями Литвы. Намѣстникомъ Андрея Ольгердовича былъ у нихъ Вельможа Княжескаго рода, именемъ Юрій Виговитовичь, въ 1349 году убитый Нѣмцами, въ нечаянномъ набѣгѣ, подъ стѣнами Изборска[323]: мужъ храбрый и благочестивый Христіанинъ, оплаканный народомъ и погребенный въ Соборной церкви. Его кончина прервала связь гражданъ Псковскихъ съ Литвою. Взявъ крѣпость, заложенную Нѣмцами на берегу Наровы, и гордясь сею удачею, они велѣли сказать Князю Андрею: «ты не хотѣлъ самъ управлять нами: мы «же не хотимъ теперь ни твоихъ Намѣ- «стниковъ, ни тебя.» Въ слѣдствіе чего Ольгердъ задержалъ купцевъ Псковскихъ,

опнявъ у нихъ повары; а сынъ его, Андрей, княжившій погда въ Полоцкѣ, опустошилъ нѣсколько селъ на рѣкѣ Великой.

Ольгердъ миротворецъ. Г. 1352.

Но хипрый Ольгердъ пользовался дружбою Симеона. Свѣдавъ, что Великій Князь, недовольный Смоленскимъ Владѣпелемъ, союзникомъ Липвы, намѣренъ объявить ему войну, Ольгердъ желалъ быть ихъ миротворцемъ[324]. Послы Липовскіе нашли Симеона, провождаемаго братьями и другими Князьями, въ Вышегородѣ на берегу Пропвы, и вручили ему богатые дары вмѣспѣ съ дружескимъ письмомъ опъ своего Государя. Великій Князь уважилъ его ходапайспво, но шелъ далѣе къ рѣкѣ Угрѣ: памъ, вспрѣпивъ Пословъ Смоленскихъ, онъ заключилъ миръ и возвратился въ Москву, быпь свидѣпелемъ и, какъ вѣроятно, жертвою ужаспаго гнѣва Небеснаго.

Черная смерть

Еще въ 1346 году былъ моръ въ спранахъ Каспійскихъ, Черноморскихъ, въ Арменіи, въ землѣ Абазинской, Ясской и Черкесской, въ Орнѣ при успьѣ Дона, въ Бездежѣ, въ Аспрахани и въ Сараѣ[325]. Пишупъ, что сія жеспокая язва, извѣспная въ лѣпописяхъ подъ именемъ *Черной смерпи*, началась въ Кипаѣ, испребила памъ около принадцапи милліоновъ людей, и доспигла Греціи, Сиріи, Египпа. Генуэзскіе корабли иривезли оную въ Ипалію, гдѣ, равно какъ и во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, цѣлые города опуспѣли. Въ Лон-

донѣ на одномъ кладбищѣ было схоронено 50,000 человѣкъ. Въ Парижѣ отчаянный народъ требовалъ казни всѣхъ Жидовъ, думая, что они сыплютъ ядъ въ колодези. Въ 1349 году началась зараза и въ Скандинавіи; оттуда, или изъ Нѣмецкой земли, перешла она во Псковъ и Новгородъ: въ первомъ открылась весною 1352 года и свирѣпствовала до зимы съ такою силою, что едва осталась треть жителей. Болѣзнь обнаруживалась желѣзами въ мягкихъ впадинахъ тѣла; человѣкъ харкалъ кровію, и на другой или на третій день издыхалъ. Не льзя, говорятъ Лѣтописцы, вообразить зрѣлища столь ужаснаго: юноши и старцы, супруги, дѣти, лежали въ гробахъ другъ подлѣ друга; въ одинъ день исчезали семейства многочисленныя. Каждый Іерей по утру находилъ въ своей церкви 30 усопшихъ и болѣе; отпѣвали всѣхъ вмѣстѣ, и на кладбищахъ уже не было мѣста для новыхъ могилъ: погребали за городомъ, въ лѣсахъ. Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающимъ, въ надеждѣ пользоваться ихъ наслѣдствомъ; когда же увидѣли, что язва сообщается прикосновеніемъ, и что въ самомъ имуществѣ заразженныхъ таится жало смерти, тогда и богачи напрасно искали помощи: сынъ убѣгалъ отца, братъ брата. Напротивъ того нѣкоторые изъявляли великодушіе: не только своихъ, но и чужихъ мертвецовъ

носили въ церковь; служили Панихиды и съ усердіемъ молились среди гробовъ. Другіе спѣшили оставить міръ и заключались въ монастыряхъ, или отказывали церквамъ свое богатство, села, рыбныя ловли; питали, одѣвали нищихъ, и благодѣяніями готовились къ вѣчной жизни. Однимъ словомъ, думали, что всѣмъ умереть должно. — Въ сихъ обстоятельствахъ несчастные Псковитяне звали къ себѣ Архіепископа Василія, благословить ихъ и вмѣстѣ съ ними принести жертву моленія Всевышнему: какъ достойный Пастырь Церкви, онъ спѣшилъ ихъ утѣшить, презирая опасность[326]. Вспрѣченный народомъ со изъявленіями живѣйшей благодарности, Василій облачился въ ризы Святительскія; взялъ крестъ, и провождаемый Духовенствомъ, всѣми гражданами, самыми младенцами, обошелъ вокругъ города. Іереи пѣли Божественныя пѣсни; Иноки несли мощи; народъ молился громогласно, и не было такого каменнаго сердца, по словамъ лѣтописи, которое не изливалось бы въ слезахъ предъ Всевидящимъ Окомъ. Еще смерть не насытилась жертвами; но Архіепископъ успокоилъ души, и Псковитяне, вкусивъ сладость Христіанскаго умиленія, перпѣливѣе ожидали конца своему бѣдствію: оно прекратилось въ началѣ зимы.

Василій, безъ сомнѣнія зараженный язвою, на возвратномъ пути скончался, къ великому сожалѣнію Новогородцевъ и примирен-

ныхъ съ нимъ Псковитянъ. Сей Архіепископъ былъ отмѣнно любимъ первыми: бралъ всегда ревностное участіе въ дѣлахъ правленія; строилъ не только храмы, но и мосты, нужные для удобнаго сообщенія людей, и собственными руками заложилъ новую городскую стѣну на другой сторонѣ Волхова; украсилъ Софійскую церковь мѣдными, вызолоченными вратами и живописью Греческою; славился также разумомъ: былъ учителемъ крестнаго сына своего, Михаила Александровича Тверскаго[327], и въ образецъ тогдашнихъ богословскихъ понятій оставилъ намъ письмо къ Епископу Тверскому Ѳеодору, доказывая въ ономъ, что «рай и адъ дѣйствительно существуютъ «на землѣ, вопреки мнѣнію новыхъ еретиковъ, которые признаютъ ихъ *мысленны-* «*ми* или духовными.» Уважая гражданскія и пастырскія достоинства Василія, великодушно умершаго для облегченія страждущихъ Псковитянъ, осудимъ ли сего знаменитаго мужа за то, что онъ искалъ рая на Бѣломъ морѣ, и вѣрилъ, что нѣкоторые путешественники Новогородскіе видѣли оный издали? — Василій первый изъ Архіепископовъ получилъ отъ Митрополита *крещатыя ризы* въ знакъ отличія и *бѣлый клобукъ*, какъ пишутъ, отъ Патріарха Цареградскаго, донынѣ хранимый въ Новогородской Софійской ризницѣ и прежде

Земный рай.

Бѣлый клобукъ.

носимый въ Греціи пѣми Святителями, которые бывали поставляемы изъ Бѣлаго Духовенства[328].

Скоро язва посѣтила и Новгородъ, гдѣ отъ 15 Августа до Пасхи умерло множество людей. То же было и въ другихъ областяхъ Россійскихъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ. Въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного жителя. Такимъ образомъ отъ Пекина до береговъ Евфрата и Ладоги нѣдра земныя наполнились милліонами труповъ, и Государства опустѣли. Иностранные Историки сего бѣдствія сообщаютъ намъ два примѣчанія: 1) вездѣ гибло болѣе молодыхъ людей, нежели старыхъ; 2) всдѣ, когда зараза миновалась, родъ человѣческій необыкновенно размножался[329]: столь чудесна Природа, всегда готовая замѣнять убыль въ ея царствахъ новою дѣятельностію плодотворной силы!

Лѣтописцы наши сказываютъ, что *вся Россія* испытала тогда гнѣвъ Небесный: слѣдственно и Москва, хотя они не упоминаютъ объ ней въ особенности. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ короткое время скончались тамъ Митрополитъ Ѳеогностъ, Великій Князь, два сына его и братъ Андрей Іоанновичь[330]. Симеонъ имѣлъ не болѣе тридцати-шести лѣтъ отъ рожденія. Сей Государь, хитрый, благоразумный, пять разъ ѣздилъ въ Орду, чтобы соблюсти тишину въ Государствѣ; пользуясь оттѣнною бла-

Г. 1353. Кончина Симеонова.

госклонностію Хана, исходатайствовалъ для разореннаго Тверскаго Княженія свободу не платить дани Моголамъ, и первый, кажется, именовалъ себя Великимъ Княземъ *всея Руси*, какъ по вырѣзано на его печати[331]. Видя внезапную смерть предъ собою, онъ постригся (названный именемъ Созонта) и духовнымъ завѣщаніемъ распорядилъ свое достояніе. По кончинѣ первой супруги въ 1345 году, Симеонъ сочетался бракомъ съ Евпраксіею, дочерію одного изъ Смоленскихъ Князей, Ѳеодора Святославича, управлявшаго Волокомъ въ санѣ Намѣстника; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отослалъ ее къ отцу, будто бы для того, что «она на свадьбѣ была испорчена и вся-«кую ночь казалась супругу мертвецомъ[332].» Къ общему неудовольствію и соблазну правовѣрныхъ, Евпраксія вышла за Князя Ѳоминскаго, Ѳеодора Краснаго; а Симеонъ женился въ третій разъ на Княжнѣ Тверской, Маріи Александровнѣ, прижилъ съ нею четырехъ сыновей, умершихъ въ дѣтствѣ, и въ знакъ любви отказалъ ей наслѣдственныя и купленныя имъ волости, Можайскъ, Коломну, всѣ сокровища, золото, жемчугъ, и *пятьдесятъ верховыхъ* коней[333]. «Кто изъ «Бояръ» — пишетъ Великій Князь — «захо-«четъ служить моей Княгинѣ, тотъ, владѣя нашими селами, обязанъ давать ей по-«ловину дохода. Всѣмъ людямъ купленнымъ «или за вину взятымъ мною въ рабство: «сельскимъ Тіунамъ (прикащикамъ), старо-

Великій Князь всея Руси.

Привидѣніе.

Завѣщаніе.

«спамъ, ключникамъ, или женапымъ на ихъ «дочеряхъ[334], объявляю вѣчную свободу. — «Вамъ, любезные брапья» (ибо Андрей жилъ еще около шеспи недѣль) «поручаю супру- «гу и Бояръ моихъ, и приказываю по же, »чпо намъ опецъ приказывалъ: живипе со- «гласно, неперемѣняйпе успановленнаго мною «въ дѣлахъ государспвенныхъ или судныхъ; «не внимайпе клевепникамъ и ссорщикамъ; «слушайпесь добрыхъ, спарыхъ Бояръ и «нашего Владыки *Алексія.*» Сей знаменипый Свяпишель былъ крещникъ Іоанна Даніиловича, сынъ Черниговскаго Боярина, Ѳеодора Бяконпа, служившаго еще опцу его, и назывался мірскимъ именемъ Елевоерія[335]: въ самой цвѣпущей юноспи возненавидѣвъ свѣпъ, къ огорченію родипелей онъ поспригся въ Московской Обипели Св. Богоявленія, за добродѣпель свою получилъ санъ Мипрополишова Намѣспника, и жилъ въ одномъ домѣ съ Ѳеогноспомъ, 19 лѣпъ управляя всѣми дѣлами церковными, между шѣмъ, какъ Мипрополипъ ѣздилъ въ Царьградъ, въ Орду и въ опдаленныя Епархіи Россійскія. Сіи пупешесшвія иногда не дѣлали чеспи Ѳеогноспу: Епископы обязывались щедро дарипь его, сверхъ угощенія, весьма для нихъ пягосшнаго. Но Алексій не думалъ о мздѣ и съ неупомимою дѣяпельноспію занимался полько общимъ церковнымъ благоуспройспвомъ. Поспавленный Епископомъ Владиміру, онъ гласомъ народа и Двора Княжескаго былъ

Св. Алексій.

назначенъ заступишь мѣсто Θеогноста, который, готовясь къ смерти, писалъ о томъ къ Патріарху, а Симеонъ къ Императору, Іоанну Кантакузину. Митрополитъ отправилъ Послами въ Царьградъ Артемія Коробьина и Михаила Грека, Симеонъ Деменпія Давидовича и Юрія Воробьина: они возвратились уже по кончинѣ Великаго Князя съ благочестіянным отвѣтомъ, чтобы Алексій ѣхалъ въ столицу Имперіи для поставленія. Еще при жизни Θеогноста Терновскій Патріархъ самовольно объявилъ Митрополитомъ Россіи какого-то Инока Θеодорита, и прислалъ его въ Кіевъ съ грамотою; но тамошнее духовенство не хотѣло имѣть никакого дѣла съ симъ новымъ Патріархомъ, и единодушно отвергнуло Θеодорита, какъ самозванца[386].

Ссоры Удѣльныхъ Князей.

Хотя Симеонъ умѣлъ быть дѣйствительно Главою Князей Удѣльныхъ, однакожь власть его не могла отвратить нѣкоторыхъ раздоровъ между ими. Константинъ Тверскій ссорился съ невѣсткою Анастасіею, вдовствующею супругою Александра Михайловича, и сыномъ ея, Всеволодомъ Холмскимъ, насильственно захватывая ихъ Бояръ и доходы. Огорченный Всеволодъ поѣхалъ съ жалобами къ Великому Князю и въ Орду, въ слѣдъ за дядею, который тамъ и скончался. Ханъ — согласно, можетъ быть, съ волею Симеона — отдалъ Всеволоду Тверское Княженіе, а Василій Михайловичь Кашинскій, братъ Константиновъ, взявъ дань съ Холма,

спѣшилъ къ Моголамъ съ богатыми дарами. Дядя и племянникъ вспрѣпшились въ городѣ Бездежѣ какъ непріятели: впорый ограбилъ перваго, и зная, что никто съ пустыми руками не бываетъ правъ въ Ордѣ, покойно сѣлъ на престолъ Тверскаго Княженія; но тамошній Епископъ Ѳеодоръ убѣдилъ его примириться съ дядею, уступить ему Тверь и довольствоваться Холмомъ. Тишина возстановилась: Симеонъ равно покровительствовалъ того и другаго Князя, будучи зятемъ Всеволода и тестемъ Михаила, сына Василіева; однакожь Василій не могъ забыть своей обиды, изъявлялъ ненависть къ племяннику и тѣснилъ его владѣніе[337].

Обновленіе Мурома.

Въ государствованіе Симеона Князь Юрій Ярославичь Муромскій обновилъ *древній* Муромъ, издавна запустѣвшій, какъ сказываютъ Лѣтописцы: то есть, онъ перенесъ сей городъ на его древнее мѣсто (въ 1351 году), построивъ тамъ дворецъ и многія церкви; Бояре, купцы начали селиться вокругъ дворца и народъ слѣдовалъ ихъ примѣру. Сей Юрій, по Святомъ Глѣбѣ, есть достопамятнѣйшій изъ Муромскихъ Князей, о коихъ наша Исторія говоритъ мало: ибо они жили тихо отъ недостатка въ силахъ, и со временъ Андрея Боголюбскаго зависѣли болѣе отъ Великихъ Князей Владимірскихъ, нежели отъ Рязанскихъ, хотя ихъ Удѣлъ издревле былъ областію Рязани.

Къ церковнымъ доспопамяпносплмъ сего времени принадлсжипъ начало Троицкой Лавры, споль знаменипой и по важнымъ государспвеннымъ дѣяніямъ, коихъ она была ѳеапромъ. Одинъ изъ Бояръ Росповскихъ, Кириллъ, съ неудовольспвіемъ видя уничиженіе своего Князя и самовольспво Московскихъ чиновниковъ въ его землѣ при Калипѣ, не хопѣлъ быпь свидѣпелемъ онаго и переѣхалъ въ городокъ Радонежъ, Удѣлъ меньшаго брапа Симеонова, Андрея. Тамъ охопно селились люди неизбыпочные: ибо Намѣспникъ Княжескій давалъ имъ льгопу и выгоды: Кириллъ же, нѣкогда богапый, опъ разныхъ несчаспій оскудѣлъ. Двое изъ юныхъ сыновей его, Спефанъ и Варѳоломей (названный въ Монашеспвѣ Сергіемъ) искали убѣжища опъ мірскихъ печалей въ прудахъ свяпоспи: первый сдѣлался Игуменомъ Богоявленской Обипели въ Москвѣ, а впорый, живъ долго пуспынникомъ въ лѣсахъ дремучихъ, среди безмолвнаго уединенія и дикихъ звѣрей, близъ деревянной церкви Св. Троицы, имъ созданной, основалъ нынѣшнюю Лавру: ибо слава о добродѣпели его привлекла къ нему многихъ Иноковъ[358]. Спрогая набожноспь и Христіанское смиреніе возвеличили Св. Сергія между современниками: Мипрополипъ, Князья, Бояре изъявляли къ нему опмѣнное уваженіе, и мы увидимъ сего благочесспиваго мужа исполнипелемъ пруднымъ государспвенныхъ порученій.

Начало Троицкой Лавры.

Художества въ Россіи.

Чѣмъ рѣже находимъ въ лѣтописяхъ извѣстія о состояніи художествъ въ древней Россіи, тѣмъ оныя любопытнѣе для Историка. Въ княженіе Симеоново были расписаны въ Москвѣ при церкви: Соборъ Успенскій, Архангельскій и храмъ Преображенія; первый Греческими живописцами Ѳеогностомъ Митрополитомъ, вторый *Россійскими придворными*, *Захаріею*, *Іосифомъ* и *Николаемъ* съ поварищами, а третій иностранцемъ *Гойтаномъ*[339]. Въ сіе же время отличался въ литейномъ искусствѣ Россіянинъ Борисъ; онъ лилъ колокола въ Москвѣ и Новѣгородѣ для церквей Соборныхъ. Греція все еще имѣла тѣсную связь съ Россіею, присылая намъ не только Митрополитовъ, но и художниковъ, которые учили Русскихъ. Образованная Германія могла также способствовать успѣху гражданскихъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ. Замѣтимъ, что при Симеонѣ начали употреблять въ Россіи *бумагу*, на коей писанъ договоръ его съ братьями и духовное завѣщаніе[340]. Вѣроятно, что она шла къ намъ изъ Нѣмецкой земли чрезъ Новгородъ.

ГЛАВА XI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ II ІОАННОВИЧЬ.

Г. 1353 — 1359.

Характеръ Великаго Князя. Жестокость Олегова. Властолюбіе Ольгерда. Междоусобія. Дѣйствія духовной власти въ Новѣгородѣ. Убійство въ Москвѣ. Дѣла церковныя. Добродѣтели Св. Алексія. Слова юнаго Димитрія. Смерть и завѣщаніе Великаго Князя. Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго.

Всѣ Князья Россійскіе поѣхали въ Орду, г. 1353 — 55. Характеръ Вел. Князя. узнать, кто будетъ ихъ Главою; а Новогородцы особенно послали туда Боярина своего Судокова, просить Хана, чтобы онъ удостоилъ сей чести Константина Суздальскаго, благоразумнаго и твердаго. Вопреки имъ, Чанибекъ избралъ Іоанна Іоанновича Московскаго, тихаго, миролюбиваго и слабаго.

Еще новый Государь не возвратился изъ Орды, когда юный Олегъ Рязанскій, сынъ Коротопола, овладѣвъ всѣмъ Княженіемъ своего отца, дерзнулъ возстать на Московское. Онъ хотѣлъ быть совершенно независимымъ; хотѣлъ также отмстить за убіеніе въ Москвѣ предка его, Константина, и снова присоединить къ Рязани берега Лопасни, гдѣ уже давно и безспорно господствовали Калитины наслѣдники. Сей предлогъ войны могъ казаться отчасти спра-

Жесшокость Олегова.

ведливымъ; но юноша Олегъ, преждевременно зрѣлый въ порокахъ жесшокаго сердца, дѣйсшвовалъ какъ будущій досшойный союзникъ Мамаевъ: жегъ, грабилъ, и плѣнивъ Лошаснинскаго Намѣсшника Іоаннова, не усшыдился мучишь его шѣлесно[341]; наконецъ далъ ему свободу, взявъ окупъ, и заслуживъ ненависшь Москвишянъ, хвалился любовію Рязанцевъ, коюрые, примѣшивъ въ немъ смѣлосшь и рѣшишельносшь, въ самомъ дѣлѣ ожидали ошъ него геройскихъ подвиговъ.

Кроткій Іоаннъ уклонился ошъ войны съ Олегомъ, довольный освобожденіемъ своего Намѣсшника, и шерпѣливо сносилъ ослушаніе Новогородцевъ, не хошѣвшихъ быть ему подчиненными, до самаго шого времени, какъ Суздальскій Князь, Конспаншинъ Васильевичь, ими любимый, скончался[342]: шогда, уже не видя досшойнаго соперника для Великаго Князя, они приняли Намѣсшниковъ Іоанновыхъ; а Чанибекъ ушвердилъ Нижній, Городецъ и Суздаль за сыномъ Конспаншиновымъ, Андреемъ: ибо самое ближайшее право наслѣдсшвенное для Владѣшелей Россійскихъ не имѣло силы безъ Ханскаго согласія. Такъ Іоаннъ Ѳеодоровичь Сшародубскій по кончинѣ сшаршаго брашa, Димишрія, ждалъ цѣлый годъ грамошы Чанибековой, безъ коей онъ не могъ назваться Княземъ сего Удѣла.

Время Государей шихихъ рѣдко бываешъ спокойно: ибо мягкосердечіе нхъ имѣешъ

впдъ слабоспи, благопріятной для внѣшнихъ врaговъ и мяпежниковъ внупреннихъ. Ольгердъ, выдавъ дочь свою за Бориса Конспантиновича Суздальскаго, брапа Андреева, и женивъ племянника, Димипрія Корiядовича, на дочери Великаго Князя, спарался, не смопря на шо, болѣе и болѣе спѣсняшь Россiю. Смоленскъ и Брянскъ уже давно зависѣли нѣкопорымъ образомъ опъ Липовскаго Княженiя, какъ союзникъ слабый обыкновенно зависишъ опъ сильнаго: еще не довольный симъ правомъ, Ольгердъ хошѣлъ совершенно овладѣпь ими, и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Iоанна Васильевича, коего опецъ получилъ шогда опъ Хана грамошу на Удѣлъ Брянскiй[343]. Василiй скоро умеръ, и сей несчасшный городъ, бывъ долгое время жершвою мяпежнаго безначалiя, наконецъ (въ 1356 году) поддался Липвѣ. Чшобы опкрышь себѣ пупь къ Тверскому и Московскому Княженiю, Ольгердъ занялъ-было своимъ войскомъ и городокъ Ржевъ; но Тверишяне и жишели Можайска, вспревоженные споль опаснымъ намѣренiемъ, спѣшили вооружишься и выгнали оппуда Липовцевъ. Съ другой спороны Андрей Ольгердовичь, Князь Полоцкiй, все еще злобспвовалъ на Псковишянъ, называя ихъ вѣроломными измѣнниками: они шакже мспили ему за разбой разбоями въ его обласпи, предводимые мужеспвеннымъ Евспафiемъ Изборскимъ.

1354 — 59. Власполюбiе Ольгердово.

Междоусобія.

Внупри Россіи Муромъ, Тверь и Новгородъ спрадали опъ междоусобія. Мы упоминали о Князѣ Юріи Ярославичѣ Муромскомъ[344]: родспвенникъ его Ѳеодоръ Глѣбовичь, собравъ многочисленную полпу людей (въ 1355 году), изгналъ Юрія, обольспилъ Бояръ и вмѣспѣ съ знапнѣйшими изъ нихъ поѣхалъ искапь милоспи Ханской. Князь Юрій чрезъ недѣлю возвращился въ Муромъ, взялъ оспальныхъ Бояръ и пакже опправился къ Чанибеку. Въ Ордѣ былъ поржеспвенный судъ между ими. Ѳеодоръ превозмогъ: Ханъ опдалъ ему не полько Княженіе, но и самого Юрія, скоро умерпаго въ несчаспіи. Симъ первымъ и послѣднимъ раздоромъ Князей Муромскихъ заключилась ихъ крапкая Испорія; родъ оныхъ исчезъ, и сполица, какъ увидимъ, присоединилась къ Великому Княженію.

Вражда между Василіемъ Михайловичемъ Тверскимъ и племянникомъ его, Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ, не могла быпь прекращена ни Великимъ Княземъ, ни Мипрополипомъ Алексіемъ, желавшимъ усовѣспипь ихъ въ Владимірѣ, гдѣ они для пого съѣзжались (въ 1357 году). Василій, особенно покровипельспвуемый Іоанномъ, угнепалъ Всеволода, къ огорченію добраго Тверскаго Епископа Ѳеодора, хопѣвшаго даже оспавипь свою Епархію, чпобы не быпь свидѣпелемъ сей несправедливоспи[345]. Дядя пребовалъ суда въ Ордѣ, узнавъ, чпо племянникъ, оспановленный на пупи Велико-

княжескими Намѣстниками, проѣхалъ туда черезъ Липву — и Ханъ (въ 1358 году) безъ всякаго изслѣдованія выдалъ бѣднаго Всеволода Посламъ Василія, копорый уже обходился съ нимъ какъ съ невольникомъ, опнималъ имѣніе у Боляръ Холмскихъ и налагалъ пяжкія дани на чернь.

Въ Новѣгородѣ былъ великій мяпежъ по случаю смѣны Посадника. Мы видѣли, чпо и Симеонъ мало входилъ въ дѣла памошняго внупренняго правленія: Іоаннъ еще менѣе, и народъ пѣмъ болѣе самовольспвовалъ, не уважая Намѣспшиковъ Княжескихъ. Граждане Конца Славянскаго, изъ всѣхъ пяпи знаменипѣйшаго, вопреки общей волѣ опсправили Посадника Андреяна; пришли въ доспѣхахъ на Дворъ Ярославовъ, разогнали другихъ гражданъ невооруженныхъ, даже умерпвили нѣкопорыхъ Боляръ, и выбрали Сильвеспра на мѣспо Андреяново. Софійская Спорона хопѣла опмспипь Славянской: обѣ гоповились къ войнѣ. Въ пакихъ случаяхъ одна духовная власпь еще не перяла правъ своихъ и могла смягчапь сердца ожеспоченныя злобою. Владыко Моисей, Схимникъ, прозьбою народа изведенный изъ двадцапилѣпняго уединенія, чпобы впорично правипь Церковію, и за болѣзнію принужденный возвранипься въ оное; новый Архіепископъ Алексій, по жребію избранный изъ Ключниковъ Софійскихъ; Архимандрипъ Юрьевскій, Игумены явились среди шумнаго спана воинскаго:

Дѣйспвіе духовной власпи въ Новѣгородѣ.

ибо таковымъ казался весь городъ. Сіпарецъ Моисей, опасноспію опечеспва какъ бы вызванный уже изъ гроба, благословлялъ народъ, именуя всѣхъ своими любезными дѣпьми духовными, и молилъ ихъ не проливать крови брапьевъ. Мяпежъ упихъ; самые неисповые съ умиленіемъ внимали гласу свяпаго опшельника, споявшаго на прагѣ смерпи, и не дерзнули быпь ослушными. Но справедливоспь пребовала наказапь виновниковъ дѣйспвія насильспвеннаго и беззаконнаго: села чесполюбиваго Сильвеспра и другихъ Вельможъ Славянскаго Конца были *взяты на щитъ*, по еспь, разорены по опредѣленію Вѣча. Поспрадали и невинные: ибо осторожная разсмоприпельноспь несвойспвенна мяпежному суду народному. На мѣспо Сильвеспра избрали новаго Посадника, и городъ успокоился[346].

Смерпоубійспво въ Москвѣ.

Въ самой шихой Москвѣ, не знакомой съ бурями граждансkаго своевольспва, опкрылось дерзкое злодѣяніе, и дремлющее Правипельспво оспавило виновниковъ подъ завѣсою пайны. Тысячскій сполицы, именемъ Алексій Петровичь, важнѣйшій изъ чиновниковъ и подобно Князю окруженный благородною, многочисленною дружиною, былъ въ часъ Заупрени найденъ мерпвый среди городской площади со всѣми признаками убіеннаго — кѣмъ? неизвѣспно[347]. Говорили явно, чпо онъ имѣлъ учаспь Андрея Боголюбскаго, и чпо ближніе Бояре, подобно Кучкови-

чамъ, умерпвили его въ слѣдспвіе заговора. Народъ вспревожился: угадывали злодѣевъ; именовали ихъ и пребовали суда. Въ самое по время нѣкопорые изъ Московскихъ Вельможъ — опасаясь, какъ вѣроятно, поржеспвеннаго обвиненія — уѣхали съ семействами въ Рязань къ Олегу, врагу ихъ Государя, и слабый Іоаннъ, давъ время умолкнупь общему негодованію, снова перезвалъ оныхъ къ себѣ въ службу.

Даже и Церковь Россійская въ Іоанново время предспавляла зрѣлище неуспройспва и соблазна для Христіанъ вѣрныхъ. Въ годъ Симеоновой кончины Архіепископъ Новогородскій, Моисей, опправилъ Посольспво къ Греческому Царю и къ Папріарху жаловапься на беззаконное самовласпіе Мипрополипа: вѣроятно, чпо дѣло шло о церковныхъ сборахъ, коими наши Мипрополипы опяг- чали Духовенспво, называя оные учпивымъ именемъ даровъ[348]. Послы, приняпые весьма благосклонно, возвращились съ дружеспвенными грамопами опъ Имперапора, Іоанна Канпакузина, и Папріарха Филоѳея, украшенными *златою печатію*, какъ сказано въ лѣпописи. Содержаніе грамопъ намъ неизвѣспно; но кажепся, чпо Филоѳей, какъ хипрый Грекъ, опдѣлался полько ласковыми словами: ибо не хопѣлъ ссоришься съ Россійскими Мипрополипами, копорые никогда не ѣздили въ Царьградъ безъ даровъ богапыхъ. Въ знакъ особеннаго уваженія къ

Дѣла церковныя.

Святителю Моисею онъ прислалъ ему *крещатыя ризы* или *Полиставрiонъ*.

Сія жалоба Новогородскаго Духовенства на Главу Церкви — вынужденная сребролюбiемъ предмѣстника Алексiева, Θеогноста — оскорбляла доспоинство Митрополитовъ. Другое происшествiе сдѣлало еще болѣе соблазна. Патрiархъ Филоѳей, вмѣсто одного законнаго Митрополита для Россiи, поставилъ въ Конспантинополѣ двухъ: Св. Алексiя, избраннаго Великимъ Княземъ, и какого-то Романа (вѣроятно, Грека). Сiя новость изумила наше Духовенство; оно не знало, кому повиноваться, ибо Митрополиты были не согласны между собою[349]: Романъ же, обязанный Святительствомъ дѣйствiю корыстни, всего болѣе думалъ о своихъ доходахъ, и требовалъ серебра отъ Епископовъ. Св. Алексiй — *не искавъ чести*, по словамъ лѣтописи, *но отъ чести взысканный* — вторично отправился въ Конспантинополь съ жалобами на безпорядокъ дѣлъ церковныхъ, и Филоѳей, желая примирить совмѣстниковъ, объявилъ его Митрополитомъ Кiевскимъ и Владимiрскимъ, а Романа Литовскимъ и Волынскимъ. Не смотря на то, сей послѣдній безъ дозволенiя Алексiева жилъ нѣсколько времени въ Твери, и вмѣшивался въ дѣла Епархiи, призванный, кажется, Всеволодомъ Холмскимъ, который самъ ѣздилъ тогда въ Литву. Романъ заслужилъ его благодарность, убѣдивъ (въ 1360

году) Князя Василія Михайловича отдать племянникамъ престію часть Тверскаго Княженія; былъ осыпанъ почестями и дарами при Дворѣ, но не могъ склонить на свою сторону Епископа Ѳеодора, не хотѣвшаго имѣть съ нимъ никакого сношенія.

Добродѣтели Св. Алексія.

Алексій же, болѣе и болѣе славясь добродѣтелями, имѣлъ случай оказать важную услугу отечеству. Жена Чанибекова, Тайдула, страдая въ тяжкой болѣзни, требовала его помощи. Ханъ писалъ къ Великому Князю: «мы слышали, что Небо ни въ чемъ «не отказываетъ молитвѣ главнаго *Попа* «вашего: да испроситъ же онъ здравіе моей «супругѣ[350]!» Св. Алексій поѣхалъ въ Орду съ надеждою на Бога, и не обманулся: Тайдула выздоровѣла, и старалась всячески изъявить свою благодарность. Въ сіе время Ханскій Посолъ Кошакъ обременялъ Россійскихъ Князей беззаконными налогами: милость Царицы прекратила зло; но *добрый* Чанибекъ — какъ называютъ его наши Лѣтописцы — жилъ не долго. Завоевавъ въ Персіи городъ Таврисъ (основанный любимою супругою славнаго Калифа, Гарунъ-Алрашида, Зебеидою) и навьючивъ 400 вельблюдовъ взятыми въ добычу драгоцѣнностями, сей Ханъ былъ (въ 1357 году) злодѣйски убитъ сыномъ Бердибекомъ, который, слѣдуя внушеніямъ Вельможи Товлубія, умертвилъ и 12 братьевъ. Митрополитъ, очевидецъ сколь ужаснаго происше-

ствія, едва успѣлъ возвратишься въ Москву, когда Бердибекъ прислалъ Вельможу Ипкара съ угрозами и съ насильственными требованіями ко всѣмъ Князьямъ Россійскимъ. Они трепетали, слыша о жестокомъ нравѣ его: Св. Алексій взялъ на себя укротить сего тигра; снова поѣхалъ въ столицу Капчакскую и посредствомъ матери Бердибековой, Тайдулы, исходатайствовалъ милость для Государства и Церкви. Великій Князь, его семейство, Бояре, народъ, встрѣтили добродѣтельнаго Митрополита какъ утѣшителя Небеснаго, и — что было всего трогательнѣе — осмилѣтній сынъ Іоанновъ, Димитрій, въ коемъ расцвѣтала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви къ Алексію, проливая слезы, говорилъ ему съ необыкновенною для своего нѣжнаго возраста силою: «о Владыко! ты даровалъ «намъ *житіе мирное:* чѣмъ изъявимъ тебѣ «свою признательность?» Столь рано открылась въ Димитріи чувствительность къ заслугамъ и къ благодѣяніямъ государственнымъ! — Успокоивъ Россію, Митрополитъ жилъ два года въ Кіевѣ, оставленномъ его предмѣстниками, среди развалинъ и печальныхъ слѣдовъ долговременнаго запустѣнія, стараясь обновить церковное устройство и велелѣпіе храмовъ.

Слова юнаго Димитрія.

Іоаннъ надѣялся княжить мирно; но скоро Царевичь Татарскій, Мамаптъ-Хожа, пріѣхалъ въ Рязань и велѣлъ объявить ему,

что время утвердить законный рубежъ между Княженіемъ Олеговымъ и Московскимъ: то есть, корыстолюбивый Царевичь, уже славный злодѣяніями насилія, хотѣлъ грабить въ обѣихъ земляхъ подъ видомъ разможеванія оныхъ. Великій Князь, ссылаясь на грамоты Ханскія, отвѣтствовалъ, что онъ не впуститъ Посла въ Московскія области, коихъ границы извѣстны и несомнительны. Отвѣтъ смѣлый; но Іоаннъ зналъ, что Мамать-Хожа дѣйствуетъ самовольно, безъ особеннаго Ханскаго повелѣнія; зналъ, можетъ быть, и то, что Бердибекъ уже недоволенъ симъ Вельможею, который скоро долженствовалъ возвратиться въ Орду, и заплатилъ тамъ жизнію за убіеніе какого-то любимца Царева.

Княживъ 6 лѣтъ, Іоаннъ скончался Монахомъ на придцать-третьемъ году отъ рожденія, оставивъ по себѣ имя *Кроткаго*, не всегда доспохвальное для Государей, если оно не соединено съ иными правами на общее уваженіе. — Подобно отцу и брату, онъ написалъ духовную, въ коей приказываетъ Москву двумъ юнымъ сыновьямъ, Димитрію и Іоанну, уступая треть ея доходовъ шестилѣтнему племяннику, Владиміру Андреевичу, и веля имъ вообще блюсти, судить и рядить земледѣльцевъ свободныхъ или *численныхъ* людей; отдаетъ супругѣ Александрѣ разныя волости и часть Московскихъ доходовъ, а Димитрію Можайскъ и

Г. 1359, Нояб. 13. Смерть и завѣщаніе Вел. Князя.

Коломну съ селами, Іоанну Звенигородъ и Рузу; упвержданетъ за Владиміромъ Андреевичемъ Удѣлъ отца его, за вдовствующею Княгинею Симеона и Андреевою, именемъ Іуліаніею, данныя имъ отъ супруговъ волостии, съ тѣмъ, чтобы послѣ Іуліаніи наслѣдовали сыновья Великаго Князя и Владимірь Андреевичь, а послѣ Маріи одинъ Димитрій[351]. Изъ драгоцѣнностей оставляетъ Димитрію икону Св. Александра, золотую шапку, бармы, жемчужную сергу, коробку сердоликовую, саблю и шишакъ золотые; Іоанну также саблю и шишакъ, жемчужную сергу, стаканъ Цареградскій, а двумъ будущимъ зятьямъ по золотой цѣпи и поясу; отказываетъ, вмѣсто *руги*, нѣкоторую долю Княжескихъ прибытковъ церквамъ Богоматери на Крутицахъ, Успенской и Архангельской въ Москвѣ; даетъ волю Казначеямъ своимъ, сельскимъ Тіунамъ, Дьякамъ, всѣмъ купленнымъ людямъ, и проч.

Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго.

Достопамятнымъ случаемъ Іоанновыхъ временъ, связаннымъ съ нашею Исторіею, было происхожденіе нынѣшней Молдавской области, гдѣ въ теченіе семи вѣковъ, отъ третьяго до десятаго, толпились полудикіе народы Азіи и Европы, изгоняя другъ друга и стремясь грабить Имперію Греческую.

Нестеръ говоритъ, что Славяне Россійскіе, Лутичи и Тиверцы, издавна жили по Днѣстру до самаго моря и Дуная, имѣя се-

ленія и *города*. Князья Галицкіе во XII вѣкѣ безъ сомнѣнія владѣли частію Бессарабіи и Молдавіи, гдѣ обипали погда, подъ именемъ Волоховъ, осталки древнихъ Геповъ, смѣшенныхъ съ Римскими поселенцами перваго сполѣтія, также пѣкопорые Печенѣги и Половцы. Замѣтимъ еще, что въ Россійской Географіи XIV вѣка именованы Бѣлгородъ (или Акерманъ), Романовъ, Сучава, Серетъ, Хотинъ, въ числѣ *нашихъ старинныхъ* городовъ[352]. Паденіе Галицкаго Княженія оставило Молдавію въ жертву Татарамъ, и сія земля, граждански образованная Россіянами, снова обратилась въ печальную степь: города и селенія опустѣли. Когда же Моголы, устрашенные счастливымъ оружіемъ Людовика Венгерскаго, около половины XIV вѣка удалились отъ Дуная: тогда Волохи, предводимые Богданомъ или Драгошемъ[353], жившъ прежде въ Венгріи, въ Мармарошскомъ Графствѣ, явились на берегахъ Пруша, нашли тамъ еще многихъ *Россіянъ* и поселились между ими на рѣкѣ *Молдавѣ*; сперва угождали имъ и сообразовались съ ихъ гражданскими обычаями, для своей безопасности; наконецъ же сіи гости столь размножились, что вытѣснили хозяевъ, и возобновивъ древніе наши города, составили особенную независимую Державу, названную *Молдавіею*, коею управляли наслѣдники Богдановы подъ именемъ Воеводъ, и гдѣ языкъ нашъ до самаго XVII вѣка былъ не только церков-

нымъ, но и судебнымъ, какъ-по свидѣпельспвуюпъ подлинныя грамопы Молдавскихъ Господарей[384]. Такимъ же образомъ произошло и Княженіе Волошское, но еще ранѣе: Нигеръ, если вѣрипь преданію, во XII или XIII сполѣпіи вышедши изъ Трансильваніи со многими своими единоземцами, Волохами, ѳсновалъ Терговиспо, Бухареспъ, и власпвовалъ шамъ до конца жизни; преемниками его были другіе, избираемые народомъ Воеводы, копорые зависѣли иногда опъ сильныхъ Государей Венгерскихъ[385].

ГЛАВА XII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЬ.

Г. 1359 — 1362.

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Наслѣдспвенное право. Пріобрѣпенія Ольгердовы. Мяпежи въ Ордѣ. Судъ Князей съ Болгарами. Москва удерживаепъ право Великаго Княженія. Опрокъ Димипрій.

Г. 1359. Въ одно время съ Великимъ Княземъ Іоанномъ Іоанновичемъ умеръ и Ханъ Бердибекъ, бывъ жерпвою своего гнуснаго распупспва, и Кульпа, родспвенникъ его, во-

царился, имѣя двухъ сыновей Христіанской Вѣры, Іоанна и Михаила, обращенныхъ, можетъ быть, Римскими Миссіонаріями или нашимъ Епископомъ Сарайскимъ[356]. Сіе важное обстоятельство казалось весьма благопріятнымъ для Христіанъ; но Кульпа властвовалъ только 5 мѣсяцевъ, и погибъ вмѣстѣ съ сыновьями, убитый Наврусомъ, однимъ изъ потомковъ Чингисова сына, Туши-Хана. Князья Россіи явились въ Ордѣ съ дарами, и новый Царь далъ Великое Княженіе Димитрію Суздальскому, меньшему брату Андрея Константиновича: ибо Андрей, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, не захотѣлъ сей чести[357]. Современники удивились такой несправедливости, разсуждая, что сынъ, и еще меньшій, не можетъ требовать достоинства, коего не имѣли ни отецъ, ни дѣдъ его, и что оно принадлежитъ роду Князей-Московскихъ: мнѣніе, основанное единственно на обычаѣ; въ самомъ же дѣлѣ Андрей и Димитрій Константиновичи были колѣномъ ближе къ Ярославу II, нежели внуки Калиты, и малолѣтство послѣднихъ также удаляло ихъ отъ главнаго престола Россійскаго, окруженнаго опасностями и заботами.

Царевичи Московскіе Христіанской Вѣры.

Г. 1360 — 61.

Наслѣдственное право.

Избранный Ханомъ Великій Князь въѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію жителей, обѣщая снова возвысить достоинство сей падшей столицы. Онъ надѣялся, какъ вѣроятно, перезвать туда и Митрополита;

22 Іюня.

но Алексій, благословивъ его на Княженіе, возвратился въ Москву, чтобы исполнить обѣтъ Святителя Петра, и жить близъ его чудотворнаго гроба. — Новгородъ, не любя и боясь самовластія Князей Московскихъ, охотно принялъ Намѣстниковъ Димитрія Константиновича; а Димитрій, желая только пользоваться Княжескими доходами, согласился на всѣ предложенныя ему тамъ условія[358]. — Въ сіе время Новогородцы не имѣли войны, однакожь спарались болѣе и болѣе укрѣплять столицу: взяли казну Софійскую, собранную Архіепископомъ Моисеемъ, и поправили каменныя городскія стѣны. Духовенство не роптало на такое употребленіе церковнаго серебра, разсуждая благоразумно, что отечество и Святая София нераздѣльны, и что безопасность перваго утверждаетъ благосостояніе Церкви. Нѣмцы и Шведы не тревожили Новагорода; но хищный Ольгердъ устрашалъ его и всю Россію, непрестанно думая о завоеваніяхъ.

Пріобрѣтенія Ольгердовы.

По кончинѣ Іоанна Александровича Смоленскаго онъ взялъ городъ Мстиславль и Ржевъ; овладѣлъ еще прежде Бѣлымъ, осаждалъ даже въ Смоленскѣ Іоаннова сына, Князя Святослава, и безпокоилъ Тверскую область[359] Россія, съ тайнымъ удовольствіемъ видя междоусобіе Моголовъ, въ то же время опасалась быть жертвою Литовскаго завоевателя.

Царство Капчакское явно клонилось къ

паденію: смятеніе, измѣны, убійства изнурял его внутреннія силы. Одинъ изъ Полководцевъ, именемъ Хидырь, кочевавъ за рѣкою Ураломъ, пришелъ на берега Волги, обольстилъ Вельможъ Ординскихъ, убилъ Навруса, Царицу Тайдулу, и сдѣлался Великимъ Ханомъ[360]. Еще Князья наши рабски повиновались симъ хищникамъ: Конспантинъ Росповскій выходилъ въ Ордѣ грамоту на всю наслѣдственную область свою, а Димитрій Іоанновичь, внукъ Давида Галицкаго, на *Галичь*, хотя сей Удѣлъ былъ купленъ Іоанномъ Даніиловичемъ Калитою. Великій Князь, братъ его Андрей Нижегородскій и Конспантинъ Росповскій долженствовали предъ Ханскимъ Посломъ судиться въ Костромѣ съ Болгарами, ограбленными шайкою нашихъ разбойниковъ: Князья, опыскавъ виновныхъ, выдали ихъ и сами поѣхали въ Орду съ данію. Но Хидырь уже плавалъ въ крови своей, убіенный сыномъ Темирхожею. Сей злодѣй царствовалъ спокойно только шесть дней; въ седьмый открылся бунтъ: Темникъ Мамай, сильный и грозный, возмутилъ Орду, умертвилъ Темирхожу, перешелъ съ луговой на правую сторону Волги и назвалъ Ханомъ какого-то Авдула. Явились и другіе Цари: Кальдибекъ, мнимый сынъ Чанибековъ, хотѣлъ заступить мѣсто отца, но скоро погибъ; многіе Вельможи заключились въ Сараѣ съ Ханомъ Муруномъ, братомъ Хидыревымъ; Князь Булак-

Мятежи въ Ордѣ.

Судъ Князей съ Болгарами.

г. 1361.

ıпемиръ овладѣлъ землею Болгарскою, а Тагай Бездежскій Мордовскою (гдѣ нынѣ городъ Наровчатъ). Они рѣзались между собою въ ужасномъ остервененіи; тысячи падали въ битвахъ или гибли въ степяхъ отъ голода. — Князья наши не знали, кто останется повелителемъ или тираномъ Россіи, и спѣшили удалиться отъ театра убійствъ; нѣкоторые были ограблены въ столицѣ Ханской, другіе на возвратномъ пути, и едва спасли жизнь свою.

Юный Димитрій Іоанновичь Московскій также находился въ Ордѣ, но успѣлъ выѣхать оттуда еще до Хидырevой смерти и мятежа. Мать, вдовствующая Княгиня Александра, Митрополитъ Алексій и вѣрные Бояре пеклися о благѣ отечества и Государя: дѣйствуя по ихъ внушеніямъ, сей отрокъ объявилъ себя тогда соперникомъ Димитрія Суздальскаго въ достоинствѣ Великокняжескомъ, и звалъ его на Ханскій судъ, чтобы рѣшить дѣло безъ кровопролитія. Царство Капчакское уже раздѣлилось; но кто господствовалъ въ Сараѣ, тотъ казался еще законнымъ Ханомъ Орды, и Бояре Московскіе вмѣстѣ съ Суздальскими отправились къ Мурату. Вѣроятно, что
Г. 1362.
сія честь удивила его: угрожаемый со всѣхъ сторонъ опасностями, тѣснимый свирѣпымъ Мамаемъ, и будучи на тронѣ Батыевомъ только призракомъ могущества, имѣлъ ли онъ право располагать иными Державами?

Однакожь, предспавляя лице древнихъ Хановъ, Мурупъ судилъ Пословъ, и призналъ малолѣпнаго Димипрія Іоанновича Главою Князей Россійскихъ, для того, какъ вѣроятно, чпо соединяя знаменипую Московскую Державу съ областями Великаго Княженія надѣялся воспользоваться его силами для упвержденія собспвеннаго преспола. Москва удержаваепъ право Великаго Княженія.

Но какъ сей Ханъ могъ послапь полько грамопу, а не войско въ Россію, по Князь Суздальскій не уважилъ его суда и не хопѣлъ выѣхапь ни изъ Владиміра, ни изъ Переславля-Залѣсскаго. Надлежало прибѣгнупь къ оружію. Вс Бояре Московскіе, одушевленные ревноспію, сѣли на коней, и выспупили подъ начальспвомъ прехъ юныхъ Князей, Димипрія Іоанновича, меньшаго брапа его и Владиміра Андреевича[361]. Бывшій Великій Князь не ожидалъ пого: по крайней мѣрѣ не дерзнулъ обнажипь меча, и бѣжалъ въ Суздаль; а Димипрій Московскій занялъ Переславль, съ обыкновенными обрядами сѣлъ на пронъ Андрея Боголюбскаго въ Владимірѣ, жилъ шамъ нѣсколько дней, и возвращясь въ Москву, распуспилъ войско: ибо не думалъ гнапь своего предмѣспника, осшавивъ его спокойно княжипь въ Удѣлѣ наслѣдспвенномъ.

Такимъ образомъ слабая рука двѣнадцапи-лѣтняго опрока взяла кормило Государспва раздробленнаго, пѣснимаго извнѣ, возмущае-маго междоусобіемъ внупри. Іоаннъ Калипа Опрокъ Димишрій.

и Симеонъ Гордый начали спасительное дѣло Единодержавія: Іоаннъ Іоанновичь и Димитрій Суздальскій остановили успѣхи онаго, и снова дали частнымъ Владѣтелямъ надежду быть независимыми отъ престола Великокняжескаго. Надлежало поправить разстроенное сими двумя Князьями и дѣйствовать съ тѣмъ осторожнымъ благоразуміемъ, съ тою смѣлою рѣшительностію, коими не многіе Государи славятся въ Исторіи. Природа одарила внука Калитина важными достоинствами; но требовалось не мало времени для приведенія ихъ въ зрѣлость, и Государство успѣло бы между тѣмъ погибнуть, если бы Провидѣніе не даровало Димитрію пѣстуновъ и совѣтниковъ мудрыхъ, воспитавшихъ и юнаго Князя и величіе Россіи.

КОНЕЦЪ IV ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ IV ТОМУ

ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) «Гониша по нихъ (Князьяхъ) Тапарове и не «обрѣпоша, яко же и Саулъ гоняше Давида, но Богъ «избави: шако и сихъ Вел. Князя Ярослава съ благо- «родными сыны; бѣ же ихъ шеспь» (кромѣ убипаго въ Твери): «Олександръ, Андрей, Коспянпинъ, «Аѳанасій, Данило, Михайло; а Свяпославъ съ сы- «номъ Дмипріемъ, Иванъ Всеволодовичь, Василько- «вичи два, Борисъ и Глѣбъ, Всеволодичь Василій» (внукъ Конспанпиновъ, сынъ Всеволода Ярославскаго).

(2) См. *Пушкин. Лѣт.*

(3) См. *Пушк.* и *Воскр. Лѣт.*— См. ниже, примѣч. 100. Сей Смоленскій Князь Всеволодъ Мспиславичь названъ въ Родословн. Книгахъ Андреемъ.—Далѣе см. *Волынск. Лѣт.*

(4) См. Прая Annal. Reg. Hung. Кн. IV, 251, и Dissert. спр. 113; также Гебгарди Gesch. des R. Hung. II, 103. Копянъ называется въ Венгерскихъ лѣпописяхъ Cothan и Cuthen. Онъ принялъ погда Вѣру Христіанскую вмѣспѣ со многими изъ своихъ единоземцевъ. — Карпинъ (Voyage его спр. 47) пишетъ, что Моголы приспупали погда къ городу Орнѣ, поспроенному на берегахъ Дона близъ устья сей рѣки, славному порговлею и весьма богапому; что въ немъ жили Христіане: Козары, Алане или Яссы, Россіяне и нѣкопорые Сарацины; что Баспый, не имѣя надежды взяпь его силою, велѣлъ запрудипь Донъ и попопилъ городъ. Сія *Орна* (по нашимъ лѣтописямъ *Орначь*) не еспь ли *Тана* или нынѣшній Азовъ? или не *Ахасъ* ли? см. сей *Исторіи* Т. VII, въ концѣ, или Гербершп. R. M. Comment. 74.

(5) См. *Никон.* и *Пушк. Лѣт.* — Въ *Воскр. Лѣт.* несправедливо именованъ Мспиславъ внукомъ Свяпослава *Ольговича*: дѣдъ его, опецъ Глѣбовъ и Всеволода Чермнаго, былъ Свяпославъ *Всеволодовичь*, сынъ Всеволода II.

(6) Нассиреддинъ называетъ Кіевъ *Куява*, а Олугбегъ *Куя:* см. Баер. Geogr. Russ. ex Const. Porph. въ *Коммент. Акад.* IX, 411. — Въ нашихъ лѣтописяхъ Мангу именуется Менгуханомъ. Объ немъ сказано: «спа на оной спранѣ Днѣпра у града Песоч-«наго» (см. *Больш. Чертежъ*).

(7) См. *Волын. Лѣт.* Въ Родосл. Книгахъ сказано, что Даніилъ, поѣхавъ къ Королю Белѣ, взялъ съ собою Роспислава Мспиславича, который и скончался въ Венгріи. О Белѣ см. Прая Ann. Reg. Hung. IV, 249.

(8) См. *Воскр.* и *Волын.* — Татарскій Воевода Урдю или Орду, по сказанію Карпина (спр. 9), считался первымъ Воеводою Моголовъ.

(9) Длугош. Hist. Polon. кн. II, спр. 154. Но Длугошъ ошибся, думая, что сіи знаки разрушенія напоминали месть Болеслава Храбраго: не Болеславъ, а Батый столь ужаснымъ образомъ разорилъ Кіевъ. Въ семъ городѣ находился тогда Монахъ Западной церкви, именемъ Іакинеъ, который весьма живо описалъ Папъ звѣрство Татаръ и разореніе Кіева (см. Бержерон. Traité des Tartares, спр. 27).

(10) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 424.

(11) См. *Синопсисъ:* тоже описано и въ другихъ историческихъ рукописяхъ XVII вѣка.

(12) Сей городокъ или мѣстечко, нынѣ именуемое Ладыжинъ, находится въ Подол. Губ., на Бугѣ. — Въ *Русск. Врем.* (I, 113) написано, что Батый тогда же подступалъ и къ Смоленску, гдѣ находился Св. Меркурій, благородный Римлянинъ Греческой Вѣры, слуга Князя Смоленскаго; что Моголы отрубили ему голову и проч. Ни въ Прологѣ, ни въ Минеяхъ нѣтъ Меркуріева житія. Въ Слѣдованной Псалтири сказано, что онъ убитъ въ 1247 г.: слѣдственно гораздо послѣ того, какъ Батый взялъ Кіевъ. — О вѣроломствѣ Моголовъ см. Карпина Voyage въ Бержерон. спр. 55; объ Изяславѣ сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 283.

(13) Сіе изображеніе Россіи взято изъ *Степен. Кн.* I, 333, 334, и *Русск. Врем.* I, 121.

(14) См. Робертсон. View of the Stade of Europe, стр. 13, Вѣнск. изд.

(15) См. *Исторію* Кн. Щербатова: говоря о томъ, онъ забылъ, кажется, все чтанное имъ въ нашихъ лѣтописяхъ о состояніи древней Россіи.

(16) По сказанію Лѣтописцевъ Венгерскихъ, Батый вступилъ въ ихъ землю съ 500,000 воиновъ. Сочинитель Житія Св. Михаила Черниговскаго пишетъ, что при осадѣ Кіева находилось 600,000 Татаръ (см. *Минею*, Сентября 20). Народы, побѣжденные Моголами, должны были обыкновенно давать имъ людей годныхъ для военной службы.

(17) См. Карпин. Voyage въ Берж. стр. 49 — 55, и Дегин. Histoire des Huns, Кн. XV, стр. 3 — 9.

(18) Пишутъ, что Моголы ѣли даже человѣческое мясо, крысъ и вшей (см. Дегин. Hist. des Huns, Кн. XV, стр. 4).

(19) Они сими крюками стаскивали непріятелей съ лошадей. — Далѣе см. *Пушкин.* и *Волынск. Лѣт.* Удивительно, какъ могъ Великій Князь въ такое бурное время изъ Владиміра Суздальскаго въ нынѣшнюю Подольскую Губернію! Мы упоминали въ 1229 г. о Ярославѣ Ингваревичѣ, получившемъ отъ Даніила въ Удѣлъ Межибожье и Перемиль; но Суздальскій или Пушкинскій Лѣтописецъ безъ сомнѣнія говоритъ здѣсь о Великомъ Князѣ Ярославѣ.

(20) Въ *Волынск. Лѣт.*: «Холмъ бо городъ сице бысть созданъ. Данилови княжащу въ Володимери, създа градъ Угровескь, и поставн въ немъ «Епископа. Ѣздящю же ему по полю и ловы дѣюще, «и видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ, обходящю «округъ его полю, и прана *туземецъ*» (тамошнихъ жителей) «како именуется мѣсто се. Они же рекоша: *холмъ*... «И съпвори ту градецъ малъ.... И създа» (тутъ же послѣ) «градъ иный, его же Татарове не «возмогоша пріяти. Тогда же церковь Св. Троицы «зажжена бысть, и паки създана... И Кн. Данило

нача призывати пріхожая Нѣмци и Русь и иноя «язычникы и Ляхы.... Бѣжаху изъ Тапаръ сѣделни- «ци, и лучници, и пулници, и кузпеци желѣзу и мѣ- «ди, и сребру, и бѣ жизнь, и наполниша дворы «окреспь града поле. Създа жь церковь Св. Ивана... «комары 4, съ каждо угла переводъ и спояніе ихъ «на чепырехъ головахъ человѣческыхъ, изъваяно опъ «нѣкоего хипреца; окна ипри украшена спъклы Рим- «скыми. Входяще въ олпарь спояспа два сполпа «опъ цѣла камене, и на нею комара; выспръ же «върхъ украшенъ звѣздами золопыми на лазури: «вънупръній же ей помоспъ бѣ сълипъ опъ мѣди «и опъ олова чиспа, яко блещашеся яко зерцало; «двери же ея двоя украшены каменіемъ Галицкымъ «бѣлымъ и зеленымъ Холмъскымъ песанымъ, изрипы «нѣкымъ хипрецемъ Авдеемъ; *прилѣпы* (корнизы) «опъ всѣхъ шаровъ (красокъ) и злапа; напреди ихъ «же бѣ издѣланъ Спасъ, а на полунощныхъ Іоаннъ «Св.... Украси же иконы, еже принесе изъ Кыева, «каменіемъ драгымъ и бисеромъ и злапомъ, и образъ «Спасовъ и Св. Богородицы, иже вда ему *сестра* «*Θеодора*; икопу же принесе изо Вручего (Овру- «ча) Вспрѣшеніе... и колоколы принесе изъ Кыева; «другія пу еолья...Вежа же среди города высока, «яко бипи съ нея окреспъ града, подздана каме- «ніемъ, въ высопу 15 локопь, създана же древомъ «песанымъ и убѣлена яко сырь, свѣтящися на всѣ «спороны; спуденець, рекомый кладязь, близъ ея, «сажней имущь 35... Посади же садъ красенъ, и «създа церковь Свв. Безмездникома въ чеспь, имапь 4 «сполпы опъ цѣла камене песанаго, дръжаща връхъ; «съ пѣхъ же другіи въ олпарь Св. Димипрія; спо- «ипь же писъ предъ богочиными дверми красенъ и «пренесенъ издалече; споипь же сполпъ поприще «опъ города каменъ, а на немъ орелъ каменъ изва- «янъ; высопа жь камени 10 локопь, съ головами жь «и съ подножкы 12 локопь»..... О войнѣ Данпила съ Поляками см. въ семъ же *Лът.* — Въ *Пушк.* и въ другихъ: «Тапарове (въ 1241 г.) убиша Мспислава

«Рыльскаго.» Чей онъ былъ сынъ, неизвѣстно. Въ 1185 г. княжилъ въ Рыльскѣ Святославъ Ольговичь, внукъ Святослава же Ольговича Сѣверскаго.

(21) *Воскр. Лет.* II, 206. Полоцкій Князь Брячиславъ могъ быть сыномъ или внукомъ Василька Кривскаго.

(22) См. Дузбурга Chronicon Prussiae, стр. 13 — 27, и Келха Liefländ. Gesch. 78 — 84.

(23) См. Арндт. Liefländ. Chr. II, 42, 45, и наши лѣтописи (*Воскр.* II, 207, *Пушкин.* и друг.)

(24) Въ особенномъ описаніи Александровыхъ подвиговъ сказано, что Король часпи Римскія, слыша о мужествѣ нашего Князя, желалъ побѣдить его или *взять руками*. *Новог. Лет.* называетъ сего непріятеля Княземъ Шведскимъ, а сочинитель *Родосл. Книги* (описывая происхожденіе Морозовыхъ) Нѣмецкимъ Королемъ *Варгушемъ*. Въ Швеціи царствовалъ тогда Эрикъ Эриксонъ, прозваніемъ *Леспе* (*шепетливый*): онъ былъ хромъ, и поручалъ всѣ дѣла воинскія славному Биргеру, особенно защиту Финляндіи (см. Далина Gesch. des R. Schw. II, 165). Въ мнимомъ завѣщаніи Шведскаго Короля Магнуса (которое вмѣщено въ наши современныя лѣтописи) именно сказано, что Александръ Невскій побѣдилъ Биргера. — Папа всячески возбуждалъ Шведовъ распространять Христіанство оружіемъ въ Финляндіи и въ окрестностяхъ ея (Далин. G. des R. Schw. II, 157). — Въ лѣтописи: «Пріидоша Свѣи въ силѣ велицѣ, и Мурмане (Норманы или Норвежцы) и *Сумь* и *Емь*.» См. сей *Исторіи* Т. I, пр. 72. Въ семъ походѣ не участвовали Ливонскіе Рыцари.

(25) О семъ чудѣ не упоминается въ *Новогород. Лет.*; но сочинитель описанія Александровыхъ подвиговъ разсказываетъ оное. — Современники ли именовали Александра Невскимъ? Въ описаніи дѣлъ его и въ *Лет. Новогород.* нѣтъ сего прозванія, которое находится въ *Степенной Книгѣ*.

(26) Въ *Степ. Кн.* (I, 362): «Сій Ярославъ, сынъ Владимірь, *внукъ Рюриковъ Кіевскаго*:» нѣтъ; онъ былъ сынъ Владиміра Псковскаго (сей *Ист.* Т. III, пр. 161).

(27) Жители Феллина именованы Вельядцами, ибо сей городъ назывался Vellnio, Vilinde; по-Эстонски Wiliandi-lin. Арндтъ въ Liefländ. Chr. (II, 45) и Кельхъ въ своей Исторіи (стр. 35) пишутъ, что Вел. Магистръ Бальке вмѣстѣ съ Дерптскимъ Епископомъ Германомъ ходилъ на Псковъ, и положивъ на мѣстѣ 600 Россіянъ, оставилъ тамъ гарнизонъ, ибо Кн. Псковскій, *Ярополкъ*, сдалъ ему городъ, а самъ удалился. Кто былъ сей Ярополкъ, неизвѣстно. Въ Псков. лѣтописи поставлено то же число убитыхъ Россіянъ.

(28) Причина ссоры неизвѣстна. — Въ *Ник. Лът.* сказано, что Александръ, пріѣхавъ къ отцу, княжилъ въ Переславлѣ. — Далѣе см. *Новог. Лът.*

(29) Въ *Никонов.* сказано, что сей Князь и въ Новѣгородѣ повѣсилъ бунтовщиковъ.

(30) См. Арндт. Liefl. Chr. II, 46. — Далѣе см. лѣтописи и описаніе подвиговъ Александра.

(31) См. Арндт. Liefländ. Chr. II, 46. Въ описаніи Александровыхъ подвиговъ и въ Псковской лѣтописи.....«И нача имя слыти Вел. Кн. Александра по всѣмъ «странамъ отъ моря Варяжьскаго и до моря Понть-«скаго и до моря *Хонуженскаго* и до страны Тиверейскія (Тавриса) «и до горъ Арарапскыхъ, и обону страну «моря Варяжскаго и до Великаго Риму.»

(32) См. *Новогород. Лът.*

(33) О семъ Ярославѣ см. выше, примѣч. 26. Далѣе см. *Новог. Лът.* и описаніе подвиговъ Невскаго.

(34) См. Voyage Рубруквиса въ Бержер. стр. 3.

(35) Абульгази Hist. des Tatars, стр. 370. Ярославъ поѣхалъ къ Батыю, а сынъ его къ Великому Хану въ 1243 г. — О Кн. Василіи Всеволодовичѣ см. выше, примѣч. 1. *Никонов. Лът.* называетъ Владиміра Угличкимъ. Константинъ Ярославичь возвратился съ честію отъ Хана въ 1245 г.: тогда же Вел. Князь съ братьями и съ племянниками поѣхалъ опять къ Батыю.

(36) См. *Воскр.* II, 225, Карпина Voyage, Гл. VII и XIII. Въ *Степен. Кн.* въ исчисленіи побѣжден-

ныхъ Тапарами народовъ именуются *Буртасы*, о коихъ упоминаетъ и Карпинъ (стр. 58), называя ихъ Brutaches, и сказывая, что они были Іудейской Вѣры. — Тѣло Ярослава Всеволодовича погребено въ Владимірѣ, въ Успен. Соборѣ, въ придѣлѣ на правой сторонѣ. — Лѣтописцы говорятъ только, что Ярославъ *положилъ душу* свою за Россію, и былъ ко всѣмъ милостивъ (см. *Воскр.* II, 225); но не хваляпъ его такъ плодовито, какъ Георгія II или Константина. Однакожь по рукописнымъ Святцамъ онъ включенъ въ ликъ Угодниковъ Божіихъ. — Случаи Ярославова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе: Въ 1240 г. родилась у Ярослава дочь Марія, а въ 1241 сынъ Василій. Въ семъ году, по какому-то преданію, княжилъ въ Костромѣ К. Василій Георгіевичь, сынъ Георгія Ярославича, прозванный Квашнею, и въ двухъ верстахъ отъ сего города, близъ небольшаго озера, разбилъ Татаръ, шедшихъ отъ Ярославля съ добычею и плѣнниками: въ память чего это озеро именуется *Святымъ*, а побѣда приписывается Ѳеодоровской иконѣ Богоматери, явившейся при семъ К. Василіи Георгіевичѣ, котораго не знаемъ: см. *Словарь Географ. Рос. Государства*, въ спасскѣ *Кострома*.

(37) Дочь ли Мстислава Мстиславича Галицкаго, или Ярославъ женился послѣ на другой, не знаемъ. Она скончалась 4 Маія и была названа въ Инокиняхъ Евфросиніею. *Никон. Лът.* прибавляетъ: «понеже «иногда даваху имена не съ перваго слова, но въ ко- «торый день постризашеся кто во Иноци.» Въ описаніи Княжескихъ гробовъ, сообщенномъ мнѣ отъ Г. Губернатора Владимірскаго, показано, что сія Вел. Княгиня и сынъ Ярославовъ, Ѳеодоръ, лежатъ въ Владимірѣ, Вткмч. Георгія.

(38) Михаилъ убитъ въ томъ же 1246, Сент. 20.

(39) См. *Волынск.*, *Воскр.* (II, 219), и *Ростов.* — К. Борисъ Васильковичь былъ сынъ Маріи, дочери Михаиловой.

(40) Такъ и Карпинъ называетъ сего Министра и

Стольника Батыева (стр. 6), сказывая, что Монголы заставляли Михаила поклониться образу Чингисханову, и что Батый *чрезъ сына Ярославова* объявилъ ему смерть въ случаѣ неповиновенія.

(41) См. *Воскр.* (II, 223), *Волын.* и *Никон. Лът.*

(42) О сыновьяхъ Михаиловыхъ см. въ *Родосл. Книгахъ.* Объ Андреѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ упоминается въ *Волынск. Лът.* подъ г. 1261 по Ипатьевск. списку. Въ *Родосл. Книг.* названъ Всеволодомъ сынъ Юрья Михайловича; но вѣроятнѣе, что сей Андрей былъ внукомъ, а не правнукомъ Михаила Черниговскаго. См. о Роспиславѣ Гебгарди G. des R. Hungarn. II, 118, — Прая Ann. Reg. Hung. кн. IV, 310. — Длугош. H. Pol. кн. VII, 774, и Наруш. H. Nar. Polsk. V, 96. Длугошъ называетъ дочь Роспиславу *Грифиною*, т. е. Агриппиною. Супруга его въ 1264 г. была уже вдовою (см. Энгел. G. v. Halitsch, 569). Въ *Родосл. Книг.* несправедливо сказано, что Роспиславъ умеръ бездѣтенъ.

(43) См. *Волын. Лът.*

(44) Одни должны были ѣхать черезъ Россію, другіе черезъ Персію. См. Дегин. Кн. XV, 103, и Берж. Voyag. T. I; также Шпренгеля Gesch. der Entdeck., который, ссылаясь на Историка современнаго, пишетъ о тогдашнемъ ужасѣ Европы, и сказываетъ, что сей ужасъ въ 1238 г. мѣшалъ даже и ловлѣ сельдей на берегахъ Англіи (стр. 270).

(45) Карпинъ упоминаетъ о городкѣ Даниловѣ на пути изъ Волыніи въ Кіевъ. — Мы предлагаемъ здѣсь Читателямъ не всѣ, а только важнѣйшія для насъ подробности Карпинова сочиненія, которое находится въ Бержерон. собраніи путешествій.

(46) Карпинъ сказываетъ, что на берегахъ Днѣпра начальствовали Корренза и *Монтій*, который самомъ былъ еще выше перваго; на Дону *Тирбонъ*, женатый на сестрѣ Батыевой; на Волгѣ самъ Батый, а на Яикѣ другіе Воеводы.

(47) Сію черту взялъ я изъ Рубруквисова путешествія.

(48) Карпину сказывали, что Самоѣды имѣютъ собачьи головы!

(49) Объ нихъ упоминается и въ нашихъ лѣтописяхъ (*Архангел.* стр. 81). Карпинъ называетъ Государя Бесерменовъ Altisoldan: такъ дѣйствительно назывался Харазскій или Хивинскій Султанъ Магометъ, побѣжденный Чингисханомъ (см. Т. III, стр. 227). Сей путешественникъ также ясно означаетъ предѣлы Харазской Имперіи, сказывая, что она граничила на Югъ съ Іерусалимомъ и Багдадомъ. Имя *Бесерменовъ*, которые были Магометанской Вѣры, означало, какъ вѣроятно, *Мусульмановъ*. Послѣ стали въ Россіи называть всѣхъ невѣрныхъ *Бусурманами*.

(50) См. сей Исторіи Т. III, примѣч. 242.

(51) Карпинъ цѣнитъ конскій приборъ каждаго въ 20 марокъ или 10 фунтовъ серебра. См. въ Дюканж. Gloss. med. et infim. Latin. о значеніи имени purpura alba.

(52) Мы не знаемъ содержанія Гаюкова письма; но въ то же время Воевода его, Байотной, покоривъ часть Персіи, отвѣтствовалъ Папѣ чрезъ Монаха Асцелина (см. въ Берж. собр. Voyage d'Ascelin, стр. 79) слѣдующимъ образомъ: «Согласно съ божественнымъ повелѣніемъ Вел. Хана пишетъ Байотной. «Знай, Папа, что послы твои у насъ были и вручили намъ письмо. Они говорили странныя рѣчи: «по твоему ли приказанію или отъ себя? Въ письмѣ сказано, что мы истребляемъ людей; но такъ «вѣщаетъ Богъ: *покорися всесильному, да обитаешь «мирно на своей землѣ и водѣ наслѣдственной, или «да умретъ ослушникъ!* Мы говоримъ тебѣ сіи же «слова: ежели хочешь обитать на своей землѣ и водѣ наслѣдственной, то самолично явися къ намъ, «или будетъ съ тобою, Папою, что извѣстно Богу «единому.»

(53) См. Райн. Ann. Eccl. XIII, 617 — 630. Тамъ напечатаны письма Иннокентіевы къ Даніилу, къ Россіянамъ вообще, и къ Архіепископу Прусскому, писанныя въ 1246 и 1247 г. — Василько, братъ Да-

ціиловъ, именуется здѣсь *Королемъ Владимірскимъ*)Wasilco, Rex Laudemeriae). Яблоновскій въ своихъ родословныхъ (Tabulae Iablonovianae) называетъ Василькову супругу Княжною Заславскою. Иннокентій писалъ къ ней особенное письмо, и назначилъ какого-то Монаха Алексія съ товарищемъ его быть при Дворѣ Галицк. Князя (Райн. Annal. Eccl. XIII, 617); а Генрику, Архіепископу Прусскому, далъ власть принимать въ духовный санъ людей, рожденныхъ отъ незаконнаго брака.

(54) Длугошъ полагаетъ коронованіе Даніила въ 1246 г. Иннокентій въ грамотѣ 1247 г. уже дѣйствительно называетъ его Королемъ; но въ лѣтописи Волынской именно означено, что Даніилъ принялъ вѣнецъ послѣ войны Богемской, слѣдственно въ 1253 или въ 1254 г. (см. Длугош. H. Pol. VII, 734, и Прая Ann. R. Hung. IV, 294). — Даніилъ нѣсколько разъ дружился и ссорился съ Папою. Въ 1249 г. онъ выгналъ Епископа Альберта, коего Иннокентій прислалъ быть главою нашего Духовенства въ южной Россіи (см. Райнальд. Ann. Eccl. г. 1249, No 15). Въ 1252 г. Кор. Венгерскій опять примирилъ Даніила съ Римомъ, такъ, что сей Князь отправилъ посольство къ Папѣ (см. Энгел. Gesch. von Halitsch, стр. 570).

(55) См. Райнальд. Annal. Eccles. XIII, 696. Сія грамота писана въ 1253 г.

(56) См. Райнальд. Annal. Eccl. XIV, г. 1257, No 26, и Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 779.

(57) Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 705.

(58) Но Рубруквисъ сказываетъ, что жены ихъ были весьма полсты.

(59) Такъ пишетъ Рубруквисъ, въ Бержерон. изд. стр. 14. Головной женскій уборъ назывался *Botta*, состоялъ большею частію изъ коры древесной, покрываемой тафтою или иною богатою тканію, и походилъ на высокую пирамиду, украшенную вверху серебряными или золотыми пупиками и павлиными перьями. «Смотря издали на толпу Могольскихъ «всадницъ» — говоритъ Рубруквисъ — «иностранецъ

«вообразитъ, что на головахъ у нихъ шлемы, а въ «рукахъ подняпыя вверхъ копья.»

(60) Карпинъ пишетъ: André, Duc de Sarvogle en Russie. Имя города кажется испорченнымъ; но сей Андрей долженъ быть сыномъ Мстислава Кіевскаго, умерщвленнаго Татарами на Калкѣ: ибо въ одной Синод. лѣтописи (No 52, л. 48) сказано: «въ лѣто «6753 (1245) Царь Батый уби Кн. Андрея Мьстиславича.»

(61) См. Рубрукв. Voyage, стр. 122.

(62) Карпинъ пишетъ (стр. 56), что сей звѣрокъ, называемый въ Россіи и Польшѣ Dochon (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 230), а въ Германіи Illic, имѣетъ черноватую кожу и живетъ въ землѣ (см. *Учен. Москов. Вѣдомости*, г. 1806. No 1).

(63) Не знаемъ, который изъ сыновей Ярославовыхъ жилъ въ Ордѣ.

(64) Сіи-то Россіяне, жившіе въ степяхъ Половецкихъ какъ дикари, назывались, думаю, *Бродниками*, о коихъ со XII вѣка упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 269).

(65) Абульгази сказываетъ только, что Окпай умеръ внезапно; но повѣствованіе современнаго Карпина достойно уваженія. Одна изъ придворныхъ женщинъ была казнена, по доносу, что она дала ядъ сему Хану (Карп. Voyage, стр. 21). — Здѣсь Монахъ Карпинъ учитъ Государей Европейскихъ, какъ надобно воевать съ Татарами, и наконецъ къ испинѣ своего повѣствованія ссылается на свидѣтельство Кн. Россійскихъ, Даніила Галицкаго, Романа, (вѣроятно, сына Михаилова, Кн. Черниговскаго и Брянскаго по нашимъ Родосл. Книгамъ), встрѣтившагося ему на пути въ Орду — какого-то *Іонелла* и *Алоевы*, также Кіевскаго градоначальника *Монгрота*, слугъ Ярославовыхъ, и на безъименнаго Суздальца, который переводилъ Хану слова Карпиновы и проч.

(66) О сихъ Готѳахъ, обитавшихъ въ Тавридѣ съ III вѣка, см. въ нашей *Исторіи* Т. I, пр. 86. Слѣды ихъ сохранились тамъ до XVI вѣка. Извѣстный

Бусбекъ, разговаривая съ послами Хана Крымскаго, замѣтилъ между ими одного, имѣвшаго лице совсѣмъ особенное, не Тапарское. Сей человѣкъ сказывалъ, что онъ инаго народу, живущаго въ горахъ Тавриды, и хотя, вышедши оттуда весьма давно, забылъ языкъ свой, но помнитъ еще нѣкоторыя слова. Бусбекъ написалъ сіи слова: всѣ они древняго Готѳскаго языка, извѣстнаго намъ по Улфилину Готѳскому переводу Нов. Завѣта (Mém. sur les Cimmériens par Frèret, г. 1746 — 1748 въ Mém. de l'Ac. des Inscr., гдѣ Авторъ ссылается на Бусбеково письмо отъ 16 Дек. 1562).

(67) Мокшане, какъ извѣстно, составляютъ особенное племя Мордвы: Рубруквисъ называетъ первыхъ Moxel, а вторыхъ Merdas, сказывая, что послѣдніе были закона Магометанскаго.

(68) См. Рубрукв. Voyage, стр. 40. Сей путешественникъ нашелъ на берегу Волги новый, построенный Тапарами домъ, гдѣ они жили вмѣстѣ съ Россіянами, перевозя черезъ рѣкуословъ, ѣдущихъ въ станъ Батыевъ.

(69) Рубруквисъ пишетъ, что Мангу-Ханъ, человѣкъ средняго росту и лѣтъ 45, сидѣлъ на тронѣ въ богатой шубѣ, которая имѣла лоскъ тюленьей кожи; что у него былъ носъ приплюснутый, и проч.

(70) Рубр. Voyage, стр. 74, 99, 105, 119.

(71) См. Дегин. Hist. des Huns, кн. XV, стр. 112.

(72) Рубрукв. ѣхалъ изъ Тапаріи до Волги около 3 мѣсяцевъ, не видавъ ничего — ни города, ни селенія — кромѣ одной бѣдной деревни и кладбищъ. — Сарай былъ тамъ, гдѣ нынѣ Селитренной городокъ: см. *Путеш. Палласа*, Ч. III, полов. II, 143. См. *Никон. Лът.* VII, 210 и *Бол. Чертежъ*, 233. Тамъ видны еще развалины двухъ великолѣпныхъ зданій; въ одномъ изъ оныхъ нашлось нѣсколько обитыхъ серебромъ гробовъ. Рвы выкладены кирпичемъ; стѣны состоятъ изъ большихъ, прекрасныхъ плитъ

съ муравленными украшеніями; примѣтны также остатки готической штукатуры.

(73) Рубруквисъ пишетъ, что Сумеркентъ былъ на среднемъ протокѣ Волги, близъ Сарая. — Онъ называетъ Сарацинами вообще всѣхъ людей Магомепанской Вѣры.

(74) Рубр. V, стр. 29 и 91. См. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 472.

(75) Рубруквисъ пишетъ Samaron, вмѣсто Ширванъ. — Отъ имени Баку, Могольскаго Воеводы, производятъ названіе города Баку.

(76) У Вел. Князя Ярослава Всеволодича въ 1239 г. было 6 сыновей (см. выше, примѣч. 1). Седьмой сынъ Василій родился въ 1241 (см. выше, примѣч. 36). Въ *Родословныхъ* сказано, что отецъ далъ Андрею Суздаль, Нижній Новгородъ и Городецъ. Константинъ княжилъ въ Галичѣ Костромскомъ, а Ярославъ въ Твери.

(77) См. современное описаніе подвиговъ Невскаго.

(78) Voyage de Rubruquis въ Берж. изд. стр. 134. О караванахъ древнихъ см. нашей *Исторіи* Т. I, стр. 6.

(79) Сія рѣка истекаетъ въ Смоленской Губ. По *Лът. Исков.* около сего же времени (въ 1247 г., Іюля 5) Литовцы разбили Псковитянъ на Кудепи.

(80) Онъ погребенъ въ Юрьев. готическомъ Соборѣ; тамъ, въ придѣлѣ, лежатъ подъ спудомъ и мощи сына его, Димитрія. Сіи два Князя названы Святыми въ нашихъ старинныхъ рукописныхъ Святцахъ.

(81) Абульгази пишетъ, что у Батыя опухли погда ноги, и что онъ умеръ въ Волжской столицѣ своей *Кокордѣ* (Hist. des Tat. стр. 451) или въ Сараѣ, по лѣтосч. Дегинову въ 1255 г. Монахъ Рубруквисъ видѣлъ Батыя въ 1253 или 1254 г. Симъ опровергается сказка, внесенная въ нѣкоторыя изъ нашихъ лѣтописей, о мнимомъ убіеніи сего Хана въ Венгріи около 1247 г.

(82) См. Райнальд. Annal. Eccles. Т. XIII, стр. 651. Иннокентій писалъ къ Александру (Nobili viro

Alexandro, Duci Susdaliensi), отъ 10 Февр. 1248 г. изъ Ліона. — Въ житіи Александра: «Князь же, зду-«мавъ съ мудреци своими, въписа къ нему и рече: «отъ Адама до потопа, отъ потопа до раздѣленія «языкъ, начала Авраамля и проитія Израиля сквозѣ «море, до умертвія Давида Царя — отъ начала цар-«ства Соломоня до Августа и до Христова Рожде-«ства, страсти, воскресенія, на небеса восшествія «и царства Константинова, — отъ начала онаго до «перваго Збора (Собора) и седмаго—си вся добрѣ вѣ-«даемь, а отъ васъ ученія не пріемлемь.»

(83) См. современныя лѣтописи и *Степен. Кн.* (I, 356).

(84) См. Торфеев. Hist. Norveg. IV, 265. Норвежскіе и Русскіе Лапландцы тогда взаимно грабили другъ друга. Въ лѣтописяхъ Норвежскихъ сказано: legati Regis Holmgardi, seu Russiae, Alexandri. — Далинъ пишетъ, что Гаконъ учтивымъ образомъ отказалъ Александру, не желая выдать дочери за данника Моголовъ; но въ лѣтописяхъ Норвежскихъ сказано, что набѣги Моголовъ на Россію помѣшали тогда заключенію брачнаго договора. См. Торфея.

(85) См. *Степен. Кн.* I, 367, *Пушкин.* и *Воскрес. Лът.* и описаніе Александровыхъ подвиговъ.

(86) О супругахъ Ярослава Ярославича см. ниже, примѣч. 111. Далѣе: «Оставивъ (Андрей) ту Кня-«гиню, а самъ спупи *за море во Свейскую* землю. «*Мастеръ* же Свейскій срѣте его и прія съ честію.» Кого Лѣтописецъ именуетъ Мейстеромъ, не льзя угадать.

(87) «Въ лѣто 6766 (1258).» См. Т. III, примѣч. 292.

(88) См. *Новогород.* и *Пушкин. Лът.*

(89) «Пріидоша Свеи и Емь и Сумь и *Дидманъ* съ «своею волостью.» *Дидманомъ* называли Лапыши Великаго Магистра Ливонскаго. *Никон. Лът.* говоритъ, что Александръ ходилъ въ Шведскую землю и на Чудь, чрезъ такія мѣста, гдѣ вѣчная тьма царствуетъ. Въ *Воскресен. Лът.*: «проидоша горы

«непроходимыя и воева поморіе все.» — См. Далин. Gesch. des Schw. R. II, 167. Биргеръ Ярль построилъ иогда въ Финляндіи крѣпость Тавастгузъ.

(90) См. выше, примѣч. 81, также Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 341.

(91) См. Voyage de Rubruquis, въ Бержерон. изд. стр. 80.

(92) По *Новог. Лът.*, Татарскіе Численники пріѣхали въ Новгородъ еще въ 1257 г.

(93) См. *Пушкин. Лът.*

(94) См. *Волынск. Лът.* Жена Романова была *дочь* Герцогова (см. Прая, Annal. Reg. Hung. кн. IV, стр. 285 и 288) или, по другимъ извѣстіямъ, племянница, Bruderstochter (см. Гебгарди Gesch. des R. Hung.).

(95) См. *Волын. Лът.*

(96) Дѣйствительныя историческія преданія народа Литовскаго начинаются около сего времени, и неясность ихъ еще болѣе затмилась отъ пустыхъ догадокъ Историка Стриковскаго. Онъ разсказываетъ, что во время нашествія Батыева господствовалъ въ Литвѣ Зивибунтъ, зять и наслѣдникъ Керна, внука Палемонова (см. нашей *Исторіи* Т. II, пр. 34), а въ Жмуди Монтвилъ, родный племянникъ Керновъ; что сынъ Монтвиловъ, Эрдивилъ, построилъ Гродно и завоевалъ Новогродокъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ и Брестъ, разоренные Татарами, и побѣдилъ Могольскаго Воеводу Кайдана; что сынъ Эрдивиловъ, Мингайло, взялъ Полоцкъ, управляемый тогда придцатью народными чиновниками; что сынъ Мингайловъ, Гинвилъ, крестился, былъ названъ *Юріемъ*, и женился на Маріи, дочери Кн. Тверскаго, Бориса; что братъ Гинвиловъ, именемъ Скирмунтъ, господствовалъ въ Новогродкѣ и разбилъ Хана Балаклая; что сынъ Гинвиловъ, Борисъ, строилъ церкви, монастыри въ Полоцкѣ, возвратилъ гражданамъ древнія права ихъ и надъ рѣкою Березицою основалъ городъ Борисовъ; что Стриковскій видѣлъ близъ Полоцка, на Рижской дорогѣ, камень съ изображеніемъ креста и съ Русскою надписью:

помилуй, *Господи*, *раба Твоего Бориса*; что сей *Борисъ* оставилъ сына Рехволда или Василія, который былъ отцемъ Князя Глѣба и Княжны Евпраксіи, умершей Инокинею; что Глѣбъ скончался бездѣтенъ, и что Полочане снова сдѣлались вольными; что Скирмунтъ, братъ Гинвиловъ, Кн. Новогродскій, завоевавъ Туровъ, Мозырь, Спародубъ, Черниговъ, Карачевъ, роздалъ ихъ своимъ сыновьямъ, Любарпу, Нассумунту и Тройнату, отцу Алгимунта и дѣду Рингольта, отъ коего родился славный Король Литовскій Миндовгъ или Мендовгъ. Сіе родословіе содержитъ въ себѣ явную нелѣпость. Какъ? Монтвилъ жилъ въ нашествіе Батыево и праправнукъ его правнука, Миндовгъ, жилъ также при Батыѣ? Не говорю уже о томъ, что въ сіе время не бывало Тверскаго Князя, Бориса, и Дрогичинъ съ Брестомъ принадлежали не Литвѣ, а Даніилу Галицкому. Сприковскій смѣшалъ преданія и времена. — Россійскіе же Лѣтописцы говорятъ, что Литовцы, бывъ долгое время данниками Князей, отчасти Кіевскихъ и Черниговскихъ, отчасти Смоленскихъ и Кривскихъ, находились подъ управленіемъ собственныхъ Гетмановъ; что *Вильняне*, боясь Мстислава Великаго, завоевателя земли Кривской около 1128 г., поддалися Королю Венгерскому и призвали къ себѣ на княженіе изъ Царяграда двухъ сыновей бывшаго Полоцкаго Князя, Рогволодовича, сосланнаго въ Грецію симъ Мстиславомъ (см. нашей *Исторіи* Т. II, стр. 173); что одинъ сынъ Ростиславовъ назывался Давилъ, а другой Мовкольдъ; что Давилъ сдѣлался первымъ Княземъ Виленскимъ, и былъ отцемъ Витта, прозваннаго *Волкомъ*, и Эрдена, а Миндовгъ родился отъ Мовкольда (см. *Воскр. Лѣт.* I, 48). Сказаніе также сомнительное! Мстиславъ Великій сослалъ въ Константинополь Владѣтелей Полоцкихъ еще въ 1129 г.: вѣроятно ли, чтобы Миндовгъ былъ *внукъ* одного изъ сихъ Князей? вѣроятно ли, чтобы сыновья Князя Россійскаго назывались именами Литовскими и приняли Вѣру

языческую? ибо Миндовгъ родился въ идолопоклонствѣ. Городъ же *Вильна* основанъ, по сказанію Литовскаго Историка, Княземъ Гедиминомъ въ XIV вѣкѣ (см. ниже, примѣч. 253).

(97) См. Длугош. Hist. Polon. кн. VII, спр. 759, и Кельх. спр. 90. Письмо Папы Александра къ Королю Литовскому напечатано въ Райнальд. Annal. Eccl. T. XIV, год. 1255, No 58. Папа, сердитый тогда на мнимаго отступника, Даніила Галицкаго, пишетъ къ Миндовгу, что Церковь даетъ ему полную власть надъ всѣми землями, которыя сей новый Король отниметъ у Россіянъ. — Кѣмъ построенъ Новогродокъ, не знаемъ; вѣроятно Россіянами.

(98) См. о Бесерменахъ выше, примѣч. 49. Новѣйшіе Лѣтописцы и наши Историки думали, что Бесерменами названы здѣсь Татары же, и что Россіяне взбунтовались противъ своихъ господъ, Моголовъ.

(99) См. *Лът. Арханг.* спр. 59, и рукописн. *Лът.* о *великомъ градѣ Устюгѣ*.

(100) См. описаніе Александровыхъ подвиговъ. — О Константинѣ, зятѣ Александровомъ, упоминается въ *Родосл. Книгахъ*; отъ него пошелъ родъ Даниловыхъ. Отецъ Константиновъ, Ростиславъ Мстиславичь, тамъ названъ Борисомъ. — Стриковскій пишетъ (кн. VIII, гл. I), что Миндовгъ послалъ своихъ племянниковъ, Эрдвила, Викунта и Товтивила, воевать Россію; что Товтивилъ или Ѳеофилъ взялъ Полоцкъ, Эрдвилъ Смоленскъ и Друцкъ, а Викунтъ Витебскъ; что они, принявъ Вѣру Греческую, осталисъ тамъ Князьями, и не хотѣли уже зависѣть отъ дяди; что разгнѣванный Миндовгъ послалъ на нихъ сильное войско, но что Товтивилъ отразилъ его съ помощію Даніила Галицкаго и Ливонскихъ Нѣмцевъ (см. *Волынск. Лът.*) Изъ повѣствованія нашихъ Лѣтописцевъ можно заключить, что Товтивилъ господствовалъ въ Полоцкѣ съ согласія тамошнихъ гражданъ: ибо они уже по кончинѣ его говорятъ: «погда Литва посадила *свой* Князь въ Полоцкѣ.» Смоленскъ дѣйствительно могъ быть

взятъ Липовцами въ 1239 г. (см. выше, пр. 2); но Вел. Кн. Ярославъ освободилъ его, и съ того времени онъ всегда принадлежалъ Россіи до самаго XV вѣка. — Подъ Юрьевымъ было съ Товтивиломъ 500 Полочанъ и Литвы. См. *Новог. Лът.* 148, и Длугош. Hist. Pol. VII, 766.

(101) «Въ лѣто 6769 поставн Митрополитъ Епи«скопа Митрофана въ Сараѣ.» — Въ 1269 г. Ѳеогностъ былъ поставленъ въ Епископы *Переяславлю* и Сараю (см. ниже).

(102) Въ монашествѣ дали ему имя Алексія, какъ сказано въ *Степен. Кн.* — Александръ женился въ 1239 г., ему не было конечно и 50 лѣтъ. — О плачѣ народномъ см. описаніе Александр. подвиговъ и *Степ. Кн.* I, 372; о чудесахъ тамъ же, 374, 375. Пишутъ, что въ княженіе Димитрія Донскаго однажды ночью загорѣлись свѣчи въ церкви, гдѣ лежало тѣло Александра, и два старца, вышедшіе изъ олтаря, приближились къ его гробу, говоря: «Але«ксандре! воспани и спаси правнука твоего, Дими«трія, одолѣваемаго иноплеменными!» Александръ всталъ изъ гроба и скрылся вмѣстѣ съ двумя старцами. Пономарь, видѣвъ сіе чудо, сказалъ о томъ церковнымъ начальникамъ; они же, выкопавъ нетлѣнныя мощи Невскаго, поставили ихъ въ ракѣ. Больные, прикасаясь къ онымъ съ вѣрою, получали исцѣленіе, и благочестивый Архим. Евфросинъ видѣлъ, какъ свѣча у гроба Александрова сама собою загорѣлась отъ небеснаго огня, и проч. и проч.

(103) Тамъ стоятъ три гроба: первый (какъ означено въ надписяхъ) *Вел. Княг. Александры, супруги благов. Кн. Александра Невскаго*; второй *дщери его, Княжны Евдокеи;* а третій (на лѣвой сторонѣ) *благов. Княг. Вассы, второя супруги Александра Невскаго.*

(104) Изъ Германіи выѣхали Рапша и Гавріилъ, а изъ Пруссіи Михаилъ. Отъ перваго ведутъ родъ свой Свибловы, Мусины-Пушкины, Кологривые, Мятлевы, Бутурлины, Каменскіе и проч.; отъ втора-

го Кутузовы, Голенищевы, Клеопины, Щукины и проч.; опъ препьяго (коего сынъ Терентій отличился въ Невскомъ сраженіи) Морозовы, Шеины, Чеглоковы, Шестовы, Салтыковы, Тучковы, и проч.

(105) См. Исторію Пахимера, кн. III, гл. 5.

(106) См. Торф. Hist. Norv. Ч. IV, гл. L, стр. 303. Случаи Александрова княженія: въ 1248 г. Ростовскій Кн. Борисъ Васильковичь женился на дочери Ярослава Муромскаго. Въ 1249, на память Св. Первомуч. Стефана, скончался въ Владимірѣ Кн. Владиміръ Константиновичь. «Тое же зимы Василій Кн. «Всеволодовичь (внукъ В. Кн. Георгія II) преставися «въ Володимери.» — Въ 1253, Сент. 11 род. у Бориса Васильковича сынъ Димитрій. Въ 1254 г., Іюл. 30, у Кн. Бориса Васильковича род. сынъ Константинъ. — «Въ лѣто 6763 (1255) по Велицѣ дни Поро«жьнеѣ (Праздныя) недѣли преставися Костянтинъ, «сынъ В. Кн. Ярослава, и бысть плачь великъ. — «Въ лѣто 6764 (1256) преставися Кн. Данило Ярославичь» (см. Лѣт. Синод. Библ. No 52, л. 49). — «Въ лѣто 6769 (1261) родись Олександру сынъ и на«рекоша имя ему Данилъ. Того же лѣта преставися «Кн. Андрей сынъ Володимерь (внукъ Константи«новъ) на Угличѣ Полѣ. — Въ лѣто 6770 (1262) пре«ставися блаженный учительный Епископъ Кирилъ «Ростовскый Маія 21. Се бысть истинный Пастырь, «пася люди земли Ростовскыя съ кротостью, и по«ложиша тѣло его въ церкви Св. Богородицы въ Ро«стовѣ, и въ его мѣсто поставленъ бысть Игнатій «Сент. въ 19. — Въ лѣто 6771 (1263) родися Глѣбу «(Василькович у) сынъ Демьянъ» (а по *Троицк.* Василій).

(107) Въ *Троицк.*: «Въ лѣто 6772 (1264) преста«вися Кн. Андрей Суждальскый, сынъ Ярославль, «внукъ Всеволожь.» — *Древнѣйшая* изъ Новогородскихъ подлинныхъ грамотъ находится въ Арх. Иностр. Коллегіи подъ No 2. Вотъ списокъ ея опъ слова до слова:

«Благословеніе опъ Владыкы, покланяніе опъ По«садника Михайла и опъ Тысяцьскаго Кондрата и

«отъ всего Новагорода и отъ всѣхъ старѣйшихъ и «отъ всѣхъ меньшихъ къ Князю Ярославу. На семъ, «Княже, цѣлуй хрестъ къ всему Новугороду, на «цѣмъ по цѣловали дѣди и отци и отець твой Яро- «славъ: Новъгородъ ти держати въ старинѣ по по- «плинѣ; что волости всѣхъ Новгородъскыхъ, того «ти, Княже, не держати своими мужи, нъ держа- «ти мужи Новгородъскыми, а даръ имати то- «бѣ отъ тѣхъ волостій, а безъ Посадника тебѣ во- «лостій не роздавати; а кому роздаялъ волости «братъ твой Александръ или Дмитрій съ Новгород- «цы, тобѣ тѣхъ волостій безъ вины не лишати; а «что ти, Княже, пошло на Торожку и на Волоцѣ «Тивунь свой держати, на своей части держати, а «Новъгородьць на своей части держати; а въ Бѣжи- «цахъ, Княже, тобѣ, ни твоей Княгыни, ни тво- «имъ Бояромъ, ни твоимъ Дворяномъ селъ не держа- «ти, ни купити, ни даромъ пріимати, и по всей «волости Новгородьской; а се, Княже, волости Нов- «городьскые: Волокъ съ всѣми волостьми, Тържькъ, «Бѣжице, Городьць, Палиць (а по есьма дали Иван- «кови), Попокь, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, «Заволоцье, Коло, *Трь*» — (а въ другихъ грамотахъ: *Терь*, часть Русской Лапландіи) — «Перемь, Печера, «Югра; а въ Русу ти, Княже, ѣздити осень, а лѣ- «тѣ не ѣздити: ѣздити на Озвадо звѣри гонити; а «въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медо- «вара по грамотѣ отця своего, Ярослава. А судъ, «Княже, отдалъ Дмитрій съ Новгородцы Бѣжичя- «номъ и Обонижаномъ на 3 лѣтѣ, судье не слати; «а изъ Бѣжиць, Княже, людій не выводити въ свою «землю, ни изъ иной волости Новгородьской, ни «грамотъ имъ даяти, ни закладниковь пріимати, ни «Княгыни твоей, ни Бояромъ твоимъ, ни Дворя- «номъ твоимъ, ни смерда, ни купцыни; а безъ ви- «ны ти мужа волости не лишити; а грамотъ ти, «Княже, не посуживати; а пожнѣ, Княже, что по- «шло тобѣ и твоимь мужемь, то твое; а что «былъ отъялъ братъ твой Александръ пожнѣ, а по

«ти, Княже, не надобѣ; а что, Княже, брать «твой Александръ дѣялъ насильнѣ на Новѣгородѣ, а «того ся, Княже, отступни. Дворяномъ твоимъ и «Тивунимь погонь имати, како то пошло. А на «томь ти, Княже, на всемъ хрестъ цѣловати безъ «перевода при нашихъ послѣхъ; а мы ти ся, Госпо- «дине Княже, кланяемъ. А что, Княже, мытъ по «твоей земли и по иной волости, и по всей Суж- «дальской земли, а то, Княже, имати по двѣ век- «ши отъ лодье и отъ воза, и отъ льну, и отъ «хмѣльна короба; а Дворяномъ твоимъ по селомъ у «купцевъ повозовь не имати, развѣ рапной вѣсти. «Тако, Княже Господине, пошло отъ дѣдь и отъ «отець, и отъ твоихъ и отъ нашихъ, и отъ тво- «его отчя Ярослава.»

(108) Въ сихъ двухъ мѣстахъ власть судебная принадлежала и Князю и Новугороду.

(109) Употребленное въ подлинникѣ слово *погонъ* имѣетъ смыслъ *прогоновъ*: ибо въ другой грамотѣ, данной Ярославомъ Новугороду въ 1270 г. сказано: «а Дворяномъ твоимъ погонъ имати по пяти кунъ» (слѣдственно деньгами). — Сихъ грамотъ двѣ: на первой подписано: «Князь Ярослава;» а вторая безъ подписи, и должна быть черною. Она такого же содержанія, съ прибавленіемъ, что Ярославъ можетъ бить (дикихъ) свиней только за 60 верстъ отъ Новагорода, ловить звѣрей лѣтомъ на *Озводѣ*, въ Русу ѣздить чрезъ двѣ зимы въ третью, а въ Ладогу черезъ два лѣта въ третье; что судьямъ должно объѣзжать волости послѣ Петрова дня, и что въ Заволочьѣ будутъ правители Новогородскіе, а не Княжескіе.

(110) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 59; также *Ист. и топограф. извѣстія о городѣ Вологдѣ*, стр. 28 и 74. Въ рукописномъ житіи преподобнаго Герасима, хранящемся нынѣ въ церкви уничтоженнаго Троицкаго монастыря, имъ основаннаго, сказано, что онъ пришелъ въ Вологду изъ Кіева въ 1147 г., на мѣсто, гдѣ въ *великомъ лѣсу были средній посадъ Воскре-*

сенія Христова, *Льнивая площадь и малый торжекъ*. Нынѣ на сей *Льнивой площади* (въ предмѣстіи города) стоитъ каменная церковь Воскресенія, а прежде стояла деревянная Соборная, въ коей погребали Вологод. Епископовъ XVI вѣка. Св. Герасимъ имѣлъ ссору съ мѣщаниномъ Пятышевымъ, не хотѣвшимъ дать ему земли подъ строеніе монастырское: и теперь Вологодскіе купцы Пятышевы живутъ въ приходѣ бывшаго монастр. Троицкаго, что на Касаровѣ ручьѣ (*Словарь Геогр. Рос. Госуд.* I, 978). Герасимъ скончался въ 1178 г., Марта 4, и гробъ его находится въ упомянутой древней церкви. — Говорятъ, что еще прежде Вологды былъ городъ Кубенской, на берегу озера Кубенскаго (см. *Лексик.* Тапищ.).

(111) О семъ бракѣ упомянуто въ *Троицк.*, *Воскр.* и другихъ лѣтописяхъ, кромѣ *Новог.* — Михаилъ Черниговскій имѣлъ сына Юрія, какъ сказано въ *Родословныхъ Книгахъ*; однакожь шестъ Ярославовъ не названъ здѣсь Княземъ. Въ грамотѣ, выше приведенной (примѣч. 107), говорится о супругѣ Ярославовой по одному предположенію, что онъ будетъ имѣть ее: ибо его бракосочетаніе совершилось уже послѣ въ Новѣгородѣ. Первая супруга Ярославова убита Моголами (см. выше, стран. 67).

(112) По *Новог. Лѣт.* См. также *Волын. Лѣт.* Миндовгъ убитъ въ 1263 г., а сынъ его опустошилъ Литву въ 1265. Длугошъ приписываетъ сіе злодѣйство племяннику Миндовгову Тройнату (кн. VII, стр. 772); а въ *Воскр. Лѣт.* (I, 49) сказано, что Миндовга умертвилъ Князь Гердень, Давиловъ сынъ.

(113) Такъ въ современномъ лѣтописцѣ Новогородскомъ.

(114) См. современнаго *Новогор. Лѣт.* и особенную повѣсть о *благов. Князѣ Довмонтѣ* (см. въ Синод. библ. рукоп. подъ No 349, л. 162) включенную въ лѣтопись Псковскую и другія.

(115) Ярославъ ѣздилъ изъ Новагорода въ Великое Княженіе. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что

онъ, уѣхавъ опять изъ Новагорода, оставилъ намъ Кн. Димитрія Александровича: по извѣстію же *Лът. Новог.* тамъ начальствовалъ, въ отсутствіе В. Князя, Юрій Андреевичь.

(116) См. *Новогор. Лът.*

(117) См. *Новогор. Лът.* Эстонцы и теперь называютъ Везенбергъ Раковоромъ (Rackwerrn).

(118) Святославъ, коего В. Князь прислалъ вмѣсто себя, былъ Михаиловъ братъ (см. *Новог. Лът.* стр. 152), а Михаилъ сынъ Ярославовъ.

(119) Въ Эстоніи извѣстна не малая рѣка Кегль; но она гораздо далѣе Везенберга: здѣсь разумѣется та, на коей стоитъ сей городъ, или другая, не далеко отъ нее текущая; имена ихъ не означены на картахъ. — О битвѣ см. Руссов. Chr. л. 26, Кельх. Liefl. Gesch. стр. 96, и Арнт. Chron. 62. Они полагаютъ ее въ 1272 г.; но лѣтосчисленіе ихъ явно несправедливо. Сіи Историки относятъ смерть Миндовга къ 1271 г: вмѣсто чего онъ убитъ въ 1263 г., какъ говорятъ согласно наши лѣтописцы, Польскіе и Стриковскій. Если Магистръ Конрадъ Фонъ-Меденъ, при коемъ случилось убіеніе Миндовга, начальствовалъ 3 года, то Отто Фонъ-Роденштеинъ заступилъ его мѣсто и сражался съ Россіянами гораздо ранѣе 1272 года. — См. *Новогород.* и *Псков. Лът.*

(120) Арнт. Liefländ. Chron., Кельх. Liefl. Gesch. и *сказаніе* о *Довмонтѣ.*

(121) Ярославъ посылалъ, за Низовскими полками, сына своего, Святослава. — Ниже въ лѣтописяхъ говорится только о Нѣмцахъ; но Дапчане безъ сомнѣнія участвовали въ семъ мирномъ посольствѣ: ибо Новогородцы хотѣли воевать съ ними.

(122) Внукъ Мстислава Романовича Кіевскаго, убитаго на Калкѣ. — Василій именуетъ Новгородъ своею отчиною по тому, что отецъ его, Ярославъ Всеволодовичь, княжилъ въ ономъ.

(123) Договорная грамота Ярославова находится въ Архивѣ Иностран. Кол. подъ No 1.

(124) Слѣдственно купцы раздѣлялись на Сотни: всякое Сто имѣло свою управу.

(125) И такъ грамота Хана или Царская была у насъ закономъ и въ торговлѣ.

(126) Не сына ли Товтивилова, ушедшаго по смерти отца въ Новгородъ? см. выше. Впрочемъ сіе имя не Русское; у насъ есть только женское Августа.

(127) Абульгази Hist. des Tatars, 453, *Троицк. Лът.*; *Никон. Степ. Книгу* (I, 383) и *Временникъ*.

(128) См. *Троицк.* — Въ то же время (см. лѣтописи Синодал. No 349 и 365, и Засѣцкаго) скончался и сынъ Ярославовъ Михаилъ; а супруга Вел. Князя, именемъ Ксенія, жила въ Твери до 1312 г. и скончалась Монахинею.

(129) См. лѣтописи, въ описаніи случаевъ Александрова княженія; см. также *Степ. Книгу*, I, 392., *Ник. Лът.* III, 62, и *Родосл. Книги*. Прежде Ѳеодора не упоминалось о Князьяхъ Можайска, Удѣла Смоленскаго. О *Казани* будемъ говорить послѣ.

(130) О Ногаѣ см. выше, стр. 89.

(131) Отцы ихъ, какъ уже извѣстно Читателю, были сыновьями В. Кн. Всеволода III. Его погребли въ Юрьев. монастырѣ Св. Михаила (см. выше, примѣч. 80). Оставилъ ли Димитрій сыновей, не знаемъ (см. ниже, примѣч. 285).

(132) См. *Волын. Лът.* По списку Ипатьев. онъ скончался въ 1264 г., а по Длугошу въ 1266.— Длугошъ пишетъ, что въ 1287 г., когда Ногай и Телебуга громили Польшу, въ монастырѣ Сандецкомъ жила супруга Даніилова, Конспанція, вмѣстѣ съ сестрою своею, Кингою, женою Болеслава Краковскаго (Hist. Pol. кн. VII, 847). Сія Конспанція дочь Белы Венгерскаго (какъ сказываетъ намъ *Волын. Лът.*) была за Львомъ Даніиловичемъ, а не за отцемъ его. Ходыкевичь, согласно съ Зиморовичемъ (см. ниже, примѣч. 189) говоритъ, что она, выпросивъ у Льва мѣсто сгорѣвшаго Лембергскаго дворца, основала тамъ монастырь Доминиканскій.

(133) См. *Волын. Лът.* (по Ипат. въ 1268 г.) Романъ Даніиловичь погребенъ въ Холмѣ. Даніилъ заключилъ союзъ съ Болеславомъ за годъ до смерти Миндовга.

(134) См. *Хронику* Сприковскаго и *Волын. Лът.*

(135) См. Раича *Исторію Сербовъ*, кн. VII, гл. IX, стр. 424. Онъ приводитъ слѣдующія слова древнѣйшаго Серб. Историка, Архіепископа Даніила, сочинившаго *Родословъ* въ началѣ XIV вѣка. Раичь, худо зная нашу Исторію, (думалъ, что сей Кн. *Василій* былъ сынъ Ярослава Всеволодовича. — См. *Волын. Лът.*) Супруга Василькова, Елена, скончалась въ 1265 г. и погребена въ Владим. церкви Богомашери. Въ томъ же году, по сказанію *Вол. Лът.*, былъ страшный мятежъ въ улусахъ Татарскихъ. — О монашествѣ Василія пишетъ Зиморовичь въ его Triplici Leopoli, и Ходыкевичь (Dissert. de Archiepiscopatu Kijoviensi et Haliciensi). Левъ, исполняя желаніе дяди, построилъ въ Лембергскомъ предмѣстіи монастырь Св. Георгія изъ *буковаго* дерева.

(136) Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 334, и нашей *Исторіи* Т. III, стр. 202.

(137) Mem. Pop. III, 1118 и слѣд. — Уберт. Фоліет. Hist. Gen. въ Thesauro Italico стр. 405. — Райнальд. Annal. Eccl. г. 1333, No 37 — Іеронимъ де-Маринисъ Genua, стр. 1435. T. I. Thesauri Ital., въ Samml. Russ. Gesch. T. II, стр. 14, 83, 85. Маринисъ писалъ въ 1665 г.: Genuenses Tanam (Азовъ) urbem tenuerint, in qua ad nostram aetatem durant adhuc nobiles Genuensium familiae. Нашъ Вице-Адмиралъ Корнел. Круйсъ увѣрялъ, что и въ его время еще находились тамъ потомки Фамиліи Спинола (Samml. Russ. Gesch. II, 85). — Одинъ посолъ Короля Польскаго, видѣвъ развалины Херсона въ исходѣ XVI вѣка, слышалъ, что сей городъ опустѣлъ уже за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ (Брошевск. Tataria, стр. 271, въ *Ист. Тавриды* Сестренцевича I, 350). — Въ запискахъ Кн. Армянскаго, Іосифа Долгорукаго Аргутинскаго, Архіепископа Армянскихъ церквей въ Рос-

сіи, сказано, что Татары, завоевавъ Арменію въ 1262 г., перевели многихъ жителей въ нынѣшнюю Астрах. и Казан. Губернію; что нѣкоторые изъ нихъ ушли въ Тавриду и поселились отчасти въ Кафѣ, отчасти въ Старомъ Крымѣ и близъ Судака. Сей Іосифъ Долгорукій сообщилъ свои записки Кн: Потемкину (*Ист. Тавриды* Сестрен. II, 177). — Имя *Кафы* было извѣстно еще Императору Константину Багрянородному: такъ называлось одно мѣсто близъ Херсона (Бандури I, 148).

(138) Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 343. Бибарсъ, Государь Египта, съ дозволенія Хана Капчакскаго построилъ въ Крымѣ сію великолѣпную мечеть, желая прославить пѣмъ свою отчизну: ибо онъ былъ родомъ изъ Тавриды. — Случаи Ярославова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе: Въ 1268 род. у Кн. Бориса Василькови-ча сынъ Василій. «Лѣта 6777 (1269) Мипрофанъ «Еписк. Сарьскый отписась (отказался) Епископіи «Сарьской и пострижеся въ Скыму; въ него мѣсто «поставиі Мипрополитъ Епископа Θеогноста Русь-«скому Переяславлю и Сараю.» — Въ 1271 скончался сынъ Невскаго, Василій Александровичь. «Тое же «зимы преставися благовѣрная Княгыня Васильковая «Дек. въ 9 день.»

(139) См. выше, стр. 102. Здѣсь въ харат. *Новог. Лът.* пропускъ отъ 6780 до 6807 г. По лѣтописи Попа Іоанна, Димитрій пріѣхалъ въ Новгородъ уже въ 1273 г.; но мы болѣе вѣримъ *Троицкой* и харат. *Новогородской*.

(140) См. *Волынск. Лът.*

(141) См. *Троицк. Лът.*

(142) См. *Волынск. Лът.*

(143) Въ *Троицк.*: «Въ лѣто 6782 приде Мипро-«политъ Кириллъ изъ Кыева, приведе съ собою Ар-«хим. Печерьскаго Серапіона, и поставиі его Еписку-«помъ *Ростову*, Володимерю и Новугороду» (Нижне-му). Но въ Ростовѣ былъ тогда особенный Епископъ Игнатій.

(144) Въ *Софійск. Правилахъ* или Харап. *Кормч. Книгѣ* подъ No 82 (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 65), писанной въ Новѣгородѣ при Кн. Димитріи Александровичѣ и Архіепископѣ Клименпѣ, преемникѣ Далмапта, бывшаго на семъ достопамяпномъ Соборѣ, о коемъ не зналъ ни Сочинитель нашей *Церковной Исторіи*, ни Авпоръ *Іерархіи*. Вопъ надпись: *Правила Кюрила Митрополита Русьскаго, съшьдъшихся Епископъ Далмата Новгородьскаго, Игнатья Ростовьского, Ѳеогноста Переяславьского, Семеона Полотьскаго, на поставленіе Епископа Сарапіона Володимирскаго.* — Случаи Василіева княженія, о коихъ мы не упоминали въ нашей Испоріи, сушь слѣдующіе: въ 1272 г., по смерпи Ярослава Ярославича, родился его сынъ, Михаилъ. Въ 1273 г., Дек. 20, умерла супруга Кн. Глѣба Васильковича, названная въ крещеніи Ѳеодорою. Въ 1274 «преставися «Архіепископъ Далмапъ Новгородьский. Въ лѣпо «6783 (1275) преѣставись Еписк. Володимерьский Се«рапіонъ. Въ лѣпо 6784 (1276) поставленъ быспь «Ѳеодоръ, Игуменъ Св. Костяптина и Олены Епи«скупомъ Володимерю и Суждалю.» Пріѣхалъ изъ Кіева въ Новгородъ Архіеписк. Клименпъ. Кн. Борисъ Васильковичь женилъ Димитрія, спаршаго своего сына.

(145) См. выше, примѣч. 125.

(146) Такъ обыкновенно *Лѣт. Новгород.* называетъ области Великаго Княженія Владимірскаго.

(147) См. *Воскрес. Лѣт.* II, 291. Ясы, извѣспные еще со временъ Свяпослава I, жили напротивъ пого между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ; объ нихъ мы уже нѣсколько разъ говорили. Штрипперъ пишепъ, чпо Ясы обипали и въ Молдавіи, ибо шамъ еспь городъ Ясы: полюжимъ; но Князья ходили погда въ Дагеспанъ, а не въ Молдавію и не за *Днѣстръ*, какъ прибавилъ Тапищевъ. (Впрочемъ имя Молдавской сполицы происходипъ не опъ народа Ясовъ, по сказанію Каппемира: см. его *Описаніе Молдавіи*. До временъ Государя Молдавскаго, Спефана V, шамъ

существовала одна мельница, и хозяинъ ея назывался *Яссій*: Стефанъ же, построивъ на семъ мѣстѣ городъ, далъ ему имя добраго мельника). — Россіяне взяли Дедяковъ или Тепяковъ (нынѣ Дивенъ или Дедухъ, какъ вѣроятно) 8 Февраля. Византійскіе Лѣтописцы сказываютъ, что многіе Алане или Ясы ушли отъ ига Татарскаго въ Греческія владѣнія, хотѣли послѣ возвратиться въ свою землю, и были истреблены на пути. (Mem. rop. III, 1098; см. также Карпина, въ Бержер. Voyag. 58, 64, и Рубрук. 138).

(148) «Въ лѣто 6786 (1278) К. Глѣб. Василькович. оже-«ни сына своего, Михаила, Ѳедоровною Ростислави-«ча Ярославьскаго.» О Лаханѣ см. въ Mem. rop. III, 1067 и слѣд.

(149) См. *Новогор. Лът.*

(150) См. *Троицк.* — Въ лѣтописи такъ называемаго *Каменнаго* монастыря, нѣкогда славнаго, бывшаго на островѣ Кубенскаго озера, близъ Вологды, сочинитель, старецъ Пансей-Ярославъ, разсказываетъ, что Кн. Глѣбъ Васильковичь, ѣхавъ однажды съ Бѣлаозера въ Устюгъ водою, едва не утонулъ на Кубенскомъ озерѣ во время сильной бури, и присталъ (Авг. 6) къ Каменному острову, гдѣ жили 23 пустынника, которые молились Богу въ часовнѣ, укрываясь отъ злобы язычниковъ, обитавшихъ тогда вокругъ сего озера; что Глѣбъ, основавъ тамъ монастырь и деревянную церковь Св. Преображенія, поручилъ оную старцу, Ѳеодору, и пр. Первымъ Игуменомъ монастыря Каменнаго былъ Діонисій, пришедшій въ Москву къ Димитрію Донскому изъ Царяграда и живший долго въ монастырѣ Богоявленскомъ. Сей Діонисій скончался Епископомъ въ Ростовѣ. — Въ Обители Каменной постригся и кончилъ дни свои Св. Князь Іоасафъ Димитріевичь Заозерскій, внукъ Василія Ярославскаго. Она давно уже переведена въ самый городъ Вологду.

(151) Въ житіи Довмонта сказано: «испроси за-«себе К. Довмонтъ у В. К. Димитрія Александр.-«дщерь Княгиню Марью.»

(152) См. *Воскр. Лѣт.* О Ногаѣ см. выше, въ описаніи 1263 году, стр. 89.

(153) Братъ Мангу-Тимура: см. Дегина Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 346.

(154) Миръ заключенъ былъ въ Димитріевомъ станѣ на Боричкѣ. О Волокѣ см. въ *Новгор. Лѣт.* Попа Іоанна стр. 565.

(155) То есть, потомки Святослава-Ольговича Сѣверскаго, внука Святославова и правнука Ярослава Великаго. Въ описаніи Калкской битвы упоминалось о Курскомъ Князѣ Олегѣ, а въ 1241 г. Татары убили Рыльскаго Князя, Мстислава: см. выше, примѣч. 20. Въ рукописной книгѣ о *градѣ Курскѣ* сказано, что онъ былъ разоренъ Батыемъ. — *Ворголъ* есть нынѣ село Орлов. Губерніи, въ Елецкой Округѣ. — Вѣроятно, что древній Липецкъ былъ тамъ же, гдѣ и нынѣшній, основанный на какихъ-то старыхъ *развалинахъ*. Тамошняя гора (на коей во времена Петра Великаго стояла отмѣнно высокая липа) и теперь называется *городищемъ*. Имя *Липецкаго лѣса* и рѣчки *Липецки* есть древнее. Въ лѣтописи сказано, что Князь Липецкій ушелъ въ лѣса *Воронежскіе:* а городъ Липецкъ, какъ извѣстно, находится на берегу *Воронежа*. — Ханъ Туданъ-Мангу добровольно уступилъ престолъ Телебугѣ или Тула-Бугѣ (см. Дегин. кн. XVIII, 347). — Слободы Ахматовы были разорены въ 1283 г.

(156) См. *Троицк.* и *Воскр. Лѣт.* (Ч. II, стр. 266).

(157) См. *Воскр.* и *Новогор.*; также Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 348.

(158) См. *Воскрес.* О зятѣ Ногаевомъ см. выше, стр. 108. Прежде княжилъ въ Твери старшій Михаиловъ братъ, Святославъ (см. *Воскрес.*), сынъ первой супруги Ярослава. Въ 1294 г. еще упоминается о *Святославѣ* (*Новог. Лѣт.* Попа Іоанна), но онъ не названъ *Княземъ*.

(159) См. *Троицк. Лѣт.*

(160) Глѣбъ Смоленскій умеръ въ 1277 г., братъ его Михаилъ въ 1279, а Ѳеодоръ Ростиславичь *Черный* сдѣлался Княземъ Смоленскимъ въ 1280; въ 1281 году онъ уже возвратился въ Ярославль. Въ нашихъ Родословныхъ Книгахъ сказано, что *Романъ*, сынъ Св. Михаила Всеволодовича, убитъ въ Ордѣ, и что отъ него пошли Князья Осовецкіе.

(161) См. *Новогор. Лът.*

(162) Сіи *Нѣмцы* могли быть и Шведы: ибо послѣдніе также называются иногда общимъ именемъ Нѣмцевъ. Грамота Короля Биргера напечатана въ Дрееров. книгѣ Specimen Iuris Publici Lubecensis, стр. CLXXIV.

(163) См. *Новогор.* и *Троицк. Лът.*

(164) См. *Волын. Лът.*

(165) См. Длугоша Hist. Pol. кн. VII, 849.

(166) *Волынск. Лѣтописецъ* обращается къ духу Владиміра и говоритъ: «Добръ послухъ благовѣрію «твоему церковь Св. Богородица Марія, юже създа «прадѣдъ твой.. добръ зѣло послухъ братъ твой «Мьстиславъ, его же сътвори Богъ намѣстникъ по «тобѣ твоему владычьству, не рушаща твоихъ «успавъ, но утвръжающа, неказано вчиняюща и иже «нескончанная твоя учиняюща, яко Соломонъ Да«вида, иже домъ Божій великый святый его мудро«сти създа, на святость и очищеніе граду твоему, «юже всякою красотою украси... яка же ина не «обрящется въ всей полуношци земли... и славный «городъ твой Вълодимерь величествомъ яко вѣн«цемъ обложенъ... Радуйся, благовѣрный городе! «Господь съ тобою! въстани отъ гроба, о честная «главо! отряси сонъ: нѣси бо умрълъ, но спиши до «общаго въстанія... Възведи очи, какоя ти чти «Господь тамо сподобивь, и на земли не безъ памя«ти тя оставилъ братомъ твоимъ Мьстиславомъ; «воспани и видь браша твоего красящаго столъ зе«мли твоея. Къ сему же вижъ и благовѣрн. свою «Княгиню, како покланяется имени твоему..... «твое вѣрное въсѣяніе не изсушено бысть зноемъ

«невѣрія, но дъждемъ Божія поспѣшенія распложено
«бысть многоплодиѣ. Ты правдою бѣ оболчень, крѣ-
«постью препоясанъ, и милостынею яко гривною,
«упварью златою, украсуяся; истинною обвитъ,
«смысломъ вѣнчанъ» . . . Далѣе: «Князь же Володимеръ
«многы городы сруби по отци своемъ: сруби Бере-
«стій, и за Берестіемъ сруби городъ на пустомъ
«мѣстѣ, нарицаемѣмъ Льстнѣ, и нарече имя ему
«Каменець, зане бысть каменна земля. Създа же въ
«немъ сполнъ каменъ, высотою 17 саженей . . . и
«церковь поставн Благовѣщенія . . . и украси ю ико-
«ны златыми, и съсуды скова служебныя сребрены, и
«Евангеліе опракосъ оковано сребромъ, Апосполъ опра-
«косъ и паромья, и съборникъ отца своего шупо жь по-
«ложи, и крестъ въздвизальный. Тако же и въ Бѣль-
«ску поустрои церковь иконами и книгами; въ Во-
«лодимери же списа Св. Дмитрея всего, и съсуды
«сребряные скова . . . и завѣсы золотомъ шипы, а
«другые оксамитные съ дробницею . . . и Апосполъ
«*самъ списавъ*, и съборникъ отца своего шупо же
«положи . . . Въ Епископью Перемышльскую да Еван-
«геліе опракосъ, оковано сребромъ съ женчюгомъ:
«*самъ же списалъ* бяше: а до Чернѣговаославъ
«Евангеліе опракосъ *золотомъ писано*, а окованно сре-
«бромъ съ женчюгомъ, и среди его Спаса съ финип-
«помъ; въ Луцкую Епископью да крестъ великъ
«сребрянъ позлописть съ Честнымъ древомъ; създа
«же и церкви многы: въ Любомли поставн каменну
«Св. Георгія, украси ю иконами коваными и съсуды
«сребряны и плапци оксамитны шипы золотомъ
«вся, съ женчюгомъ . . . Евангеліе опракосъ волоче-
«ное оловиромъ, и цяпу възложи на не съ финип-
«помъ . . . Прологи списа 12 мѣсяца . . . и Мѣнеи 12
«списа, и Тріодь, и Охтай, и Ермолой; списа же и
«служебникъ Св. Георгію . . . молитвенникъ же ку-
«пилъ въ Протопопиное, и да на немъ 50 гривенъ
«кунъ . . . и двери солія мѣдяные; почалъ же бяше
«писати ю, но не скончана: зайде бо его болѣсть;
«полія же и колоколы дивны слышаніемъ, пакыхъ

«же не бысть въ всей земли; въ Берестіи же създа «сплъпъ камень высотою яко и Каменецкый. . . . . — «Мьстиславъ же, прибывъ мало дній въ Берестіи, и «ѣха до Каменца и до Бѣлска, и ради быша ему вси «людіе; утверди люди и засаду посадивъ, и пріѣха въ «Береспій, и рече Бояромъ: есть ли ловци здѣ? они «же рекоша: нѣтуть, господине, извѣка. Мьсти- «славъ же рече: я пакь успавляю на нѣ ловци за «ихъ коромолу, абы ми не зрѣли на ихъ кровь. . , и «повелѣ писцю своему писати грамоту: *Се азъ «Князь Мьстиславъ, сынъ Королевъ, внукъ Рома- «новъ, уставляю ловчіе на Берестіаны въ вѣкы за «ихъ коромолу, съ ста по двѣ лукны меду, по двѣ «овци, по пятнадесять десятковъ лну, а по сту «хлѣба, а по пяти цебровъ овса, а по пяти це- «бровъ ржи, и по 20 куровъ; а по толыку съ всяка- «го ста; а на горожанѣхъ 4 гривны кунъ; а кто «мое слово порушить, и станеть съ мною предъ «Богомъ.* А вписалъ есмь въ Лѣтописецъ коромолу «ихъ . . . . И утвердивъ же засаду въ Берестіи и по- «ѣха до Вълодимеря . . . и съѣхашась къ нему Бояре «его спаріи и молодіи. Князь же Мьстиславъ сѣде «на столѣ Володимера на самый великъ день въ лѣ- «то 6797, Апр. 10 день, и нача княжити, правдо- «любіемъ свѣтясь . . . Тогда же Липовскый Князь «*Будикидъ* и братъ его *Буйвидъ* даша Мьстиславу «городъ свой Волковыескъ, абы съ ними миръ «держалъ.» Вотъ самое досповѣрнѣйшее извѣстіе о наслѣдникахъ Тройдена. Выше сказано объ немъ: «Княживъ лѣтъ 12, преставися беззаконникъ. Бяше «же у него братія борза: Сирьпутій, Лѣсій, Свил- «кели; бяхуть бо живуще въ Св. крещеніи, въ люб- «ви, въ смиреніи, преизлиха любяще нищая: си же «всѣ преставишась при животѣ Тройденевѣ.» Въ Ро- дословной Князей Липовскихъ сказано (*Воскр. Лът.* I, 49): «По Вел. Князѣ Минъдовгѣ сѣде на Княже- «ніи Давиловъ сынъ *Видъ*, его же люди волъкомъ «звали, и потъ прибавилъ Деревьскіе» (Древлян- ской или Волынской) «земли много; и по немъ сѣде

«на Вел. Княженіи Видовъ сынъ, Тройденъ, и попъ «прибавилъ Япвягъ; и попомъ сѣде на Вел. Княж. «Тройденевъ сынъ *Витенъ*, и попъ прибавилъ зе- «мли Липовьскіе много и до Бугу.» *Витень* и *Буйвидъ* не одинъ ли человѣкъ? Стриковскій — Историкъ-Поэтъ, ибо онъ писалъ отчасти стихами — разсказываетъ, что послѣ Воишелга, отъ 1264 до 1283 г., княжили въ Литвѣ старецъ Свинторогъ Утенуссовичь, сынъ его Гермонтъ, внукъ Гилигинъ, съ братомъ Трабусомъ, сынъ Гилигиновъ Ромунтъ, сынъ Ромунтовъ Наримунтъ, братъ Наримунтовъ Тройденъ, а послѣ Воевода его Витенъ, ибо сынъ Тройденовъ и Княжны Мазовской, Лавръ, въ санѣ Инока спасая душу свою въ одномъ Россійскомъ монастырѣ, отказался отъ власти. Въ Литвѣ было множество Князьковъ, жившихъ въ одно время: Стриковскій, собравъ ихъ имена изъ народныхъ преданій, объявилъ кого отцемъ, кого дѣдомъ и прадѣдомъ такого-то Князя, жившаго, можетъ быть, гораздо ранѣе своихъ мнимыхъ предковъ. Достовѣрнымъ источникомъ Литовской Исторіи XIII вѣка служатъ единственно наши лѣтописи, Волынская и Новогородская, также Дузбургъ (Chronicon Prussiae) и Длугошъ. — Городъ Степанъ (нынѣ мѣстечко на берегу Горыни) принадлежалъ, думаю, къ Пинскому Княженію.

(167) См. *Троицк. Лът.* Тверскій Архимандритъ Макарій въ *Житіи Св. Князя Михаила Ярославича* и Сочинитель *Россійской Іерархіи* называютъ сего перваго Епископа бывшимъ Княземъ Полоцкимъ: Лѣтописцы говорятъ только: «Пресп вись блажен- «ный Епископъ Симеонъ Тферскій. Бяше учителенъ «и силенъ книгами, Князя не стыдяще я, пряся, ни «Вельможъ . . . нищая же и сироты жаловаше. И «положиша тѣло его въ церкви Св. Сп са на правой «странѣ Февр. въ 3 день» (1289). — Одинъ въ числѣ Россійскихъ Епископовъ именуетъ и Тверскаго (Τυφερνη): см его Notit. Graec. Episc. стр. 599. — Въ нѣкоторыхъ историческихъ выпи кахъ сказано (см. *Воскр. Лът.* I, 30), что Ярославъ Всеволодо-

вичь, по нашествіи Батыя, основалъ Тверь; по сей городъ уже существовалъ прежде (см. нашей *Исторіи* Т. III, стран. 148.)

(168) См. выше Кирилловы *Правила Церковныя*. Сей Митрополитъ мирилъ Ярослава Ярославича съ Новогородцами.

(169) См. Исторію Пахимера и Никиф. Григоры; см. также *Камень Соблазна* Иліи Миніати.

(170) Одинъ *Никон. Лът.* говоритъ о томъ, сказывая, что Максимъ ѣздилъ къ Хану въ 1283 г., а призвалъ Епископовъ въ Кіевъ въ 1284; что Ѳеогностъ былъ три раза въ Греціи, ѣздивъ туда съ грамотами и съ *поминками* отъ Митрополита и Мангу-Тимура. Въ *Троицк.* и другихъ: «тое же зи-«мы пріѣха Ѳеогностъ, Епискупъ *Сарайскій*, изъ «Грекъ, посыланъ Митрополитомъ къ Патріарху; «и Царемъ Менгутемеромъ ко Царю Палеологу.»

(171) См. Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 348; также *Троицк.* и *Пушк. Лът.*—Разные случаи Димитріева Княженія: Въ 1278 скончались Кн. Андрей Угличскій и жена его Іустина. Сей Андрей былъ сынъ Владиміра Константиновича Угличьскаго, брата Василкова (см. Родослов. Книги). — Въ 1278 преставилась въ Угличѣ Княгиня Евдокія (мать Андреева, вдовствующая супруга Владимірова), а въ 1279 или 1280, Марта 1, Ярославская Княгиня Марина, супруга давно умершаго Всеволода Константиновича Ярославскаго. Въ томъ же мѣсяцѣ умеръ Кн. Юрій Андреевичь Суздальскій, внукъ Ярослава Всеволодовича. — Въ Апрѣлѣ 1280 г. скончался Кн. Давидъ Константиновичь Галичьскій и Дмитровскій, также внукъ Ярослава Всеволодовича. — Въ 1285 скончался Кн. Романъ Владиміровичь Угличьскій, внукъ Константиновъ, братъ Андреевъ: ни тотъ, ни другой не оставилъ дѣтей, и сіе Княженіе присоединилось къ Ростовскому (см. *Устюж. Лът.*). Въ 1286 у Кн. Ростов. Димитрія Борисовича родился сынъ Александръ, а у брата его, Константина, Михаилъ. Преставился Ѳеодоръ Епископъ Владимірскій. Въ 1288 поставленъ Влади-

мір. Епископъ Іаковъ и Ростов. Тарасій, Игуменъ Іоан. Обители, на мѣсто умершаго тогда Игнатія. — Въ 1293 скончался Рязанскій Князь Ѳеодоръ Романовичь.

(172) Въ *Воскресен.*: «преставись (въ 1294 г.) Кн. «*Дмитрій* Ростовскій . . . того жь лѣта женись Кн. «Андрей Александровичь (вторымъ бракомъ), поня «Княгиню Василису, дщерь Дмитрееву Борисовича «Ростовьскаго . . . Того же лѣта женися Кн. Михай«ло Ярославичь Тферскій, поня дщерь Кн. Дмитре«еву Борисовича.»

(173) См. *Воскр. Лът.* Объ Исмаилѣ сказано въ *другомъ* мѣстѣ, что онъ былъ Епископомъ Сарайскимъ или Сарскимъ.

(174) Въ 1301 г. Ѳеодоръ Черный, Кн. Ярославскій, умеръ въ 1299 г. Сент. 19, Монахомъ и Схимникомъ. (*Ник. Лът.* и *Степ. Кн.* I, 397). Мощи Ѳеодора и двухъ сыновей его, Давида и Константина, были переложены въ каменную раку; въ церкви Св. Спаса, при Кн. Александрѣ Ѳеодоровичѣ Ярославскомъ въ 1463 г.

(175) См. *Собр. Госуд. Грам.* I, 5. Подлинникъ хранится въ Архивѣ Ин. Кол., и состоитъ изъ двухъ грамотъ: одна писана отъ Михаила къ Архіепископу Новогородскому, а другая отъ Новагорода къ Михаилу. Нѣтъ ни года, ни числа; видимъ только, что сей договоръ заключенъ еще при жизни Іоанна Димитріевича Переславскаго. Печать серебряная вызолоченная, съ изображеніемъ Арханг. Михаила и Св. Николая, виситъ на шелковомъ зеленомъ снуркѣ; надпись ея стерлась. Обѣ грамоты писаны не на *бумагѣ*, какъ думалъ Кн. Щербатовъ, а на тонкомъ пергаментѣ.

(176) См. *Троицк. Лът.* Переславль считался весьма крѣпкимъ городомъ. Земляной валъ его вышиною отъ 5 до 8, а въ окружности 1037 саженъ; съ одной стороны течетъ рѣка Трубежъ, а съ другой находится глубокой ровъ, называемый *Гроблею*, который былъ наполненъ водою, а нынѣ заросъ тра-

вой и сдѣлался болотомъ. На немъ спояла деревянная крѣпость, всегда починиваемая на иждивеніе Князей Переславскихъ и Московскихъ; она срыта за ветхостію въ 1759 г., по Указу Сената. Въ трехъ башняхъ двойной стѣны были ворота: Спасскія, Никольскія и Рожествевскія; былъ еще изъ города къ рѣкѣ Трубежу ходъ, называемый *тайникъ*, коего донынѣ видны нѣкоторые признаки.

(177) См. *Троицк.* и *Никонов.*; а Сочинитель *Степ. Книги* пишетъ, что Даніилъ, основавъ монастырь *Даниловъ*, велѣлъ тамъ и погребсти себя. — Въ семъ монастырѣ находится слѣдующая надпись: «Въ «лѣто 6811, мѣс. Марта въ 4 день, преставися «благовѣрный В. Кн. Московскій Схимонахъ Даніилъ «Александровичь; мощи же его обрѣтены по откро«венію въ лѣто 7160, мѣс. Авг. въ 30 день, и пове«лѣніемъ В. Гос. Ц. и В. Кн. Алексія Михайловича, «всея Вел. и Мал. Рос. Самод.; пренесены въ цер«ковь, что во имя Седми Вселенскихъ Соборовъ.» — *Деревянная* церковь Св. Михаила, гдѣ, по сказанію Лѣтописца современнаго, былъ погребенъ Кн. Московскій Даніилъ, спояла на томъ же мѣстѣ, на коемъ послѣ воздвигнутъ былъ нынѣшній каменный Соборъ Архангельскій. — Извѣстіемъ о кончинѣ Даніиловой заключается *Пушк.* харат. лѣтопись.

(178) Весною въ 1303 г. Съ того времени Можайскъ былъ уже Московскимъ городомъ (см. ниже въ завѣщаніи В. Кн. Іоанна Калиты).

(179) См. *Троицк.* Сего нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ.

(180) См. выше, стран. 139. — Доселѣ еще не упоминалось о Князьяхъ Вяземскихъ, происходящихъ отъ Рюрика Ростиславича Кіевскаго. Сынъ Владиміра Рюриковича, Андрей *Долгая Рука*, женатый на дочери Мстислава Романовича, убитаго на Калкѣ въ 1224 г., былъ первымъ Княземъ въ Вязьмѣ, области Смоленской. Такъ показано въ *Родословныхъ Книгахъ*. — Число убитыхъ подъ Дорогобужемъ Смолянъ простиралось до 200.

(181) См. житіе Довмонта и лѣтопись Псковскую. — На мечѣ Довмонтовомъ надписано: honorem meum nemini dabo.

(182) См. выше, примѣч. 121. Стриковск. *Хроник.* кн. IX, и *Псков. Лът.*

(183) См. Далина Gesch. des R. Schw. II, 246. Онъ именуетъ его Sigge Lake, а нашъ Лѣтописецъ Воеводою Сигомъ. — Копорье возобновлено въ 1297 г.

(184) См. Далина.

(185) См. Далина и наши лѣтописи.

(186) Владиміръ, сынъ Ярослава Великаго, въ 1044 г. заложилъ крѣпость въ Новѣгородѣ; но она была конечно деревянная: ибо Лѣтописецъ прибавилъ бы: «городъ *каменъ.*»

(187) См. Comètographie, I, 420, и наши лѣтописи.

(188) Апрѣля 12. «А Семену, Епископу Володи-«мерьскому, дасть Епископью Ростовскую . . . А «самъ сѣде въ Володимірѣ.» Бывшій Ростовскій Епископъ Тарасій поссорился съ Княземъ своимъ, Константиномъ Борисовичемъ, и въ 1295 г. уѣхалъ въ Устюгъ; Константинъ же поѣхалъ за нимъ и взялъ его подъ стражу со всѣми людьми Епископскими, (*Рост.* и *Воскр. Лът.*) — О Князѣ Порусскомъ см. выше, прим. 175.

(189) Такъ пишетъ Львовскій или Лембергскій Бургомистръ Зиморовичь въ своемъ Triplici Leopoli, сочиненномъ въ 1672 г. Я имѣлъ вѣрный списокъ сей любопытной рукописи отъ Г. Профессора Лоди; а подлинникъ хранится во Львовѣ.

(190) Клименту Ходыкевичу, Монаху Доминиканскому, написавшему Dissert. historico-criticae de Archiepiscopatu Metropolitano Kijoviensi et Halicіensi, показывалъ первую грамоту Григорій Сушальскій, Деканъ Николаевской церкви во Львовѣ, а вторую Антоній Левинскій, Протопопъ памятниней Успенской Соборной церкви. — *Крылосъ* есть мѣстечко верстахъ въ пяти отъ Галича, гдѣ, какъ *сказываютъ*, была въ старину каѳедра Галицкой Митрополіи, и

находился загородный дворецъ Княжескій (см. Ходык. Dissertationes).

(191) Въ Кенигсб. Архивѣ находятся подлинныя грамоты Галицкихъ Князей къ Вел. Магистрамъ Нѣмецкаго Ордена. Отъ Юрія Львовича самого нѣтъ писемъ; но печать его находимъ приложенную къ грамотѣ Андрея и Льва, правнуковъ Даніила, писанной въ 1316 г. (см. ниже). На одной сторонѣ изображенъ Юрій или Георгій на тронѣ, въ вѣнцѣ и съ скиптромъ въ правой рукѣ; кругомъ подпись: Domini Georgi Regis Russiae — на другой сторонѣ всадникъ въ латахъ; въ рукахъ щитъ и знамя; кругомъ: Domini Georgi Principis Ladimeriae.

(192) См. Арнт. Liefländ. Chron. стр. 75.

(193) Драгоцѣнное собраніе древнихъ грамотъ Новогородскихъ и Двинскихъ получено мною отъ Гр. А. И. Мусина-Пушкина. Вотъ Андреева грамота: «Отъ Великаго Князя отъ Ондрѣя къ Посадникомъ, «и къ скотникомъ, и къ старостамъ: како есмь до- «кончалъ съ Новымъгородомъ ходити премъ вапа- «гамъ моимъ на морѣ; а въ Атаманъ Ондрей Крипц- «кый, аще даютъ (да даютъ ему) съ погостовъ «кормъ, и подводы по пошлинѣ; а сынъ его Кузма «какъ пойдетъ съ моря съ потками (птицами) съ «данными по даничу пути, дадятъ ему корму и под- «воды по пошлинѣ съ погостовъ; а какъ пошло при «моемъ отцѣ и при моемъ братѣ не ходити на Тер- «скую сторону Новгородцемъ, и нынѣ не ходятъ.»— *Терская* сторона, или *Терь* или *Тре*, заключала въ себѣ, какъ видно, сѣверную приморскую часть Архангел. Губерніи. Тамъ одни слуги Вел. Князя, называемые въ другихъ грамотахъ *сокольниками* (см. ниже), ловили птицъ. — Разныя происшествія Андреева княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующія: — Въ 1294 г. преставился Рязан. Епископъ Василій. Въ 1295 поставленъ Симеонъ Епископъ Владимірскій. Въ 1298 род. у К. Михаила Тверскаго сынъ Димитрій, а въ 1299 дочь Ѳеодора, и скончался Новогород. Архіеп. Климентъ. Въ 1300

поставленъ въ Архіепископы Θеокписпъ, и родился у К. Михаила Тверскаго сынъ, Александръ. Въ 1303, скончался въ Костромѣ сынъ В. Князя, Борисъ Андреевичь. Въ рукописи. Устюж. лѣтописцѣ: «Въ «лѣто отъ Р. Х. 1303, Іюля 8, преставися Св. «Прокопій, Христа ради юродивый Устюжскій Чу- «дотворецъ, другъ преподобнаго отца Кипріана» (см. о семъ послѣднемъ *Устюж. Лѣтоп.*), «по концѣ мо- «ста предъ святыми вороты того Архангельск. мо- «настыря. Тѣло же его честное, по его завѣщанію, «погребено на берегу рѣки Сухоны, близъ Соборныя «церкви Успенія, и камень, на которомъ Св. Проко- «пій обыкъ часто сидѣти, взирати на рѣку Сухо- «ну и молити Бога о плавающихъ, положенъ верхъ «гроба по его завѣщанію; а потомъ и церковь надъ «гробомъ его во имя его создана.» См. о чудесахъ Прокопія въ Прологѣ, Іюля 8.

(194) Договорныхъ грамотъ Михаиловыхъ съ Новымгородомъ находится въ Архивѣ Иностр. Колл. четыре, подъ No 6, 7, 9 и 10. *Первая* на пергаменѣ съ свинцовою печатью, на коей съ одной стороны вырѣзанъ образъ Богоматери, а на другой слова: «Θеокписпъ Архіепископъ Новгородьскый.» На печати *второя* грамоты изображены Іисусъ и Михаилъ Архангелъ. Первая грамота отъ Архіепископа и чиновниковъ Новогородскихъ дана Михаилу, вторая отъ Михаила Новугороду.

(195) См. *Воскр. Лѣт.* II, 281.

(196) См. рукоп. Синод. подъ No 349, л. 53. Сей Михаилъ былъ сынъ Андрея *Ярославича*, а не *Александровича*, который не оставилъ дѣтей: потому его Бояре, не имѣя Государя, уѣхали къ Михаилу Тверскому.

(197) Михаилъ возвратился въ 1305: см. *Воскр. Лѣт.* II, 281.

(198) См. выше, спр. 155. и *Троицк. Лѣт.*—Съ сего времени Коломна была уже Московскимъ городомъ. Іоаннъ Даніиловичь въ завѣщаніи своемъ (см. ниже, въ описаніи 1340 г.) отказалъ ее старшему своему

сыну. Братья Георгіевы уѣхали въ Тверь зимою 1307 года.

(199) Хотя Михаилъ не былъ въ Новѣгородѣ до 1308 г., но господствовалъ тамъ чрезъ Намѣстниковъ съ самаго своего пріѣзда изъ Орды. См. *Лът. Новогород.*

(200) См. Архивск. Новогородскую грамоту No 11. Она съ печатію Архіепископа Θеоктиста, слѣдственно писана еще въ 1307 или 1308 г. По Лифонскимъ Лѣтописямъ намъ извѣстно, что Рыцари въ 1307 г. осаждали Псковъ и возвратились съ выгоднымъ для нихъ миромъ (см. Арнт. Chron. стр. 77, и Кельх. Liefl. Gesch. стр. 107).

(201) Лербергъ изъясняетъ, что городъ *Ванай* былъ тамъ, гдѣ нынѣ приходъ *Ваная*, близъ Тавастегуза; что древніе Новогородцы называли *Купецкою* рѣку *Кумо*, а *Черною* Нокію. Напротивъ того Гиппингъ (Bemerk. üb. einen in den Rus. Chron. erwähnten Kriegszug) представляетъ вѣроятность, что *Купецкая* р. есть заливъ Поіоскій, а *Черная* Карисъ. — Кн. *Димитрій Романовичь*, съ коимъ Новогородцы ходили въ Финляндію, могъ быть сыномъ или Романа Глѣбовича Смоленскаго или Романа Владиміровича Угличскаго; однакожь сей послѣдній, внукъ Константина Вел. Князя, названъ бездѣтнымъ въ Родосл. Книгахъ.

(202) См. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 457, Дегина, кн. XVIII, стр. 350., *Воскр.* (II, 281) и *Троицк. Лът.* Моголы начали принимать Вѣру Магомеданскую еще со временъ Хана Берки (см. выше, стр. 109); но Узбекъ, совершенно искоренивъ идолопоклонство, вездѣ утвердилъ оную.

(203) См. *Воскрес. Лът.* Михаилъ поѣхалъ къ Хану въ 1313 г., а возвратился осенью въ 1315.

(204) Родъ Кн. Θеодора Ржевскаго неизвѣстенъ.

(205) См. *Собраніе Государ. Грамотъ* I, 15.

(206) См. *Новогород.*, *Троиц.* и *Воскр. Лът.*

(207) См. *Новогор. Лът.* Юрій былъ давно женатъ; но видно, что первая жена его погда скончалась.

(208) См. жипіе Михаила въ *Воскр. Лът.* II, 282, 283. *Выходомъ* называлась дань, копорую Великіе Князья плапили Ханамъ за свое доспоинспво. Все слѣдующее взяпо изъ жипія Михаилова, внесеннаго въ *Воскр. Лът.* и *Степен. Кн.*

(209) Борисъ Даніиловичь, какъ видно, снова держалъ спорону брапа, возврапясь къ нему изъ Твери. — Далѣе см. *Новогород.*, *Воскрес.*, *Ростов.* и *Троицк. Лът.*

(210) Шведскіе Лѣпописцы говоряпъ, чпо Россіяне сожгли погда Або, гдѣ обыкновенно жилъ Епископъ Финляндскій (см. Далин. G. des Schw. R. II, 314 и 418).

(211) См. *Новогор.* и *Воскр.* II, 284. — Договорная грамопа, погда написанная, хранишся въ Архивѣ подъ No 14. Она споль вепха, чпо не можно разобрапь и половины словъ. — О смерпи Георгіевой жены см. *Новогор.* и *Троиц. Лът.* Кн. Щербапов благоразумно замѣчаепъ, чпо Михаилъ не могъ ожидапь никакой пользы опъ пакого злодѣйспва, и чпо оно совсѣмъ невѣрояпно. — Рекпоръ Тверск. Семинаріи, Архимандр. Макарій, сочинилъ въ 1765 г. *Житіе Св. Михаила Ярославича*, украсивъ оное многими изобрѣпеніями.

(212) «Аще Христіяне сколько почіюпь.» Сей Духовникъ былъ Игуменъ Іоаннъ.

(213) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 41.

(214) См. Абульгази Histoire des Tatars, спр. 337, 338.

(215) «Въ пой бо часъ окаяньный Кавгадый вхожа«ше ко Царю и исхожаше со оппвѣпы на убіеніе бла«женнаго.»—Псаломъ, чипанный Михаиломъ, еспь 54.

(216) См. сей *Исторіи* Т. I, спр. 128 и примѣч. 294. Рубруквисъ, пупешеспвенникъ XIII вѣка, видѣлъ еще памъ Венгровъ. Бездежъ еспь нынѣ, думаю, селеніе Везедево, ниже Енопаевска, на рукавѣ Волги. Ясы или Алане исповѣдывали опчаспи Вѣру Христіанскую; многіе изъ нихъ говорили по-Гречески (Voyage de Rubruquis, спр. 24).

(217) Лѣтописецъ называетъ Михаила такимъ же *отечестволюбцемъ*, каковъ былъ Св. Димитрій Солунскій.

(218) «Въ лѣто 6820 (1312) преставися Княгиня «Ярославляя Ярославича, именемъ Оксинья, въ Чер«ницахъ и въ Скимѣ, и положена бысть на Тфери.»

(219) «Въ лѣто 6815 (1307) преставись Кн. Ко«стянтинъ Борисовичь Ростовскій въ Ордѣ».....

(220) Въ *Волын. Лът.* упоминается о двухъ сыновьяхъ Романа Брянскаго, Олегѣ и Михаилѣ: Василій могъ быть сыномъ того или другаго; а Святославъ, его дядя, меньшимъ сыномъ Романовымъ.

(221) «Тое жь зимы (1305) преставись Митропо«литъ Максимъ всея Русіи, Дек. 6.» — Св. Петръ Митрополитъ, посвященный въ Царѣградѣ, пріѣхалъ въ Кіевъ въ 1308 г., а въ Владиміръ въ 1309. — Житіе Св. Митрополита Петра, напечатанное въ *Степ. Кн.* (I, 410), сочинено Митрополитомъ Кипріаномъ, въ княженіе Димитрія Донскаго или Василія Димитріевича. Кипріанъ сказываетъ, что Петръ, сынъ Ѳеодоровъ, родился въ Волыніи, и поспріиженный на 13 году въ одномъ пустынномъ монастырѣ, выучился тамъ иконной живописи.

(222) См. *Степ. Кн.* I, 418.

(223) Въ Ростов. Архив. *Лѣтописи*: «да никтоже «обидитъ (на Руси) соборную церковь Петра Ми«трополита, и его людей и церковныхъ его; да «никто же възимаютъ спяжаній, ни имѣніемъ, ни «людемъ; а знаетъ Митрополитъ Петръ въ прав«ду и право судитъ, и управляетъ люди своя въ «правду; и въ чемъ ни буди — въ разбои, и въ по«личномъ, и въ татбѣ, и во всякихъ дѣлахъ—вѣдаетъ «Петръ Митрополитъ единъ, или кому прикажетъ; «да вся покорятся и повинуются Митрополиту, «вся его церковныя причты по первымъ изъ начала «закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, «первыхъ Царей великихъ грамотамъ и дефтеремъ; «да не вступаются въ церковное Митрополичіе ни«кто же, занеже по Божіе есть все; а кто вступ-

«паюпся, а нашъ ярлыкъ и наше слово преспупипъ,
«шой Богу есть повиненъ, и гнѣвъ на себя опъ Не-
«го пріимепъ, а опъ насъ ему казнь будешъ смерп-
«ная. А Мипрополипъ правымъ путемъ пребы-
«ваепъ, и пѣшипся, да правымъ сердцемъ, и пра-
«вою мыслію своя вся церковная успрояепъ, и су-
«дипъ, и вѣдаепъ, или кому повелипъ шаковая вѣ-
«дапи и управляпи. А намъ въ по не вспупапися
«ни вочпо же, и дѣпемъ нашимъ, ни всѣмъ Кня-
«земъ нашимъ нашего Царспва, и всѣхъ нашихъ
«спранъ, и всѣхъ нашихъ Улусовъ; да не вспупаюп-
«ся никпо ничѣмъ въ церковная и въ Мипрополича,
«ни въ грады ихъ, ни въ волоспи, ни въ села ихъ,
«ни во всякіе ловли ихъ, ни въ борпи ихъ, ни въ
«земли ихъ, ни въ луга ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во
«грады ихъ, ни въ волоспныя мѣспа ихъ, ни въ
«виногради ихъ, ни въ мельницы ихъ, ни въ зимо-
«вища ихъ, ни въ спада ихъ во конскіе, ни во вся-
«кіе скопьскіе спада ихъ, ни въ вся спяжанія и имѣ-
«нія церковная. И люди и вся причпы ихъ, и вси
«законы ихъ уложеныя спарыя опъ начала ихъ, по
«все вѣдаепъ Мипрополипъ, или кому да прика-
«жепъ; да не будепъ ничпо же перечинено, или по-
«рушено, или кѣмъ изобижено. Да пребываепъ Ми-
«прополипъ въ пихомъ и кропкомъ жипіи, безъ
«всякіе голки, да правымъ сердцемъ и правою мы-
«слію молипъ Бога за насъ, и за наши дѣпи, и за
«наше племя.... А поѣдупъ наши Баскаки, памож-
«ники, даньщики, поборщики и писцы, по симъ на-
«шимъ грамопамъ, какъ наше слово молвило..... опъ
«Соборные церкви Пепра Мипрополипа никпоже
«не взимаешъ и опъ всихъ людей, и опъ всего его
«причпа; пѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блю-
«дупъ, и наше воинство укрѣпляюпъ. Кпо бо по-
«го и преже насъ не вѣдаепъ, чпо Бога безсмерп-
«наго силою и волею живупъ всѣ, и воююпъ? по
«всѣ вѣдаюпъ..... А чпо законы ихъ, и въ законѣ
«ихъ церкви, и монаспыри ихъ, и часовни ихъ, да
«не вредятъ ихъ, ни хуляпъ ихъ; а кпо учнепъ

«Вѣру осуждапи ихъ и хулипи, попъ человѣкъ не «извинипся ничѣмъже, и умрепъ злою смерпію..... «Такъ наше слово учинило, и дали есмы Петру Ми- «пропопиту грамопу сію для крѣпоспи ему, да «сію грамопу видяще и слышаще вси людіе, и вси «церкви, и монаспыри, и вси причпы церковные, «да не преслушаюпъ его ни въ чемъ, но послушни «ему будупъ по закону ихъ, и по спаринѣ, какъ у «нихъ изспари идепъ. Да пребываепъ Мипропо- «липъ правымъ сердцемъ, и безъ печали, и безъ «скорби всякія, Бога моля о насъ и о нашемъ Цар- «спвіи.»

Кругъ лѣпосчисленія у Моголовъ — пакъ же, какъ у Восточныхъ Турковъ — сospоялъ изъ 12 лѣпъ: первый годъ назывался *мышью*, впорый *быкомъ*, пре- пій *рысью* и *барсомъ*, чепверпый *зайцемъ*, пяпый *крокодиломъ*, шеспый *зміемъ*, седьмый *конемъ*, ось- мый *бараномъ*, девяпый *обезьяною*, десяпый *кури- цею*, одиннадцапый *псомъ*, двѣнадцапый *свиньею* (см. Эрбелот. Bibl. Orient. подъ словомъ Giagh). Мѣ- яцъ раздѣлялся у нихъ на дни *старые* и *новые*, какъ свидѣпельспвуюпъ сіи ярлыки Царскіе. Здѣсь сказано: «чепвершаго *ветха*;» а въ другомъ; «деся- «паго *нова*.»

(224) См. *Никон. Лът.* подъ годомъ 1321.

(225) См. *Новогород.* и *Псков. Лът.* — *Зобница* не осьмина ли? — Разныя происшествія Михаилова кня- женія: Въ 1304 г. преспавился бывшій Роспов. Епи- скопъ Тарасій. Въ 1306 родился у В. Кн. Михаила сынъ Конспантинъ. Въ 1308 осенью скончался Кн. Александръ Даніиловичь, брапъ Юріевъ. (По *Никон. Лът.* Кн. Василій Конспантиновичь Рязанскій убипъ въ Ордѣ). Въ 1309, Іюня 5, Петръ Мипрополипъ въ Владимірѣ поспавилъ Архіепископомъ Давида. (По *Ник. Лът.* скончался Кн. Суздальскій Василій Ми- хайловичь). Въ 1310, преспавился, Дек. 23, Ар- хіеп. Ѳеокписпъ и положенъ въ церкви Благовѣще- нія. (По *Никон. Лът.* Кн. Василій Брянскій съ Та- парами убилъ Карачевскаго Князя, Свяпослава Мспи-

славича). Въ 1311 Симеонъ Ростов. оставилъ Епископію и на его мѣсто поставленъ Ярославскій Игуменъ Св. Спаса Прохоръ. Въ 1312 Митрополитъ, на мѣсто Сарскаго Епископа Исмаила, поставилъ Варсонофія. Въ 1313, по *Никон. Лът.* преставился Смоленскій Князь Александръ Глѣбовичь, оставивъ двухъ сыновей, Василія и Іоанна. Въ 1314 преставился Іоаннъ, Еписк. Суздальскій, и Симеонъ, бывшій Еписк. Владимірскій и Ростовскій, въ Суздалѣ. (По *Никон. Лът.* скончался Василій Александровичь Брянскій). Въ 1315 скончался Кн. Иванъ Михайловичь (а по нѣкоторымъ спискамъ Михаилъ Ивановичь) Спародубскій, внукъ Іоанновъ. Андрей, Епископъ Тверскій, оставилъ свой санъ, и на его мѣсто поставленъ Варсонофій. Въ 1317 у Кн. Іоанна Даніиловича, брата Юріева, Сент. 7 родился сынъ Симеонъ.

(226) См. выше, стр. 171. Тѣло Юріевой супруги отвезли въ Ростовъ. Княгиня Анна постриглась въ Тверскомъ Софійскомъ монастырѣ; жила послѣ у сына своего, Василія, въ Кашинѣ; преставилась черезъ 19 лѣтъ по кончинѣ супруга и погребена тамъ въ Успен. Соборѣ. Святыя мощи ея были обрѣтены въ царствованіе Алексія Михайловича.

(227) См. *Новогор. Лът.* 174.

(228) Сіи древніе рубли описаны Гербершшейномъ (Rer. Moscov. Comment. стр. 42), и Гваньини (Moschov. Descript., стр. 158). Десять, или болѣе подобныхъ кусковъ серебра были найдены въ землѣ крестьянами Кн. Павла Мих. Волконскаго, верстахъ въ 30 отъ Москвы. Образъ и длина ихъ такая:

вѣсомъ же каждый отъ 22 до 24 золотниковъ. Въ Кабинетѣ у Гр. А. И. Мусина-Пушкина есть подобный же рубль съ изображеніемъ словъ: *Волод....* то есть, имени Владиміра, можетъ быть Калипина внука или Владиміра Рязанскаго, живших въ XIV вѣкѣ. Въ лѣтописяхъ XVI вѣка, г. 1535, сказано, что 5 старыхъ рублей съ 2 гривнами вѣсили фунтъ. Такъ означено и въ

нашихъ спарынныхъ рукописныхъ Ариѳметикахъ. Но въ исходѣ XIV вѣка рубли Московскіе состояли уже изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ (см. сей *Исторіи* Т. V, примѣч. 118) и вѣсъ ихъ, какъ видно, нѣсколько уменшился въ отношеніи къ древнимъ рублямъ или кускамъ серебра, ходившимъ въ то время, когда предки наши еще довольствовались, вмѣсто денегъ, лоскутками кожаными или кунами (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 472). При В. Кн. Іоаннѣ Васильевичѣ, т. е. въ концѣ XV вѣка, фунтъ золота стоилъ около 55 серебряныхъ рублей. Въ *Отпускѣ Великой Княжны Елены*, дочери его, сказано: «Послано къ зятю, къ В. К. Олександру, на свадь-«бу къ вѣнчанью крестъ золотъ.... а вѣсу въ ономъ «*полгривенки* безъ дву золотниковъ (т. е. 22 золот-«ника), *полтринадцать рублевъ*» (см. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 2).

(229) Далин. G. des R. Schw. II, 326 и *Новог. Лѣт.*

(230) Іоаннъ, братъ Георгіевъ, поѣхалъ въ Орду въ 1320 г.

(231) См. выше, г. 1242. — Князь Александръ отнялъ Георгіеву казну на *Урдомѣ*.

(232) См. *Лѣт. Псков.* — Лѣтописецъ Прусск. Ордена, П. Дузбургъ, говоритъ о семъ нашествіи (Chron. Prussiae стр. 394) Давида Липовскаго, называя его Castellanus de Gartha, и сказывая, что онъ убилъ и плѣнилъ болѣе 5000 Христіанъ: Ecclesias, vestes sacras et vasa altaris inhumaniter polluit et concremavit. Однакожь Дузбургъ не зналъ, что большая часть Давидова войска состояла изъ Россіянъ. Татищевъ назвалъ Давида сыномъ Довмонта. — Родъ Псковскаго Князя Евстафія неизвѣстенъ. — Эстонія все еще зависѣла тогда отъ Короля Датскаго; но въ 1346 г. Вальдемаръ III продалъ оную Нѣмецкому Ордену за 18,000 марокъ.

(233) См. также *Ядро Рос. Исторіи*. Новогородцы уступили Шведамъ часть западной Корелiи, нынѣшняго Выборгскаго и Яскисскаго Округа, такъ,

что граница шла отъ устья Сестры чрезъ югозападную часть Кексгольмской области къ Каннебургской. Тогдашній договоръ уцѣлѣлъ въ Шведск. Государствв. Архивѣ и напечатанъ Портаномъ въ его Syllog. Monumentorum (см. Лерберг. Untersuchungen, стр. 232). — Шведы назвали крѣпость Орѣховъ, Орѣховецъ или Орѣшекъ, *Нетеборгомъ*, — то есть, перевели сіе имя на свой языкъ.

(234) См. выше, примѣч. 188, и Т. III, примѣч. 147. Кн. Щербатовъ думалъ, что Устюгъ принадлежалъ Новугороду.

(235) См. *Троицк.* и *Новогород. Лът.*

(236) См. *Троицк.* и *Воскр. Лът.*

(237) Городъ Новосиль, какъ мы уже сказали, былъ Удѣломъ Черниговскихъ Владѣтелей, въ землѣ Вятичей; а Родоначальникомъ Князей Новосильскихъ и Бѣлевскихъ сынъ Михаила Черниговскаго, Семенъ Глуховскій.

(238) О семъ прозваніи Димитріевомъ сказано единственно въ Родослов. Книгахъ. — Димитрій женился на Гедиминовой дочери въ 1320 г.

(239) См. *Новогород. Лът.* и договорную грамоту Александрову въ Архивѣ Иностр. Кол. No 15.

(240) Такъ имя его написано въ харатейныхъ *Новогород.* и *Троиц.*; а не *Щелканъ*.

(241) Андрей Ярославичь Суздальскій, братъ Александра Невскаго, имѣлъ трехъ сыновей: Юрья (бездѣтнаго), Михаила (княжившаго въ Новѣгородѣ Нижнемъ) и Василія.

(242) Въ *Троиц.* и *Новогород.* сказано, что Моголы тогда же убили сего Князя; а въ *Воскресен.* и другихъ прибавлено: «въ Ордѣ.» *Никон. Лът.* говоритъ еще объ убіеніи Князя *Василія* Рязанскаго.

(243) Длугошъ, Hist. Pol. кн. X, стр. 117: Inter septemtrionales populos obscurissimi (Литовцы), Ruthenorum servituti et tributis vilibus obnoxii, ut cuique mirum videatur ad tantam eos felicitatem, sive per finitimorum ignaviam et desidiam provectos, ut imperent

nunc Ruthenis, sub quorum imperio annis prope mille veluti servile vulgus fuere.

(244) См. выше, примѣч. 165. Вопреки Стриковскому, называющему Витена Вельможею Тройдена, современный Историкъ Нѣмецкаго Прусскаго Ордена, Петръ Дузбургъ, сказываетъ, что Витенъ былъ сынъ и наслѣдникъ Литовскаго Князя Лутевера, владѣвшаго еще въ 1291 г. (см. его Chron. стр. 323). Стриковскій называетъ Гедимина сыномъ Витеновымъ: такъ сказано и въ нѣкоторыхъ Русск. лѣтописяхъ (см. *Воскрес. Лѣт.* I, 49). Но Длугошъ, современникъ правнука Гедиминова, пишетъ, что сей В. Кн. Литовскій, бывъ Конюшимъ у своего Государя, умертвилъ его и похитилъ власть (Hist. Pol. кн. X, стр. 60). Могъ ли Длугошъ, человѣкъ извѣстный, выдумать басню, столь оскорбительную для чести Королевскаго рода? Другіе наши Лѣтописцы говорятъ согласно съ Польскимъ Историкомъ, что Гедиминъ былъ Конюшимъ Витеновымъ, прибавляя слѣдующее: «Во плѣненіе безбожнаго Царя Батыя изъ-«бѣжалъ отъ плѣна его нѣкій Князецъ, именемъ Ви-«тянецъ (Витенъ), рода *Полоцкихъ* Князей, и вселися «въ Жомоитѣ (Самогитіи или Жмуди) у нѣкоего борт-«ника (пчельника), и поятъ у него дщерь въ жену «себѣ и пребысть съ нею 30 лѣтъ *бездѣтенъ*, и «*убіенъ бысть громомъ;* и послѣ Князя Витянца по-«ятъ жену его рабъ его Конюшецъ, именемъ Геди-«меникъ, и роди отъ нея 7 сыновъ» (см. *Родословную Велико-Россійскаго Государства*, писанную въ Ярославлѣ въ 1668 г., въ Синод. Библ. подъ No 461, и *Рост.* Архив. *Лѣт.* въ концѣ о *Князьяхъ Литовскихъ*).

(245) Длугошъ Hist. Pol. кн. X, стр. 60, и *Хрон.* Стриков. кн. XI, гл. 3, и кн. XII, гл. 3 и 7. Въ нашихъ Родословныхъ сказано, что Явнутъ или Евнутій Гедиминовичь женился на Княжнѣ Витебской, Ольгердъ же на Полоцкой.

(246) Харатейный подлинникъ сей грамоты, писанной къ В. Магистру Карлу Беффарту, находит-

ся въ Кенигсб. Архивѣ подъ No 462. Вотъ она (безъ всякихъ поправокъ въ буквахъ):

Magnifico Domino — и проч. — Magistro. Generali. ceterisque. fratribus. eiusdem. professionis. in Prussia. Andreas. et Leo. Dei gracia Duces. totius terre. Russie. Galicie et Lademirie. salutem. et post. huius. vite. militiam. in celestibus. triumphare. cum inter honorabiles. viros. vestros. predecessores. Magistrum. acque. fratres. Pruscie. ex una parte. nostrosque. serenissimos. progenitores. ex altera. dileccionis. insignia. ac mutue promocionis beneficia. viguerunt. delectat. et nos. vobiscum. eodem caritatis vinclo. uniri. ac sincera amicicia federari. maxime. cum honorabilis. Religiosus. vir. frater Sygehardus. de Swarzburch. consanguineus noster. dilectus. antiquam antiquorum. amiciciam. nobiscum duxerit innovandam. prout. in instrumentis et paccionibus super hoc. confectis. plenius est expressum. nos volentes. utique exemplo. progenitorum. nostrorum. vobis adesse. sincera amicicia. et favore. et de amiciciis. federacionibus. et pace. inter nos. conceptis. a diebus diutinis. nichil. omnino. diminuere. sed pocius. volente Domino. habundancius ad augere. ceterum. terras vestras. fideliter premunire. curabimus. pre Tataris. dummodo nobis constiterit. et ab hostili. quolibet. invasore. insuper. vobis. ac omni vestro populo. ad omnem dileccionem et ad cuncta. beneplacida. promocionis et favoris. existimus debitores. In cuius. rei testimonium presentes. scribi iussimus. nostrorum sigillorum munimine solidatas. Actum et datum in Lademiria. anno Verbi Incarnati M. CCC. XVI. in vigilia S. Laurencii (1516 года, Авг. 10). Привѣшены двѣ большія вощаныя печати: одна Георгіева или Юріева (см. выше, примѣч. 191), а другая съ изображеніемъ копна, держащаго коне; вокругъ звѣзды, луна и крестъ; на оборотѣ левъ.—Содержаніе сего письма есть то, что Андрей и Левъ, *Божіею милостію Князья всей земли Русской, Галиціи и Лодомиріи* (земли Владимірской), слѣдуя системѣ предковъ, заключаютъ миръ съ Орденомъ, по содѣйствію Зигварда Шварц-

бургскаго, *их родственника*, и даютъ слово предохранять владѣнія Прусскія отъ Тапаръ. Зиггардъ былъ Коммандоромъ въ Бирглау; а по чему названъ родственникомъ Андрея и Льва, не знаемъ.

(247) Романъ Михайловичь Брянскій намъ извѣстенъ; но здѣсь или говорится о другомъ или явный анахронисмъ: ибо сей Романъ умеръ еще въ XIII вѣкѣ. Послѣ него княжили въ Брянскѣ Святославъ и Василій, умершій въ 1314.

(248) Стриковскій упоминаетъ здѣсь о Митрополитѣ Кіевскомъ. — Вѣроятно, что Литовцы взяли Черниговъ въ одно время съ Кіевомъ, или не задолго до того. Стриковскій прибавляетъ, что Миндовъ Голшанскій властвовалъ въ Кіевѣ до Ольгердова сына, Владиміра.

(249) Въ нашихъ Родословныхъ находятся только слѣдующія обстоятельства: «Въ лѣто 6825 (1317) «Кн. Вел. Юрій (или Георгій) Даниловичь Москов-«скій пріиде изъ Орды и сѣде на Вел. Княженіе, и «видѣ многіе грады запустѣвшая и людей въ нихъ «мало и печалію обдержимъ бѣ: по убіеніи бо Кн. «Михаила Всеволодича Кіевскаго и Черниговскаго «разсыпашася Измаильтяне (Тапары) по всей Руской «земли, яко пшицы полеташа, и Христіянокій родъ «овѣхъ мечи закалающе, другихъ же въ плѣнъ отво-«жаху, а оставшая люди гладъ и смерть погубля-«ша. Вел. же Князь Юрьи Даниловичь разсылаше по «градомъ и мѣстомъ, веляше собрати оставшая лю-«ди; посла убо и сего Гедименика на Волынскую зе-«млю и на Кіевскую и обь сю страну Менска напол-«нипи плѣнепныя грады и веси, а у оставшихъ има-«пи дани; и съ нимъ посла нѣкоего мужа славна, «именемъ *Борейка*, и иныхъ множайшихъ. Сей же Ге-«дименикъ бѣ мужъ *храбръ зѣло* и велика *разума;* «начатъ дани брати на людехъ и сокровища изы-«скивати, и обогатися зѣло, и собра къ себѣ мно-«жество людей, и дая имъ неоскудная потребная, «и начатъ владѣти многими землями, и назвася отъ «нихъ. Вел. Князь Гедининъ Литовскій первый, не-

«согласіемъ Вел. Князей, Рускихъ Государей, и меж-«усобными браньми.» См. *Ярослл. Родосл.* въ Синод. библ. No 461, и въ концѣ *Рост.* Архив. *Лѣт.* о *Князьяхъ Литовскихъ.* Сіи извѣстія, писанныя въ новѣйшія времена, не имѣютъ испорической достовѣрности. Обстоятельство, что Гедиминъ былъ отправленъ послѣ 1317 г. Кн. Георгіемъ Даніиловичемъ для учрежденія порядка и для собранія дани въ Кіевской и Волынской области, есть басня. По современной лѣтописи мы знаемъ, что Гедиминъ въ семъ году уже правительствовалъ въ Литвѣ и воевалъ съ Нѣмцами (см. Дузбур. Chronicon, стр. 387); знаемъ также, что Волынія и Кіевъ не зависѣли отъ Юрія или Георгія Даніиловича Московскаго.

(250) См. ниже, и въ *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 593. При Донскомъ Гедиминовъ внукъ, сынъ Ольгердовъ, уже властвовалъ надъ областію Кіевскою.

(251) Райнальд. Annal. Eccles. въ добавленіи XV Т., подъ г. 1324.

(252) Въ Архивѣ Кенигсбергскомъ сохранились четыре грамоты Георгіевы, подъ No 684, 228, 645 и 131. Первая, 1325 г., писана къ Вел. Магистру Вернеру Арсельнскому. Содержаніе то, что Георгій, согласно съ системою предковъ, возобновляетъ съ Орденомъ дружескую связь. — Вторая грамота писана къ Вел. же Магистру Вернеру въ 1327 г. изъ столицы Владимірской, in Ladimiria nostra civitate capitali: она есть повтореніе грамоты Андрея и Льва, выше нами сообщенной. Третья писана къ Вел. Магистру Лудеру, Герц. Брауншвейг., изъ города Львова, въ 1334 г.: достойно примѣчанія, что Князь обязывается хранить миръ отъ имени своего и Вельможъ Галицкихъ, также и Епископа Осодора. Къ грамотѣ привѣшены 8 восковыхъ печатей, Княжеская, нами описанная, и семь именованныхъ въ грамотѣ чиновниковъ. Образъ Богоматери изображенъ на Епископовой; на другой птица, и вокругъ Русская надпись: *печать Борисова*; прочія

истерлись. — Грамоту четвертую предлагаемъ въ переводѣ: «Во имя Божіе . . . Аминь. Зная, что не-«постижимое Провидѣніе Творца всяческихъ поста-«вило Государей не только для властвованія надъ «людьми, но и для того, чтобы они были орудіями «мира и правды, мы *Георгій* Бож. милостію приро-«дный Князь всей *Малой Россіи*, желая посред-«ствомъ истины и согласія отвратить раздоры, «искоренить плевелы зла, утвердить тишину ми-«ра и дружества, совокупно съ нашими любезными «и вѣрными Боярами, а именно съ Димитріемъ, на-«шимъ дядькою, Михайломъ Елеазаровичемъ, Воево-«дою *Бельзскимъ*, Василькомъ Кудриновичемъ, Тіу-«номъ Двора нашего, Григорьемъ Косаковичемъ, Вое-«водою *Перемышльскимъ* — Борисомъ Кракулою, Вое-«водою *Львовскимъ* — Ходоромъ (Ѳеодоромъ) Опе-«комъ, Воеводою *Луцкимъ*, и Хотькомъ Еромирови-«чемъ, возобновляемъ, одобряемъ, утверждаемъ си-«лою сей грамоты всѣ ненарушимые договоры, за-«ключенные нашими предшественниками, блаж. па-«мяти Государями и Князьями *Романомъ*, *Даніи-«ломъ*, *Львомъ*, *Георгіемъ* (Юріемъ), *Андреемъ*, съ «почтенными, свѣтлѣйшими Господами, Вел. Маги-«страми Ордена Нѣмецкаго Св. Маріи въ землѣ «Прусской (какого бы имени они ни были) до време-«ни почтеннаго Господина Дитриха Алтенбургска-«го, нынѣшняго Великаго Магистра, обѣщаясь, вмѣ-«стѣ съ упомянутыми Боярами и людьми земли на-«шея, хранить вѣчно и нерушимо, безъ всякаго «обмана, коварства и хитрости, союзъ дружбы съ «Г. Дитрихомъ Алтенбургскимъ, Вел. Магистромъ, «съ его собратіями и Коммандорами: въ удостовѣ-«реніе чего велѣли мы написать сію грамоту, и при-«ложили къ оной нашу и выше-упомянутыхъ Бояръ «печати. Дано въ *Владимірѣ*, въ 1335 г. отъ во-«площенія Христова, 13 Календъ Ноября (по наше-«му Окти. 20) на память 11,000 Св. Дѣвъ.» Къ хар-тіи привѣшена Княжеская и шесть другихъ воско-выхъ испертыхъ печатей.

(253) См. письмо Папы Іоанна XXII къ Французскому Королю, въ 1323 г. (Райнальд. Ann. Eccl. Т. XV). Въ нашихъ лѣтописяхъ Гедиминъ называется *первымъ Вел. Княземъ Литовскимъ*. Тамъ же сказано, что Вильна была уже во XII вѣкѣ (см. выше, прим. 96). Длугошъ называетъ ее древнимъ городомъ, основаннымъ еще предками Литовскаго народа, которые будто бы вышли изъ Италіи, и названнымъ такъ по имени ихъ вождя (Hist. Pol. кн. X, 116). Сприковскій повѣствуетъ слѣдующее: «Гедиминъ, завоевавъ Рос-«сійскія Княжества, жилъ въ Керновѣ; но построивъ го-«родъ *Троки*, названный такъ отъ множества звѣрей «убитыхъ и *второченныхъ* на семъ мѣстѣ Гедиминовы-«ми охотниками, перенесъ туда свой престолъ. Въ «другой разъ, забавляяся ловлею на берегахъ Виліи, «покрытыхъ тогда густыми лѣсами, онъ со всѣмъ «Дворомъ пріѣхалъ къ устью Вилии, гдѣ предки «его издревле сожигали тѣла мертвыхъ, и гдѣ ку-«рились жертвы идоламъ за души усопшихъ. Тамъ «Гедиминъ собственною рукою убилъ тура, на горѣ, «которая и донынѣ зовется *Туровою*. Рога сего звѣ-«ря, обложенные золотомъ, долго хранились въ Кня-«жеской сокровищницѣ. Витольдъ обыкновенно пилъ «изъ нихъ на пирахъ и подарилъ одинъ въ 1429 г. «Королю Венгерскому, Сигизмунду, во время славна-«го съѣзда Государей и Князей въ Луцкѣ. Уснувъ «на Туровой горѣ, Гедиминъ видѣлъ во снѣ огромна-«го волка въ желѣзныхъ лапахъ, ревущаго такъ силь-«но, что голосъ его повсюду раздавался, какъ сто «волчьихъ голосовъ или болѣе. Главнымъ жрецомъ «Литовскимъ былъ тогда Лиздейко, найденышъ Ви-«теновъ, оставленный родителями въ гнѣздѣ орли-«номъ, или, какъ другіе сказываютъ, въ богатой ко-«лыбели среди густаго лѣса: онъ растолковалъ Кня-«зю, что сонъ его предзнаменуетъ славу города, ко-«ему надлежало быть на семъ мѣстѣ. Гедиминъ по-«слушался жреца и немедленно построилъ на горѣ «крѣпость, а внизу, на *кривой долинѣ*, городъ де-«ревянный съ башнями; назвалъ его Вильною отъ

«рѣки Вильни, переѣхалъ туда жить въ 1322 г. со «всѣми Боярами и скоро украсилъ великолѣпно.» Обстоятельства баснословны; но главное, что Вильна основана Гедиминомъ, можетъ быть справедливо. По достовѣрнымъ историческимъ памятникамъ намъ извѣстно, что сей городъ въ 1323 г. былъ уже его столицею: грамота Гедиминова, данная Нѣмцамъ для свободной торговли въ Литвѣ (см. ниже, примѣч. 255), писана въ Вильнѣ: Datum Vilna, anno Domini 1323.

(254) См. Райнальд. Annal. Eccles. XV, 1324, и Кранца Wandal. кн. VIII, гл. 9.

(255) См. Дреер. Specim. juris publici Lubec. стр. 183, и Коцеб. Gesch. Preuss. II, 354. Подлинникъ упомянутой грамоты, писанной въ 1323 г., находится въ Кенигсб. Архивѣ. Сего-то Князя называли въ Европѣ quovis ethnico peius, monstrum biceps, ludibrium naturae abominabile, violatorem iuris gentium et legum naturalium, antichristi praecursorem! См. Руссет. Supplement au Corps diplomatique T. I, Ч. II, стр. 100, и въ Дреер. Specim. J. P. Lubec. стр. 309.— На печати Гедиминовой, кромѣ Ангеловъ, изображенъ человѣкъ сидящій на престолѣ и держащій въ правой рукѣ корону, а въ лѣвой скиптръ, съ подписью: Sigillum Ged. Dei grac. Lethwinor. et Ruthenor. Reg.

(256) См. *Новогор. Лът.* О Россійскихъ частныхъ Князьяхъ въ тогдашней Волыніи см. Длугош. кн. IX, стр. 1088. — Случаи сего времени, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи: Въ 1319 г., Дек. 11, родился у Кн. Ивана Даніиловича сынъ Данило. Въ 1320, Маія 30, скончались Князья Борисъ Даніиловичь и Ростовскій Юрій Александровичь. Въ 1321, зимою преставился Яросл. Князь Давидъ, сынъ Ѳеодора Чернаго. Александру Михайловичу Тверскому (по *Никон. Лът.*) родился сынъ Левъ. Въ 1323, преставился (по *Никон. Лът.*) бывшій Тверскій Епископъ Андрей. Въ 1325, Февр. 5, преставился Новогород. Архіеп. Давидъ. На его мѣсто избрали Но-

вогородцы бывшаго Юрьевскаго Архим. Моисея. Въ 1326, Марта 30, Князю Іоанну Даніиловичу родился сынъ Іоаннъ. Въ 1327, Іюля 4, родился у Кн. Іоанна Даніиловича сынъ Андрей.

(257) См. *Троицк.* и *Никон. Лът.* — О состояніи Орды см. Абульгази Hist. des Tatars.

(258) См. ниже, примѣч. 272. *Никон. Лът.* говоритъ, что Ханъ далъ Іоанну, кромѣ Великаго, еще *многія* иныя Княженія: какія же?

(259) См. *Степен. Кн.* I, 419, и *Никон. Лът.* Св. Петръ началъ жить въ Москвѣ или съ 1326 г. или еще ранѣе. Онъ скончался Декабря 20. Его погребалъ Ѳеодосій Еписк. Лучскій. Ѳеогностъ пріѣхалъ изъ Царяграда въ 1328 г.

(260) См. Син. Лѣт. подъ No 349, л. 60, и *Ник. Лът.*

(261) См. *Псков. Лът.* и Синод. библ. No 349, л. 60.

(262) См. *Псков. Лът.* Нынѣшній городъ *Опочка* совсѣмъ не на пути отъ Новагорода ко Пскову: здѣсь говорится о другомъ мѣстѣ.

(263) См. *Псков.* и *Новогор. Лът.*

(264) Іоаннъ ѣздилъ къ Хану въ годахъ 1328, 1331 (вмѣстѣ съ Константиномъ Михайловичемъ Тверскимъ), 1333, 1336 и 1339. — Въ *Новогород. Лът.*: «В. Кн. Иванъ пріиде изъ Орды (въ 1332 г.) и възверже «гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ *серебра за «Камскаго»* О серебрѣ Сибирскомъ см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 76.

(265) Въ *Польскомъ Титулярникѣ* названа Симеонова супруга дочерью Гедимина (см. въ Арх. Иностр. Коллегіи Миллерово собраніе рукописей, бумажникъ подъ заглавіемъ Polonica).

(266) См. *Воскрес. Лът.* Въ *Новогор.* нѣтъ о томъ ни слова.

(267) «Въ семъ же лѣтѣ (1333) вложи Богъ въ сердце К. Наримонту, въ крещеніи Глѣбу, и присла «въ Новгородъ.»

(268) См. *Новогор. Лът.*

(269) См. тамъ же. — Ниже упоминается о судебной десятинѣ: мы знаемъ, что во XII вѣкѣ Новогородскіе Епископы получали за нее 100 гривенъ изъ казны Княжеской (см. Т. II, примѣч. 256).

(270) См. *Троицк.*, *Новогор.* и *Воскресен. Лѣт.*

(271) См. *Никон. Лѣт.* IV, 167.

(272) Онъ былъ внукъ Андрея, большаго брата Александру Невскому. См. въ Синод. библ. лѣтопись XV вѣка въ листъ подъ No 349, л. 226, гдѣ сказано: «Царь Озбякъ подѣлилъ имъ Княженіе: Кня-«зю Ивану Даниловичю Новгородъ и Костромy, а «Суздал. Князю А. В. Володимерь и Поволожье; и «княжилъ полтретья года. Сій Кн. Александръ «изъ Володимеря Вѣчьный колоколъ Св. Богоро-«дици возилъ въ Суждаль, и колоколъ не почалъ «звонити, якоже былъ въ Володимерѣ; и видѣ Але-«ксандръ, яко съгрубилъ Св. Богородици, и повелѣ «его пакы везьти въ Володимерь; и поставиша его «въ свое мѣсто, и пакы бысть гласъ, яко же и пре-«же богоугоденъ.»

(273) См. *Повѣсть о Св Сергіи* въ *Никон. Лѣт.* IV, 204. Василій Давидовичь, внукъ Ѳеодора Чернаго, названъ зятемъ Іоанновымъ въ *Новогор. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 603. Въ Родосл. Книгахъ: «У В. «К. Василіа (Ростовскаго) дѣти Кн. Ѳеодоръ, да «Кн. Констянтинъ, а женился К. Констянтинъ у «В. К. Ивана Даниловича Московскаго (въ 1328 г.); «отполѣ Ростовскихъ Князей родъ пошелъ надвое: «Кн. Ѳеодору достался Стрѣтенская сторона, а «Констянтину Борисоглѣбская сторона.» Ѳеодоръ Васильевичь скончался въ 1331 г., Марта 28.

(274) См. духовную Іоанна Даніиловича и договорную грамоту его внука, Димитрія Ивановича, съ братомъ (см. ниже, или въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 56 и 77). О Долѣ см. Родосл. Книги, въ описаніи рода Левашовыхъ.

(275) См. *Новогор. Лѣт.*

(276) Въ *Новогор. Лѣт.*: «Мати же его и Бояре, «и госпи, и *Житейскіе муки* унимаша его много.»

Имя *Житейскіе* означало то же, что *люди Житьи* или прежде *Огнищане* въ Новѣгородѣ (см. Т. V, примѣч. 55).

(277) «Князь *Романчукъ* Бѣлозерскій.» *Романчукъ* есть уменьшительное *Романа*, такъ же, какъ *Василько Василія*, и проч. Въ Родосл. сказано, что Романъ умеръ бездѣтенъ, а Ѳеодоръ и Василій были сыновья брата его, Ѳеодора Михайловича. Отецъ Романовъ въ 1277 г. женился на тешкѣ Василія Давидовича Ярославскаго, дочери Ѳеодора Чернаго.

(278) См. *Троицк. Лѣт.* Сыновья Іоанновы Симеонъ, Иванъ, Андрей, пріѣхали къ Хану въ началѣ осени, а Кн. Тверскій былъ казненъ въ исходѣ Октября. — Въ *Никон. Лѣт.* К. Стародубскій Ѳеодоръ названъ Іоанновичемъ, а въ Родосл. Книгахъ Михайловичемъ: «у Кн. Ивана Всеволодича» (дяди Александра «Невскаго) сынъ Иванъ Калиспрапъ, а Княжь Ива«новъ сынъ Князь Михайло, а у Князя Михайла сынъ «Князь Ѳедоръ, прозвище ему *Благовѣрной*, убитъ «въ Ордѣ отъ Царя.»

(279) См. *Никон. Лѣт.*

(280) Далин. Gesch. des Schw. R. II, 314, 326, и Райнальд. Annal. Eccl. г. 1326, No 10.

(281) Сей трактатъ выписанъ Бишингомъ изъ Датскаго Архива и напечатанъ въ Histor. Magaz. III, 177.

(282) Рясна есть нынѣ село между Могилевымъ и Мстиславлемъ. Освѣчену надлежало быть тамъ же. Въ описаніи древней Россіи имена сихъ двухъ городовъ стоятъ рядомъ (см. *Воскрес. Лѣт.* I, 22).

(283) Щербатовъ признаетъ сего Димитрія братомъ Іоанна, т. е. Александровичемъ, ссылаясь на Родосл. Книги; но это сомнительно. Лѣтописи упоминаютъ только о двухъ сыновьяхъ Александра Глѣбовича, Василій и Іоаннѣ (см. *Никон. Лѣт.* III, 108). Въ печатной Родосл. Книгѣ (II, 43) сказано: «*Пришелъ* изъ Смоленска Кн. Александръ Всеволодъ Глѣ«бовичь; у него 3 сына: *Дмитрей*, Володимеръ,

«*Иванъ.* Дмитрей да Володимеръ *были Воеводы у* «В. Князя *Дмитрея на Дону.*» Сіи Александровичи, вышедшіе въ Москву съ *отцемъ* около временъ Мамаевыхъ, не могли быть сыновьями владѣтельнаго Смолен. Князя Александра Глѣбовича, умершаго еще въ 1313 г. *(Никон. Лът.)*

(284) Увидимъ, что любимый сынъ Гедиминовъ, по смерти отца изгнанный братьями, искалъ убѣжища въ Смоленскѣ.

(285) О Князьяхъ Ооминскихъ сказано въ Родосл. Книгахъ, что они происходятъ отъ Константина Юрьевича, коего отецъ, Кн. Юрій Святославичь Смоленскій, въ 1404 г. былъ изгнанъ изъ своего владѣнія Гедиминовымъ внукомъ, Витовтомъ; но о сихъ Князьяхъ упоминается еще въ 1340 г. — Князья Друцкіе должны быть потомками древнихъ Владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ. — Иванъ Ярославичь *Юрьевскій* безъ сомнѣнія происходилъ отъ Всеволода III, хотя и не знаемъ, отъ чьего колѣна. Святославъ Всеволодовичь и сынъ его Димитрій княжили въ Юрьевѣ около половины XII вѣка; наслѣдники Димитріевы неизвѣстны.

(286) *Лът. Новог.* и *Троицк.* Лѣта сего В. Князя знаемъ единственно потому, что отецъ его родился въ 1261, а старшій сынъ, Симеонъ, былъ въ 1333 г. 17-ти лѣтъ.

(287) См. *Степен. Кн.* I, 406, и слово о житіи Димитрія Донскаго, въ его время сочиненное.

(288) По Родосл. Книгамъ у Михаила Черниговскаго былъ сынъ Мстиславъ Карачевскій, а у Мстислава Андрей, или Андреянъ; первымъ же Козельскимъ Княземъ названъ Іоаннъ Титовичь, внукъ Мстислава Карачевскаго. — Глѣбъ Святославичь долженъ быть сыномъ Святослава Глѣбовича и двоюроднымъ братомъ Іоанна Александровича Смоленскаго. Въ Брянскѣ княжилъ Димитрій (см. выше, примѣч. 283): увидимъ его и послѣ тамошнимъ Княземъ.

(289) См. *Ядро Рос. Исторіи* и въ Синод. библ. подъ No 551, въ четв. листа, харатейный Треб-

никъ. — Въ нѣкоторыхъ историческихъ рукописяхъ сказано, что калита, носимая Іоанномъ, была ему подарена Ханомъ.

(290) См. *Троицк.* — Названіе Кремля не есть Татарское, а происходитъ отъ *кремня*; *Дѣтинцемъ* же называли внутреннюю крѣпостъ, или замокъ отъ имени *Дѣтскихъ* (см. Т. I, примѣч. 458) или Отроковъ, коимъ поручалась ея защита.

(291) Такъ говоритъ Діаконъ Тимоѳей Каменевичъ-Рвовскій въ сочиненіи о древностяхъ Россійскихъ, писанномъ его собственною рукою и хранящемся въ Синод. библ. подъ No 529, кн. 1, Т. 2, л. 517. — Каменевичъ писалъ въ 1699 г., слѣдуя древнему преданію. Онъ былъ родомъ Москвитянинъ, а жилъ въ Угличѣ. Герберштеинъ (Rer. Mosc. Com. стр. 42 и 57) еще упоминаетъ о славной ярмонкѣ Холопьяго городка (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 458).

(292) См. родословную Годуновыхъ и Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 310 и 312. Челобитная Квашниныхъ находится въ Архивѣ Иностранной Коллегіи, въ Миллеровомъ собраніи рукописей, въ бумажникѣ подъ заглавіемъ: *древнѣйшія дипломатическія извѣстія* No 15.

(295) Сія грамота (напечатанная въ *Собр. Гос. Грам.* I, 31) писана въ 1328 или 1331 г. (см. выше, примѣч. 264, и *Воскр. Лѣт.* II, 302 и 306), по есть, прежде Еленіной кончины, но уже во время Іоаннова Великокняженія: ибо на приложенной къ ней серебряной, вызолоченной печати (съ изображеніемъ Іоанна Предтечи и Спасителя) вырѣзаны слова: «печать *Великаго* Князя Ивана.» Здѣсь въ первый разъ употреблено имя *Дьяка* въ смыслѣ Секретаря. У Грековъ названіе Diakonos, у Скандинавовъ Diaekne, означало слугу, школьника.

(294) Свинцовая маленькая печать привѣшена къ Княжеской: на ней изображены два треугольника съ звѣздочками, а на другой сторонѣ, кажется, буквы Татарскія. Она могла быть чиновника Ханскаго или Баскакова. — И Переславль-Залѣсскій считался городомъ Великокняжескимъ, а не Московскимъ: по тому

взялъ его Димитрій Константиновичь Суздальскій, сдѣлавшись въ 1360 г. Великимъ Княземъ.

(295) Донскій въ завѣщаніи своемъ говоритъ: «а «сына своего Юрья благословляю *куплею* своего *дѣда*, «Галичемъ — а сына Андрея куплею же дѣда своего, «Бѣлымъ Озеромъ — а сына Петра куплею же своего «дѣда, Углечемъ Полемъ» (см. *Рос. Вивл.* I, 105). — Константинъ Галицкій былъ родный братъ Александра Невскаго. — Въ 1359 г. вмѣстѣ съ Александромъ Тверскимъ ѣздилъ въ Орду еще независимый Кн. Романъ Михайловичь Бѣлозерскій.

(296) Сія грамота не была нигдѣ напечатана: для того включаю оную здѣсь. — «Се азъ Кн. Василей «Давыдовичь Ярославскій докончалъ есмь съ Архи«мандритомъ съ Пиминомъ про домъ Св. Спаса по «дѣда своего грамотѣ, пожаловалъ есмь что людей «Св. Спаса въ городѣ и въ селѣхъ, урекъ есмь имъ «на годъ два рубля давати, а не надобѣ имъ никото«рая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни восмни«чее, ни бобровое, ни спану не чинятъ въ селѣхъ «Спаскихъ, ни дворскаго не емлютъ, ни яного ниче«го не емлютъ, ни спановщикъ не въѣзъдитъ ни о «чемъ же, ни *Бегеули* мои» (приставы: слово Тапарское) «не имаютъ людей Спаскихъ въ сторожу, «ни въ корму; а судьи мои вси, Намѣстницы и Тіу«ни не шлютъ Дворянъ своихъ по люди Св. Спаса, «но шлютъ ко Игумену, а Игуменъ шлетъ по нихъ «своихъ людей. А что будетъ судъ Спаскимъ лю«демъ съ моими людми, пріѣхавъ моему судьи въ «монастырь, судити ему со Игуменомъ въ правъдѣ по «цѣлованію; а вина, посулъ и пересудъ на полы, до «моего ли дойдетъ, до Спаскаго ли; а что учинит«ся между Спаскими людми бой, или тапьба, или «душегубство, или самосудъ, то все судитъ Игу«менъ, и вину емлетъ въ домъ Св. Спаса; а нашимъ «судьямъ не надобѣ, ни Дворяномъ; а кого перезо«ветъ Игуменъ изъ иные волости, по люди Св. Спа«са, а мнѣ ся въ нихъ не вступати; а кто будетъ «людей моихъ Св. Спаса въ половницы (въ работни-

«кахъ) апь попягнупъ ко мнѣ данью и виною, до «кого чпо дойдепъ, а Игумену ся не вступапи; а «чпо порговапіе на домъ Св. Спаса, крылошаномъ и «Черпцомъ, шамга, ни восмничее не надобѣ; а пере- «возъ и рѣки бобровые, а по по давной пошлинѣ; а «дому Св. Спаса блюспи ми, самому не обидѣпи и «въ обиду не давапи. А далъ есмь домъ Св. Спаса «на руцѣ опцу своему, примыслипъ ли, умыслипъ ли; «а черезъ сю грамопу кпо посягнепъ на домъ Св. Спаса, «и милоспи Св. Спаса не буди на немъ.» Подлинная грамопа скрѣплена черною восковою печапью. — Въ рукоп. собранiи Двинскихъ грамопъ (см. выше, примѣч. 193) еспь двѣ Калишины: въ одной сказано: «Се язъ К. В. «пожаловалъ есмь сокольниковъ Печерскихъ, кпо хо- «дипъ на Печеру, Жилу съ други: не надобѣ имъ нико- «порая дань, ни ко спароспѣ имь не шянупи; и чпо «у нихъ препники и наймипы, кпо спражепъ на «гоповыхъ конехъ, а въ кунахъ» — кпо рабопаепъ на гоповыхъ коняхъ, но за деньги — «и пѣмь не на- «добѣ никопорая дань, ни ко спароспѣ имъ не пя- «нупи, ни биричь ихъ не попоргывапь» — не вы- зывапь ихъ чрезъ бирючей — «не надобѣ ни кормъ, «ни подвода.» — Разные случаи Іоаннова княженія, о коихъ мы не упоминали, супь слѣдующіе: Въ 1328 г., Сенп. 7, преспавился Респ. Епископъ Прохоръ; на его мѣспо поспавленъ Анпоній (По *Ник. Лѣт.* умеръ Тверскій Еписк. Варсонофій). Въ 1330 г. Мипроп. въ Владимірѣ Волынскомъ поспавилъ Тверска- го Епископа Ѳеодора. Въ 1336 скончался Роспов. Епи- скопъ Анпоній, а на его мѣспо поспавленъ Гаврі- илъ. Въ 1337, Апр. 12, у сына Калипина, Симео- на Іоанновича, родился сынъ Василій.

(297) См. въ Эккарп. Corp. Hist. medii aevi T. I Хронику Іоанна Виподурана, спр. 1862, или въ На- руш. Hist. Nar. Polsk. V. 411. — Сприковскій назы- ваепъ мапь Болеславову дочерью Льва Даніиловича, а Зиморовичь сеспрою; впорое совсѣмъ невѣрояп- но: ибо опецъ Болеславовъ, Тройденъ, род. послѣ 1279 г., а Данiилъ умеръ въ 1266 (Наруш. Hist. N. P.

V, стр. XLII). Несравненно досповѣрнѣйшій *Архидіаконъ Гнѣзненскій* (см. его лѣтопись въ Зоммерсберг. Scriptoribus II, 97), Писатель современный, говоритъ: Post (coronationem Casimiri an. 1333) non multo tempore mortuo magnifico Principe Kazimiro, dicto Georgio, totius regni Russiae Duce, Troidem Dux Masoviae (надобно читать: Boleslaùs, Troydeni filius) qui avunculo suo in Ducato Russiae successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat. Слѣдственно Болеславъ родился *отъ сестры Георгія*, и, какъ вѣроятно, дочери Андреевой; Георгій же, сверхъ Христіанскаго имени, могъ называться Славянскимъ *Казимира*. — Объ условіяхъ, на коихъ граждане Львовскіе поддалися Болеславу, пишетъ Зиморовичь въ своемъ Triplici Leopoli (см. выше, примѣч. 189). — О насиліяхъ Болеславовыхъ въ Галиціи см. Длугош. Hist. Pol. кн. IX, стр. 1058. Папа Іоаннъ, свѣдавъ о намѣреніи сего Князя принять Латинскую Вѣру, писалъ еще въ 1327 г. къ его родственнику, Королю Польскому, чтобы онъ своими отеческими наставленіями утвердилъ Болеслава въ такомъ душеспасительномъ желаніи: «да отрасль твоего племени (говоритъ Іоаннъ) «не будетъ отдѣленною отъ корня!» См. Райнальд. Annal. Eccles. T. XV, г. 1327, No 49. Папа называетъ Болеслава Княземъ *Россійскимъ*: видно, что онъ при дядѣ своемъ, Георгіи, имѣлъ какой нибудь Удѣлъ въ Галиціи или въ Волыніи. — О завоеваніи Галиціи Казимиромъ, зятемъ Гедиминовымъ, въ 1339 г., пишетъ Длугошъ (кн. IX, стр. 1058). — О договорѣ Короля Польскаго съ Литовскими Князьями см. Кромера кн. XII, стр. 204. Они съ обѣихъ сторонъ условились погда въ случаѣ распри прибѣгать къ посредничеству Короля Венгерскаго. Кромеръ видѣлъ сей договоръ въ Архивѣ Королевскомъ.

(298) Въ *Ростов. Лът.*: «и вси Князи Русскіе «подъ урцѣ его даны.» Татищевъ пишетъ, что Ханъ училъ сыновей Калишиныхъ жить мирно, обѣщалъ имъ не принимать никакихъ доносовъ, и далъ

ярлыкъ на Великое Княженіе, съ клятвою, что оно будетъ всегда достояніемъ ихъ рода.

(299) Договорная грамота сыновей Калитиныхъ хранится въ Архивѣ подъ No 3, но такъ испѣла, что не льзя разобрать многихъ словъ, особенно въ срединѣ (*Собр. Госуд. Грам.* I, 35). — Сія грамота есть древнѣйшая изъ писанныхъ на *бумагѣ*. Здѣсь въ первый разъ упоминается о чинѣ *Окольничихъ* (см. нашей *Ист.* Т. V, пр. 42).

(300) См. *Новогор.* и *Троицк. Лѣт.*

(301) См. тамъ же. — Можайскъ былъ прежде городъ Смоленскій, какъ извѣстно. Длугошъ пишетъ, что Гедиминъ отдалъ Монтовиду или Монтвилу Керновъ и Слонимъ, Наримонту Пинскъ, Ольгерду Кревъ (сверхъ Витебска, наслѣдія жены его), Евнутію Вильну или столицу съ достоинствомъ Вел. Князя, Кестутію Троки, Корьяду Новогродокъ, а Любартъ остался Государемъ Волыніи, наслѣдственнаго достоянія его супруги (Hist. Pol. кн. X, стр. 60).

(302) Райнальд. Annales Eccl. годъ 1338, No 74, 75, и г. 1340, No 75.

(303) См. *Троицк.* Ярославъ Александровичъ умеръ въ 1344 г., а братъ его Василій въ 1350.

(304) *Псков. Лѣт.* О вышеупомянутомъ Князѣ Александрѣ сказано въ сей лѣтописи, что онъ названъ въ крещеніи *Юріемъ* и былъ сынъ *Лазаревъ*. — О Нейгаузенѣ, нынѣ простомъ селеніи, см. Гадебуша Liefl. Iahrbüch. I, 520. О Нарвѣ см. Кельх. Liefl. Gesch. 66. Вездѣ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ Нарва именуется Ругодивъ.

(305) Первый сильный пожаръ въ Новѣгородѣ былъ въ 1340 году, Іюня 7. — Здѣсь въ первый разъ упоминается объ *Устюжнѣ*; она принадлежала Князьямъ Бѣлозерскимъ, погда зависѣвшимъ отъ Великаго Князя. — Далѣе: «Типъ Мановичь постави Опій городокъ на сей сторонѣ Наровы» и пр.

(306) О семъ Князѣ Евстафіи см. выше, въ описаніи 1323 г. — О войнѣ см. Руссова, Кельх. и Арнпта около 1345 г.; также Архив. *Псков.*, *Новогор.* и *Ростов. Лѣт.*

(307) Кельх. Liefl. Gesch. спр. 115. — Продажа Эстоніи совершилась въ 1347 г.

(308) См. *Новогор. Лът.* Попа Іоанна г. 1345. Тамъ сказано: «Евнутій переверженся чрезъ спѣну» (въ Вилыѣ); а Сприковскій пишетъ, что сей Князь ушелъ ночью босой, и въ бѣгствѣ ознобилъ ноги; что его догнали, привели въ Вильну и содержали нѣсколько времени подъ стражею; что братья дали ему послѣ Заславъ въ Минской области, и такъ далѣе. Сприковскій прибавляетъ, что есть и другой Заславъ въ Волыніи, и что тамошніе Князья, т. е. Заславскіе, ведутъ родъ свой отъ Князя Давида Юрьевича и потомковъ Св. Владиміра. — Вмѣстѣ съ Евнутіемъ крестилась въ Москвѣ и Липовская его дружина (см. *Троицк. Лът.*) Сенп. 23.

(309) См. *Ростов. Лът.*, Длугоша и Мѣхов. Chron. подъ г. 1346. Арнпъ относитъ побѣду Рыцарей къ 1347 году, согласно съ нашими Лѣтописцами, которые говорятъ, что Ольгердъ на рѣкѣ Справѣ, 2 Февр., потерялъ 40,000 чел.; а Длугошъ уменьшаетъ сіе число до 22,000. Въ *Никон. Лът.* сказано, что въ сраженіи убитъ Наримантъ Гедиминовичь.— Длугошъ пишетъ, что Кн. Смоленскій, предводительствуя Литвою и Россіянами, въ 1348 г. былъ побѣжденъ Нѣмецкими Рыцарями, и съ большею частію своихъ воиновъ утонулъ въ рѣкѣ.

(310) См. Далина Gesch. des R. Schw. II, 376 и слѣд. Отецъ Бригитты сражался съ Александромъ Невскимъ. См. также *Новогор. Лът.*

(311) Далин. Gesch. des R. Schw. II, 379.

(312) См. Лѣтописи.

(313) См. *Рост.* и *Псков. Лът.*

(314) См. лѣтопись въ листъ Синод. библ. No 349, л. 69, и *Никон. Лът.*

(315) О храмѣ Бориса и Глѣба см. *Ростов.* и *Троицк. Лът.* — Далѣе см. *Новогор. Лът.*

(316) См. *Новогор. Лът.*, Далина Gesch. des R. Schw. II, 380.—Далѣе см. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1351, No 34.

(317) См. *Троицк. Лът.*

(318) См. выше, спр. 247, и Наруш. H. N. P. VI, 218 и Длугош. кн. IX, спр. 1088.

(319) См. *Новогор. Лът.* Ненависпь Россіянъ къ Полякамъ была споль велика, чпо Князь Данiилъ Оспрожскій (одинъ изъ попомковъ Св. Владимiра) и Спароспа Перемышля, именемъ Дашко, въ 1341 г. звали Хана освободипь ихъ опъ ига Казимирова, желая лучше повиноваться Моголамъ, нежели сему Ко-ролю Христiанскому: ибо Моголы не вмѣшивались въ Вѣру. Ханъ посылалъ войско до самыхъ береговъ Вислы; но Поляки разбили его (см. Наруш. H. N. P. VI, 108 — 113). — Далѣе см. *Троицк.* и Спрiковскаго. Первою женою Любарпа была, какъ извѣспно, дочь Кн. Волынскаго.

(320) См. Райнальд. Ann. Eccl. г. 1349, No 24, гдѣ напечапано письмо Клименпа къ Кеспупiю. — Казимиръ оспался Государемъ одной Галицкой области; но въ 1351 г., съ помощiю Венгровъ разбивъ Липовцевъ, снова завладѣлъ часпiю Волынiи и плѣнилъ Кеспупiя, копорый однакожъ ушелъ изъ неволи (см. Наруш. H. Nar. Pol. VI, 228).

(321) Маппѳей Виллани, кн. II, гл. 72. Онъ называепъ Брацлавскую область *Просклавiею*, сказывая, чпо шамошнiй *невѣрный* (infidelis) Князь, подчиненный Королю Венгерскому Людовику, пребовалъ опъ него вспоможенiя; чпо Людовикъ послалъ ему 40,000 всадниковъ, копорые, имѣвъ кровопролипную бипву съ непрiяпелемъ, долженспвовали опспупипь; чпо Моголы пакже удалились, испуганные вѣспiю о повыхъ вооруженiяхъ Князя Брацлавскаго и Людовика; чпо въ 1354 г. Короли Польскiй и Венгерскiй съ 200,000 всадниковъ перешли за Бугъ (in Tatariam ultra Bogum); чпо ихъ вспрѣпилъ юный *Царь* Мопольскiй, и спрашивалъ, куда и зачѣмъ они идупъ; чпо Короли принудили его окрespиться и взяли съ собою. Нарушевичь счипалъ сего Кн. Брацлавскаго Ѳеодоромъ Корiядовичемъ, внукомъ Гедиминовымъ; но вѣрояпнѣе, чпо онъ былъ Князь Россiйскiй Владимiрова племени. Корiядовичи господспвовали шамъ

уже послѣ, какъ увидимъ во времена Димитрія Донскаго.

(322) См. сей *Исторіи* Т. V, пр. 11. Людовикъ, будучи вмѣстѣ Государемъ Венгріи и Польши, думалъ присоединить Галицію къ первому Королевству; но въ 1390 г. Поляки выгнали оттуда Венгровъ, и владѣли оною до 1772 года.

(323) См. *Псков. Лът.*

(324) См. *Троицк.*

(325) См. *Троицк.* — Шульц. Gesch. des Osman. Reichs, III. 266, — Далин. II, 383, — Гадебуш. Liefl. Jahrb. I, 441, и *Псков. Лът.*

(326) См. *Новогор. Лът.* и Архив. *Псков. Лът.*

(327) См. *Новогор.* и *Псков. Лът.* Письмо Василіево напечатано въ *Степ. Кн.* I, 480. Василій утверждаетъ бытіе рая на землѣ слѣдующими доказательствами: 1) въ священныхъ книгахъ сказано, что Тигръ, Нилъ, Евфратъ текутъ изъ рая; 2) Енохъ, Илія переселены въ рай, отъ коего Св. Макарій жилъ за 20 поприщъ, и въ коемъ Св. Евфросинъ сорвалъ яблоко; оттуда же Ангелъ принесъ вѣтвь Богоматери, видѣнную Апостолами и многими Жидами; 3) Іоаннъ Златоустъ именно говоритъ, что рай на Востокѣ, Адъ же на Западѣ. «Много тому видоковъ (пишетъ Василій) «дѣтей моихъ Новоградцевъ: на *Дышущемъ* «морѣ червь неусыпающій и скрежетъ зубный и рѣ- «ка смоляная Могръ . . . А мѣсто Св. рая находилъ «Моиславъ Новоградецъ и сынъ его Іаковъ, и всѣхъ «было ихъ три *юмы* (лодки), и едина, много блу- «дивъ, погибла; а двѣ принесло къ *высокимъ горамъ*, «и видѣша на горѣ той Дейсусъ написанъ лазуремъ «чуднымъ» и проч. — *Высокія горы*, гдѣ Моиславъ нашелъ рай, именуются нынѣ Шемеханскими. Гербершпейнъ пишетъ, что въ его время Норвежцы полагали тамъ, вмѣсто рая, Чистилище (см. Rer. Mosc. Com. стр. 60).

(328) Императоръ Іоаннъ Кантакузинъ въ своей Исторіи Іоанна Палеолога, кн. III, гл. 36, статья 3, пишетъ, что Патріархъ Іоаннъ XIV, короновавъ

сего Императора, въ знакъ отличія спалъ подписывать свое имя зелеными чернилами и надѣлъ клобукъ, сдѣланный изъ золотой парчи, вмѣсто *бѣлаго*, обыкновенно носимаго Патріархами не-Монашескаго сана. Патріархъ могъ дать сей клобукъ Василію для того, что онъ былъ избранъ въ Архіепископы изъ Приходскихъ Бѣлыхъ Священниковъ. Греки, отмѣнивъ обычай ставить въ Святители не-Монаховъ, оставили и бѣлый клубокъ. Симъ замѣчаніемъ обязанъ я Сочинителю *Истор. разговоровъ о древностяхъ Новагорода* (стр. 39 — 40). Въ прибавленіе къ тому скажемъ, что Св. Леонтій, *первый* Епископъ Ростовскій, и Св. Епископъ Исаія обыкновенно пишутся на иконахъ въ *бѣлыхъ* клобукахъ. Знаемъ еще, что Антоній, Святитель Туровскій въ 1405 г., носилъ бѣлый клобукъ (см. харат. *Троицк. Лет.* подъ симъ годомъ). Въ IX Томѣ сей *Исторіи* мы сообщимъ (неизвѣстное доселѣ) постановленіе Москов. Собора въ 1563 г. о бѣломъ клобукѣ. — О *крещатыхъ ризахъ* см. ниже въ прим. 348.

(329) Далин. Gesch. des R. Schw. II, 384. Монфэконъ пишетъ (Monum. de la Monar. Franc. II, 282), что двойни и тройни родились тогда весьма часто, но не имѣли болѣе 20 или 22 зубовъ. — О Глуховѣ и Бѣлозерскѣ см. *Никонов. Лет.*

(330) Ѳеогностъ скончался Марта 11 въ 1353 г.; сыновья Вел. Князя, Іоаннъ и Симеонъ, преставились на той же недѣлѣ; Вел. Князь 26 Апрѣля, а братъ его, Андрей Іоанновичь, Іюня 6. Правда, что Ѳеогностъ, какъ сказано въ лѣтописяхъ, давно уже былъ слабъ здоровьемъ. Его погребли Владимірскій Епископъ Алексій, Волынскій Аѳанасій и *Коломенскій* того же имени въ церкви Богоматери, не далеко отъ могилы Петра Митрополита. Здѣсь въ первый разъ упоминается о Коломенской Епископіи. Симеонъ и Андрей лежатъ въ Архангельскомъ Соборѣ.

(331) Герберштейнъ, повѣствуя о концѣ Георгія Даніиловича и Димитрія Тверскаго, пишетъ (Rer. Mosc. Comment. стр. 6), что Симеонъ, получивъ

опъ Чанибека власпь и надъ Тверскимъ Княженіемъ, упросилъ его не брапь съ онаго ежегодной дани: въ чемъ способспвовали сему Князю Вельможи Тапарскіе, имъ подкупленные. Гербершп. слышалъ о шомъ въ Москвѣ. — О печапи см. ниже.

(332) См. печапн. *Родослов. книгу* II, 207. По другимъ лѣпописямъ (см. *Русск. Временникъ* I, 173) Симеонъ развелся съ нею для того, чпо она не родила дѣпей; но опъ Князя Ѳоминскаго было у нее 4 сына. Опецъ Евпраксіи, Князь Смоленскій, могъ быпь сыномъ Свяпослава, плѣненнаго въ Можайскѣ Георгіемъ Даніиловичемъ.

(333) «Тое же зимы (въ 1347) Князю Великому «родися сынъ Данило Дек. 15 . . . Сенш. 7» (въ 1349 г.) «Вел. Князю родись сынъ, и кресши его «Мипрополишъ, и нарече имя ему Михаилъ . . . Тое «же зимы» (въ 1350 г.) «Князю Великому родись «сынъ Иванъ . . . . Февр. 3 родись ему сынъ Семенъ.» Завѣщаніе см. въ *Собраніи Госуд. Грамотъ* I, 37.

(334) Ибо еще по Ярославовымъ законамъ лишался свободы всякой человѣкъ, копорый женился на рабѣ безъ особеннаго условія съ ея господиномъ.

(335) См. Книги Родосл. и *Кн. Степен.* I, 444. Жипіе Св. Алексія было вкращцѣ описано Епископомъ Пермскимъ Пипиримомъ, въ 1455 г. убипымъ Вогуличами; а въ *Степен. Кн.* оно предложено гораздо обспояпельнѣе. Алексій поспригся 19 лѣпъ, и жилъ 20 лѣпъ въ *Богоявл.* монаспырѣ, гдѣ игуменспвовалъ погда Спефанъ, брапъ Св. Сергія Чудопворца, бывшій Духовникомъ Симеоновымъ и другомъ Инока Геронпія, знаменипаго мудроспію. (Замѣпимъ, чпо въ лѣпописяхъ не упоминаепся о началѣ *Богоявл.* монаспыря). — Далѣе *Новог. Лът.* Алексій посшавленъ въ Епископы въ 1352 г., Дек. 6. Въ описаніи 1347 года сказано: «Кн. Вел. Семенъ «и Мипрополипъ послаша во Царьгородъ о благо«словеньи.» Тапищевъ же прибавилъ опъ себя слѣдующее: «Ѳеогносптъ имѣ соборъ о дѣлахъ духов«ныхъ ко исправленію монасшырскаго служенія и

«успавиша начало года отъ Сент. 1 числа, и посла «Кн. Вел. со Архимандритомъ Рождественскимъ въ «Царьградъ къ Патріарху, о благословеніи прося.» Сей вымыселъ былъ многими приняпъ за истину, и Кн. Щербаповъ соглашается, что Лѣтописцы Симеонова времени дѣйствительно начинаютъ годъ съ Сентября: нѣтъ, вездѣ съ Марта, какъ и прежде (кромѣ Никоновскаго). Далѣе увидимъ, когда лѣтосчисленіе перемѣнилось (см. Т. V, примѣч. 224).

(336) Въ *Степен. Кн.* I, 451: «поставленъ въ «Митрополиты отъ Терновскаго (въ Болгаріи) Па«тріарха . . . Ѳеодоритъ, и проч.» Съ котораго времени Болгары имѣли своего Патріарха, не знаемъ.

(337) См. *Никонов. Лът.* Константинъ Тверской началъ ссориться съ Княгинею Анастасіею и съ ея сыномъ въ 1346 г.; въ томъ же году и скончался въ Ордѣ, а Василій Михайловичь былъ ограбленъ племянникомъ. Епископъ Тверской *Ѳеодоръ* примирилъ ихъ въ 1349 г. (сей Епископъ заступилъ мѣсто другаго Ѳеодора, умершаго въ 1345).

(338) См. *Повѣсть о Св. Сергіи* въ *Никонов. Лът.* IV, 203. Тамъ сказано, что отецъ Сергіевъ лишился богатства отъ частыхъ путешествій съ Княземъ въ Орду, отъ грабительства Татаръ, отъ неурожаевъ хлѣбныхъ, и проч. — Намѣстникъ Радонежскій назывался Терентіемъ Ртищею. Радонежъ есть нынѣ село *Городокъ*, въ 10 верстахъ отъ Лавры. — Братья Сергіевы, Стефанъ и Петръ, женились: первый сдѣлался инокомъ уже по кончинѣ супруги; а родители ихъ также скончались въ монашествѣ.

(339) См. *Троицк.*, *Никонов.* и *Новогород. Лът.*

(340) Сіи двѣ грамоты принадлежатъ къ числу самыхъ древнѣйшихъ *бумажныхъ* рукописей, донынѣ извѣстныхъ въ Европѣ. Въ Италіи и въ Испаніи не нашлось ничего писаннаго на пряничной или вощиной бумагѣ ранѣе 1367, въ Англіи 1342, во Франціи 1311, въ Германіи 1308 годовъ (см. Essai sur l' orig. de la gravure, I, 332, и Wehrs vom Papier, I,

173 — 320). Мы не знаемъ подлинно, гдѣ и когда изобрѣтена оная, въ Италіи, въ Германіи, или въ другой землѣ; знаемъ только, что не ранѣе XIII вѣка. Въ Россіи до сего времени и даже до XV столѣтія писали обыкновенно на пергаменѣ. Употреблялась ли у насъ писчая бумага, дѣлаемая изъ хлопчатой? Вѣроятно, когда Славяне Россійскіе, вмѣстѣ съ Иллирическими, и ветошную назвали ея именемъ. Сіи двѣ бумаги не легко различать. Нѣкоторыя Архив. грамоты и даже Лѣтописцы (на примѣръ, Академическій *Ипатьевскій*) писаны, кажется, на бумагѣ сдѣланной изъ хлопчатой. — Случаи Симеонова княженія, о коихъ мы не упоминали: въ 1341 г. у Вел. Князя родился сынъ Константинъ, въ тотъ же день умершій. Зимою женился братъ Симеоновъ, Іоаннъ, на дочери Димитрія Брянскаго. Въ 1342 скончались Евдоксія Іоанновна, супруга Василія Давидовича Ярославскаго, осенью Ѳеодоръ Тверскій Епископъ, зимою Княгиня Іоанна Іоанновича, Ѳеодосія Димитріевна. Въ 1345, лѣтомъ, вмѣстѣ съ Вел. Княземъ женились его братья, Іоаннъ и Андрей. Скончался Яросл. Князь Василій Давидовичъ, также Муром. Василій Ярославичъ Схимникомъ, и положенъ въ Муром. церкви Бориса и Глѣба. Въ 1346 поставленъ Іоаннъ Епископомъ Ростову, бывъ Спасскимъ Архимандритомъ въ Москвѣ. Въ 1347, поставленъ Суздал. Епископъ Ѳеофанилъ. Въ 1348 скончалась Марія, супруга убіеннаго въ Ордѣ Князя Димитрія Михайловича Тверскаго. Въ 1350 преставился Кн. Василій Александровичъ Рязанскій. Окт. 12 родился Іоанну Іоанновичу сынъ Димитрій.

(341) См. выше стр. 169 и *Троицк. Лът.*

(342) Княживъ 15 лѣтъ, онъ преставился въ 1355 г., Ноября 21, въ Чернцахъ и въ Схимѣ, и положенъ въ Нижегородской Соборной церкви Св. Спаса, имъ созданной, гдѣ и нынѣ показываютъ его гробъ. Тамъ погребена и супруга Константинова, Анна *Грековна* (думаю *Гречанка*). — Димитрій Ѳеодоровичъ Спародубскій, праправнукъ Іоанна Всеволодови-

ча, умеръ въ 1355 г. и погребенъ въ Спародубѣ; а брапъ его сѣлъ на Княженіе зимою въ 1356.

(343) Ольгердъ выдалъ дочь за Бориса Суздальскаго въ 1354 г., а племянника женилъ на Московской Княжнѣ въ 1356. — Спарый Ржевъ былъ подлѣ Новоржева (см. сей *Исторіи* Т. VIII, пр. 41). — Далѣе см. *Псков. Лът.* Въ Архив. спискѣ прибавлено, чпо въ 1357 г. пріѣхалъ на Княженіе во Псковъ Кн. Василій *Будволна*.

(344) Сей Ѳеодоръ Глѣбовичь былъ конечно опъ племени Муром. Князей, хотя онъ и не показанъ въ Родословныхъ. О неволѣ и смерши Юріевой сказано въ *Ник. Лът.*

(345) См. *Никонов. Лът.*

(346) Моисей былъ Владыкою Новогородскимъ еще прежде Василія. Въ 1360 «поспавленъ быспь Але«ксѣй Архіепископомъ въ преименишѣй церкви въ «Св. Богородицѣ въ Володимерской Мипрополипомъ «Олексѣемъ Іуля въ 12 день, и пріиде въ Новгородъ.»

(347) См. *Троицк. Лът.*

(348) *Новогород. Лът.* — См. изображеніе крещашыхъ ризъ въ Дю-Канж. Constant. Christ. кн. IV, спр. 120.

(349) См. *Степен.* и *Никонов.* Въ *Степен. Книгѣ* описываепся чудо, какимъ образомъ Св. Алексій молипвою укропилъ сильное морское волненіе, давъ обѣпъ поспроипь церковь во имя Іисуса Христа: чпо онъ и сдѣлалъ, основавъ монаспырь Андроников на берегу Яузы. Св. Сергій далъ ему ученика своего, Андроника, бывшаго шамъ первымъ Игуменомъ. «Пріиде жь Св. Сергій въ монаспырь шой, и «похвали мѣспо и благослови... И шако поспавлена «быспь церковь зѣло прекрасна во имя Спаса нашего, и чесшную икону образа Христова, юже имяше «принесену съ собою опъ Царяграда, чуднѣ злапомъ «украшену, въ ней (Мипрополипъ) поспави.»

(350) См. *Степ. Книгу*, I, 455, *Троицк.* и *Ростов.* — О Таврисѣ см. Абульгази Hist. des Tatars, спр. 459. Онъ пишепъ, чпо Чанибекъ, оспавивъ

Бердибека въ Таврисск. области, возвратился въ Орду, занемогъ опасно и послалъ за сыномъ, но скоро умеръ въ Сараѣ, куда Бердибекъ пріѣхалъ уже черезъ два года по кончинѣ отца. Извѣстіе нашихъ современныхъ Лѣтописцевъ достовѣрнѣе. Митрополитъ Алексій получилъ тогда отъ Бердибека ярлыкъ, напечатанный въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* VI, 23. Въ немъ сказано: «Чингисъ Царь и первыи Цари, «отцы наши, жаловали церковныхъ людей, кси за «нихъ молилися,» и проч. Далѣе то же, что и въ ярлыкѣ Ѳеогностовомъ, уже извѣстномъ Чипапелю. Бердибекъ, подобно его предкамъ, освободилъ напе Духовенство отъ дани. — О словахъ юнаго Димитрія см. *Степ. Книгу*, I, 457.

(351) См. *Собр. Гос. Грам.* I, 41. Къ ней привѣшена серебряная вызолоченная печать, у коей на одной сторонѣ изображенъ Св. Іоаннъ съ надписью Греческою, а на другой вырѣзаны слова: *Печать Князя Великого Ивана Ивановича*, безъ прибавленія: *Всея Руси.* Сія грамота писана на пергаментѣ.

(352) См. нашей *Исторіи* Т. I, пр. 64 и 69, и въ началѣ *Воскр. Лѣтописца* описаніе древнихъ нашихъ городовъ, которое начинается такъ: «Се име- «на градомъ всѣмъ *Рускымъ*, далнимъ и ближнимъ. «На Дунаи Видицовъ (Виддинъ) о седми стѣнъ ка- «менныхъ — Мединъ (въ Валахіи), а объ ону страну «Дуная Терновъ: шу лежитъ Св. Пятница. А по Ду- «наю Дрествинъ (Силистрія), Дичинъ, Килія на «устьѣ Дуная, Новое село (Новосель), Аколяпря «(Акело?) на морѣ, Курнака, Варна; а на сей странѣ «Дуная, на усть Днѣстра, надъ моремъ Бѣлгородъ, «Чернавскій Торгъ на Прутѣ рѣцѣ, Романовъ Торгъ «на Молдовѣ, Нѣмечь въ горахъ, Корочюновъ Камень, «Сочава, Серетъ, Баня, Нечюнъ, Коломья городокъ «на Черемошѣ, на Днѣстрѣ Хотѣнъ, а по Болгарь- «ской и Волосьской городокъ.» Князья Галицкіе могли владѣть и частію Волошской земли; но сомнѣваюся, чтобы они господствовали до Терновы. Сей Географъ именуетъ, кажется, Болгарскіе города Россій-

скими единственно для того, что они были завоеваны Вел. Княземъ Святославомъ въ X вѣкѣ.

(353) Князь Кантемиръ въ *Описаніи Молдавіи* согласно съ преданіемъ говоритъ, что Волохи, обитавшіе нѣсколько вѣковъ въ горахъ, съ сыномъ Князя своего, Богдана, съ Драгошемъ, ловивъ звѣрей, нечаянно зашли въ нынѣшнюю Молдавію, убили тамъ буйвола въ рѣкѣ, и назвали ее *Молдавою*, отъ имени Драгошевой любимой собаки *Молды*, которая въ ней утонула; что сей Князь, видя въ окрестностяхъ тучные луга и поля, города и крѣпости, оставленныя жителями, переселился въ оныя со многими изъ единоземцевъ, былъ первымъ Владѣтелемъ Молдавскимъ, основалъ мѣстечко Романъ и велѣлъ изобразить голову буйвола въ гербѣ своего новаго Княжества. А въ нашихъ лѣтописяхъ есть о томъ слѣдующая повѣсть: «Два брата, *Романъ* и *Влахита*, «избѣгая гоненія, бывшаго на Христіанъ отъ еретиковъ, ушли изъ Венеціи въ мѣсто называемое *Старымъ Римомъ* и построили городъ *Романъ*, въ «немъ и жили спокойно до отступленія Папы Формоза «отъ православія (въ концѣ IX вѣка). Тогда Латинскіе еретики основали *Новый Римъ*, и начали воевать съ *Старыми Римлянами*: что и продолжалось до самыхъ временъ *Владислава*, Короля Венгерскаго, тайно окрещеннаго Святымъ Саввою Сербскимъ, его дядею, по обрядамъ Греческой Церкви. «Въ сіе время Тапары, предводимые Княземъ *Неметомъ*, вышли изъ кочевищъ своихъ отъ рѣкъ Молдавы и Пруша, желая завоевать страну *Эрдель* или «Венгрію, и расположились станомъ на берегахъ Мароша. Съ Владиславомъ соединились Старые и Новые Римляне, которые, ненавидя первыхъ, написали къ нему такую грамоту:» Великому Королю Владиславу *Златый Затокъ* или Венгерскому. Старые Римляне не хотятъ быть съ нами въ единой Вѣрѣ, и нынѣ идутъ всѣ къ тебѣ на помощь, оставивъ только женъ и дѣтей въ своей отчизнѣ. Мы съ тобою братья единовѣрные: наши враги суть и

твои. Вели же Спарымъ Римлянамъ иппи впередъ противъ Неймапа, чпобы они всѣ легли на мѣспѣ и не возвpапились къ намъ; а мы возмемъ и силою обpапимъ ихъ семейспва въ Законъ Лапинскій. «Ко- «роль побѣдилъ Моголовъ на рѣкѣ Тисѣ, и доволь- «ный мужесптвомъ, оказаннымъ Спарыми Римлянами «въ биппвѣ, показалъ имъ грамопу Новыхъ Римлянъ, «копорые уже дѣйспвипельно плѣнили ихъ женъ и «дѣпей, разоривъ до основанія городъ Романъ. Тогда «Спарые Римляне, желая соблюспи Вѣру опцевъ «своихъ, выпросили у Владислава землю въ Мараморо- «сѣ, между рѣками Маропемъ и Тисою; взяли за се- «бя женъ Венгерскихъ и склонили ихъ приняпь Вѣ- «ру Греческую. Одинъ изъ сихъ людей, знаменипый «умомъ и мужесптвомъ, именемъ Драгопъ, ловя звѣрей, «въ слѣдъ за пуромъ прошелъ съ повариpцами чрезъ «высокія *плянины* или горы, увидѣлъ пура лежащаго «подъ вербою и заспрѣлилъ его на берегу рѣки. Мѣ- «спо имъ полюбилось: возвpапясь домой, они хвали- «ли друзьямъ красопу онаго, луга, чиспыя рѣки и «*криницы* или ключи. Многіе захопѣли шамъ жипь, «выпросили дозволеніе у Короля Владислава, и со «всѣми ближними переселились за горы, на мѣспо, «гдѣ Драгошъ убилъ пура, и назвали сего мужа сво- «имъ Государемъ или Воеводою. Такимъ образомъ въ «1359 г. началося Княжесптво Молдавское, въ спра- «нѣ, гдѣ прежде кочевали Тапары. Драгошъ основалъ «первый городъ на Молдавѣ, а впорый Бани» (*Воскр. Лѣт.* спр. 53 — 56). Далѣе сказано, чпо «Драгошъ былъ на Воеводспвѣ 2 года, сынъ ево *Сасъ* 4, Бог- данъ Мушапъ 6 лѣпъ, Пепръ (сынъ Мушапинъ) 16, Романъ (бpапъ Пепровъ) 3 года, *Стефанъ* (шакже его бpапъ) 7 лѣпъ, Юга 2 года, Александръ 32 и 8 мѣ- сяцевъ, сынъ Ильяшъ одинъ 2 года и 9 мѣсяцевъ, да вмѣспѣ съ бpапомъ Спефаномъ 7 лѣпъ. Спефанъ, ослѣпивъ Ильяша, господспвовалъ еще 7 лѣпъ; сынъ Ильяшевъ, Романъ, опрубилъ ему голову и прави- пельспвовалъ 1 годъ; сынъ Александровъ, Пепръ, 1 годъ (опдавъ Килію Венграмъ); Чюберъ 2 мѣсяца;

сынъ Ильяшевъ, Александрелъ, 4 года; Богданъ 2 года: Петръ-Аронъ отсѣкъ ему голову и началъ-ствовалъ 2 года (въ его время Турки возложили дань на Молдавію). Стефанъ, сынъ Богдановъ, казнивъ Петра, отнялъ Килію у Венгровъ. Въ 1484 г. Султанъ Баязетъ взялъ у Стефана Килію и Бѣлградъ. Въ 1499 г. Король Польскій Альбертъ воевалъ съ Стефаномъ, и разбитъ имъ на Буковинѣ. Стефанъ умеръ въ 1511 г. (нѣтъ, въ 1504) въ Іюлѣ мѣс., оставивъ 4 сыновей: Петра, Александра и *двухъ* Богдановъ, изъ коихъ *одинъ* заступилъ мѣсто отца.» Здѣсь конецъ повѣсти, ибо Авторъ, какъ вѣроятно, жилъ въ началѣ XVI вѣка. Она въ главныхъ обстоятельствахъ согласна съ Молдавскими извѣстіями и преданіями (см. Кантемир. *Описаніе Молдавіи*). Сказаніе о Спаромъ и Новомъ Римѣ надобно такъ разумѣть, что Волохи, издревле наши единовѣрцы, были утѣсняемы въ Венгріи отъ Папистовъ; но если они поселились въ Молдавіи въ 1359 г., то сему надлежало случиться въ царствованіе Людовика Венгерскаго, а не Владислава; къ утвержденію чего служитъ и слѣдующее мѣсто Туроцовой Хроники: «Въ правленіе Людовика *Богданъ*, Воевода Марамарошскихъ Волоховъ, собравъ ихъ, *тайно* ушелъ въ Молдавію, подвластную Венгерскому Королевству, и давно опустѣвшую отъ сосѣдства Татаръ. Хотя Людовикъ нѣсколько разъ посылалъ туда войско, но число Волоховъ столь умножилось въ сей землѣ, что она сдѣлалась особеннымъ Княжествомъ; Воеводы же, избираемые ими, признавали себя данниками Венгріи.» Кантемиръ, называя Богдана отцемъ Драгошевымъ, пишетъ, что онъ былъ сыномъ *Іоанна*; что по тому самому всѣ Господари Молдавскіе именовались въ своемъ титулѣ *Іоаннами*; и что Сасъ имѣлъ сына, именемъ Ласка, отца Мушатина. По современнымъ извѣстіямъ, сей Ласко дѣйствительно господствовалъ въ Молдавіи около 1370 г., переписывался съ Папою Урбаномъ V, и желалъ учредить Латинское Епископство въ своемъ городѣ *Серетѣ*, принадле-

жавшемъ къ Епархіи *Галицкой* (см. Райнальд. Ann. Eccl. г. 1370, No 7); воевалъ также съ Людовикомъ Венгерскимъ (см. Туроц. Chron. Hung. Ч. III, гл. XXXVII). Въ противность тому Длугошъ пишетъ, что Стефанъ, по Кантемирову сказанію *седьмый* Воевода Молдавскій, умеръ около 1359 г. (H. Pol. кн. IX, стр. 1122).

(354) Важное извѣстіе о переселеніи Волоховъ въ Молдавію находится въ Длугошѣ, который самъ жилъ въ XV вѣкѣ, и говоритъ (Hist. Pol. кн. IX, стр. 1122): «Предки Волоховъ, Италіянскіе выходцы, (будто бы Волски), нашли въ Молдавіи *Россіянъ*, господствовавшихъ тамъ издавна, сперва должны были принять ихъ обычаи и нравы, чтобы сею хитростію утвердиться между ими; а послѣ, размножившись, силою вытѣснили оныхъ древнихъ жителей Молдавскихъ.»

Родственникъ мой, Сергѣй Сергѣевичь Кушниковъ, бывъ начальникомъ въ Молдавіи, сообщилъ мнѣ нѣсколько подлинныхъ грамотъ Воеводъ или Господарей Стефана, Петра и другихъ; онѣ всѣ писаны Русскимъ старинным языкомъ. Харатейная Стефанова начинается такъ: «Милостію Божіею ми Стефанъ «Воевода, Господарь земли Молдавской, знаменито «чинимъ (даемъ знать) сѣмъ нашимъ листомъ всѣмъ, «кто нань узритъ или его услышитъ чточи (въ «чтеніи), оже пріидоша предъ нами и предъ нашими «Болѣри, слугами нашими,» и проч. Сія грамота есть купчая на рабовъ; свидѣтелями въ ней наименованы братъ Стефановъ, Воевода Петръ, и сынъ *Богдавладъ*, также многіе *Паны* или Бояре Молдавскіе. Въ означеніи года можно только разобрать *шесть тысячь, девять сотъ*..... Привѣшена большая восковая печать съ надписью: *Стефана Воеводы* и проч. Мнѣ доставлены и 3 Волошскія грамоты Воеводъ Петра и Александра, писанныя Болгарскимъ языкомъ и въ XVI вѣкѣ. Чиновники именуются въ нихъ *Жупанами*, а земля *Угро-Влахіею*. — Библія и другія церковныя книги переведены на Волошскій языкъ уже въ

XVIII вѣкѣ. Волохи приняли Вѣру Христіанскую или отъ Болгаровъ, или отъ Россіянъ.

(355) См. Тунман. Uber die Gesch. der Wlachen, стр. 363 — Прая Dissert. 133 — и Бишинг. Walachey, 772. — Разные случаи княженія Іоанна Іоанновича: Въ 1355 г., Іюля 15, Княгиня умершаго Андрея Іоанновича родила сына Владиміра. Въ 1356 сконч. Росnов. Еписк. Іоаннъ, бывшій прежде Архимандритомъ въ Моск. монастырѣ Преображенія; на его мѣсто поставленъ Игнатій, а Василій Епископомъ въ Рязань (и въ Муромъ по *Ник. Лът.*), Ѳеофилактъ въ Смоленскъ, Іоаннъ въ Сарай. Въ 1358 скончался Кн. Іоаннъ Андреевичь. (По *Ник. Лът.* у Кн. Михаила Александровича Тверскаго родился сынъ Иванъ и преставился другой сынъ Александръ въ монастырѣ Софійскомъ у бабушки его, Княгини Софіи).

(356) Абульгази пишетъ, что съ жизнію Бердибека пресѣкся родъ Мангу-Тимура, и на тронѣ Капчакскомъ сѣли другіе потомки Чингисханова сына Туши. — О сыновьяхъ Кульпы см. *Троиц. Лът.* — О смерти Кульпы см. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 461.

(357) См. *Ник. Лът.*, гдѣ именно сказано, что Царь Наврусъ (а не Хидырь) отдалъ Великое Княженіе Димитрію Суздальскому: съ чѣмъ согласенъ и *Троицк. Лът.* — Димитрій Константиновичь былъ праправнукъ Ярослава Всеволодовича, а Димитрій Московскій сынъ его праправнука.

(358) См. *Ростов. Лът.*

(359) Кн. Іоаннъ Александровичь Смоленскій преставился въ 1359 г.: тогда же Ольгердъ подступилъ къ Смоленску и взялъ Мстиславль, а сынъ его, Андрей, Ржевъ, въ обоихъ городахъ оставивъ своихъ Намѣстниковъ. Бѣлый уже принадлежалъ Липовцамъ.

(360) См. *Троицк. Лът.* — Димитрій Галицкій былъ сынъ Ивана Давидовича, правнука Ярослава II. — Князья выѣхали изъ Орды въ 1360 г. — Въ *Троицк.*: «тое же зимы (въ 1360) взведоша изъ Орды посла

«*Жукотницы* о разбойницѣхъ, и бысть всѣмъ Кня-«земъ съѣздъ на Костромѣ, и выдаша разбойниковъ, «а посла отпустиша въ Орду.» Въ *Никонов.*: «Кня-«зи Жукотинстіи биша челомъ Царю, дабы Царь «оборонилъ себя и ихъ.» Болгарскій городъ *Жукотинъ* существовалъ близъ устья Камы, въ Лаишевской Округѣ, гдѣ еще видны остатки древнихъ укрѣпленій.

(361) Двоюроднаго брата Димитріева, который родился уже по смерти отца въ 1353 г. Сей походъ былъ зимою. Димитрій Константиновичь ушелъ изъ Переславля въ Владиміръ и въ Суздаль. Димитрій Іоанновичь, сѣвъ на престолѣ Владимірскомъ, жилъ тамъ 3 недѣли.

Маловажные случаи княженія Димитрія Константиновича: Въ 1360 г. (по *Никон. Лът.*) Тверскій Епископъ Ѳеодоръ оставилъ Епископію и заключился въ Опрочѣ монастырѣ. Въ 1361 Алексій Митрополитъ (по *Никон. Лът.*) поставилъ въ Твери Спасскаго Игумена Василія на мѣсто Епископа Ѳеодора.

Конецъ Примѣчаній IV Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ
IV ТОМА.

ГЛАВА I.
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ II ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Стран.

Бодрость Ярослава. Свойства Георгія. Освобожденіе Смоленска. Междоусобія. Батый опустошаетъ южную Россію. Красота Кіева. Великодушіе гражданъ. Осада и взятіе Кіева. Состояніе Россіи. Причина успѣховъ Батыевыхъ. Свойства и оружіе Моголовъ. Происшествія въ западной Россіи. Спѣсь Венгерскаго Короля. Слава Александра Невскаго. Россія въ подданствѣ Моголовъ. Кончина и свойства Ярослава. Убіеніе Михаила. Даніилъ чествимый въ Ордѣ. Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ. Политика Даніилова. Даніилъ Король Галицкій. 1.

Г. 1238 — 1247.

ГЛАВА II.
ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ СВЯТОСЛАВЪ ВСЕВОЛОДОВИЧЬ, АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧЬ и АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

Александръ въ Ордѣ. Князь Московскій убитъ Липвою. Дряхлость Батыева. Посольство изъ Рима. Болѣзнь Александрова. Посольство въ Норвегію. Бѣгство Андреево. Благоразуміе Александра. Вѣтреность Новогородцевъ. Смерть Батыева. Исчисленіе жителей въ Россіи. Казнь Бояръ. Покушеніе Даніилово свергнуть иго. Откупщики Бесерменскіе. Кончина и добродѣтели Александровы. Выходцы изъ чужихъ земель. Мятежи въ Ордѣ . . . . . 61.

Г. 1247 — 1263.

Глава III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Спран.

Древнѣйшая грамота Новогородская. Бракъ Ярославовъ. Мятежи въ Литвѣ. Война въ Ливоніи. Баскаки. Упреки Великому Князю. Миръ Новогородцевъ съ Ярославомъ. Татары принимаютъ Вѣру Магомепову. Кончина Ярослава. Перемѣны въ Удѣлахъ. Князь Ѳеодоръ зять Хановъ. Смерть и добродѣтели Короля Даніила. Происшесптвія въ западной Россіи. Основаніе Кафы. Городъ Крымъ . . . . . 90.

Г. 1263 — 1272.

Глава IV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Споръ о Новогородскомъ Княженіи. Моголы идутъ на Литву. Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ; Кончина Василія. Соборъ . . . . . 116.

Г. 1272 — 1276.

Глава V.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЬ.

Состояніе Россіи. Россіяне въ Дагестанѣ. Коporье. Ссора Князей Ростовскихъ. Междоусобіе въ Великомъ Княженіи. Бѣдствіе Курской области. Независимость Тверскаго Княженія. Опустошеніе Россіи. Кончина Димитріева. Неустройства въ Новѣгородѣ. Дѣла съ Нѣмцами и Шведами. Набѣги Литвы. Дѣла съ Польшею. Кончина Кн. Владиміра Волынскаго. Добродѣтели Кирилла Митрополита. Смерть Ногаева . . . 123.

Г. 1276 — 1294.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЬ.

Стран.

Браки. Свойства Андреевы. Судъ Князей. Сеймы Княжескіе. Москва усиливается. Смѣлость Россіянъ. Смерть Даніила Московскаго. Междоусобія въ Княженіяхъ. Война съ Орденомъ Ливонскимъ. Кончина и слава Довмонтова. Ландскрона. Миръ съ Даніею. Смерть Андреева. Разныя бѣдствія. Митрополиты въ Владимірѣ. Кончина Льва Галицкаго. Двинская грамота . . . 151.

Г. 1294 — 1304.

ГЛАВА VII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Споръ о Великомъ Княженіи. Злодѣйство Князя Московскаго. Дѣла Новогородскія. Узбеки. Мужество Новогородцевъ. Георгій зять Хановъ. Умѣренность и добродушіе Михаила. Побѣда надъ Тапарами. Судъ въ Ордѣ. Пышная забава Ханская. Великодушная кончина Михаилова. Городъ Маджары. Разбой Моголовъ. Петръ Митрополитъ. Ярлыкъ Ханскій. Разныя бѣдствія. 166.

Г. 1304 — 1319.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ ГЕОРГІЙ ДАНИЛОВИЧЬ, ДИМИТРІЙ и АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧИ

Горесть Тверитянъ. Рубли. Война съ Шведами. Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими. Миръ съ Шведами въ Орѣховѣ. Князья Устюжскіе. Убіеніе Георгія и Димитрія. Истребленіе Моголовъ въ Твери. Мщеніе Ханское. Казнь Рязанскаго Князя. Литовцы завоеватели. Сомнительное повѣствованіе Спиридовскаго. Судьба южной и западной Россіи. Послѣдній Князь Галицкій. Характеръ Гедимина . . . . . 191.

Г. 1319 — 1328.

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ ДАНІЛОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ КАЛИТА.

Стран.

Сѣверная Россія отдыхаетъ. Москва глава Россіи. Предсказаніе Митрополита. Милость Хана къ Іоанну. Великодушіе Псковитянъ. Особенный Епископъ во Псковѣ. Происшествія Новогородскія. Закамское серебро. Политика Новагорода. Ханъ прощаетъ Александра. Іоаннъ повелѣваетъ Князьями. Несчастіе Александра. Миръ съ Норвегіею. Непріязнь Шведовъ. Разбои Литовскіе. Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ. Походъ къ Смоленску. Кончина и достоинства Іоанновы. Прозваніе Калиты. Кремникъ. Торгъ на Мологѣ. Завѣщаніе Великаго Князя. Ярославская грамота. Судьба Галича. . . . . 211.

Г. 1328 — 1340.

ГЛАВА X.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СИМЕОНЪ ІОАННОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ ГОРДЫЙ.

Корыстолюбіе Моголовъ. Твердость Симеона. Свойства Ольгердовы. Сношенія Папы съ Ордою. Убіеніе Коротопола. Дѣла Псковскія и Новогородскія. Постыдное дѣло Новогородцевъ. Война съ Магнусомъ. Псковъ братъ Новагорода. Хитрость Ольгердова. Браки. Раздѣлъ западной Россіи. Ссора Псковитянъ съ Литвою. Ольгердъ миротворецъ. Черная Смерть. Земный рай. Бѣлый клобукъ. Кончина Симеона. Великій Князь *всея Руси*. Привидѣніе. Завѣщаніе. Св. Алексій. Ссоры Удѣльныхъ Князей. Обновленіе Мурома. Начало Троицкой Лавры. Художества въ Россіи . . 248.

Г. 1340 — 1353.

ГЛАВА XI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ II ІОАННОВИЧЬ.

Стран.

Характеръ Великаго Князя. Жестокость Олегова. Властолюбіе Ольгерда. Междоусобія. Дѣйствія духовной власти въ Новѣгородѣ. Убійство въ Москвѣ. Дѣла церковныя. Добродѣтели Св. Алексія. Слова юнаго Димитрія. Смерть и завѣщаніе Великаго Князя. Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго . . . 279.

Г. 1353 — 1359.

ГЛАВА XII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЬ.

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Наслѣдственное право. Пріобрѣтенія Ольгердовы. Мятежи въ Ордѣ. Судъ Князей съ Болгарами. Москва удерживаетъ право Великаго Княженія. Опрокъ Димитрій. . . . . 292.

Г. 1359 — 1362.